

ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Ю. Н. Старилов, д-р юрид. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., Д. В. Костин, д-р физ.-мат. наук, доц.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ. мат. наук, доц. Члены совета: В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., С. А. Куролап, д-р геогр. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., А. А. Сирота, д-р техн. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., С. А. Шабров, д-р физ.-мат. наук, доц.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, проф.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р филос. наук, проф. Члены редколлегии: А. В. Сосновский, д-р гуманитарных наук, проф. (г. Берлин, Германия); Б. Я. Мисонжников, д-р филос. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филос. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); И. А. Меркулова, д-р филос. наук, доц.; В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); Т. А. Тернова, д-р филос. наук, доц.; Г. Ф. Ковалев, д-р филос. наук, проф.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.4. - Фольклористика (филологические науки), 5.9.9 – Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Адрес редакции,
издателя: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvvtul@mail.ru
Тел.: +7 (473) 274-52-71

© Воронежский государственный университет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Азизова С. В. СОН И СМЕРТЬ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН».....	5
Алейников О. Ю., Бердникова О. А. «ПОГОВОРИМ О ЖИЗНИ, О ТВАРДОВСКОМ». ИЗ ИСТОРИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ	9
Бекулова Ж. С., Ханбалаева С. Н. НАРОДНАЯ МУДРОСТЬ И ФИЛОСОФИЯ АВТОРА В ЭССЕИСТИКЕ КАЙСЫНА КУЛИЕВА.....	13
Бердникова О. А., Голицына Т. Н. «ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ» В КРАТКИХ РАССКАЗАХ И. А. БУНИНА КОНЦА 1920-Х — НАЧАЛА 1930-Х ГОДОВ.....	18
Васильева М. Н., Васильева О. Н. АЛЛЮЗИИ В СИЛЬНЫХ ТЕКСТОВЫХ ПОЗИЦИЯХ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА В. С. МАКАНИНА «АНДЕГРАУНД, ИЛИ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»)	23
Викторина Т. В., Воробьева М. А. РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛОВА ЖИВОЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	27
Кань Вэньфэн. СПЕЦИФИКА ОБРАЗА ПРАВЕДНИКА В ПОВЕСТИ Т. В. ШИПОШИНОЙ «ПОЛИГОН»	31
Кузьменко П. Б. ЗНАЧЕНИЕ КАЖИМОСТИ, ВЫРАЖАЕМОЕ СОЧЕТАНИЕМ ГЛАГОЛА «КАЗАТЬСЯ» С ФАЗОВЫМИ ГЛАГОЛАМИ	35
Ангелика Молнар. ВЕСНА И ВОДА КАК СИМВОЛЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»	38
Пращерук Н. В. «НАМ ПРИХОДИТСЯ БЫТЬ НА ВОЙНЕ...»: О ПОВЕСТИ ВАЛЕРИИ ТРОИЦКОЙ «ДОНЕЦКОЕ МОРЕ»	43
Скрипникова Т. И. ОТ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ К МОДЕРНИСТСКОЙ ИРОНИИ: АНЕКДОТИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА 1920-Х ГОДОВ.....	47
Тихонова О. В. «МЫ САМИ СВОИМИ РУКАМИ СОЗДАЛИ МИР, В КОТОРОМ НАШИМ ДЕТАМ БОЛЬНО»: ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТА В ДРАМЕ Т. ЯНССОНА «НА ПРИВЯЗИ»	53
Толчеева Е. А. К ВОПРОСУ О ДИАЛОГИЗМЕ ПРОЗЫ И. С. ТУРГЕНЕВА: НА МАТЕРИАЛЕ ОЧЕРКОВОГО РАССКАЗА «ЕРМОЛАЙ И МЕЛЬНИЧИХА» (1847).....	58
Черноусова И. П. КОНЦЕПТ ЭКОНОМИКА В БЫЛИННОЙ КАРТИНЕ МИРА	62
Чжан Сяохуэй, Купцова А. В. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИЕМЫ В ЗАГЛАВИЯХ РАССКАЗОВ В. Ю. ДРАГУНСКОГО	67
Чурикова Е. И. К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ИДИОЛЕКСИКОНА НА РАЗВИТИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.....	71

ЖУРНАЛИСТИКА

Баканов Р. П. КОМПОЗИЦИОННОЕ И ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПУБЛИКАЦИЙ ТЕЛЕКРИТИКА СЕРГЕЯ КАЗНАЧЕЕВА	75
Гладышева С. Н. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСРЕДНИК»: СЛУЖЕНИЕ ДЕЛУ ПРОСВЕЩЕНИЯ.....	79
Горохов М. Ю. СЛИЯНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ МЕДИАСРЕДЫ	83
Дементьева К. В., Краснова А. А. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРЕСС-СЛУЖБ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ.....	87
Денисова И. Н. РАБОТА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ФОТОГРАФОВ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	90
Любимов А. А. МОНОПОЛИЗАЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ МЕДИА И РАСТУЩАЯ НЕОБЪЕКТИВНОСТЬ В ЭПОХУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНГАЖИРОВАННОСТИ.....	95
Мариева Е. А. МЕДИАКОММУНИКАЦИЯ ВЛАСТИ С НАСЕЛЕНИЕМ В НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ	98
Миндалин А. Е. НИШЕВЫЕ МЕДИАКАНАЛЫ КАК УЗКОСЕКМЕНТИРОВАННЫЙ КОНТЕНТ ИНФОРМАЦИОННО-СМЫСЛОВЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ АУДИТОРИИ.....	104
Сухроби Мирзоали. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО РАДИОВЕЩАНИЯ НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ	107
Мищенко А. Н., Сегал Н. А. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «КИНО» В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ К/Ф «МОСКВА СЛЕЗАМ НЕ ВЕРИТ»).....	112
Мищенков И. С. РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СФЕРЕ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ	115
Мухина О. С. МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ТРУДА ЖУРНАЛИСТА ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ.....	118
Незговорев С. В. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РУССКОГО СЕВЕРА В ВИЗУАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ.....	121
Онуприенко К. А. ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЭФИРНОГО И ОНЛАЙН-ТЕЛЕВИДЕНИЯ НА МИРОВОЗЗРЕНИЕ МОЛОДЕЖИ	126
Попов С. А. О РОЛИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОГО ТОПОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	132
Радионцева Е. С. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО НАРРАТИВА: МЕДИАЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ПРИЗМЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ.....	136
Сергеев А. А. КИБЕРСПОРТ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЫ.....	142
Сидоров В. А. ЛОКУСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА	146
Сумин А. Е. НЕЙРОСЕТИ В СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОНФЛИКТАХ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ.....	153
Чаплыгина Е. А. ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ФОТООБЪЕДИНЕНИЯ ВОРОНЕЖА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА	156
Чэнь Сюе. О ЯЗЫКОВОЙ СТРАТЕГИИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА.....	159
Шашкова Е. В. МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ.....	164
Шэнь Инь, Стровский Д. Л. ОБРАЗ КОМПАРИИ КИТАЯ (КПК) В РОССИЙСКИХ СМИ: НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПРЕССЫ.....	168

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Тулупов В. В. «КОММУНИКАЦИОННЫЕ НАУКИ»: ЗА И ПРОТИВ	176
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	179

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2025. № 4. October – December

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Azizova S. V.</i> SLEEP AND DEATH IN A. PLATONOV'S STORY "THE FOUNDATION PIT"	5
<i>Aleinikov O. Yu., Berdnikova O. A.</i> "LET'S TALK ABOUT LIFE, ABOUT TVARDOVSKY." FROM THE HISTORY OF THE VORONEZH PHILOLOGICAL SCHOOL.....	9
<i>Bekulova Zh. S., Khanbalaeva S. N.</i> FOLK WISDOM AND PHILOSOPHY OF THE AUTHOR IN THE ESSAYS OF KAISYN KULIEV	13
<i>Berdnikova O. A., Golitsyna T. N.</i> "POSSIBLE WORLDS" IN I.A. BUNIN'S SHORT STORIES FROM THE LATE 1920-S – EARLY 1930-S.....	18
<i>Vasilyeva M. N., Vasilyeva O. N.</i> ALLUSIONS IN STRONG TEXTUAL POSITIONS (BASED ON V. S. MAKANIN'S NOVEL "UNDERGROUND, OR A HERO OF OUR TIME").....	23
<i>Viktorina T. V., Vorobyova M. A.</i> REALIZING THE SEMANTIC POTENTIAL OF THE WORD ALIVE IN RUSSIAN	27
<i>Kan Wenfeng.</i> THE SPECIFICS OF THE IMAGE OF THE RIGHTEOUS IN T. V. SHIPOSHINA'S STORY "POLYGON"	31
<i>Kuzmenko P. B.</i> THE MEANING OF SEEMINGNESS EXPRESSED BY THE COMBINATION OF THE VERB "TO SEEM" WITH PHASE VERBS.....	35
<i>Molnar Angelika.</i> SPRING AND WATER AS REVIVAL SYMBOLS IN LEO TOLSTOY'S NOVEL "ANNA KARENINA"	38
<i>Prashcheruk N. V.</i> "WE HAVE TO BE AT WAR...": ON VALERIA TROITSKAYA'S STORY "THE DONETSK SEA"	43
<i>Skripnikova T. I.</i> FROM REALIST TO MODERNIST IRONY: ANECDOTES IN THE WORKS OF I. A. BUNIN IN THE 1920S... ..	47
<i>Tikhonova O. V.</i> "WE OURSELVES, WITH OUR OWN HANDS, CREATED A WORLD IN WHICH OUR CHILDREN ARE IN PAIN": THE CHARACTERISTICS OF CONFLICT IN T. JANSSON'S DRAMA "ON A LEASH"	53
<i>Tolcheeva E. A.</i> TO THE QUESTION OF THE DIALOGISM OF I.S. TURGENEV'S PROSE: ON THE MATERIAL OF THE ESSAY "YERMOLAI AND THE MILLER'S WIFE" (1847).....	58
<i>Chernousova I. P.</i> THE ECONOMY CONCEPT IN THE EPIC TALE PICTURE F THE WORLD	62
<i>Zhang Xiaohui, Kuptsova A. V.</i> ARTISTIC TECHNIQUES IN THE HEADINGS OF V. YU. DRAGUNSKY'S STORIES	67
<i>Churikova E. I.</i> ON THE INFLUENCE OF IDIOLEXICON ON THE DEVELOPMENT OF THE VOCABULARY OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE	71

JOURNALISM

<i>Bakanov R. P.</i> COMPOSITIONAL AND LEXICAL-STYLISTIC ORIGINALITY OF THE PUBLICATIONS OF THE TELEVISION CRITIC SERGEY KAZNACHEYEV	75
<i>Gladysheva S. N.</i> «POSREDNIK» PUBLISHING HOUSE: SERVING THE CAUSE OF ENLIGHTENMENT	79
<i>Gorohov M. Y.</i> MERGING OF TRADITIONAL AND CITIZEN JOURNALISM AS A FACTOR IN THE FORMATION OF A NEW MEDIA ENVIRONMENT	83
<i>Dementieva K. V., Krasnova A. A.</i> PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF PRESS SERVICES OF RUSSIAN UNIVERSITIES	87
<i>Denisova I. N.</i> THE WORK OF RUSSIAN PHOTOGRAPHERS DURING THE ARMED CONFLICTS OF THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY: THE HISTORICAL ASPECT OF THE ORGANIZATION OF PROFESSIONAL ACTIVITY	90
<i>Lyubimov A. A.</i> MONOPOLIZATION OF GLOBAL MEDIA AND GROWING BIAS IN THE ERA OF POLITICAL ENGAGEMENT	95
<i>Marieva E. A.</i> MEDIA COMMUNICATION BETWEEN THE GOVERNMENT AND THE POPULATION IN THE NOVGOROD REGION	98
<i>Mindalin A. E.</i> NICHE MEDIA CHANNELS AS NARROWLY SEGMENTED CONTENT OF INFORMATIONAL AND SEMANTIC NEEDS OF THE AUDIENCE	104
<i>Sukhrabi Mirzoali.</i> FEATURES OF MODERN INTERNATIONAL BROADCASTING IN PERSIAN	107
<i>Mishchenko A. N., Segal N. A.</i> THE PRECEDENT PHENOMENA WITH THE «CINEMA» SOURCE SPHERE IN THE RUSSIAN-LANGUAGE MEDIA (USING THE EXAMPLE OF THE FILM «MOSCOW DOES NOT BELIEVE IN TEARS»)	112
<i>Mishchenkov I. S.</i> DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COMMUNICATIONS IN THE SPHERE OF PUBLIC RELATIONS	115
<i>Mukhina O. S.</i> MULTIFUNCTIONALITY OF WORK A DIGITAL AGE JOURNALIST	118
<i>Nezgovorov S. V.</i> LITERARY PORTRAIT AS A WAY TO CREATE THE IMAGE OF THE RUSSIAN NORTH IN VISUAL JOURNALISM	121
<i>Onuprienko K. A.</i> THE INFLUENCE OF MODERN BROADCAST AND ONLINE TELEVISION ON THE WORLDVIEW OF YOUTH	126
<i>Popov S. A.</i> ON THE ROLE OF MASS MEDIA OF THE VORONEZH REGION IN THE COVERAGE OF THE LOCAL TOPONYMIC SPACE AND THE FORMATION OF REGIONAL IDENTITY	132
<i>Radontseva E. S.</i> REPRESENTATION OF A MULTIMEDIA NARRATIVE: THE MEDIA-AESTHETIC ASPECT IN THE LIGHT OF TECHNOLOGICAL FEATURES	136
<i>Sergeev A. A.</i> ESPORTS IN THE CONTEXT OF MODERN MEDIA CULTURE	142
<i>Sidorov V. A.</i> LOCI OF HISTORICAL MEMORY IN THE JOURNALISM OF ZAKHAR PRILEPIN	146
<i>Sumin A. E.</i> NEURAL NETWORKS IN MODERN INFORMATION CONFLICTS: REGIONAL PRACTICES AND NEW CHALLENGES	153
<i>Chaplygina E. A.</i> CHILDREN'S AND YOUTH PHOTO ASSOCIATIONS OF VORONEZH IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY	156
<i>Chen Xue.</i> ABOUT THE LANGUAGE STRATEGY OF A DOCUMENTARY FILM	159
<i>Shashkova E. V.</i> MEDICAL DISCOURSE OF THE DOMESTIC TELEVISION	164
<i>Shen Yin, Strovsky Dmitry L.</i> THE COMMUNIST PARTY OF CHINA IN THE RUSSIAN MEDIA LANDSCAPE: PECULIARITIES OF COVERAGE	168

SCIENTIFIC LIFE

<i>Tulupov V. V.</i> "COMMUNICATION SCIENCES": PROS AND CONS	176
SUBMISSION GUIDELINES	179

СОН И СМЕРТЬ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»

С. В. Азизова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 ноября 2025 г.

Аннотация: целью данной статьи является рассмотрение понятий «сон» и «смерть» в повести А. Платонова «Котлован». Эти пограничные пространства не только организуют самобытную философскую мысль писателя о бытии, но также имеют отражение и развитие в рамках его уникального художественного мира.

Ключевые слова: А. Платонов, «Котлован», повесть, сон, смерть, экзистенциализм.

Abstract: the aim of this article is to examine the concepts of “dream” and “death” in A. Platonov’s novella “The Foundation Pit”. These liminal spaces not only organize the author’s distinctive philosophical thought on the being but are also reflected and developed with the framework of his unique artistic world.

Keywords: A. Platonov, “The Foundation Pit”, novella, dream, death, existentialism.

Художественный мир в повести А. Платонова «Котлован» (1930) представляет уникальное явление в литературе 1930-х годов. Обращаясь к теме социалистического строительства, писатель формирует утопическое пространство, в котором идеологическая установка на успешную реализацию производственного проекта Общепролетарского дома не получает своего завершения как в повести, так и в исторической реальности, открывая пространство для философской рефлексии о бытии.

Пространственно-временная организация в «Котловане» осложнена пограничным хронотопом. Отмеченная «разомкнутость» времени [1, 194] и нарушение границ между жизнью, сном и смертью демонстрирует диалог между умирающей дочерью владельца кафельно-изразцового завода и ее ребенком Настей:

— А ты не заснешь и не уйдешь от меня? — спросила она у дочери.

— Нет, я уж спать теперь расхотела. Я только глаза закрою, а думать все время буду о тебе: ты же моя мама ведь! [2, 102].

Несмотря на отсутствие развернутых описаний сновидений, в повествовании акцентируется их семантическая и эмоциональная многозначность от ощущения надежды до предчувствия смерти «в глинистой могиле» [2, 99]. Сны в «Котловане» также становятся маркером глубинных переживаний героев. Так, в повести наблюдаются «редкие слезы — от сновидения или неизвестной тоски» [2, 82].

Если, по наблюдению З. Фрейда, сны возникают как проявление внутреннего раздражителя, связанного с вытесненным и недоступным ему знанием [3, 107], то в художественном мире А. Платонова зна-

чимым оказывается не столько скрытый импульс, сколько конкретный объект воспоминания, с которым возможно установление или, напротив, утрата коммуникации. Расстройство сна у Прушевского связано с нарушением встречи, так как он «кого-то утратил» [2, 93]. Поэтому воспоминания выступают не только как основа для формирования сновидения, но и как свидетельство сохранения связи, что обнаруживается, например, в отношении Насти к Чиклину: «...Настя часто видела Чиклина во сне и даже не хотела спать, чтобы не мучиться на утро, когда оно настанет без него» [2, 142].

Вместе с тем сон обладает потенциалом символического воскрешения, что реализуется посредством воспоминаний об образе ушедшего. Так, в диалоге Насти с умирающей матерью память функционирует как основа устойчивой внутренней связи, продолжающей бытие умершего в сознании живого:

— Мама, а отчего ты умираешь — оттого что буржуйка или от смерти?..

— Мне стало скучно, я умиралась, — сказала мать.

— Потому что ты родилась давно-давно, а я нет, — говорила девочка. — Как ты только умрешь, то я никому не скажу, и никто не узнает, была ты или нет. Только я одна буду жить и помнить тебя в своей голове... [2, 103].

Чиклин, заметив «буржуйку» и поцеловав ее, пытается определить, та ли это женщина, поцеловавшая его ранее в усадьбе, где он нашел ее снова. Поцелуй здесь воспринимается как символ платонической любви, которая в художественном мире А. Платонова ценится выше физической: «Спустившись в убежище женщины, Чиклин наклонился и поцеловал ее вновь.

— Она же мертвая! — удивился Прушевский.

— Ну и что ж! — сказал Чиклин. — Каждый человек мертвым бывает, если его замучивают. Она ведь тебе нужна не для житья, а для одного воспоминанья» [2, 107].

Душа в художественном мире А. Платонова также подчеркнуто ставится выше классовой принадлежности, что противоречит господствующей в литературе 1930-х гг. идеологической парадигме. Смерть не является для Насти трагедией, поскольку она помнит свою мать и будет видеть ее в своих снах. Однако во время болезни она ощущает скуку и просит Чиклина отнести ее к матери или принести ее останки. Примечательно, что физический облик для героев А. Платонова не имеет значения. Чиклину приходится разломать весь скелет матери девочки на отдельные кости, чтобы Насте было удобно спать с ними. Для героини обретает важность принадлежность объектов, которые дополняют утраченное для души тело: «Настя сильно обрадовалась материнским костям; она их по очереди прижимала к себе, целовала, вытирала тряпочкой и складывала в порядок на земляном полу» [2, 168].

В художественном мире А. Платонова смерть воспринимается и как возможность сделать выбор, что также близко точке зрения мыслителя Э. М. Чорана. Философ, рассматривая смерть как коренную проблему для жизнелюбия, приходит к выводу, что возможность самоубийства «всегда приносит свободу, оно — высшее экстренное спасение» [4, 72]. Однако у А. Платонова смерть — это путь не к абсолютной свободе, не безвозвратный переход в инобытие, а к возрождению. Так, Чиклин высказывает мысль о том, что «все мертвые, это люди особенные» [2, 119], которым в пространстве смерти «нескучно меж собой» [2, 107]. Не менее важным является и комментарий из записной книжки А. Платонова, утверждающий мысль о возрождении: «Мертвецы в котловане — это семя будущего в отверстии земли» [5, 43].

В «Котловане» примечательным является мотив гроба. Исследователи замечают, что в повести «почти все его герои-мастера заняты (наряду с механизмами и паровозами) изготовлением гробов и приготовлением к смерти» [6, 181]. Помимо метафизического смысла этого мотива, в сюжете «Котлована» неожиданно появляется заготовка мужиками гробов «впрок»: «У нас каждый и живет оттого, что гроб свой имеет: он нам теперь цельное хозяйство!» [2, 112] — объясняет мужик Елисей, упрекая строителей, что они отобрали их гробы, заготовленные «по самообложению». В контексте 1930-х годов «самообложение» — это вид местного налога, направляемого на местные нужды. Устанавливался он в каждом селении по усмотрению властей. Горькая ирония, отмеченная А. Платоновым, заключается в том, что оставшиеся в окрестных селах единоличники владеют лишь собственными гробами, заготовленными ими же. Т. А. Никонова по этому поводу за-

мечает, что повесть «Котлован» отражает не только метафизическую проблематику, но и историческую реальность: установка Сталина на то, «чтобы “индивидуалу в смысле усадебного личного хозяйства жилось бы хуже”, была выполнена с убийственной точностью» [7, 151].

Пограничным пространством является также и вырытый героями котлован. Его семантику исследователи определяют в повести по-разному. Приведем некоторые точки зрения. Котлован рассматривается как символ «загробного царства» [8, 176], «утроба» [9, 58], «всепожирающая яма» [10, 27], а также как «рана» на теле Земли, над которой должна быть проведена хирургическая операция, чтобы освободить героев от смерти [11, 161]. Котлован также становится своего рода могилой, где хоронят Настю.

Смерть ребенка становится кульминационным моментом в повести А. Платонова. Для некоторых героев Настя умирает не как живое существо, а как навязанная идеологами идея, которая не оправдала их надежды, что «коммунизм — это детское дело» [2, 171]. При этом осознание смерти ребенка открывает философу Воцеву глаза на сущность утраченной им истины о любви к ближнему и ценности человеческой жизни, а не абстрактной концепции: «Воцев согласился бы снова ничего не знать и жить без надежды в смутном вожделении тщетного ума, лишь бы девочка была целой, готовой на жизнь, хотя бы и замучилась с течением времени. Воцев поднял Настю на руки, поцеловал ее в распавшиеся губы и с жадностью счастья прижал ее к себе, найдя больше того, чем искал» [2, 170—171].

Исследователи предлагают различные интерпретации финала повести «Котлован». Рассматривается как влияние философии Н. Ф. Федорова об утопическом воскрешении людей, изложенной в труде «Философия общего дела» (1912) [12; 13], так и противопоставление его идеям, так как «Платонов не утверждает, что человек способен спасти себя. Он задается вопросом и сомневается» [14, 296]. Обнаруживается параллель с поэмой А. Данте «Божественная комедия» (1321) в утверждении мысли о надежде [15, 90], а также с крахом Вавилонской башни из Книги Бытия Ветхого Завета [8; 10]. Религиозно-философскую интерпретацию финала «Котлована» как повесть о надежде предлагает К. Н. Крючков. Он обращается к Евангелию и выявляет подтекст мотива воскресения Насти, на что указывают освящение фундамента, похороны на третий день, а также имя девочки, которое с греческого трактуется как возвращение к жизни, возрождение [16, 134]. В монологе Воцева К. Н. Крючков также отслеживает размышление об ипостасной истине и жертвенном служении: «Потому-то Воцев, даже застав Настю умершей, прижимает ее к себе “с жадностью счастья” и находит “больше того, чем искал”, а мед-

ведь, ранее получивший от Насти новое имя, прикасается к ней на прощание, завершая тем свое преображение» [16, 128].

Особый интерес в контексте темы воскрешения представляет диалог Платона «Федон» (в 360-х гг. до н.э.), в котором изображается предсмертная беседа Сократа с его учениками. Исходя из аналогии между сном и бодрствованием, где существуют переходы: «засыпание» и «пробуждение», философ стремится обнаружить аналогичные переходы между жизнью и смертью, формулируя идею о взаимосвязи «умирания» и «оживания», приходя к мысли о бессмертии души: «Раз наша душа существовала ранее, то, вступая в жизнь и рождаясь, она возникает неизбежно и только из смерти, из мертвого состояния. Но в таком случае она непременно должна существовать и после смерти: ведь ей предстоит родиться снова» [17, 32]. Обращение к диалогу античного мыслителя обусловлено тем, что в художественном мире А. Платонова герои также не воспринимают смерть как окончательное небытие. Она не равнозначна исчезновению, а содержит в себе потенциал возвращения.

В записях разных лет А. Платонова обнаруживается фраза: «Очень важно. Конечно, лишь мертвые питают живых во всех смыслах. Бог есть — покойный человек, мертвый» [5, 272]. Цитата Ф. Ницше из первой записной книжки писателя 1921 г. («Бог умер, теперь хотим мы, — чтобы жил сверхчеловек» [5, 17]) задает центральный конфликт антирелигиозной эпохи, который А. Платонов решает иначе. Если у Ф. Ницше освободившееся место Бога занимает «сверхчеловек», то у А. Платонова факт смерти Бога означает не иерархическую волю к власти, а конец религиозной идейности и наступление всеобщего онтологического равенства людей в бытии, сиротстве и перед лицом смерти. Эта философская мысль отражена в его статье «Христос и мы» (1920). В ней А. Платонов пишет: «Люди видели в Христе бога, мы знаем его как своего друга.

Не ваш он, храмы и жрецы, а наш. Он давно мертв, но мы делаем его дело — и он жив в нас» [18, 28].

Таким образом, в повести А. Платонова «Котлован» сон и смерть выступают не только важными структурными компонентами, формирующими хронотоп и мироощущение героев, но и ключевыми элементами его философии. А. Платонов является выдающимся писателем, сумевшим создать такую собственную художественную систему, «внутренне замкнутую и обладающую собственными закономерностями» [19, 79], которую Д. С. Лихачев определял как подлинную литературу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пастушенко Ю. Поэтика смерти в повести «Котлован» / Ю. Пастушенко // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 2. По материа-

лам конференции, посвященной 95-летию со дня рождения А. П. Платонова. 17—19 октября 1994 года. — М.: Наследие, 1995. — С. 191—197.

2. Платонов А. Сочинения. Т. 4. 1928—1932. Кн. 1. Повести / А. Платонов; гл. ред. Н. В. Корниенко; редкол.: Е. В. Антонова [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 653 с.

3. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ и Новый цикл / З. Фрейд; под общ. ред. М. Б. Аграчевой, А. М. Боковой, Е. С. Калмыковой; пер. с нем. на рус. яз. М. В. Вульфа, Н. А. Алмаева. — М.: Фирма СТД, 2003. — 607 с.

4. Чоран Э. М. После конца истории: Философская эссеистика / Э. М. Чоран // Пер. с франц.; Предисл., биогр. справка Б. Дубина. — СПб.: Симпозиум, 2002. — 544 с.

5. Платонов А. П. Записные книжки: материалы к биографии / А. П. Платонов; сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Н. В. Корниенко; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — 2-е изд. М.: ИМЛИ, 2006. — 418 с.

6. Касаткина Е. «Прекращение вечности времени» или страшный суд в Котловане (Апокалиптическая тема в повести «Котлован») / Е. Касаткина // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 2. По материалам конференции, посвященной 95-летию со дня рождения А. П. Платонова. 17—19 октября 1994 года. — М.: Наследие, 1995. — С. 181—190.

7. Никонова Т. А. Андрей Платонов в диалоге с миром и социальной реальностью: Монография / Т. А. Никонова. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. — 220 с.

8. Бодин П.-А. Загробное царство и Вавилонская башня. О повести Платонова «Котлован» / П.-А. Бодин // Классицизм и модернизм. — Tartu, 1994. — С. 168—183.

9. Карасев Л. В. Движение по склону. О сочинениях А. Платонова / Л. В. Карасев. — М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2002. — 140 с.

10. Гюнтер Х. По обе стороны от утопии: Контексты творчества А. Платонова / Х. Гюнтер. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 208 с.

11. Баршт К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова / К. А. Баршт. — 2-е изд., дополн., — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. — 480 с.

12. Дужина Н. И. Путеводитель по повести А. П. Платонова «Котлован»: учебное пособие / Н. И. Дужина. — М.: Издательство МГУ, 2010. — 184 с.

13. Золотоносов М. Н. Ложное солнце («Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х годов) / М. Н. Золотоносов // Вопросы литературы, 1994 — № 5. — С. 3—43.

14. Вьюгин В. Ю. Андрей Платонов: поэтика загадки (Очерк становления и эволюции стиля) / В. Ю. Вьюгин. — СПб.: РХГИ, 2004. — 440 с.

15. Харитонов А. А. Архитектоника повести А. Платонова «Котлован» / А. А. Харитонов // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. — СПб.: Наука, 1995. — С. 70—90.

16. Крючков К. Н. Финал повести А. Платонова «Котлован» в религиозно-философской перспективе / К. Н. Крючков // Воронежская филологическая школа: Юбилей, на-

учные контакты, современная практика. Сборник научных статей. Вып. 2. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021. — С. 124—134.

17. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2 / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1993. — 528 с.

Воронежский государственный университет

Азизова С. В., аспирант кафедры русской литературы XX—XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: sophiaazizova@gmail.com

18. Платонов А. П. Сочинения. Т. 1. 1918—1927. Кн. 2. Статьи / А. П. Платонов; гл. ред. Е. В. Антонова; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: ИМЛИ РАН, 2004. — 512 с.

19. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения / Д. С. Лихачев // Вопросы литературы. — 1968. — № 8. — С. 74—87.

Voronezh State University

Azizova S. V., Postgraduate Student of the Department of Russian Literature XX—XXI centuries, Theory of Literature and Humanities

E-mail: sophiaazizova@gmail.com

«ПОГОВОРИМ О ЖИЗНИ, О ТВАРДОВСКОМ». ИЗ ИСТОРИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

О. Ю. Алейников, О. А. Бердникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.

Аннотация: статья посвящена одному из направлений воронежской филологической школы — научному восприятию художественно-публицистического творчества А. Твардовского. В центре внимания авторов статьи — значение наследия профессора А. М. Абрамова и профессора В. М. Акаткина для изучения произведений поэта новыми поколениями исследователей и преподавателей русской литературы. Труды литературоведов тесно связаны с развитием отечественной науки и литературной критики. Этим определяется актуальность и научная ценность статьи.

Ключевые слова: воронежская филологическая школа, проф. А. М. Абрамов, проф. В. М. Акаткин, история науки, литературоведение.

Abstract: the article is devoted to one of the areas of the Voronezh School of Philology — the scientific perception of A. Tvardovsky's artistic and journalistic work. The authors focus on the significance of the legacy of Professor A. M. Abramov and Professor V. M. Akatkin for the study of the poet's works by new generations of researchers and teachers of Russian literature. The works of literary scholars are closely related to the development of Russian science and literary criticism. This determines the relevance and scientific value of the article.

Keywords: Voronezh School of Philology, professor A. M. Abramov, professor V. M. Akatkin, History of Science, Literary Studies.

Интерес к художественно-публицистическому и эпистолярному наследию А. Т. Твардовского объединяет воронежских литературоведов разных поколений. Особое место в научно-критическом восприятии творчества выдающегося русского поэта принадлежит профессору А. М. Абрамову (1917—2005), легендарному ученому и литературному критику, много лет читавшему на филологическом факультете ВГУ общий курс истории советской литературы и спецкурс о поэзии Великой Отечественной войны.

Неординарный исследователь и яркий педагог, он не считал возможным передавать студентам и аспирантам «готовые, отвердевшие знания из официальных учебников» [1, 35], учил мыслить самостоятельно, был демократичен и щедр на общение со своими слушателями и всеми, кто искал ответы на вопросы об истории русской поэзии и секретах литературного труда. Благодаря А. М. Абрамову, заведующему кафедрой советской литературы, в Воронежском государственном университете сложилась школа по изучению жизни и творчества Твардовского, открывшая путь в науку многим талантливым выпускникам: Вл. Гусеву, В. Акаткину, В. Кулиничеву, Т. Никоновой, И. Ростовцевой, многим другим.

Анатолий Михайлович принадлежит к поколению фронтовиков. Он начал печататься в 1941-м

году, находясь в действующей армии, но первую свою статью о «Василии Теркине» решил опубликовать в красноармейской газете [2] лишь в 1944-м, когда увидел, что после вынужденного перерыва поэма вышла с восстановленными страницами. Этот знаковый эпизод из научной биографии ученого был предопределен не только обстоятельствами подцензурной эпохи, подробности которых позволяют уточнить обнародованные документы [3, 148], но и силой воздействия на современников жизнеутверждающего текста Твардовского. Позже, размышляя об экзистенциальном значении «Книги про бойца», А. М. Абрамов вспоминал, что в «окопной повседневности эту книгу не только читали — ею жили, она входила в мир раздумий и переживаний миллионов людей» [4, 3].

В статьях, опубликованных в периодике, и на занятиях со студентами литературовед доказывал, что, «по убеждению Твардовского, поэзия рождается из двух источников: из жизни и из искусства, а не из одной лишь поэзии. Не на ренту культуры приходилось поэту рассчитывать, а только на самого себя, постигавшего культуру в процессе творчества» [5]. Как и главный редактор «Нового мира», А. Абрамов считал критерием «подлинности» художественного слова его искренность, «правдивость писательского свидетельства о жизни» [6, 62]. И, говоря об удивительно точных созвучиях поэзии Твардовского с тем, что испытывает человек на войне, рассказы-

вал об армейской службе в Карелии, где должен был готовить к выпуску малотиражную дивизионную газету, но после гибели офицеров поднимал бойцов в атаку. (Был тяжело контужен. Секретаря «дивизионки» посчитали погибшим, но он выжил и остался в строю). «Включаясь в его раздумья о преодолении смерти, о писателе и жизни страны, мы чувствовали себя причастными к биографии самого Анатолия Михайловича, через его поиск правды учились отличать истинное от поддельного», — вспоминали лекции своего учителя выпускники филологического факультета [7, 31—32].

С конца 1950-х годов А. Твардовский внимательно читал работы А. Абрамова [8], состоял с ним в переписке [9]. Многолетний заинтересованный диалог был понятен: как и поэт, глубокий исследователь его творчества «рассматривал искусство как поручение, данное художнику жизнью, а литературоведение и критику — как поручение искусства филологу выявить и озвучить его главные смыслы» [10, 5].

Воронежский литературовед ставил перед собой ответственные задачи, работая над докторской диссертацией «Лирика и эпос Великой Отечественной войны. Проблематика. Стиль. Поэтика» [11], послужившей основой для монографии, выдержавшей три издания [12]. Он, конечно, вызывал «огонь на себя», доказывая своим оппонентам, что «Книга про бойца» отвечает народному, а не официальному пониманию «дней беды и дней побед», что научную литературу о художественном наследии поэтов-фронтовиков нельзя считать полной без анализа поэтики их произведений, без изучения творчества «поэтов-узников» (как он их называл). Согласимся: настойчивость ученого в отстаивании своей исследовательской позиции — это «жест человека “оттепели”, восстанавливавшего справедливость по отношению к тем, кому пришлось пройти через немецкий плен, послевоенные советские лагеря в качестве “изменников Родины”. Собирая и анализируя созданные узниками стихотворения, А. Абрамов видел в этих произведениях то, что поэт-фронтовик Д. Самойлов назвал “грубой правдой” войны, — неостывшее эмоциональное напряжение участника общей трагедии страны» [13, 203].

Успешная защита докторской диссертации открывала для работы новые направления. Творчество А. Твардовского, его поэмы и послевоенная и поздняя лирика вызывали у литературоведа и его современников «чувство неисчерпаемости» — так названа одна из его статей [14]. «Поговорим о жизни, о Твардовском», — годом раньше напишет Аркадий Кулешов, посвятив памяти Александра Трифоновича поэму «Варшавский шлях».

Личность «великого сына России» (слова Ф. Абрамова), удивительно много сделавшего для русской литературы и публицистики на посту главного редактора журнала «Новый мир», покоряла учеников

А. М. Абрамова силой профессионального и нравственного примера, подсказывала вопросы о «равнеликости» художника и жизни. Но осуществить многие замыслы мешала цензура.

В 1971 году В. М. Акаткин, завершив под руководством проф. А. М. Абрамова диссертацию «Стих и проза в творчестве А. Т. Твардовского», принес автореферат в воронежский ЛИТ, но встретил бестактный прием цензора, как будто речь шла о чем-то несущественном и нежелательном [15, 19—21]. Между тем в диссертации молодого исследователя, блестяще защищенной в том же трагическом для русской литературы году, впервые была предпринята смелая попытка выяснить, по каким внутренним законам происходило взаимодействие и эстетическое взаимообогащение стиха и прозы в творчестве поэта. Вышедшая через шесть лет монография В. М. Акаткина «Александр Твардовский. Стих и проза» (1977) отвечала надеждам всех, кто мог оценить новизну и теоретическую глубину работы, проделанной автором исследования, его стремление и умение обходить «правила», установленные цензурой [16]. Существенно, что многие страницы исследования были посвящены «Родине и чужбине» — почти не изученной тогда книге прозы А. Твардовского, поражающей «непривычным взглядом на войну, исповедальностью, ощущением беды, грозящей всему живому <...>. В какой-то мере она опередила время, предсказав и прозу лейтенантов, и деревенскую прозу», — спустя много лет скажет литературовед в одном из интервью [5]. «В “Родине и чужбине” таились расшифровки многих мотивов стиха, в ее свете стали по-новому восприниматься главы “Василия Теркина” и стихи “Фронтальной хроники”» [5].

В сущности, литературоведом было предложено новое видение узловых проблем поэтики Твардовского. Но анализ художественно-публицистического наследия поэта был не полон без добросовестного изучения истоков его творчества. Ситуация усугублялась тем, что после безвременной кончины А. Т. Твардовского над «неудобными» фактами его биографии и творчества был опущен плотный занавес молчания.

Ученый решил «пойти дорогами юного Твардовского», чтобы в «сопоставлениях, связях, оттачиваниях» рассмотреть вопросы формирования его художественного мира. Итоги многолетней работы, включавшей поездки в труднодоступные архивы, в библиотеки Москвы и Ленинграда, изучение смоленских газет, неизвестных произведений и документов, были обобщены в книге «Ранний Твардовский: Проблемы становления» [17] и в докторской диссертации «А. Т. Твардовский и действительность переходной эпохи (1925—1935). Формирование художественного мира поэта» [18], в которой подробно освещались вопросы литературно-критической

полемики, отшумевшей на Смоленщине в 1920 и в 1930-е годы, в непривычно полном объеме анализировались ранние стихотворения и поэмы, дневники, рабочие тетради, письма поэта.

После выхода книги Т. А. Никонова заметила, что В. М. Акаткин выбрал для себя не просто тему исследования — «Виктор выбрал судьбу».

Работая над докторской диссертацией, в 1980 году ученый стал организатором научной конференции, посвященной вопросам интерпретации «Книги про бойца». А затем — инициатором и главным вдохновителем редкого в научной практике 1980-х годов и крайне трудного жанра коллективной монографии, имеющей мало общего с традиционным сборником научных статей, где каждый автор представляет свою собственную позицию, не заботясь о создании единой концепции. В основание коллективной монографии ложится точно обозначенная цель, четко сформулированные задачи. Для ее создания необходим коллектив единомышленников, в котором работа каждого служит реализации общей задачи. Коллективная монография «“Василий Теркин” А. Твардовского — народная эпопея» [4], подготовленная под редакцией А. М. Абрамова и В. М. Акаткина, вошла в «золотой фонд» воронежской филологической школы. Это был «первый опыт коллективного истолкования выдающегося произведения о народе и для народа. Аспекты анализа в монографии самые различные: от исследования философского, нравственного и художественного мира поэмы до рассмотрения таких специфических категорий, как время и пространство. Особенно привлекает авторов родовая природа и жанрово-композиционная структура поэмы. Исследуется взаимодействие поэмы с произведениями о войне в русской и братских литературах» [18, 12], — так редакторы книги сформулировали задачи издания, в полной мере отдавая себе отчет в его уникальности. На долю В. М. Акаткина выпала львиная доля работы с авторами, формирование общей концепции, редактирование монографии. Он же подготовил обстоятельную библиографию работ о поэме (1942—1980), завершавшую исследование. Принадлежащие В. М. Акаткину наблюдения об особой роли мирных картин жизни и «мирных» словечек для художественной концепции поэмы с того времени прочно вошли в научный оборот. Его труды, опубликованные в 1980-е и в 1990-е годы получили известность, об их значении не раз говорила В. А. Твардовская, историк и публикатор архива отца, принимавшая участие в изданиях воронежской филологической школы.

В 2000 и 2008 годах под руководством Виктора Михайловича состоялись вторая научная и третья международная научная конференции о творчестве А. Твардовского, по их итогам были изданы сборники серьезных статей [19].

В. М. Акаткин обращался к проблемам литературного процесса. Не уходя от дискуссионных вопросов, в статьях, книгах, на занятиях со студентами университетский профессор анализировал не только явленные в поэтическом слове искушения, заблуждения и болезни времени, но и его высокий трагедийный пафос. Считал, что иначе нельзя говорить об Ахматовой, Бунине, Есенине, Маяковском, Мандельштаме, Платонове, Твардовском, Жигулине, Прасолове. Ученый не уставал напоминать, что судьбы многих поэтов XX века нельзя представить вне основного вектора исторического развития России, что творчество каждого Мастера не укладывается в «тесные групповые клетушки». К мысли о том, что главным судьей искусства было и будет большое историческое время, В. М. Акаткин все чаще возвращался в книгах. Назовем такие, как: «Песня о человеке: статьи о поэзии» (1986), «Дорога и память: О Твардовском» (1989), «Прощание с утопией» (1991), «Живые письма: о поэтах и поэзии» (1996), «Река времен: о поэтах и поэзии» (1998), «Слово и время в пространстве поэзии» (2006), «Александр Твардовский и время. Служение и противостояние» (2006), «А. Т. Твардовский. Страницы творчества» (2008), «Поэзия. Слово. Культура» (2011), «На переправах века. Статьи об А. Т. Твардовском» (2015), «Лики народной культуры. Статьи. Эссе. Рецензии» (2018).

С детства усвоив серьезное отношение к печатному слову, его воспитательному значению, ученый доказывал важность аксиологической проблематики для научных исследований, говоря о том, что подлинное искусство живет духовными импульсами, что произведения каждого большого художника нужно рассматривать в «потоке истории», в «общем движении литературы и языка», поверяя творчество высшими «критериями Правды, Добра, Красоты, Народности».

Особое значение В. М. Акаткин придавал изданию сборника статей «В душе я прозаик...», посвященного прозе А. Твардовского 1925—1970 годов [20]. Эта книга, объединившая работы исследователей разных поколений, стала для ученого исполнением заветной мечты и давнего долга перед поэтом.

«Смерть — явление не только личностное, человеческое вообще, но и природное, космическое, она в круговороте всего сущего, поэтому не вызывает у него протестного порыва <...> над душой и памятью она не властна» [21], — размышлял профессор В. М. Акаткин о «заповедях жизни и смерти» А. Твардовского. Эта статья была опубликована вскоре после кончины ученого.

Но диалог «о жизни, о Твардовском» с Виктором Михайловичем Акаткиным (1939—2025), глубоким ученым и замечательным педагогом, своими трудами расширившим горизонты воронежской филологической школы, конечно же, продолжается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаткин В. М. Ученый, педагог, поэт / В. М. Акаткин // Кафедра русской литературы XX века Воронежского государственного университета. 1960—2010. — Воронеж, 2010. — С. 34—43.
2. Абрамов А. Василий Теркин / А. Абрамов // Вперед, за Сталина: Красноармейская газета. — 1944. — 13 авг.
3. Алейников О. Ю. Сверяя с подлинным (А. Т. Твардовский сегодня) / О. Ю. Алейников // Берегиня. 777. Сова: научный журнал. — 2010. — № 4 (6). — С. 144—148.
4. «Василий Теркин» А. Твардовского — народная эпопея. — Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1981. — 191 с.
5. «В Твардовском восхищают пушкинская свобода и полнота письма!»: Интервью с Виктором Акаткиным // Смоленская газета. — 2009. — 19 июня.
6. Чупринин С. И. Критика — это критики: Проблемы и портреты / С. И. Чупринин. — М.: Советский писатель, 1988. — 320 с.
7. Акаткин В. М. Профессорство — это талант (об Абрамове) / В. М. Акаткин, Е. Г. Мущенко, Т. А. Никонова // Кафедра русской литературы XX века Воронежского государственного университета. 1960—2010. — Воронеж, 2010. — С. 31—33.
8. Абрамов А. В соавторстве с временем: О новых главах книги А. Твардовского «За далью — даль» / А. Абрамов // Подъем. — 1958. — № 5; Поэзия Великой Отечественной войны / А. Абрамов // Русская литература. — 1960. — № 3 и др.
9. Абрамов А. М. Письма Александра Твардовского (1959—1971) // Подъем. — 2001. — № 1. — С. 195—210. [Публ. писем А. Т. Твардовского].
10. Акаткин В. М. «Порученное слово»: А. М. Абрамов — литературовед и критик / В. М. Акаткин // Подъем. — 2018. — № 7. — С. 168—175.
11. Абрамов А. М. Лирика и эпос в поэзии Великой Отечественной войны. Проблематика. Стиль. Поэтика: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук / А. М. Абрамов. — М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 1969. — 38 с.
12. Абрамов А. М. Лирика и эпос Великой Отечественной войны. Проблематика. Стиль. Поэтика / А. М. Абрамов. — М.: Советский писатель, 1972. — 671 с.
13. Никонова Т. А. Воронежские страницы. Книги и годы / Т. А. Никонова. — Воронеж: Изд-во им. Е. А. Блеховитинова, 2019. — 224 с.
14. Абрамов А. Чувство неисчерпаемости (Об А. Т. Твардовском) / А. Абрамов // Проблемы развития советской литературы. — Саратов, 1973. Вып. 1 (5).
15. Алейников О. Путь ученого. Звенья судьбы / О. Ю. Алейников // Виктор Михайлович Акаткин: библиограф. пособие / сост. Е. В. Минаровских, Т. П. Семенова: науч. ред. О. Ю. Алейников. — Воронеж: ВГУ, 2009. — С. 14—28.
16. Акаткин В. М. Александр Твардовский: стих и проза / В. М. Акаткин. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1977. — 214 с.
17. Акаткин В. М. Ранний Твардовский: Проблемы становления / В. М. Акаткин. — Воронеж: Издательство Воронежского ун-та, 1986. — 209 с.
18. Бердникова О. А. «Филфак для нас не просто дом...» / О. А. Бердникова, Т. А. Никонова // «Не мимоходом жизнь пройти...». — Воронеж, 2010. — С. 9—13.
19. А. Т. Твардовский и русская литература: сб. научных работ, посвящ. 90-летию со дня рождения А. Т. Твардовского: материалы конференции / науч. ред. В. М. Акаткин: Воронеж, 2000; А. Т. Твардовский и русская поэма XX века: Материалы международной научной конференции / Под ред. В. М. Акаткина, О. Ю. Алейникова. — Воронеж, 2008; Наследие А. Т. Твардовского в диалоге с прошлым, настоящим и будущим: сб. научных статей, посвященный 100-летию со дня рождения А. Т. Твардовского / Под ред. В. М. Акаткина. — Воронеж, 2010.
20. «В душе я прозаик...» (Проза А. Твардовского 1925—1970 гг.) / Под ред. В. М. Акаткина. — Воронеж: Смоленск, 2022. — 338 с.
21. Акаткин В. М. Заповеди жизни и смерти (Александр Трифонович Твардовский о войне) / В. М. Акаткин // Подъем. — 2025. — № 9. — С. 130—143.

*Воронежский государственный университет
Алейников О. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: oaleinikov@yandex.ru*

*Бердникова О. А. доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: olberd@mail.ru*

*Voronezh State University
Aleinikov O. Yu., Candidate of Philology,
Associate Professor, Department of Russian literature XX and XXI centuries, theory of literature and Humanities
E-mail: oaleinikov@yandex.ru*

*Berdnikova O. A., Doctor of Philology,
Professor, Department of Russian literature XX and XXI centuries, theory of literature and Humanities
E-mail: olberd@mail.ru*

НАРОДНАЯ МУДРОСТЬ И ФИЛОСОФИЯ АВТОРА В ЭССЕИСТИКЕ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Ж. С. Бекулова

Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В. М. Кокова

С. Н. Ханбалаева

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации*

Поступила в редакцию 5 июня 2025 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию эссеистики балкарского писателя XX века Кайсына Кулиева, его способности через призму эссе выразить глубокие индивидуально-философские размышления о жизни, вести диалог с эпохой и отразить взаимодействие с культурными и национальными традициями народов России. К. Кулиев успешно продолжил традиции жанра эссе, заложенные в балкарской литературе Б. Шахановым. Этот жанр, сформировавшийся под влиянием русской и европейской эссеистики, стал самобытным явлением в национальных литературах России. В статье осмыслены его авторский стиль и художественная концепция цикла эссе «Глубокие корни» из книги «Так растет и дерево» и установлено: жанр эссе получил у К. Кулиева значительное развитие; авторский образ выступает не только как жанрообразующий элемент, но и как средство актуализации социально значимых тем; для эссеистики К. Кулиева характерны связь с эпохой, образность, экспрессивность и лирическая искренность, играющая главную роль в художественном своеобразии; в цикле «Глубокие корни» отражены размышления автора о роли духовных и национально-эстетических истоков в творчестве советских литераторов.

Ключевые слова: жанр эссе, балкарская литература, эссеистика Кайсына Кулиева, цикл эссе «Глубокие корни», литература народов России.

Abstract: The article is devoted to the study of essay writing by the 20th-century Balkar writer Kaisyn Kuliev, his ability to express deep individual philosophical reflections on life, conduct a dialogue with the era and reflect his interaction with the cultural and national traditions of the peoples of Russia through the prism of the essay. K. Kuliev successfully continued the traditions of the essay genre, laid down in Balkar literature by B. Shakhonov. This genre, formed under the influence of Russian and European essay writing, has become a unique phenomenon in the national literatures of Russia. The article comprehends his authorial style and the artistic concept of the essay cycle "Deep Roots" from the book "So the Tree Grows" and establishes that the essay genre was significantly developed by K. Kuliev; the author's image acts not only as a genre-forming element, but also as a means of actualizing socially significant topics; K. Kuliev's essay writing is characterized by a connection with the era, imagery, expressiveness and lyrical sincerity, which plays a major role in his artistic originality; The cycle "Deep Roots" reflects the author's reflections on the role of spiritual and national-aesthetic origins in the work of Soviet writers.

Keywords: essay genre, Balkar literature, essays by Kaisyn Kuliev, Deep Roots, Literature of the peoples of Russia, essayism.

Актуальность исследования продиктована возрастающей популярностью эссеистики XX века. Изучение эволюции жанра эссе в национальных литературах в контексте их современного развития представляет собой насущную теоретическую задачу, приобретающую особую значимость. В этом аспекте особый интерес представляет изучение творческого наследия Кайсына Кулиева, внесшего значительный вклад в развитие не только балкарской, но и всей многонациональной лите-

ратуры России. Назрела необходимость изучения эссеистики К. Кулиева с точки зрения ее жанрового своеобразия, что позволит глубже понять природу эссе и его роль в формировании авторских, философских и мировоззренческих концепций.

Эссеистику К. Кулиева, избранную материалом для исследования, представляет ряд эссе из цикла «Глубокие корни» в книге «Так растет и дерево» («Песни горцев», «Лицо поэта», «Талант и мудрость», «Мы с ним чегемцы», «Восхождение таланта», «Глубина», «О Зульфии и ее поэзии» и др.).

В статье используется герменевтический **метод** для интерпретации авторского замысла, а также культурно-исторический метод, поскольку развитие жанра эссе непосредственно связано с историко-литературным контекстом, с судьбами авторов, о которых рассказал К. Кулиев, и их роли в развитии многонациональной литературы СССР.

Теория жанра эссе в литературоведении народов России остается недостаточно разработанной, но формированию этого жанра посвящены работы О. И. Дуровой (2000), А. Л. Дмитриевского (2013), Т. Ю. Лямзиной (2017), Ю. В. Чудиновой (2010).

Общие положения теории жанров и, в частности, жанра эссе, применены в исследованиях национальных литератур и произведениях отдельных авторов учеными: Н. Б. Руженцевой (2001), Р. А. Ахмедовой (2002), К. А. Зацепиной (2006), П. В. Аландеева (2007), И. Н. Минеевой (2016), В. М. Учакиной (2020).

В балкарском литературоведении некоторые аспекты творчества К. Кулиева рассмотрены в работах многих исследователей: С. И. Эфендиева (2007), Т. Е. Эфендиевой (2001), Ж. К. Кулиевой (2003), Ф. И. Отаровой (2008) М. М. Шериевой (2007). Мы рассматриваем художественную публицистику К. Кулиева с позиции того, что жанр литературно-художественного эссе имеет значительные внутренние возможности. Это относится к появлению в эссе новых «онтологических центров», которые свидетельствуют о «неединственности» авторского «я» [1,16].

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Один из основоположников жанра эссе Мишель Монтень (XVI в.) в предисловии к своим «Опытам» [2, 1980] писал: «Содержание моей книги — я сам», подчеркивая, что разнообразные размышления в произведении объединены авторской личностью. Это высказывание определяет основные характеристики эссе как жанра: помимо наличия сюжета для толкования авторских взглядов, его индивидуального стиля и речи, эссе включает философские размышления, нравственные искания, сочетание рефлексии и описания.

Многие филологи часто классифицируют как эссе различные формы литературно-критической, публицистической и историко-биографической прозы, хотя жанр обладает значительно большей универсальностью. Как отмечает испанский исследователь Л. Г. Кайда, универсальная природа эссе проистекает из абсолютной свободы авторского «я» в выборе формы произведения — от строго документальной до художественно-литературной. Иронизируя по этому поводу, Л. Г. Кайда пишет: «Комплексом эссеиста заражены все, и пишут они обо всем в стиле „ну, так сказать, как бы типа эссе“» [3,95].

Анализ жанровой природы эссе позволяет выделить его ключевые характеристики. Эссе представляет собой форму, эксплицирующую инди-

видуальную авторскую субъективность через «организованную совокупность текстуальных фигур, в которой излагаемое содержание тождественно плану выражения и неотделимо от него» [4, 9].

Т. Ю. Лямзина определяет эссе как пограничный жанр, отмечая его «непосредственную близость с научной, публицистической и художественной литературой, однако не относящийся целиком ни к одной из них» [5, 2017].

Современный исследователь А. Л. Дмитриевский определяет произведение, написанное в жанре эссе, как публицистическое, отражающее мысли автора и духовный опыт, «еще не оформившиеся в строгую систему смыслов или концептов» [6, 41].

Обращение к философии, нравственности и духовному опыту народа — характерная черта цикла «Глубокие корни» в книге балкарского писателя К. Кулиева «Так растет и дерево», состоящей из девятнадцати произведений, в которых поэт рассуждает о понятии «слово». Например, в эссе «Песни горцев»: «Горцы Кавказа всегда ценили слово» [7, 260].

Из слов слагаются песни, но, как говорят на Кавказе, «Быть без песни — бездомным быть» [7, 265]. Песни, как и пословицы, о которых говорит автор, «выражают глубину, непосредственность и совесть народной философии» [7, 281].

Философия К. Кулиева отражает именно ту самую глубину, непосредственность и совесть народной философии. Творческая преемственность прослеживается между К. Кулиевым и северокавказским публицистом начала XX века Б. Шахановым (известным также под псевдонимом «Шаханов-Джанхотов») [8, 205]. Эссеистика Б. Шаханова, формировавшаяся в переломный период истории русского и северокавказского общества XIX—XX вв., отвечала социальному запросу общества на «компетентное и искреннее слово» [8, 205]. Характерной особенностью его творчества стали произведения с привлекающими внимание читателя заголовками (например, «По поводу одного проекта», «Еще переселение», «Памяти В. Н. Грамматикова», «Два слова к туземной интеллигенции», «Этюды о туземной жизни», «Маленькая сказка для больших детей», «Эмансипация мусульманской женщины» и др.). Эссеистика Б. Шаханова представляет собой ценный источник сведений о разнообразных сторонах общественной жизни, который доносил информацию до читателя не только при помощи описания конкретных фактов, но и, отражая настроения и мнения, включал авторские размышления и комментарии.

К. Кулиев, так же как Б. Шаханов, особое внимание уделяет заголовкам (существенному элементу эссе), мотивирующим читателя к прочтению текста.

Прежде всего «Кайсын Кулиев, живший радостями и горестями своего народа, всегда опирался на духовный опыт балкарцев, веками аккумулировавший-ся в фольклорных памятниках» [9, 134].

К. Кулиев пишет: «Чтобы лучше понять писателя, надо побывать на его родине, — говорил Гете. К этому надо добавить: чтобы лучше понять страну, необходимо читать ее поэтов» [7, 291]. Автор убежден в том, что «кто хочет коснуться живого сердца Балкарии, тот должен раскрыть кязимовскую книгу» [7, 291]. Для подтверждения того, как национально-духовное самовыражение в творчестве любого автора раскрывает его философию, К. Кулиев ссылается на мнение дагестанского поэта Расула Гамзатова: «Народные песни — это горные родники, откуда берут начало ручейки и реки, сливающиеся в бурном море советской поэзии» [7, 285].

В мудрости народного творчества, сохранившейся до наших времен, К. Кулиев видит источник художественной силы современной балкарской литературы. Как отмечает сам поэт: «Я, знающий ныне Данте и Шекспира, Пушкина и Мицкевича, Руставели и Хафиза, склоняю голову перед силой таланта безымянных поэтов моей древней земли» [7, 286].

К. Кулиев раскрывает в рассказах о писателях — своих современниках индивидуальное понимание духовной основы их творчества, а эссе становится наиболее органичной формой выражения этих размышлений. Ярким примером служит произведение «Мы с ним чегемцы», где отчетливо проявляется авторское «я», направленное на процесс самопознания.

Как отмечает М. Эпштейн, эссе «всегда “о”», поскольку через частную тему раскрывается универсальное содержание [10, 338]. Так, цикл эссе «Глубокие корни» К. Кулиева — о балкарских поэтах Кязиме Мечиеве и ашуге Исмаиле из чегемского ущелья Кам; поэте Ибрагиме Бабаеве; о фронтовом корреспонденте, лакском писателе Эффенди Капиеве; о кабардинских авторах Алиме Кешокове и Али Шогенцукове; о поэтах-переводчиках Михаиле Кирееве, Арсении Тарковском, Алексее Пысине; об аварском поэте Расуле Гамзатове; башкирском поэте Мустае Кариме; о поэте Калмыкии Давиде Кугультинове; таджикском поэте Мирзо-Турун-заде; казахском поэте-мыслителе Абае, о поэте Аркадии Кулешове, узбекской поэтессе Зульфии Исраиловой; бурятском поэте Дамбе Жалсараеве, о поэте Якутии Семене Данилове.

В эссе о поэтах К. Кулиев раскрывает не только индивидуальное, художественное мастерство этих писателей, но и помогает обнаружить духовно-нравственные, морально-эстетические закономерности многонациональной литературы.

Для каждого из известных писателей XX века К. Кулиев нашел определенную, четкую и лаконичную фразу, характеризующую творчество и личность, что подтверждено и в названиях эссе. Например, в эссе «Восхождение таланта» он пишет о Расуле Гамзатове: «Я бы назвал это умением с отцовского двора видеть весь мир» [7, 326]. Творчество Расу-

ла Гамзатова простирается на всю планету именно с отцовской сакли и, обойдя мир, снова возвращает его к родному Цада.

В эссе «Глубина» К. Кулиев разгадывает секрет глубины творчества Мустая Карима, для которого «Ложь и фальшь — злейшие враги поэзии, ибо поэзия — создание правды и искренности, обнаженности сердца» [7, 331]. Главный секрет К. Кулиев находит в том, как отшлифовано его художественное слово: «Говорят, что слова человека похожи на него самого. Думаю, что верно. Мустай Карим в жизни, как и в своей поэзии, прост в лучшем смысле» [7, 330].

Для характеристики творчества узбекской поэтессы Зульфии в эссе «О Зульфии и ее поэзии» К. Кулиев находит самые верные слова: «Но поэзия Зульфии прекрасна без чадры и без паранджи» [7, 353].

Осмысливая творчество и личность кабардинского прозаика А. Кешокова, балкарский поэт рассуждает и о своем собственном творчестве, и о миссии поэта: «Когда я думаю о биографии и внутреннем мире любого поэта, мне каждый раз вспоминается старое восточное изречение о пустом кувшине, из которого ничего не может вытечь. Биография художника имеет огромное значение. Она переходит в его произведения. Она создает личность художника, во многом определяет мировоззрение» [7, 308]. Через эту метафору поэт не только передает систему национальных ценностей, но и ведет доверительный разговор со своим читателем.

Этот подход находит теоретическое обоснование в работе В. М. Учакиной, которая в исследовании жанра эссе рассматривает эссеизм как «мифотворчество в рамках одной личности, индивидуальный миф, свою систему ценностей и открытость к диалогу с миром при постоянном общении со своим внутренним “я”, которое становится основой всей этой конструкции» [11, 14].

В цикле «Глубокие корни» К. Кулиев выстраивает многоуровневый диалог: как с собственным авторским сознанием, так и с читателем, избирая в качестве предмета разговора этнокультурные истоки различных народов, которые рассматриваются как философско-нравственный фундамент творчества писателей.

Особую значимость в этом диалоге приобретает философская позиция автора, который предлагает оригинальную интерпретацию творчества каждого писателя-современника. К. Кулиев демонстрирует исключительную смысловую гибкость в выборе предмета рассуждения, используя в эссеистическом дискурсе размышления о добре и зле, о прекрасном и безобразном, о морали и нравственности.

Так автор «Глубоких корней», избегая подробных биографических описаний, создает эпическую картину национального бытия каждого из рассматриваемых авторов, формируя самобытный эстетический объект.

Соединив в едином произведении эссе о различных авторах-современниках, К. Кулиев воссоздал галерею образов представителей многонациональной советской литературы, выявляя их общие творческие устремления и идеалы в рамках единого литературного пространства эпохи.

М. М. Бахтин писал: «В эстетический объект входят все ценности мира, но с определенным эстетическим коэффициентом; позиция автора и его художественное задание должны быть понаты в мире в связи со всеми этими ценностями» [12, 175].

Для К. Кулиева главная ценность — поэзия, что находит выражение в его афористичном высказывании: «Поэзия — слишком прекрасный дом, чтобы вести себя в нем дурно» [7, 307].

В эссе «Наш побратим» К. Кулиев рассматривает значение русской литературы для развития национальных поэтических традиций, отмечая: «К нашему счастью, так получилось, что Кавказ издавна стал второй родиной русской поэзии» и «В этом нам повезло, как никому» [7, 315]. Автор подчеркивает уникальную возможность народов России непосредственно знакомиться с творчеством классиков русской литературы — от А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова до Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

Особое место в этом культурном диалоге К. Кулиев отводит Арсению Тарковскому, характеризуя его как «поэта высокой культуры, выдающегося мастера стиха, верного и мудрого наследника чародеев волшебной русской поэзии от Пушкина до Блока» [7, 361].

Размышляя о поэзии, мастерстве, новаторстве, К. Кулиев цитирует Бориса Пастернака: «Талант — единственная новость, которая всегда нова», — и развивает эту мысль: «Иные наивно полагают, что новизной поэзии является придумывание всяких ребусов, коверкание родного языка и прочие выкрутасы. Они заблуждаются. Новизна, как мне кажется, заключается в значительности содержания стихов, в самостоятельности образного мира поэта, в неповторимости его почерка» [7, 35].

Многонациональная поэзия народов России служила и будет служить культурному сближению и братству народов, что Кайсын Кулиев считал высшим предназначением творчества. Данный тезис находит подтверждение в исследовании Р. А. Ахмедовой, отмечающей: «Национальная литература каждого народа ориентируется на свои нравственные законы и ценностные идеалы. Как известно, обусловленные местом, временем и общечеловеческим духовным опытом, они способны взаимодействовать и взаимовлиять друг на друга» [13, 48].

Характерно, что сам К. Кулиев метафорически сравнивал творческий процесс с образом скачущего коня: «Поэт в моем понимании — это вроде хорошего коня, который весь самозабвенно отдается бегу, честно скачет и не остановится до тех пор, пока

не упадет или не доскачет до цели» [7, 375]. Эта яркая аналогия подчеркивает понимание поэтом собственной творческой миссии.

Таким образом, проведенный анализ эссе цикла «Глубокие корни» позволяет представить художественное мастерство советских писателей XX века, выявить общие эстетические закономерности их творчества, а также сформулировать авторскую концепцию поэтического творчества. В соответствии с поставленными целью и задачами была исследована эссеистика К. Кулиева, что позволило сделать следующие выводы. В своих эссе Б. Шаханов раскрывает свои убеждения, сочетая глубокий самоанализ и рефлексии, направленные на постижение общечеловеческих ценностей. Именно эта глубина мысли и искренность делают его произведения по-настоящему увлекательными и созвучными читателю.

Кайсын Кулиев продолжил традиции эссеистики в балкарской литературе, обогатив жанр новыми художественными приемами и философской глубиной.

Эссеистика К. Кулиева представляет собой синтез художественного и философского начал, отражая его индивидуальную творческую манеру.

Цикл «Глубокие корни» демонстрирует, как через жанр эссе автор создает многогранную картину литературного процесса XX века, подчеркивая значение национальных традиций и общечеловеческих ценностей.

Для эссе К. Кулиева характерны тесная связь с эпохой, актуальность тематики, высокая степень образности и экспрессивность изложения, придающие его художественной эссеистике особый полемический потенциал.

Развитие жанра эссе в творчестве К. Кулиева отражает не только события его жизни, но и уникальную способность поэта к всеобъемлющему осмыслению окружающего мира через призму художественного слова.

Таким образом, эссеистика, сформировавшаяся на стыке художественной и документальной прозы, аккумулирующая философско-этические вопросы эпохи, стала оптимальным жанром для выражения авторских идей К. Кулиева, позволив поэту создать эстетически завершенную картину мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минеева И. Н. Литературно-художественное эссе как жанр учебной работы в высшей школе / И. Н. Минеева // Филологический класс, 2(44). – 2016. – С. 12–16.
2. Монтень М. Опыты. Книга 1-я и 2-я / М. Монтень. — М.: Наука. — 1980. — 704 с.
3. Кайда Л. Г. Эссе: стилистический портрет / Л. Г. Кайда. — М.: Флинта; Наука, 2008. — 181 с.
4. Зацепин К. А. Эссе как коммуникативная форма: проблемы чтения (на материале современной эссеистики): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Зацепин К. А. — Самара, 2006. — 23 с.

5. Лямзина Т. Ю. Жанр Эссе. К проблеме формирования теории Т. Ю. Лямзина. 2017. Перм. гос. ун-т. Пермь. — Режим доступа: https://psujourn.narod.ru/lib/liamzina_essay.htm. (дата обращения: 09.03.2025).
6. Дмитриевский А. Л. Жанр эссе: к проблеме теории А. Л. Дмитриевского // Филология и искусствознание. Челябинский Гуманитарий, 2013. — № 3 (24). — С. 37—51.
7. Кулиев К. Так растет и дерево / К. Кулиев. — М.: Современник, 1975. — 463 с.
8. Биттирова Т. Ш. Басият Шаханов / Т. Ш. Биттирова // Этюды о Балкарии. Усурбиевы. Мисост Абаев. Басият Шаханов/ Сост. и автор статей, примечаний и комментариев Т. Ш. Биттирова. — Нальчик: Эльбрус, 2007. — С. 195—220.
9. Шериева М. М. Поэт и музыка / М. М. Шериева // Материалы межвузовской научно-теоретической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения поэта (30 октября 2007 года). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. 134с
10. Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны / М. Н. Эпштейн. — М.: Прогресс, 1987. — 417 с.
11. Учакина В. М. Жанр эссе в литературном наследии Оскара Уальда и Константина Бальмонта: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Учакина В. М. — Омск, 2020. — 14 с.
12. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. 455с.
13. Ахмедова Р. А. Духовная интеграция народов Дагестана в современной литературе / Р. А. Ахмедова; отв. ред. проф. А. Ю. Абдуллатипов. — Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2002. — 211с.

Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В. М. Кокова

Бекулова Ж. С., преподаватель русского языка и литературы

E-mail: bekulova2019@bk.ru

Московский государственный институт международных отношений МИД России

Ханбалаева Сабина Н., доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка

E-mail: sabinamgimo@mail.ru

Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V. M. Kokov

Bekulova Z. S., teacher of Russian language and literature

E-mail: bekulova2019@bk.ru

*Moscow State Institute of International Relations
Khanbalaeva S. N., Doctor of Philology, Associate Professor
of Department of English Language*

E-mail: sabinamgimo@mail.ru

«ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ» В КРАТКИХ РАССКАЗАХ И. А. БУНИНА КОНЦА 1920-Х — НАЧАЛА 1930-Х ГОДОВ

О. А. Бердникова, Т. Н. Голицына

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.

Аннотация: в статье рассмотрены проблематика и поэтика рассказов И. А. Бунина 1920-х годов, сочетающих реалистические и модернистские тенденции. Рассказы классифицированы по отнесенности их к двум основным сверхтекстам русской литературы — московскому и петербургскому. «Москва» и «Петербург» сохранили статус ключевых символов в эмигрантском культурном пространстве 1920—1930-х годов. Предмет исследования — петербургские рассказы. «Возможные миры» праздника в «московских рассказах» воссоздают родной, «созидательный очаг» России, в «петербургских» текстах — провокационно располагают к игре, фантазии, порождают фантомные образы, уродливые и страшные миражи, губительные для души человека. В рассказах доминируют модернистские тенденции по эстетизации самобытного, трагически своеобразного уклада русской жизни.

Ключевые слова: И. А. Бунин, краткие рассказы 1920-х годов, петербургская тема, модернистские тенденции.

Abstract: this article examines the themes and poetics of I. A. Bunin's short stories from the 1920s, which combine realistic and modernist tendencies. The stories are classified according to their relevance to the two main supertexts of Russian literature — Moscow and St. Petersburg. "Moscow" and "St. Petersburg" retained their status as key symbols in the émigré cultural space of the 1920s and 1930s. The subject of this study is the St. Petersburg stories. The "possible worlds" of the holiday in the "Moscow stories" recreate Russia's native, "creative hearth," while in the "St. Petersburg" texts, they provocatively invite play and fantasy, generating phantom images, ugly and terrifying mirages that are destructive to the human soul. The stories are dominated by modernist tendencies towards the aestheticization of the original, tragically unique way of Russian life.

Keywords: I. A. Bunin, short stories of the 1920s, St. Petersburg theme, modernist tendencies.

К 155-летию со дня рождения И. А. Бунина

Творчество И. А. Бунина находится в сфере постоянного интереса, актуализированного и чередой юбилейных дат: 2020—150 лет со дня рождения, 2023 — юбилейный год вручения писателю Нобелевской премии и 70-летие кончины.

Особенно значимы исследования последних лет, подготовленные и изданные в академических институтах — ИРЛИ и ИМЛИ РАН. В 2014 году в серии «Новая библиотека поэта» вышло академическое издание двух томов его поэзии, над которым долгие годы трудились петербургские ученые ИРЛИ РАН. В Москве, в ИМЛИ РАН были подготовлена и издана «Летопись жизни и творчества И. А. Бунина» в 2 томах, составленная С. Н. Морозовым, а также вышедший в 2022 году новый бунинский том серии «Литературное наследство». Кроме того, в ИМЛИ основана серия «Академический Бунин», в которой уже вышло три весомых сборника научных трудов [6].

На этом фоне особенно заметно внимание ученых к прозе И. А. Бунина 1920-х годов. Кроме множества статей, выходят монографии, адресно на-

правленные на исследование именно этого периода жизни и творчества писателя. Произведения этого времени попадают в поле зрения и тех ученых, которые размышляют о творчестве И. А. Бунина как целостном художественном феномене [7].

Двадцатые годы (1923—1933) — наиболее насыщенный и разнообразный в тематическом и жанровом отношении период творчества И. А. Бунина, завершившийся вручением ему Нобелевской премии за роман «Жизнь Арсеньева». Рубежным и переломным С. Н. Морозов справедливо считает 1924 год, когда писатель выступает с речью «Миссия русской эмиграции» и отдает в печать в парижскую газету «Возрождение» первые главы дневника «Окаянные дни» [4, 12].

Далеко не случайно в поле зрения экспертов-рекомендателей на вручении Нобелевской премии попадает изданный в 1931 году в Париже сборник И. А. Бунина «Божье древо», в который вошли и так называемые «краткие рассказы». В малой прозе, анализ которой дает шведский эксперт, он отмечает особый жанр — «эскизы, миниатюры, стихотворения в прозе», где Буниным изображается «Россия своей молодости». Писатель показывает «русский тип, русскую ситуацию, русский ландшафт» [3, 317—318].

Рассказы этой книги с полным основанием можно включать в те нобелевские «темы», которые усилили аргументацию в пользу кандидатуры И. А. Бунина [2].

С. Н. Морозов предлагает жанровые дефиниции, согласно которым можно классифицировать рассказы этого периода, при этом учитывается и тематика рассказов: рассказы-воспоминания («В ночном море», «В некотором царстве», «Город царя царей», «Скарабей» и др.); рассказы-размышления («Огнь пожирающий», «Книга», «Ночь») и деревенские рассказы («Мухи», «Лапти», «Божье древо») [4, 11].

Однако возможен и другой принцип — классифицировать рассказы по степени отнесенности их к двум основным сверткам русской литературы — московскому и петербургскому, и такой подход уже заявлен учеными, изучающими творческое наследие писателя [8]. Москва и Петербург как две культурные столицы России и их «спор» — дали особый метасюжет литературы Серебряного века. Они сохранили статус ключевых символов и в эмигрантском культурном пространстве 1920—1930-х годов, и как и в предшествующую эпоху, безусловное доминирование принадлежит Петербургу, несмотря на желание М. Цветаевой отстоять «первенство Москвы».

В основе свертка лежит утверждение В. Н. Топорова о том, что в литературе и искусстве в целом пространство предстает не в ньютоновском или лейбницевском понимании, как нечто относительное, самодостаточное, «пустое» или «объектно-заполненное» ущербное пространство, а является пространством — «чувствилицем Бога», отражающим сознание художника, бросающим луч света на его ценности, памятные для души одухотворенные места» [11, 228]. «Одухотворенные места» России тем более значимы для философов, писателей и поэтов русской эмиграции. Они становятся достоянием памяти, единственно способной воскресить потерянные и дорогие сердцу родные образы. Ф. А. Степун с грустью писал: «Вот мы изгнаны из России в ту самую Европу, о которой в последние годы так страстно мечтали, и что же? Непонятно, и все-таки так: изгнанием в Европу мы оказались изгнанными из Европы. Любя Европу, мы, “русские европейцы”, очевидно, любили ее только как прекрасный пейзаж в “Петровом окне”: ушел родной подоконник из-под локтя — ушло очарование пейзажа» [10, 293].

Однако в пространстве чужой страны, чужой культурной и языковой среде Петербург и Москва становятся своего рода «возможными мирами», которые возникают в сознании тоскующего по истинному бытию человека. Под «возможными мирами» в логике понимают альтернативы действительному миру, это мыслимые возможные состояния, это некий способ описания объектов восприятия с точки зрения тех или иных норм [3].

При этом такие миры по-разному воссоздаются в петербургских и московских рассказах И. А. Бунина.

Так, в рассказе «Грибок» Петербург можно считать третьим действующим лицом, наряду с персонажами, так как Петербург во многом определяет и обуславливает трагически-абсурдный финал. Образ города дан автором сквозь призму восприятия приезжего москвича, которого ждут интересные встречи, приятное времяпрепровождение, и это нетерпеливое ожидание передается автором с помощью номинативных высказываний, семантика которых сигнализирует о повышении уровня эмоционального состояния приезжего: «одно интересное свиданье, другое, еще более интересное, потом завтрак с одним приятелем и обед с другим...» [1, 539].

Петербург в восприятии приезжего — это взгляд «чужого», того, у кого столичная жизнь ассоциируется с удовольствиями, праздником. Он рассматривает блистательную столицу через окно «уютного номера» «Северной гостиницы», в которой он живет, Петербург для него — это солнечное утро, великолепные проспекты и улицы, герой, пребывая в праздничной эйфории, восклицает: «Хорош Петербург!» [1, 539].

Между тем в описании города проявляются качества, противоположные его идиллическому образу: «утренний морозный туман и утренние дымы города...» [1, 539]. Слово «туман» в одном из своих значений, как известно, интерпретируется как то, что «мешает воспринимать, понимать окружающее, затемняет сознание», а «дым» относится к лексико-грамматическому разряду вещественных имен существительных, которые, как правило, не имеют коррелятивных форм числа, употребляются либо только в единственном числе, либо только во множественном [5, 425].

Это парадоксальное свойство Петербурга подтверждается необычным ярким сравнением его улиц и проспектов с ущельем: «...сизые ущелья великолепных проспектов и улиц...» [1, 539]. Ущелье — это узкий крутой склон, трещина между горами. Ущелье в сознании носителя языка ассоциируется с опасным местом, местом гибели, и в сочетании с эпитетом «великолепных» создает оксюморон, отражающий двойственный облик города. Эпитет «сизый» — темно-серый, мрачный — углубляет эти ассоциации. Негативную квалификацию Петербурга подтверждает и описание движения транспорта на улицах, которое представлено лексемами со значением звучания: гул, скрежет, возбуждающие звонки.

Кульминацией «портрета» Петербурга становится изображение памятника царю, который назван «коренастым мужиком», восседающим на «свиноподобном коньке» [1, 539]. Это памятник скульптора Паоло Трубецкого, в свое время вызвавший много критических оценок. Здесь образ монарха снижен, он пародиен, ассоциируется с шутами эпохи Анны

Иоанновны, которые разъезжали на свиньях и веселили императрицу.

Таким образом, образ Петербурга в тексте неоднозначен, на фоне его красоты и величия проявляются черты враждебности, что и прогнозирует будущие трагические события.

Образ приезжего из Москвы передается автором с помощью описания его внешних данных: «яркие глаза», «свежесть напудренных щек», «шелковый красивый галстук», «шелковые черные подтяжки». Все это позволяет автору констатировать: герой находится на вершине эмоционального подъема: «...будет к тому времени весь сиять чистотой, нарядностью, молодостью» [1, 539]. В диалоге со своим собеседником — делопроизводителем из Твери — герой сначала предельно корректен, учтив, использует этикетные формулы: «простите», «очень рад», «к сожалению», «очень благодарю за внимание» [1, 539]. Но впоследствии тональность и стиль общения меняются. Он проявляет раздражительность, даже злость.

Доминантой внешнего облика делопроизводителя из Твери является образное сочетание «лисьи глазки» [1, 539], выдающие хитрого, лживого человека. И речь делопроизводителя из Твери чрезвычайно подобострастна, витиевата и информативно избыточна: «Счел, как земляк, долгом представиться и, пользуясь счастливым случаем, повидаться, побеседовать — между прочим, и кое о чем, вас лично касающемся и вам еще, может быть, неизвестном, а меж тем весьма значительном...» [1, 540]. Кроме того, его речь изобилует деминутивами, дериватами (производными) с оценочными суффиксами, уменьшительно-ласкательными: «минутка», «вечерком», «неделька», «братец» [1, 540]. При этом создается впечатление, что чиновник, обращаясь к приезжему из Москвы, преследует какую-то цель более важную и существенную, чем предупреждение о том, что новый дом его брата поражен грибом. Этот зараженный дом явлен автором как больной человек: «неминуемо обречен на гибель», «дело вполне невозможно», «печальные обстоятельства» [1, 539—541]. Этот низший организм в тексте он рассказа одушевлен, действует как живое существо, страшное и внешне скрытое, что реализуется с помощью метафорических сочетаний: «пожирает строение»; «жилище неминуемо превращается в труху, прах» [1, 540—541]. Таким образом, грибок является символом разрушения, некой иррациональной — инфернальной — силой, как и сам пришедший с этим известием «делопроизводитель из Твери», имеющий явные приметы инфернального героя.

«Кончается все это тем, что приезжий убивает делопроизводителя из Твери кувшином с умывальника и отдается в руки правосудия» [1, 541]. Доведенный до отчаяния приезжий использует в качестве орудия убийства прозаический утилитарный

предмет — кувшин для умывания, и эта деталь придает событию комический оттенок, превращает ситуацию в трагифарс. Конфликт коммуникации рационально не мотивирует ее криминальную развязку. Скорее, это провокационная ситуация — один из мифов Петербурга, его иллюзорная проекция, его фантомы и литературные фантазии.

В другом петербургском рассказе «Маска» (1930) события разворачиваются в ресторане Николаевского вокзала, самый центр Петербурга, зимний вечер. Вокзал выбран в качестве локальной сферы расказа не случайно. Вокзал — это место, где все спешит, многолюдно, встречи случайны, все эфемерно. Кроме того, вокзал в первоначальном своем значении — это место увеселения. В рассказе три персонажа: герой-рассказчик, молодой офицер и молодая женщина, которая выдает себя за светскую даму и жену офицера.

В построении рассказа используются диалогические формы. Герой-рассказчик — первое лицо («Я») как бы ставит перед собой задачу раскрыть персонажа изнутри, занимает позицию наблюдателя: «Я обедаю и порой поглядываю на нее» [1, 575]. При этом он испытывает эмоциональное состояние «тайного любопытства», но это желание, по всей видимости, праздное, сопутствующее основному занятию: «Обедаю» [1, 575]. И этот поведенческий диссонанс вынуждает героиню первой начать диалог, что не соответствует норме этикета. «Вы не знаете, были сегодня в вечерних газетах вести с фронта?» [1, 575]. Ответ собеседника отрицательный: «Не видел вечерних газет, не могу вам сказать». Между тем у рассказчика-наблюдателя появляется потребность объяснить причины, которые побудили его рассказать о том, почему он стал участником описываемых событий. Таким образом, сущность героини раскрывается сквозь призму восприятия рассказчика.

В зоне авторской перцепции оказывается портрет героини. Так, он делает акцент на избытке косметики на лице, при этом несколько раз повторяется лексема «густо»: «Глаза ее густо подведены темной синью», «лицо густо напудрено», используется парадоксальное, на наш взгляд, сравнение «точно известью» (известь — карбонатное вещество, ядовитое для кожи), что еще больше усиливает отталкивающее впечатление от облика героини.

Семантика зрительной перцепции представлена также синтаксическими конструкциями «все выше поднимала брови», «сдвинув брови», что свидетельствует о мимических реакциях героини, желании вступить в контакт.

В фокусе внимания оказываются ее руки, они крупны и крепки, «с выпуклыми острыми ногтями», что совершенно не соответствует идеалу женской ручки дамы из высшего слоя общества. Семантика слухового восприятия реализуется в тексте с помощью предикатов «сухо», «грустно», которые характеризуют звук и особенности его распространения:

«Говорит она сухо и грустно», «говорит еще суше» [1, 575], то есть печально и лаконично. Обонятельное восприятие оказывается доминирующим при характеристике женщины: «Духи пахнут тяжело, собакой» [1, 576]. Высказывание «духи пахнут тяжело, собакой» может иметь несколько интерпретаций. Во-первых, неприятные духи с запахом псины могут свидетельствовать о дурном вкусе героини, во-вторых – это сигнал бедности, неустроенности, духи потеряли нормальный запах потому, что они старые.

Перцептивную семантику текста репрезентирует и восприятие поведения героини. В этом случае находят отражение оценочные характеристики, объединенные общим семантическим признаком «неистинный, ложный»: «делает вид спокойствия», «притворяется, что внимательно читает газету», «так нейдет к ней газета, так не привычна и не нужна она ей» [1, 576]. И как высшее проявление ироничного отношения рассказчика используется сложное бессоюзное предложение: «Она же притворяется, что внимательно читает газету: заказала отбивную котлету с гарниром» [1, 576], в котором вторая часть выражает настоящую, подлинную цель чтения. Говорящей деталью становится жест — «изысканно отставленный мизинец» как признак аристократических манер, и реплика, имитирующая иностранную речь: «Чашечку шорного кофэ, пожалуйста» [1, 576].

Важным элементом квалификации поведения героини становятся ее высказывания, которые противоречат друг другу. В первом из них она говорит о том, что беспокоится о муже, находящемся на фронте, и называет его летчиком: «Я ужасно беспокоюсь за мужа, третий месяц не получаю писем. Он летчик и безумно храбрый» [1, 576]. Второе высказывание адресовано молодому офицеру, и в нем героиня называет своего мужа артиллеристом и говорит о том, что он смертельно ранен в бою. И эти противоречия, скорее всего, свидетельствуют о том, что у героини вообще нет мужа — ни летчика, ни артиллериста.

Лексема «маска» вынесена в заглавие текста, и она же завершает текст: «Я только слишком хорошо умею носить маску!» [1, 576]. Как известно, это слово обладает несколькими значениями, среди которых фиксируется значение «притворство, скрывающее истинную сущность кого-либо, чего-либо». Таким образом, маска становится сигналом недоверия, мнимого бытия героини, которая хочет представить себя изысканной дамой в ореоле некоей загадочности, которая грустит и волнуется за мужа, но переносит свое состояние с большим достоинством.

Но «всевидящее око» повествующего рассказчика обнаруживает в образе героини второе «Я». Он прочитывает неудавшуюся судьбу и одиночество, немолодую, непрезентабельную женщину, которая мечтает вырваться за пределы своего низкого бытия хотя бы на вечер, побыть не-собой, другой, прожить другую судьбу, вступить в зону «возможного

мира», иллюзорного, но интересного, наполненного событиями, хотя бы недолго просуществовать в «кажимости».

Петербургские тексты И. А. Бунина в целом сохраняют символику «петербургского мифа русской культуры» — Петербург предстает как город мистический, страшный, двойственный, демонический, чреватый неожиданными и немотивированными поступками людей.

Итак, в рассказах 1920-х годов Бунин действительно идет в русле традиции, уже сложившейся в отношении к двум столицам в предшествующей литературе. Москва и Петербург воспринимаются как пространство для реализации желаемого — подлинного — бытия. Как и в «московских рассказах» («Далекое» (1922), «Ида» (1925), «Мордовский сарафан» (1925), «Благосклонное участие» (1929), с Петербургом связан мотив праздника, понимаемого как некое событие, нарушающее устоявшийся уклад жизни героя. При этом в рассказах 1920-х годов происходит трансформация представления о том, что является праздничным событием в жизни героя, что такое праздник, так как праздничность может иметь как возвышающий, так и некий устрашающий, чаще всего эсхатологический смысл.

Однако, в отличие от «московских рассказов», в которых, несмотря на иронические интонации, Бунин воссоздает родной, «созидательный очаг» (Г. Мейер) России, в «петербургских» текстах «возможные миры» праздника провокационно располагают к игре, к выдумке, фантазии, порождают фантомные образы, уродливые и страшные миражи, губительные для человека.

В рассказах 1920-х годов при внешне традиционной для русской литературы теме «маленького человека», страдающего в столичном городе, уже доминируют модернистские тенденции по эстетизации самобытного, родного уклада жизни. Не случайно эти произведения создавались в период написания романа «Жизнь Арсеньева», в котором из фрагментов сложится картина русской жизни. В 1920-е годы происходит собирание «пестрых» и разнородных «осколков» бытия (отсюда и жанр короткого рассказа) в целостный образ России в ее нетленной — трагически своеобразной — сущности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Собрание сочинений в 6 томах / И. А. Бунин. — М.: Издательство художественная литература. — Маска. — Т. 4. — 702 с. Все тексты цитируются по этому изданию
2. Бердникова О. А. Нобелевские темы Ивана Бунина / О. А. Бердникова // Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». — 2023. — № 4. — С. 45—49.
3. Марченко Т. В. Русская литература в зеркале Нобелевской премии. / Т. В. Марченко. — М.: Издательский центр Азбуковник, 2017. — 668 с.

4. Морозов С. Н. Периодизация творчества И. А. Бунина / С. Н. Морозов // Метафизика И. А. Бунина. Межвузовский сборник научных трудов. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2018. Вып. 4. С. 7—14.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; [гл. ред. А. П. Евгеньева; выполн. Л. П. Александровой и др.]. — М.: Русский язык, 1988. — Т. IV (С — Я).
6. См.: Бунин Иван. Стихотворения. В 2 т. / Сост. и примеч. Т. М. Двинятиной. Санкт-Петербург: Издательство Пушкинского Дома, Издательство «Вита Нова», 2014. (Серия «Новая библиотека поэта»); Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 1 (1870—1909) / Сост. С. Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2011. — 944 с.; Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 2 (1910—1919) / Сост. С. Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2017. — 1184 с. Том 110; И. А. Бунин. Новые материалы и исследования: в 4 кн. Кн. 2 / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2022. 992 с.; Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. — М.: Литфакт, 2019. — 896 с. (Академический Бунин; вып. 1); Пономарев Е. Р. Преодолевший модернизм: Творчество И. А. Бунина эмигрантского периода: [монография]. — М.: Литфакт, 2019. — 340 с. (Академический Бунин; вып. 2); И. А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т. М. Двинятина, С. Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2021. — 1040 с. (Академический Бунин; 3).
7. См.: Капинос Е. В. Поэзия Приморских Альп: рассказы И. А. Бунина 1920-х годов. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 249 с.; Скрипникова Т. И. «Корни и стебли моего прошлого...» Проза И. А. Бунина 1920-х годов. — Монография. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023. — 164 с. Рац Ильдико Мария. Иван Бунин. Таинство любви и бытия / пер. с венг.: О. Якименко, И. М. Рац. — М.: Три квадрата, 2022; Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина: философия поэтика, диалоги. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; СПб: Алетейя, 2022. — 432 с.; Бердникова О. А. «Богъ оставитъ тайну — память обо мнѣ»... Творчество И. А. Бунина: векторы прочтений: Монография / О. А. Бердникова. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. — 240 с.
8. См.: Штерн М. С. Другой всадник, или петербургский текст Ивана Бунина / М. С. Штерн // Известия Смоленского государственного университета. — 2009. — № 1(5); Новикова Е. А. Москва в произведениях Ивана Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2020. — № 4. — С. 109—115 и др.
9. Современная западная философия. — М.: Издательство политической литературы. — 1991. — 404 с.
10. Степун Ф. А. Мысли о России / Ф. А. Степун // Литература русского зарубежья. Антология в 6 т. — М.: Книга, 1990. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 293—324.
11. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды / В. Н. Топоров. — СПб., 2003.

Воронежский государственный университет

Бердникова Ольга Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы XX и XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: berdnikova@phil.vsu.ru

Голицына Т. Н., кандидат филологических наук, доцент,

кафедра русского языка, доцент
E-mail: golitsina.tatiana@mail.ru

Voronezh State University

Berdnikova O. A., Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature of XX—XXI Centuries, the Theory of Literature and Humanities
E-mail: berdnikova@phil.vsu.ru

Voronezh State University

Golitsyna T. N., Associate Professor, Department of Russian language
E-mail: golitsina.tatiana@mail.ru

АЛЛЮЗИИ В СИЛЬНЫХ ТЕКСТОВЫХ ПОЗИЦИЯХ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА В. С. МАКАНИНА «АНДЕГРАУНД, ИЛИ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»)

М. Н. Васильева, О. Н. Васильева

Башкирский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

Поступила в редакцию 11 марта 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются аллюзии романа В. С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени», располагающиеся в сильных позициях текста: названии произведения и глав и эпиграфах. Показано, что они раскрывают идейный замысел всего романа (или главы). Среди средств реализации аллюзий выделяется повтор лексем прецедентного текста, его синтаксической структуры, имен героев-прототипов, звуковое сходство слов, прямое указание на тему повествования. Отсылки становятся узнаваемыми в том числе благодаря контексту. Выявлены формальные и семантические преобразования прецедентного текста. К формальным изменениям прецедентного текста относятся: замена лексем, замена буквы в фамилии героя, расширение, транскрипция переведенного на иной язык слова. В работе использованы структурно-семантический и сопоставительный методы.

Ключевые слова: аллюзии, прецедентный текст, В. С. Маканин, «Андеграунд, или Герой нашего времени», сильные позиции текста.

Abstract: the article examines the allusions of V. S. Makanin's novel "The underground, or the Hero of our time", located in the strong positions of the text: the title of the work and chapters and epigraphs. It is shown that they reveal the ideological intent of the entire novel (or chapter). Among the means of implementing allusions, the repetition of the lexemes of the precedent text, its syntactic structure, the names of the prototype characters, the sound similarity of words, and a direct reference to the theme of the novel chapter. Allusions also become recognizable due to the context. The formal and semantic transformations of the precedent text are revealed. Formal changes to the precedent text include: replacement of lexemes, replacement of a letter in the hero's surname, expansion, transcription of a word translated into another language. The paper uses structural-semantic and comparative methods.

Keywords: allusions, precedent text, V. S. Makanin, "The underground, or the Hero of our time", strong positions of the text

Одним из самых известных и ярких, неординарных писателей современности по праву можно считать В. С. Маканина. Исследователи изучают его творчество в разных аспектах [1, 2]. Усматривающий призвание художника слова в достоверном изображении эпохи [3], писатель совершенно точно отражает в произведениях свое время. «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) — самый значимый роман автора. Данный художественный текст, в котором используется постмодернистская техника письма, отличается наличием огромного количества аллюзий, отсылающих читателя к Библии, произведениям как русской, так и зарубежной литературы, фольклору, широко известным историческим реалиям.

Актуальность исследования заключается в малоизученности аллюзий в произведениях Маканина, в то время как художественные тексты позднего периода его творчества и, в частности, их сильные

позиции, обилуют разного рода отсылками к другим текстам. Среди литературоведческих источников, в которых осмысливались аллюзии в сильных позициях текста Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» («Андеграунд...»), можно назвать работы К. А. Степаняна [4], И. К. Сушиловой [5], К. О. Шилиной [6], М. А. Вершининой [7] и др. **Цель статьи** — рассмотреть аллюзии, располагающиеся в заглавии романа Маканина «Андеграунд...», названиях его глав, а также эпиграфах, выявить их специфику. **Материалом исследования** служит роман Маканина «Андеграунд...». При анализе языкового материала были применены структурно-семантический и сопоставительный **методы**.

В исследовании используются термины *аллюзия* и *прецедентный текст*. Приведем их определения. Аллюзия — стилистическая фигура, выражение, намек посредством сходнозвучающего слова или упоминания общеизвестного факта [8]. Термин «прецедентный текст», введенный в 1986 году Ю. Н. Карауловым, определяется как текст,

1) значимый для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении;

2) имеющий сверхличностный характер, т.е. хорошо известный и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников;

3) обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [9].

Особое значение приобретают аллюзии, находящиеся в сильных текстовых позициях: они помогают интерпретировать произведение в целом. Кроме того, подобные отсылки сильнее привлекают внимание читателя. Отметим также, что в случае анализа художественного текста необходимо принимать во внимание контекст, в который помещены аллюзии, их значение в произведении.

В заглавии романа Маканина «Андеграунд...» и названиях его отдельных частей содержатся как неизменные названия других произведений (например, «Герой нашего времени», «Я встретил вас»), так и с заменой лексем, к примеру название главы «Палата номер раз», «Собачье скерцо». Скажем о них подробнее.

Вторая часть заглавия произведения Маканина (*Герой нашего времени*) повторяет название романа М. Ю. Лермонтова. Очевидно, что в данном случае лексема *герой* обозначает человека, воплощающего в себе черты эпохи, среды [10]. Эту мысль подтверждает эпиграф к «Андеграунду...», взятый из предисловия произведения Лермонтова: *Герой... портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. М. Лермонтов* [11, с. 5]. В цитате опускается обращение (*милостивые государи мои*) и союз (*точно*). С одной стороны, современному автору важно реализовать переключку с русской классической литературой, и писатель осуществляет замысел, обращаясь к одному из ее символов. С другой стороны, имеет место соотнесение образа главного героя романа Петровича с образом Печорина. Представляется, что не случайно выбранное Маканиным для своего героя имя в определенной степени созвучно имени его прототипа, сравним:

Петрович — Печорин

Писатель повторяет практически все буквы имени главного героя романа Лермонтова: первый слог *Пе*, согласные *ч*, *р*, гласные *о*, *и*. Тип героя романа XIX века перемещается в роман конца XX века. В сравнении с образом Печорина образ главного героя «Андеграунда...» раскрывается глубже.

Заголовки в «Андеграунде...» отсылают не только к прозаическим, но и к стихотворным текстам. Так, название главы «Я встретил вас» повторяет первую часть первой строчки известного стихотворения Ф. И. Тютчева, вторую же ее часть Маканин помещает в эпиграф к данному фрагменту романа. Желая отобразить недосказанность, современный писа-

тель ставит многоточие перед второй частью фразы: *...и все былое*. В главе рассказывается о встрече Петровича со своей знакомой — Лесей Дмитриевной Воиновой.

Название главы «Палата номер раз», сохраняющее синтаксическую структуру precedentного текста, содержит лексическую замену. Читателю бросается в глаза то, что автор употребляет слово *раз* вместо правильного варианта *один*. Примечательно также, что Маканин пишет количественное числительное не в цифровой, а словесной форме, в то время как в заглавии произведения А. П. Чехова использованы цифра и знак № («Палата № 6»). И в повести маканинского предшественника, и в главе «Андеграунда...» рассказывается о психиатрической больнице. Чеховский герой не смог выбраться из нее, современному же герою это удастся, одновременно он избегает наказания за убийство двух человек.

Иногда автор дополняет взятый им другой заголовок, например: *Новь. Первый призыв*. Название главы, повторяющее название романа И. С. Тургенева (*Новь*), имеет расширение: *Первый призыв*. В данном фрагменте произведения Маканин иронично пишет о демократах первого призыва: пьющей Веронике и глупом московском депутате Дворикове. При первой же трудности Вероника «срывается» и уходит в запой, прося у Петровича денег «на бутылку». При описании ее образа автор использует эпитеты (*андеграундная маленькая поэтесса* [11, с. 40]) и литоту (*знам с бантиком* [11, с. 86]). Слабый политик Двориков не замечает, как воруют у него на виду. Раскрывая его образ, писатель употребляет окказионализм *глуповато-восторженно-честный* [11, с. 71]. Сделать мир лучше в очередной раз не удастся.

В названии главы «Маленький человек Тетелин» содержится прямое указание на тему «маленького человека» в русской литературе, знакомую каждому читателю. Маканин обращает нас к произведению Н. В. Гоголя, что подтверждает подсказка в скобках в начале главы: (*Сюжет «Шинели»*). Тетелин — «маленький человек» девяностых, одинокий сторож квартир в общежитии. Автор не единожды называет его Акакием Акакиевичем [11, с. 154, 156 и т.д.]. В имени героя Гоголя содержится повтор звуков (*[а]*, *[к]/[к']*), в фамилии маканинского персонажа повторяется сочетание звуков (*[т'э]*): *Акакий — Тетелин*.

Тетелин «полюбил» брюки, продающиеся в торговой палатке напротив. Приобретая их, герой обнаруживает, что они ему длинны и безрезультатно пытается вернуть вещь, из-за чего у него случается инфаркт и он умирает. Маканин переносит сюжет «Шинели» в современность, по-своему преломляя его и превращая трагедию «маленького человека» в фарс. В его образе прослеживается динамика: *новейший Акакий Акакиевич* [11, с. 176] предстает мелким подлецом и подражателем, копируя поведение Петровича и одновременно клеветая на него «об-

щажникам». Герой-рассказчик усматривает в Тетелине тщеславие:

У Тетелина уже была ревнивая мания — статья уважаемым человеком, интеллигентным сторожем [11, с. 155].

Как тип Акакий для нас лишь предтип, и классики в XIX веке рановато поставили на человечке точку, не угадав динамики его подражательного развития — не увидев (за петербургским туманом) столь скороспелый тщеславный изгиб. Мелкость желаний обернулась на историческом выходе мелкостью души [11, с. 176].

Среди аллюзий, размещающихся в названиях глав, имеются такие, которые отсылают к прецедентному тексту с помощью рифмы, к примеру название главы «Собачье скерцо», перекликающееся с «Собачьим сердцем» М. А. Булгакова. Скерцо — музыкальный жанр, а также произведение, созданное в этом жанре, — пьеса в быстром темпе, трехдольная, часто с юмористическим оттенком, обычно предназначенная для исполнения на фортепиано [12]. Задаваемый заглавием шуточный тон распространяется на все повествование: в тексте в юмористическом ключе рассказывается о выгнанном из общежития Петровиче, его бездомном приятеле-маляре и выброшенном из метро пьяном мужчине. Герой-рассказчик сопоставляет себя с выкинутой хозяйками на улицу собакой, усматривая в своей «автономности», то есть «изгнанности», сходство с «собачьей брошенностью» [11, с. 406], при этом он сохраняет чувство юмора и оптимизм.

Имя *Дулычов* в названии главы «Дулычов и другие» отсылает к имени героя пьесы М. Горького Булычову. Интересно, что, судя по тексту главы, фамилия персонажа в действительности звучит как *Дулов*, в заглавии же автор намеренно расширяет ее, добавляя элемент *ыч*, вследствие чего она становится узнаваемой для читателя. Маканин рисует образ типичного бизнесмена девяностых. Как видно из анализа, аллюзии, содержащиеся в сильных позициях текста романа «Андеграунд...», относятся к способам выражения авторских суждений.

Первая часть заглавия романа — *Андеграунд* — представляет собой транскрипцию английского слова *underground*, написанную русскими буквами. Как известно, в переводе это слово означает «подполье». С одной стороны, это аллюзия, отсылающая к «подполью» Ф. М. Достоевского. Об этом, к тому же, Маканин говорит в интервью [13]. С другой стороны, современный писатель изображает представителя советского «андеграунда» — не печатающегося писателя Петровича.

Выводы. Маканин, используя в своем самом крупном произведении — романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» — повествовательную технику постмодернизма, включает в него множество аллюзий, которые помещает в сильные текстовые

позиции — заголовок романа, названия глав и эпиграфы. Аллюзии актуализируются через повтор слов и синтаксической структуры прецедентного текста, имя его героя, фонетическое сходство слов прецедентного и принимающего текстов, обозначение темы, реализованной в главе. Семантика текста помогает узнать отсылки, которые проявляются в основном на лексическом уровне языка.

Среди формальных изменений прецедентного текста выделяются замена лексем (в том числе основная на рифме), замена буквы в имени героя, сокращение его имени, расширение названия произведения, транскрипция переведенной на другой язык отсылки. Аллюзии, заключенные в названии маканинского романа и его главах, отражают авторские суждения и отсылают в основном к произведениям русской литературы как XIX, так и XX веков. Большая их часть обращает читателя к прозаическим текстам. Аллюзии воплощают идейный замысел «Андеграунда...» и достигают цели писателя — наиболее точно и полно изобразить время, «в которое ... Бог дал жить» (Маканин).

ЛИТЕРАТУРА

1. Линник Л. А. Особенности концептуальной системы современных писателей (на материале художественных текстов В. С. Маканина и В. Е. Максимова) / Л. А. Линник, М. Н. Васильева, О. Н. Васильева // Вестник Башкирского университета. — 2018. — Т. 23. — № 3. — С. 820—824.
2. Перевалова С. В. Проза В. Маканина: традиция и эволюция: Учеб. пособие по спецкурсу / С. В. Перевалова. — Волгоград: Перемена, 2002. — 118 с.
3. Маканин В. С. Странная война Владимира Маканина / В. С. Маканин // Новая литературная карта России. [Сайт]. — Интервью «The New Times» № 47 от 2008 г. — Режим доступа: (http://www.litkarta.ru/dossier/strangewarmakanin/dossier_2236/)
4. Степанян К. А. Кризис слова на пороге свободы / К. А. Степанян // Знамя. — 1999. — № 8. — С. 204—214.
5. Сушилина И. К. Современный литературный процесс в России: Учебное пособие / И. К. Сушилина. — М.: Изд-во МГУП, 2001. — 130 с.
6. Шилина К. О. Поэтика романа В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (проблема героя): автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. О. Шилина. — Тюмень, 2005. — 25 с.
7. Вершинина М. А. Автор и герой в прозе В. С. Маканина 1990—2000-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Вершинина. — Волгоград, 2011. — 27 с.
8. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. — Изд. 5-е, испр. и доп. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. — 486 с.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 5-е, стереотипное / Ю. Н. Караулов. — М.: КомКнига, 2006. — 264 с.
10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуков-

ник, 2000. — 940 с.

11. Маканин В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени / В. С. Маканин. — М.: Эксмо, 2010. — 736 с.

12. Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15000 имен существительных, идеогра-

фическое описание, синонимы, антонимы / ред. Л. Г. Бабенко. — 2-е изд., стереотип. — М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. — 864 с.

13. Маканин В. С. Самое интересное — играть черными / В. С. Маканин // [Сайт]. — Режим доступа: <http://www.poltava-orchestra.ru/worldnews/news2049.html>.

Башкирский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

Васильева М. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, лингвистики и международной коммуникации

E-mail: mn_vasilyeva@mail.ru

Васильева О. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, лингвистики и международной коммуникации

E-mail: on_vasilyeva@mail.ru

Bashkir State Medical University of the Ministry of Public Health of the Russian Federation

Vasilyeva M. N., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language, Linguistics and International Communication

E-mail: mn_vasilyeva@mail.ru

Vasilyeva O. N., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language, Linguistics and International Communication

E-mail: on_vasilyeva@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛОВА ЖИВОЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Т. В. Викторина, М. А. Воробьева

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

Поступила в редакцию 16 мая 2025 г.

Аннотация: в статье рассматривается семантико-функциональный потенциал слова *живой* в русском языке. Выявлено, что многозначное слово *живой* в русском языке употребляется в 16 значениях, описана семантика слова и его признаки в каждом значении (грамматические: форма слова, синтаксическая функция; лексические: имеющиеся или возможные синонимы, антонимы; контекстуальные).

Ключевые слова: слово *живой*, значение слова, лексическое значение слова, семантика слова, контекст.

Abstract: the article examines the semantic and functional potential of the word *alive* in the Russian language. It is revealed that the polysemous word *alive* in the Russian language is used in 16 meanings, the semantics of the word and its features in each meaning are described (grammatical: word form, syntactic function; lexical: existing or possible synonyms, antonyms; contextual).

Keywords: the word is *alive*, the meaning of the word, the lexical meaning of the word, the semantics of the word, the context.

Прилагательное *живой* восходит к праславянскому корню *ziti, от которого образовались и закрепились в русском языке многие слова, например *жизнь*, *жить*, *живот* и другие. Первичным значением слова является «такой, который живёт, обладает жизнью». В XVIII веке у прилагательного появилось еще два значения: «имеющий отношение к жизни как к действительности, реальности» и «бодрый, активный» [1, 20]. В процессе исторического развития языка у слова постепенно увеличивалось количество значений.

Цель данной работы — описать условия, обуславливающие реализацию отмеченных в словарях значений слова *живой*. Для достижения заявленной цели использовался описательный метод, включающий наблюдение, анализ, обобщение.

Для рассмотрения семантики слова *живой* были привлечены следующие толковые словари: «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах (БАС) [2], «Словарь русского языка» в 4 томах (МАС) [3], «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (СО) [4], «Большой толковый словарь русского языка» С. А. Кузнецова (БТС) [5], «Большой академический словарь русского языка» К. С. Горбачевича (БАСРЯ) [6].

В словарях наблюдается расхождение в описании семантики слова *живой*: количество значений в словарных статьях варьируется от 7 до 9, нет соответствия в их расположении, а также в выделении оттенков. Например, значение «*принадлежащий к животному или растительному миру; органический*» в БАС отмечено как 3 значение в словарной статье, в БАСРЯ — как 4, в МАС — как 2, в СО отсут-

ствует, в БТС зафиксировано как оттенок первого значения. Практически совпадают словарные статьи, представленные в БАС и БАСРЯ. Незначительные отличия касаются следующего: во-первых, значение «*состоящий из людей, животных или растений; образуемый ими*» в БАС зафиксировано как оттенок к первому значению «*такой, который живет, обладает жизнью*», в БАСРЯ это значение отмечено как второе самостоятельное в словарной статье; во-вторых, в БАС у 5 значения «*полный оживления от многолюдства, движения*» указан оттенок «*быстро совершаемый, бойкий*», в БАСРЯ он отсутствует; в-третьих, в БАСРЯ зафиксировано значение «*выразительный, яркий, образный*», в БАС оно не отмечено; в-четвертых, в БАС выделено значение «*при уподоблении живого существа или живых существ какому-либо предмету, воплощенный*» (данная семантика зафиксирована только в этом толковом словаре).

Исследование словарных статей в указанных лексикографических изданиях позволило выявить 16 различных значений слова *живой* (значений и их оттенков). В современной русистике отсутствуют однозначные критерии для выделения оттенка значения. Так, Я. Бенковичова, исследуя это понятие, отмечает, что в лексикографической практике укоренилась традиция понимать под оттенком значения разнородные по своей семантической сущности явления [7]. Л. В. Щерба подчеркивал трудность отражения оттенков значения и опасения лексикографов в субъективности выделения их в словарной статье [8]. Оттенок значения может означать как особенности семантики, так и сочетаемости слова, его прагматические свойства, он способен показать «тонкие

смысловые различия и реальную взаимосвязь толкуемых единиц» [9, 48], поэтому в данной работе рассмотрены отмеченные в словарных статьях и значения, и оттенки значений без их дифференциации.

Для описания семантико-функционального потенциала слова методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка подкорпуса «художественная литература» было извлечено 400 примеров. Анализ языкового материала показал грамматические характеристики слова в том или ином значении и контекстуальные особенности его функционирования (конечно, ограниченность исследований картотеки сузила описание признаков слова, особенно в тех значениях, которые представлены немногочисленными примерами). Рассмотрим значения по степени частотности в нашей картотеке.

Значение «*такой, который живёт, обладает жизнью*» является самым частотным у слова *живой* в русском языке. Во всех словарных статьях толковых словарей оно отмечено как первое значение и сопровождается следующими лексико-грамматическими пометами: «*сравнительной и превосходной степени нет*» [2, 108], «*противоположно мертвый*» [5, 304]. Действительно, прилагательное *живой* в данном значении не может иметь степеней сравнения, так как выражает абсолютный признак, не способный варьироваться по количеству проявления. Г. И. Панова отмечает, что при этом такие прилагательные имеют оппозицию полных и кратких форм (*живой* — *жив*), непроизводны и потому обозначают признак непосредственно, что характерно для качественных прилагательных [10, 112]. Ярким показателем данного значения является возможность подбора антонима *мертвый*, то есть не обладающий жизнью. Кроме того, слово *живой* в данном значении характеризуется определенными контекстуальными, грамматическими, лексическими особенностями.

1. Согласовывается с существительными, обозначающими живых существ, и является определением: *живой слон, живые осётры, при живых родителях*.

2. Согласовывается с местоимениями (преимущественно с личными) и с местоименным словом *все*: *ты живой, он жив, все были живы*.

3. Употребляется в подчинительных словосочетаниях, выполняя функцию дополнения: *резать живого, кидают живыми, мучает живых*.

4. Используется с отрицательной частицей *не* и с частицей условного наклонения *бы*: *я не живой, жив бы только*.

5. Употребляется с наречиями времени (*ещё, до сих пор, пока* и др.): *ещё живые, жива до сих пор, пока живы*.

6. В полной форме вступает в однородный ряд только с антонимичными прилагательными, в том числе субстантивированными: *живые и мертвые награждены; родителей поминали, живых и покойных; существуют мертвые и живые*.

7. В краткой форме, являясь сказуемым, активно включается в однородные ряды: *слонёнок жив и находится; мать и ребенок живы и будут жить; он жив и вернется*.

8. Являясь субстантивированным прилагательным, выполняет функцию подлежащего: *живые опознавали, живые убегают, живые говорят*.

9. Преимущественно в краткой форме используется в неполных предложениях: *Он не спросил: «Вернулся?», «Жив?», только внимательней посмотрел на нее. Отдыхает — стало быть, жив. Жив, жив!*.

10. Употребляется в синтаксических конструкциях, построенных на противопоставлении, со словами *мертвый, мертвец, покойник* и др.: *Залез живой, вылез мертвый. Живые ласково смотрели на мертвого, а мертвый смотрел в Аид*. В подобных предложениях слово *живой* с отмеченными словами и другими антонимами образует антитезу. Сочетание слова *живой* с контрастными по значению словами *мертвец* и *труп* создает такой стилистический прием, как оксюморон: *живые мертвецы, живые трупы*.

Вторым по частотности употребления в речи является значение «*подлинный, существующий в действительности*». Данное значение обозначает принадлежность существа или предмета к реальной действительности, к тому, что существует на самом деле. Слово в этом значении в краткой форме не используется. Отметим критерии и контекстуальные показатели реализации данного значения у слова.

1. Возможность подбора синонимов *настоящий, подлинный, действительный* и антонимов *искусственный, поддельный, нереальный*.

2. Употребление с существительными, обозначающими сферу деятельности, профессию или национальность: *с живым немецким солдатом, живого пожарника в каске, живого писателя*.

3. Сочетание с перцептивными глаголами: *видел живого Мелентьева, увидеть живого Блока, живую я ее ни разу не видел*.

4. Употребление с сравнительным союзом *как*. В таком случае образ сравнивается с реальным, существующим или существовавшим когда-либо предметом или человеком: *Пес Топка — мамин любимец — выходил у него как живой*.

5. Контекст содержит противопоставление с другой реальностью, которая представлена в виде сна, картины, плаката, или с другой нереальной жизнью: *Это пугает, словно говорит не живой человек, а красный человек с плаката*.

Третьим по частотности употребления является значение «*полный жизненных сил, подвижный, непоседливый*», в БАС имеет помету «*превосходной степени нет*» [2, 108]. Представим показатели семантической реализации данного значения у слова в речи.

1. Употребляется при описании внешнего вида, характера или поведения человека: *Смуглая живая черноглазая девочка с большими блестящими зубами*.

Она исчезла — юная, живая, полноценная.

2. Включается в однородные ряды, часто с синонимичным прилагательным *весёлый*: *Всегда веселая, живая, с какими-то милыми излишествами. Они были веселые, свободные, живые.*

3. Антонимами являются слова *малоподвижный, пассивный, вялый* и т.п.: *Какие были раньше живые (противоп. пассивные) сообразительные товарищи.* Синонимами — слова *активный, подвижный, жизнерадостный* и т.п.: *Был такой живой (=активный), простой, общительный.*

4. Используется в форме компаратива: *Сергей Николаевич — помоложе, поживее).*

5. Сочетается с наречиями меры и степени (*едва, еле, чуть, не вполне*), указывая на отсутствие жизненных сил в человеке, Такой контекст предполагает, что человек не мёртв, но и жизненной энергии в нём мало: *Едва живая, она попала в Первую градскую больницу. А потом ее чуть живую привезли.*

Во всех словарях у данного значения отмечен оттенок «выразительный, подвижный (о чертах лица, глазах)». В этом значении слово *живой* сочетается только с существительными, обозначающими лицо и его части: *Лицо у нее живое, смышленное и плутоватое. С веселыми, нестариковскими живыми, даже какими-то озорными глазами.*

Слово *живой* в значении «*свойственный обладающему жизнью существу, принадлежащий ему*» в краткой форме не употребляется, сочетается с существительными, которые обозначают атрибуты человека как биологически живого существа, во-первых, *плоть, тело* и его части: *живая плоть, живая ткань*; во-вторых, *голос, дыхание*: *живым старушечьим дыханием, живые звоны.*

Слово *живой* в значении «*относящийся к животному или растительному миру; органический*» обозначает совокупность всего живого на земле, всю живую природу. Опишем приметы слова в этом значении в контексте.

1. Выполняет функцию определения и сочетается со словами *земля, природа, клетка, организм* и т.п.: *Кругом дорожек кишат и колеблются песчинки, безбрежная пустынная живая земля. К живым организмам, их частям.*

2. Имеет антоним *неживое*, то есть то, что не растёт, не дышит, не питается, не размножается: *Академик Опарин, например, уже объяснил, каким образом живая материя произошла от неживой. Задано было: живая и неживая природа зимой.*

3. Сочетается с местоимением *всё* и местоимением-прилагательным *всего*, являясь субстантивированным прилагательным и выполняя функцию подлежащего или дополнения: *Всё, что движется, летает, ползает, почему всё это живое живет и множится. Конечно, таково свойство всего живого и неживого.*

4. Употребляется с неопределённым местоимением *что-то*: *Совсем недавно он стискивал что-то*

живое, драгоценное. Только что-то живое, упругое, огненно горячее толкалось изнутри в области сердца.

5. Сочетается с отглагольными существительными: *Кудушению всего живого в зародыше, всего непредсказуемого! В них маленький Колюня пытался услышать секрет уязвимости сущего и умирания живого.*

Седьмое по представленности в нашей картотеке у слова *живой* значение «*состоящий из людей, животных или растений, образуемый ими*». Рассмотрим условия реализации слова в этом значении.

1. В большинстве случаев является определением и согласуется с существительными *цепь, изгородь* и т.п.: *Развертывались живыми цепями, окапывались, постреливали, а после полигон вымирал, пустел.*

2. Сочетается с существительными, обозначающими место, которое заполнено живыми существами или покрыто чем-то живым: *Склоны под солнцем были зеленые, живые. Среди живого, помятого, побитого зала он один сидел чистенький.*

3. Входит в состав составного именного сказуемого со связкой *быть*: *Склоны под солнцем были зеленые, живые. За ними — третий. Хутор был живой.*

Восьмое значение у слова *живой* — «*остро ощущаемый, сильно переживаемый; деятельный*». Представим приметы слова в этом значении в речи.

1. Является определением и сочетается с абстрактными существительными, обозначающими различные эмоции, чувства или события, имеет синонимы *острый, сильный*: *С глазами, сверкающими живой человеческой бедою, красиво и безнадежно проигрывала. В глазах у Матвея вспыхнул живой интерес.*

2. Сочетается с отглагольными существительными, имеет синонимы *деятельный, интенсивный*: *Это живое волнение, и слова эти нелепые — про район подтолкнули Егора. Живое участие, радушие и простота сменялись крикливыми интонациями.*

Слово *живой* в значении «*при уподоблении живого существа или живых существ какому-либо предмету; воплощенный*» употребляется только как определение, согласуется преимущественно с конкретными существительными и предполагает некое сравнение: *Анна Федоровна, Катя и Леночка стояли в дверях наподобие живой картины. Два бешено работающих слившихся тела в дрожащем свете неисправной лампы показались мне живой швейной машиной.*

В значении «*существует, имеется*» слово *живой* функционирует только в краткой форме, указывая на нахождение кого-либо или чего-либо в действительности, в наличии или же в памяти, сердце, воспоминании и т.п. Опишем условия реализации у слова этой семантики.

1. Сочетается как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными, личными местоимениями, выполняет синтаксическую функцию сказуемого: *Вещи живы лишь там, где они внимали первому крику младенца и последнему вздоху старца. Но она же видит их, видит, стоит зажмуриться, и они живы.*

2. Сочетается с абстрактными существительными в предложном падеже: *жив в памяти*.

3. Входит в состав составного именного сказуемого со связкой быть: *Вероятно, боялись, потому что страх был жив*.

Значение «отвечающий реальным потребностям жизни» указывает на нужность и важность чего-либо в социальном плане. Слово *живой* в данном значении выполняет функцию определения, может иметь синонимы *нужный, полезный или актуальный*, сочетается с неодушевленными существительными, часто со словами *дело, событие* и т.п.: *В клубе мы проводили все вечера, иногда и ночи, готовили спектакли, рисовали декорации, писали тексты для стенной газеты, для «живой газеты», реагировали на любые события*.

Значение «черпающий силу в чем-л., имеющий что-л. основой своего существования» характеризует человека, его чувства или образ жизни. Слово в данном значении употребляется только в краткой форме, сочетается с существительными в творительном падеже: *Но не хлебом единым жив человек. Жив надеждой*.

В значении «полный движения, оживления» слово *живой* выполняет функцию только определения и характеризует существительные, обозначающие какое-либо место, на котором происходит активное движение: *Здесь поблизости и станция метро, и Главпочтамт, да и вообще живой перекресток. Бросились спасать себя и живую, трепещущую географическую территорию*.

Слово *живой* в значении «движущийся, обладающий подвижностью» функционирует только как определение, употребляется с неодушевленными существительными, которые сочетаются с глаголами, обозначающими какие-либо активные действия: *Глядел в потолок, по которому ползла какая-то живая черная точка. Глядя в окно на эту живую, шевелящуюся под дождем листву, щелкунчик однажды сочинил дивное стихотворение*.

Слово *живой* в значении «яркий, выразительный» выполняет синтаксическую функцию определения и употребляется с существительными *разговор, рассказ, повествование, изложение* и т.п.: *Егор вострепнулся, заслышав живые, гневные слова*.

В нашей исследовательской картотеке отсутствуют примеры, демонстрирующие употребление слова *живой* в значении «быстро совершаемый, бойкий». БАС отмечает это значение как оттенок к 5 зна-

чению «полный оживления от многолюдства движения», БАС — как оттенок к 3 значению «полный жизненных сил; подвижный, непосредливый».

Таким образом, многозначное слово *живой* в русском языке употребляется в 16 значениях. Наиболее частотными у слова *живой* являются такие значения, как «такой, который живёт, обладает жизнью», «подлинный, существующий в действительности», «полный жизненных сил, подвижный, непосредливый». Слово, функционируя в речи в определенном значении, обладает рядом признаков: грамматических, например наличие краткой формы, степени сравнения, выполнение определенной синтаксической функции; лексических, например возможность подбора антонимов или синонимов; контекстуальных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Муллагалиева А. Г. Функционально-семантические особенности этимологического гнезда с корневым *gi- в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Г. Муллагалиева. — Казань, 2006. — 24 с.
2. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 4. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / гл. ред. А. М. Бабкин. В. И. Чернышев. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. — 675 с.
3. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981. — 698 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. докт. филол. наук проф. Н. Ю. Шведовой. — 11-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1975. — 946 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2003. — 1534 с.
6. Большой академический словарь русского языка. Т. 5. / Гл. ред. К. С. Горбачевич. — М., СПб.: Наука, 2006. — 695 с.
7. Бенковичова Я. Оттенок значения слова в русской лексикографической практике: дис. ... канд. филол. наук / Я. Бенковичова. — Ростов-на-Дону, 1983. — 169 с.
8. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба; под ред. Л. Р. Зиндера, М. И. Матусевич. — Изд.-е 4. — М.: URSS, 2008. — 427 с.
9. Нечаева И. В. Оттенок значения как словарная единица в традиционной лексикографии / И. В. Нечаева // Слово и словарь. Сборник научных материалов. — Минск, 2017. — С. 47—53.
10. Панова Г. И. Морфология русского языка: энциклопедический словарь-справочник / Г. И. Панова. — М.: КомКнига, 2014. — 444 с.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

Викторина Т. В., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской филологии и журналистики.

E-mail: t.viktorina@mail.ru

Воробьева М. А., магистрант

E-mail: maruska-vorobieva@yandex.ru

Katanov Khakass State University

Viktorina T. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Philology and Journalism

E-mail: t.viktorina@mail.ru

Vorobyova M. A., graduate student.

E-mail: maruska-vorobieva@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ОБРАЗА ПРАВЕДНИКА В ПОВЕСТИ Т. В. ШИПОШИНОЙ «ПОЛИГОН»

Кань Вэньфэн

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.

Аннотация: феномен праведничества, ярко проявивший себя в древнерусской словесности, находит отражение в произведениях различных эпох развития русской литературы, в том числе и сегодня. Это связано с развитием в современной литературе такого явления, как духовная художественная проза, и творчеством ряда авторов, ориентированных на православную картину мира. В основе этого феномена лежит принцип теоцентризма, внимание к евангельской системе ценностей и авторитет церковного учения. Объектом изучения в данной работе является повесть Т. В. Шипошиной «Полигон». В ходе исследования в ней выявляются признаки духовной прозы: теоцентрическая картина мира, образ эволюционирующего героя, путь которого связан с преодолением сомнений и обретения веры. Особое место в произведении занимают образы новомучениц — женщин, отдавших свою жизнь за веру в годы репрессий 1930-х гг. Благодаря особому хронотопу повести, читатель получает возможность рассмотреть разные аспекты праведничества: страдание за веру, примеры которого можно найти в истории России, а также путь современного молодого человека, способного пройти сложные этапы духовной эволюции и обрести глубокую веру.

Ключевые слова: духовная проза, Т. В. Шипошина, повесть «Полигон», праведник, теоцентризм, эволюционирующий персонаж.

Abstract: the phenomenon of righteousness, which manifested itself vividly in ancient Russian literature, is more or less reflected in the works of various eras of the development of Russian literature, including today. This is due to the development in modern literature of such a phenomenon as spiritual fiction, and the work of a number of authors focused on the Orthodox worldview. This phenomenon is based on the principle of theocentrism, attention to the evangelical value system and the authority of church teaching. The object of study in this work is the novel by T. V. Shiposhina "Polygon". In the course of her research, signs of spiritual prose are revealed: a theocentric picture of the world, the image of an evolving hero, whose path is associated with overcoming doubts and gaining faith. A special place in the work is occupied by the images of the New Martyrs, women who gave their lives for their faith during the years of repression. Thanks to the special chronotope of the story, readers can feel different aspects of righteousness.

Keywords: spiritual prose, T. V. Shiposhina, the novel "Polygon", the righteous man, theocentrism, an evolving character.

Феномен праведничества тесно связан с русской православной традицией. Первые герои-праведники в литературных произведениях встречаются в житийных текстах Древней Руси. Как правило, к таким героям относятся люди, пострадавшие за веру. Они соблюдают христианские каноны и стремятся к духовному и нравственному совершенству. Кроме того, праведники — это не только те, кто ориентирован на строгое соответствие религиозными канонам, но, в первую очередь, люди, живущие в соответствии с евангельскими заповедями о любви к Богу и ближнему.

В современной литературе феномен праведничества не теряет своей актуальности, однако приобретает новые черты. Герои-праведники у современных православных писателей изображаются по-разному: «...им могут быть свойственны проти-

воречивые качества; они часто совершают поступки далекие от христианского идеала. Однако главным критерием, позволяющим отнести их к этой категории, становится глубокий покаянный настрой, признание собственных грехов, смирение, искренность, любовь к людям» [1, 18]. Исследователи выделяют несколько типов персонажей-праведников: благоразумный разбойник, большой ребенок, странник и юродивый [1, 18]. В таких персонажах обнаруживаются любовь к Богу и людям, милосердие, склонность к искреннему покаянию, незамутненное восприятие действительности, искренность, доверчивость, доброта.

В духовной прозе центральный персонаж проходит сложный путь духовной эволюции. Прежде всего, на него может оказывать влияние исторический момент, специфика окружения и воспитания, которые способствуют формированию в личности скептицизма или равнодушия к духовным аспектам

жизни. Затем он страдает от жизненной катастрофы, то есть находится в состоянии кризиса, испытывая при этом физическую и психологическую боль. На следующем этапе персонаж совершает важный жизненный выбор, в результате которого обретает веру в Бога, и находит новое направление в жизни. Следует отметить, что выбор-ситуация главного героя не всегда обладает благополучным завершением и часто осложняется ложной выбор-ситуацией: «В этот момент персонаж должен принять важнейшие жизненные решения, часто не поддающиеся рациональному истолкованию и требующие выхода за пределы плоского позитивизма. Человек переступает границы рационального и иррационального, обращается за помощью к Богу, так как осознает, что логика повседневности в силу своей слабости неспособна направить его жизнь в здоровое и стабильное русло» [2, 17].

Исследование феномена праведничества занимает важное место в современном российском литературоведении. Данный образ в наибольшей степени обнаруживает себя в творчестве Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и А. П. Чехова. С начала XXI века литературоведы начали обращать внимание на феномен праведничества в современной русской литературе и исследовать его с точки зрения православных традиций. Ученые отмечают, что данные произведения ориентированы на теоцентричную модель мира, а их главные персонажи проходят сложный путь духовной эволюции, чаще всего, от неверия до глубокого богоискательства и познания Христа.

Феномен праведника в современной русской литературе является малоизученным явлением. Тем не менее в настоящее время появился ряд научных исследований, посвященных этой теме. Монография С. С. Бойко — одно из наиболее полных исследований о становлении и развитии духовной прозы и феномене праведников в современных литературных произведениях. В работе проанализированы произведения священнослужителей и мирян Ярослава Шипова, Николая Блохина, Николая Агафонова, Тихона (Шевкунова), Валерия Лялина, Юлии Вознесенской и др., рассматривается история формирования, жанровые и композиционные особенности духовной прозы, а также дается научное определение этому феномену [3]. В работах И. С. Леонова предложена типология данного явления, включающая миссионерскую, приходскую и монастырскую разновидности [4]. Диссертация М. С. Красняковой также является важным научным достижением в изучении современной духовной прозы и феномена праведников. В ней в русле традиций исторической поэтики выделяются типы сюжетов духовной прозы [5]. Ряд исследователей вводят в научный обиход имена новых авторов, творчество которых может быть соотнесено с данным явлением. Е. А. Белогла-

зова сосредоточилась на исследовании творчества Юлии Вознесенской, Ольги Рожнёвой, Александра Донских, изучила воплощение православной картины мира в произведениях этих писателей [6]. Эти результаты исследования открыли новые возможности для дальнейших исследований феномена праведничества.

Несмотря на появление новых исследований в этой области, творчество Татьяны Владимировны Шипошиной, которое по многим содержательным и художественным параметрам соответствует критериям православной словесности, остается практически без внимания литературоведов.

В своих книгах автор обращает особое внимание на духовное и нравственное состояние современного молодого поколения. Это находит отражение в таких произведениях, как «Сказки бабушки Шуры» (2004), «Полигон» (2008), «Не так уж далеко» (2010), «Дом летающих светлячков» (2012), «Ангелы не бросают своих» (2014), «Тайна горы» (2016), «Вопрос выбора» (2024). Как детский врач Татьяна Владимировна не только уделяет внимание физическому здоровью подростков, но и очень следит за их духовным развитием.

В повести «Полигон» находит отражение процесс духовной эволюции героя, а также представлены образы персонажей-праведников. Теоцентризм является основой этого произведения. В мировоззрении героев повести Бог — это абсолютное бытие, который является источником милосердия и доброты.

Подражание и уподобление Богу рассматривается при этом как высшая цель и главный смысл человеческой жизни, а служение ему является основой нравственности. Высшая цель человеческой жизни воспринимается как любовь к Богу и ближнему. И. С. Леонов отмечает, что теоцентрическая картина мира, нашедшая отражение в духовной прозе, отвечает следующим параметрам: «центром мироздания признается Бог, при этом он воспринимается не в отвлеченном контексте, а через призму религиозной, православной традиции, основанной на трех аспектах. Речь идет о следовании евангельским заповедям (этика), полном принятии догматов, таинств и обрядов (метафизика), а также признании авторитета древних основоположников церкви и ее современного священства (иерархия)» [1, 7].

В повести «Полигон» пожилые женщины Дарья, Надежда и инокиня Анна являются христианками, которые преследуются властью, подвергаются аресту и смертной казни. Для них вера тесно связана с вопросом смысла жизни, а отказ от нее равносителен потере этого смысла: «С восемнадцатого года как начались гонения на тех, кто веровал, и кто в церковь ходил, сразу стало ясно, что до смерти борьба идёт. Вначале ещё были надежды, что хоть и в гонениях, но останется церковь такой же, как и была. ... Всё меньше людей оставалось из тех, кто был ве-

рен и не боялся прийти в храм. Страх начал править людьми. Страх, а не Бог» [7, 32].

Надежда является главной фигурой в системе персонажей-праведников. Она стала старостой сельского прихода, но ее сын Василий воспротивился этому. Метафизическую основу этого противостояния подчеркивает священник Петр: «...по Евангелию, Надежда, всё у нас происходит. Всё по Евангелию: “Преданы будете и родителями, и братьями, и родственниками, и друзьями, и некоторых из вас умертвят, и будете ненавидимы всеми, имени Моего ради”» [7, 33]. Очевидно, что финал жизненного пути героини соотносится с каноном мученического жития.

Кроме Надежды, инокиня Анна, послушница Дарья тоже занимают важное место в системе персонажей. В сложных социальных условиях, когда многие отказываются от своих убеждений, чтобы выжить, эти женщины становятся хранителями православных традиций, несмотря на арест по обвинению «в распространении провокационных слухов о скором падении советской власти» [7, 26]. Но они не подписали документ о признании вины и не отреклись от веры. Женщины пострадали за Христа и отдали свои жизни ради веры. В этой повествовательной линии автор создает тип женщины-мученицы.

История женщин-мучениц относится ко времени суровых политических преследований в 1930-х годах. Однако их подвиг не ограничивается конкретным временем; его значение распространяется на другие эпохи, о чем свидетельствует сюжетная линия, в центре которой находится потомок Надежды подросток Александр.

Главный герой — школьник Саша является типичным эволюционирующим персонажем. Как современный юноша, он стремится к свободе, о чем свидетельствует его увлечение экстремальными видами спорта: «...и впереди их ожидала свобода, полная скорости, снега и ветра. Наконец, они прибыли на место. Это было место, ни с чем не сравнимое» [7, 4]. Изначально юноша не является ни верующим, ни атеистом. В это время вопрос веры для него не является актуальным. Персонаж близок типу «большой ребенок»: у него наблюдаются такие черты, как наивность, незамутненность восприятия действительности, искренность, доверчивость, доброта. Это его своеобразная предстартовая ситуация духовной эволюции.

Изменения в его душе начались в тот момент, когда он получил травму во время катания на сноуборде. Оказавшись на границы жизни и смерти, он увидел женщину, которая «вскинула руки и как бы стала просить кого-то. Кого-то большого, светлого и несказанно доброго — где-то в высоте» [7, 20]. Его интерес к незнакомой пожилой женщине был сопряжен с первоначальным поиском веры. Когда Саша узнал, что она является его прапрабабушкой, которая умерла за веру в Бога, он начал думать о ме-

тафизических основах жизни, в его сознании появились мысли о вере.

С другой стороны, болезнь и травмы также являются одной из причин духовной эволюции Саши. Преподобный Феофан Затворник про болезнь отметил: «Посылает Бог иное в наказание, как эпитимью, иное в образумление, чтоб опомнился человек; иное, чтоб избавить от беды, в которую попал бы человек, если бы был здоров; иное, чтобы терпение показал человек и тем большую заслужил награду; иное, чтобы очистить от какой страсти, и для многих других причин» [8, 21]. Травма и болезнь помогают герою понять Божий Промysl, а также историю собственного рода: «Ему очень захотелось снова увидеть ту пожилую женщину и понять, что же с ним произошло там, в серо-коричневом и таком страшном тоннеле. Хотелось разобраться, почему появилась эта женщина, кого она просила, и что означает пистолет» [7, 23]. Эти переживания становятся важнейшим поворотным моментом в духовной эволюции юноши.

В современной духовной прозе эволюционирующий персонаж становится на путь праведничества под влиянием таких аспектов, как: «внутреннее взросление человека, накопление личного жизненного опыта, самоанализ; стечение обстоятельств, кажущихся, на первый взгляд, случайными; наличие персоны-помощника; жизненная катастрофа (болезнь, потеря работы, смерть близких и др.); встреча с чудом» [1, 29]. В образе Саши отражается влияние этих аспектов на него. Выйдя из состояния комы, он начал задумываться о причине своего выживания и об отношениях между пожилой женщиной и им самим. Из жизни Саши можем видеть то, что он живет в нормальных условиях, его никто не преследует за веру. Но у него есть другая проблема — потеряна память предков: он полностью лишен сведений о своей прабабушке, хотя она была причислена к лику святых. Это способствует тому, что сам он оказывается лишенным духовной защиты. Но его душа интуитивно тянется к вере, хотя он не осознает этого. И только после травмы начинается глубокий психологический поиск, который приводит его не только к вере, но и к своему роду. Таким образом, можно говорить об особом типе мученичества, в результате которого происходит глубокая победа над собой.

В системе персонажей духовной прозы наряду с эволюционирующим персонажем появляется персонаж-помощник, функция которого заключается в том, чтобы «...помочь человеку прийти к вере, раскрыть ему глубины христианства. Они отчасти выполняют роль духовного “проводника” для эволюционирующего персонажа и пытаются помочь ему внутренне адаптироваться к новым условиям» [1, 15]. Больничная санитарка Вера является важным духовным помощником для Саши. Она не только уха-

живает за ним в палате, но и помогает ему узнать о православной вере.

Стоит отметить, что мотив чуда также является одной из важных особенностей духовной прозы. В православии «...чудо — сверхъестественное событие, действие, явление, нарушающее «законы природы» и не поддающееся рациональному объяснению. Истинные совершаются божественной благодатью (при ее содействии). Ложные чудеса являются следствием обмана, действий падших духов» [9, 737]. Чудо можно рассматривать как видимое, нетрадиционное событие, вызванное прямым вмешательством Бога в светский мир. Целью чуда обычно является передача определенного послания, доказательство определенной доктрины, ответ на молитвы или демонстрация силы Божьей. Чудеса, по-видимому, демонстрируют Божью любовь и укрепляют веру в душе человека. В повести «Полигон» подлинным чудом становится не только физическое, но и духовное исцеление Саши, обретение им смысла жизни.

Кроме системы персонажей, повесть «Полигон» также отличается особым хронотопом, включающим два уровня: современная Москва и Бутовский полигон советского времени. Жизнь праведников прошлого и нашего времени, их глубокая духовная взаимосвязь раскрывает, по мысли автора, сущность и роль Божьего Промысла в судьбе каждого человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонов И. С. Поэтика православной прозы XXI века / И. С. Леонов, В. А. Корепанова. — Ярославль: Ремдер,

2011. — 121с.

2. Леонов И. С. «Наследники» И. С. Шмелева: духовная традиция в русской литературе XXI века: монография / И. С. Леонов. — СПб: РХГА, 2024. — 184 с.

3. Бойко С. С. Книги для бессмертных. Теоцентричная проза православных писателей XX—XXI вв. / С. С. Бойко. — М.: РГГУ, 2021. — 341с.

4. Леонов И. С. Православная художественная проза XXI века: типология и поэтика / И. С. Леонов. — Волгоград, 2019. — 388 с.

5. Краснякова М. С. Современная православная проза: Генезис, основные мотивы, типология сюжетов / М. С. Краснякова. — Воронеж, 2016. — 204 с.

6. Белоглазова Е. А. Поэтика отечественной православной прозы рубежа XX—XXI вв. / Е. А. Белоглазова. — Саранск, 2023. — 220 с.

7. Шипошина Т. В. Полигон. Не так уж далеко / Т. В. Шипошина. — М: Благотворительный фонд «Миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева», 2011. — 280 с.

8. Байбородин Наум (Байбородин) Болезнь и смерть: По трудам святителя Феофана Затворника / Наум Байбородин. — М.: Сибирская благовонница, 2018. — 98 с.

9. Никифор (Бажанов). Библейская энциклопедия / Никифор (Бажанов). — М: РИПОЛ классик, 2005. — 768 с.

10. Леонов И. С. Мотив болезни в современной православной прозе / И. С. Леонов // Известия ВГСПУ. Филологические науки, — Волгоград. — 2024. — № 4(8). — С. 98—102.

11. Леонов И. С. Повесть Татьяны Шипошиной «Полигон» в контексте современной православной прозы / И. С. Леонов // Русский язык за рубежом, — М.: 2012. — № 5. — С. 84—90.

Государственный Институт русского языка
им. А. С. Пушкина

Кань Вэньфэн, аспирант филологического факультета

E-mail: olegshikanwenfeng@163.com

Pushkin State Russian Language Institute

Kan Wenfeng, Postgraduate of the Faculty of Philology

E-mail: olegshikanwenfeng@163.com

ЗНАЧЕНИЕ КАЖИМОСТИ, ВЫРАЖАЕМОЕ СОЧЕТАНИЕМ ГЛАГОЛА «КАЗАТЬСЯ» С ФАЗОВЫМИ ГЛАГОЛАМИ

П. Б. Кузьменко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 июля 2025 г.

Аннотация: в статье рассматривается явление кажимости в связи с фазами её проявления. Анализируется сочетаемость глагола «казаться» с фазовыми глаголами, а также аспектуальный контекст, характеризующий особенности распределения фаз начала и завершения кажимости во времени.

Ключевые слова: кажимость, разрешение кажимости, фазовость, глагол, русский язык.

Abstract: the article examines the phenomenon of seemingness in connection with the phases of its manifestation. The combinability of the verb "to seem" with phase verbs is analyzed, as well as the aspectual context characterizing the features of the distribution of the phases of the beginning and end of seemingness in time.

Keywords: seemingness, seemingness resolution, phasing, verb, the Russian language.

Двуплановость восприятия мира, обусловленная сложным соотношением мнимого и реального, формирует особую категорию кажимости, совмещающую перцептивные и когнитивные основания восприятия индивидом действительности [1, 491]. Введенный Н. Д. Арутюновой термин «контексты неясного восприятия» отражает многочисленные ситуации, в которых в силу ограниченности перцептивных систем индивид не может сформировать надежное знание. Такие контексты репрезентируются различными языковыми средствами: глаголом *(по)казаться* в различных формах, глаголами чувственного восприятия и речи. В процессе познания индивид получает доступ к действительному положению дел. Путь от неясного восприятия (т.е. кажимости) к надежному знанию лежит через разрешение кажимости [2, 695—699].

Представляется, что разрешение кажимости по-разному распределяется во времени, в связи с чем мы можем говорить о её проявлении в разных фазах. Специализированным средством выражения фазового значения являются глаголы, имеющие значение начала действия и его завершения. Настоящая статья посвящена сочетаемости этих глаголов с глаголом *казаться*. Разные ракурсы рассмотрения процессов, именуемых глаголами, в совокупности с лексическими, конструктивно-синтаксическими и интонационными средствами А. М. Ломов связывает с понятием аспектуального контекста [3].

ФАЗА НАЧАЛА КАЖИМОСТИ

К глаголам, имеющим начинательное значение, В. С. Храковский относит *начать, стать, приступить, приняться, пуститься* и др. [4, 153—179]. В ка-

честве глаголов, выражающих начинательную фазу кажимости, выступают глаголы *начать* и *стать*. Например:

Ребенку начинает казаться, что именно из-за него случилось это несчастье [Е. Власова. Дети и смерть // «Домовой», 2002.08.04].

Что касается сочетаемости этих глаголов с глаголом *казаться*, из этого списка нами были обнаружены только два названных выше. Вероятно, это обусловлено тем, что в высказываниях, содержащих глагол *казаться* в разных формах, часто отсутствует подлежащее (т.е. предложение безличное). В связи с этим невозможны предложения типа *Ему приступило/принялось казаться*.

1. Фаза начала кажимости может быть эксплицирована совместно с выражением интенсивности начала этого процесса, связанного с указанием на частотность. Для этой цели используется обстоятельство, выраженное наречием в положительной или сравнительной степени:

А мне всё чаще стало казаться, что со мной что-то не то.

Увеличение интенсивности может быть обозначено весьма часто используемыми в языке конструкциями типа *с каждой (новой) книгой, с каждой поездкой* и т.п., называемыми периодически происходящие события, не отмечаемые на линии времени, но отражающие опыт индивида, взаимодействующего с окружающим миром:

Но с каждым новым фантиком вкус начинает казаться слишком приторным [А. Коровина. Как возникают зависимости и как избавиться от них в домашних условиях (2017.10)].

2. Начало неясного восприятия может иметь т.н. пунктирный характер, связанный с тем, что кажимость то возникает, то исчезает. Экспликатором такого значения выступает наречие *иногда*:

Правда, **иногда начинает казаться**, что это фантастический сериал [О. Гордо. Донбасский дневник: Обострение в аду (27.01.2017) // «Конт», 2017].

О прерывании кажимости можно судить и по наречию снова, указывающему на её возвращение:

Леска пошла, но как-то странно сопротивляясь, так, что мне снова **стало казаться**, что на приманку попался большой, вкусный и жирный лосось [А. А. Ботев. Кот Шредингера // «Волга», 2013].

3. Начальная стадия кажимости может проявиться при наступлении определенных обстоятельств, названных в главной части СПП:

Когда поддаешься коллективной харизме шахтинцев, то **начинает казаться**, что центр культурной жизни всей области уже понемногу незаметно смещается [Л. Шутько. «На земле вождя полета...» // «Ковчег», 2015].

Тысячи крошек так долго опускаются, что **в какой-то момент начинает казаться**, будто они поднимаются [В. Панкратов. Шестое января, вторник // «Волга», 2015].

Те же сведения о наступлении кажимости могут передаваться обстоятельствами времени:

После реконструкции 1990-х годов будущее проспекта начинает казаться не столь унылым [А. Тарханов, А. Асланянц, Д. Бегларов. Париж (2015)].

4. Говорящий может сообщать точное время начала кажимости. В отличие от предыдущего случая здесь не обнаруживается эксплицитная связь с другими событиями. Как правило, начало кажимости на оси времени отстоит на небольшом расстоянии от момента, который его обусловил. Это обозначается обстоятельствами, выраженными наречием *вскоре*, а также наречиями со значением внезапности *вдруг*, *сразу*, *тут же*, *в эту минуту* и под.

Он был так похож на ее детей, что **вскоре ей стало казаться**, будто она сама его родила [О. Тимофеева. Реальное усыновление // «Русский репортер», 2014].

Ничего, ничего, все образуется! — **И в эту минуту** ему действительно **стало казаться**, что все образуется [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)].

Все наши девицы <...>**сразу стали казаться** мне милыми и симпатичными [А. Алексин. Мой брат играет на кларнете (1967)].

Интервал между событием, обусловившим кажимость и её наступление, может иметь определенные границы:

Спустя минут двадцать такого разговора мне **начинает казаться**, что греческий я понимаю лучше, чем английский [Д. Рубина. Медная шкатулка (2011—2015)].

Точка отсчета кажимости может быть неопределенной:

С некоторых пор мне стало казаться, что Рязанов — это искусный повар, создавший из будничных

ингредиентов что-то диковинное и потрясающее впечатление [Форум: рецензии на фильм «Служебный роман» (2006—2010)].

Точка отсчета может и не иметь определенного места на линии времени, в этом случае начало кажимости занимает определенный период, что позволяет отметить увеличение интенсивности кажимости:

Со временем Василькову стало казаться, что если бы не было этого Счастливого дома, то в стране, должно быть, было бы на порядок меньше несчастных [М. Гринёва. Дом счастья // «Менестрель», 2015].

Постепенно ему стало казаться, что он и сам туша, подвешенная на крючок обстоятельств [И. Абузьяров. Бытовая экология // «Октябрь», 2013].

ФАЗА ЗАВЕРШЕНИЯ КАЖИМОСТИ

Перейдем к рассмотрению момента прекращения кажимости. Среди глаголов, имеющих значение прекращения действия, В. С. Храковский называет следующие лексемы: *перестать*, *прекратить*, *бросить*, *закончить*, *окончить*, *завершить* [4]. По указанным выше причинам, справедливым для глаголов, используемых для обозначения начала кажимости, в качестве коллоката глагола *казаться* мы обнаружили только глаголы *перестать* и *прекратить*. Они являются специализированными средствами, называющими финальную стадию процесса кажимости.

Раньше мне это казалось шуткой, теперь **перестало казаться** [И. Сахновский. Острое чувство субботы. (2012)].

1. В некоторых случаях значение прекращения действия передается совместно со значением внезапности, которое имеется у наречий *неожиданно*, *сразу же*, *вдруг*, *враз*:

И вдруг казаться перестало, что кто-то вёл меня как тень...

Патрулирование улиц в Новинске **враз перестало казаться** таким уж неприятным занятием.

2. Момент разрешения кажимости не всегда означает полное её завершение. Может иметь место т.н. прерывание кажимости, обозначаемое наречием *на время*:

Осеню на время перестала казаться мне воплощением конца света [Г. Рудых. Такой устойчивый мир // «Октябрь», 2002].

Отметим, что при описании **начала** кажимости наречие «на время» в окружении фазовых глаголов не используется (например, невозможно сказать *на время начало казаться...*, но *на время показалось* — вполне допустимо), а к прерыванию реального ощущения и возникновению кажимости. В приведенном же выше примере мы можем говорить о прерывании именно кажимости (в этом случае в интервалах будет иметь место реальное представление говорящего о мире).

3. Прекращение кажимости может быть связано с определенными событиями в реальном мире,

обуславливающими переход к настоящему положению дел. Об этом свидетельствуют разнообразные с точки зрения содержания ситуации, обнаруживаемые в левостороннем окружении фазового глагола и являющиеся условиями разрешения кажимости. Отношения между частями предложения (гесп. левосторонним и правосторонним контекстом) также различны: можно выделить СПП с придаточными определительными, условия, времени:

Но можно найти такой взгляд на них, при котором они **перестанут казаться** несчастьями [И. Ефимов. Сергей Довлатов как зеркало Александра Гениса // «Звезда», 2000].

Эти вопросы **перестанут казаться** риторическими, если учесть, что, родившаяся на пике национального подъема, она вобрала в себя всю неоднозначность ... [М. Петрова. В. М. Васнецов. «Снегурочка» // «Наш современник», 15.07.2004].

Условие, способствующее разрешению кажимости, может быть передано не только в рамках части СПП, но и посредством обстоятельства времени. Оно может включать номинализацию, в свернутом виде называющую имевшее место событие.

После посещения галереи восторги голландцев перед «Ночным дозором» Рембрандта наверняка **перестанут казаться** чрезмерными [А. Смирнова, М. Бейкер, О. Гринкруг. Амстердам (2014)].

4. Изменение представлений о положении дел может быть описано с помощью контраста «кажимость-разрешение». В этом случае обязательно наличие кажимости в левостороннем окружении фазового глагола. Актуальность разрешения кажимости для настоящего момента обозначается наречием *теперь*:

Раньше мне это казалось шуткой, **теперь перестало казаться** [И. Сахновский. Острое чувство субботы. Восемь историй от первого лица (2012)].

5. Начало разрешения кажимости (или её завершение) может иметь точные координаты на линии времени. В качестве точки отсчета выступают обстоятельства времени *после ...* (какая-либо дата), *с того момента* и пр.:

Однако **после 1918 года** тема эта перестала казаться значительной [Д. С. Лихачев. Крещение Руси и государство Русь (1988)].

Частным случаем можно считать указание на длительный период завершения кажимости.

В те дни его дела **перестали казаться** ему будничным хламом [Д. С. Данин. Нильс Бор (1969—1975)].

Наше внимание привлекли примеры, в которых фазовые глаголы в сочетании с глаголом *казаться*

сами выступают в качестве представителей аспектуального контекста и свидетельствуют о характере протекания связанного с кажимостью действия (точнее, действия, ею обусловленного).

И вот, когда вам **начнет казаться**, что четвертого номера уже не существует в природе, он медленно придет со стороны Брянского вокзала, увешанный людьми [И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев (1927)].

Затем наступила эпоха, когда торговля **перестала казаться** Ленину тем «звеном в исторической цепи событий», «за которое надо всеми силами ухватиться» [Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017)].

Рассмотренный материал позволяет предположить, что завершение процесса кажимости происходит симметрично процессу её начала, то есть мы имеем дело, вероятно, практически с теми же репрезентантами аспектуального контекста. Вместе с тем необходимо отметить, что маркер «прерывания» кажимости (наречие «на время») несовместим с начальными фазовыми глаголами.

Таким образом, рассмотрение контекстов, показывающих сочетаемость фазовых глаголов с глаголом *казаться*, позволило установить следующее:

1. кажимость демонстрирует различное распределение на оси времени;
2. кажимость имеет границы, получающие различные способы вербализации;
3. перечень глаголов, реализующих фазовое значение в сочетании с глаголом *казаться*, ограничен;
4. ситуации возникновения и прекращения кажимости оформляются в рамках аспектуального контекста, выраженного различными языковыми средствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 491.
2. Кузьменко П. Б. «Оказывается» как маркер разрешения кажимости (на материале английского языка) / П. Б. Кузьменко // Когнитивные исследования языка. — 2024. — Вып. 2. — С. 695—699.
3. Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии / А. М. Ломов. — Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1977. — 140 с.
4. Храковский В. С. Фазовость // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / В. С. Храковский. — Ленинград: Наука, 1987. — С. 153—179.

Воронежский государственный университет

Кузьменко П. Б., кандидат филологических наук, доцент
кафедры английского языка гуманитарных факультетов
E-mail: p.kuzmenko2012@yandex.ru

Voronezh State University

Kuzmenko P. B., Candidate of Philology, Associate professor
of the English Language for Humanities Department
E-mail: p.kuzmenko2012@yandex.ru

ВЕСНА И ВОДА КАК СИМВОЛЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Ангелика Молнар

Дебреценский университет, Венгрия

Поступила в редакцию 2 сентября 2025 г.

Аннотация: в статье анализируются определенные символические структуры второй части романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», через которые раскрывается внутренняя драматургия образов. Особое внимание уделяется мотивам воды, огня, весны, а также телесной образности как выразителям психологических и жанровых трансформаций. Анализ включает интерпретацию ключевых эпизодов на водах и сцены весны как жанровых и символических узлов текста. Образы героев соотносятся с мифологической и поэтической символикой, обостряя жанровый контраст и углубляя мотив возрождения и разрушения. Показано, как образы природы и повторяющиеся телесные жесты структурируют пространство романа, подчеркивая переходы между падением и исцелением, одиночеством и гармонией.

Ключевые слова: Л. Толстой, «Анна Каренина», жанр, образы, символика, вода, огонь, весна.

Abstract: the article analyzes specific symbolic structures in Part Two of Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina", through which the internal dramaturgy of the characters is revealed. Special attention is given to the motifs of water, fire, spring, as well as bodily imagery, as expressions of psychological and generic transformations. The analysis includes an interpretation of key episodes at the spa and spring scenes as generic and symbolic nodes of the text. The characters' images are correlated with mythological and poetic symbolism, intensifying the contrast of genres and deepening the motifs of rebirth and destruction. The study shows how images of nature and recurring bodily gestures structure the novel's space, emphasizing transitions between downfall and healing, loneliness and harmony.

Keywords: L. Tolstoy, "Anna Karenina", genre, characters, symbolism, water, fire, spring.

ВВЕДЕНИЕ

Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» [1] многократно становился объектом разностороннего анализа, объединяющего мифологические, символические, стилистические и социокультурные подходы. Исследователи выделяют мифологические мотивы трагической героини, родственные классическим сюжетам гибели и искупления [2], а также символику луны, воды и одежды как маркеров внутреннего состояния и социальной роли Анны [3; 5]. Особое внимание уделяется зооморфным метафорам [6] и лексическим образам, проявляющим креативность Толстого как художника слова [7]. Формалисты подчеркивают новаторство в композиции и повествовании [8], в то время как биографические и философские исследования связывают роман с духовным кризисом самого Л. Н. Толстого [9; 10]. Гендерный и феминистский анализ раскрывает критику патриархального общества и обусловленности женской идентичности [11; 12; 14], а современные интерпретации через призму «жидкой современности» фиксируют размытость социальных ролей и моральных ориентиров [13]. Таким образом, «Анна Каренина» предстает как сложное многослойное произведение,

объединяющее личностную драму, философское размышление и социокультурную критику.

Кроме того, роман Л. Н. Толстого характеризуется и параллельным развитием сюжетных линий отдельных персонажей [15], но не только. Ему свойственна сложная система тематических циклов, структурно охватывающих отдельные главы. Данная закономерность в полной мере распространяется и на метафорическую организацию текста. Метафоры формируют устойчивые смысловые связи как внутри локальных эпизодов, так и в рамках всего повествования, приобретая статус символов. Настоящее исследование направлено на анализ мотива возрождения, репрезентированного во второй части романа. Рассматривается поэтика стихийных образов (воды, огня, весны) в их отношении к жанровым структурам романа, поскольку они отражают и жанровое многообразие повествования, варьируясь от эпической до трагической и даже пародийной тональности.

АНАЛИЗ

1. Весна в романе выступает как метафорический процесс исцеления, в котором природные явления отражают внутренние трансформации героев, и в случае Константина Левина. Она наступает

«без ожидания и обманов» [1, 160], а ее искренность подчеркивается несмотря на позднее появление и пасхальное «воскресение в снегу». Восстановление Левина параллельно пробуждению природы — в тумане постепенно раскрываются изменения: тучи разрываются, яркое солнце растапливает лед на реках, а теплый воздух наполняется испарениями ожившей земли [1, 161]. До этого момента герой словно переживает болезнь — как и Кити, или же эта «болезнь» метафорически связана с переменчивой погодой.

Метафорически ассоциированный с молодой зеленой травой [1, 161], Левин обращается к земледелию, что позволяет ему отвлечься от тревог, связанных с Кити. Его растерянность в многообразии задач символизируется образом дерева с молодыми побегами, заключенными в налитые почки [1, 162]. Связь с землей и трудом подчеркивает приземленность героя и продолжает тему жизни и возрождения. Размножение коров выступает символом продолжения рода. Вместе с тем безразличие крестьян к сельскохозяйственной технике и животным вызывает у Левина раздражение и тревогу — они действуют по-своему, полагаясь на случай. Его раздражение усиливает холодный тон приказчика. Тем не менее рост клевера и размеренное покачивание на добром коне приносят Левину радость, становясь символами жизни и устойчивости: «Всё было прекрасно, всё было весело. Назад Левин поехал через ручей, надеясь, что вода сбыла» [1, 165].

Весна и труд в романе функционируют как путь к исцелению и внутреннему возрождению персонажей. Отношения Левина и Кити претерпевают развитие — от юношеской влюбленности к зрелой любви и семейному союзу. Изначально Кити отвергает Левина, не распознав в нем глубину, а он воспринимает отказ как «стыд после падения». Однако даже в этом болезненном переживании он надеется, что судьба и предстоящий брак Кити с Вронским «вылечат» и его самого — подобно тому, как удаление больного зуба устраняет физическую боль. Следует отметить, что болезненный зуб Вронского после самоубийства Анны Карениной становится символом разрушительных отношений. Потеряв Анну, Вронский уходит на войну — что можно рассматривать как форму добровольного саморазрушения. В дальнейшем Кити и Левин находят путь друг к другу. Таким образом, весна и вода выступают символами возрождения не только для Левина, но и для Кити.

2. Пространство «вод», где проходят сцены с участием «больной» Кити и ее семьи, представляет собой символическую зону очищения, перерождения, но также иллюзий и разоблачений. Само место действия — курорт, куда съезжается светское общество, куда приезжают и Щербацкие — описывается как сцена «кристаллизации» общественных статусов, ролей и масок. Эта метафора разворачивается

в тексте Толстого в описании превращения воды в снег на холоде: «каждое новое лицо, приезжавшее на воды, тотчас же устанавливалось в свойственное ему место» [1, 225]. Холод и снег, преобразующийся из воды, метафорически выражают замороженность и условность светских отношений.

В этом пространстве квазирелигиозная мораль приобретает особое значение. Особое внимание уделяется фигуре мадам Шталь (см. «стальная») — женщине, симулирующей болезнь и олицетворяющей мнимую религиозную добродетель. Нарратив подрывает достоверность ее образа с помощью иронических ремарок (оценки) и визуальных деталей (см. тень): «улыбнулась презрительно, что было противно христианской доброте, ... держала свое лицо в тени абажура» [1, 236]. Образ «тени» здесь выступает как указание на ложь и моральное затемнение.

Оказывается, мадам не больна, только одна ее нога короче другой. Таким образом, она не встает не из-за болезни, а из чувства самолюбия. Князь, знавший ее ранее, насмехается над ней; при этом его реплика в тексте маркируется как «огонек» — то же обозначение получает и иностранная (французская) речь, на которой он говорит: «в глазах его Кити заметила смущавший ее огонек насмешки» [1, 243]. Все это показано с точки зрения Кити, которая разочаровывается в идеализированном ею образе госпожи Шталь.

Разоблачение мадам Шталь сопровождается зримой метафорой брошенного платья — иллюзорной формы без содержания: «фигура, составившаяся из брошенного платья, исчезает, когда поймешь, как лежит это платье» [1, 245]. Старый князь, сохраняя русские привычки и нежелание говорить по-французски, становится своего рода хранителем подлинности в этом обществе. В то же время его жена хорошо вписывается в это общество, однако оживляется благодаря этим привычкам мужа.

Кити постепенно осознает поверхностность и фальшь окружения. Приемная дочь мадам Шталь, Варенька, также теряет идеализацию в глазах Кити, и в результате сдвигов в презентации ее образа. Это происходит параллельно с метафорическим описанием погоды и природной среды. Решающий день, когда Кити сблизается с Варенькой, определяется как «ненастный день» [1, 228], сопровождаемый проливным дождем, а больные собираются у водного ключа. Вода здесь символизирует желание очищения, а не внутренний сумбур и кризис. Потом оказывается, что Варенька «прекрасно читала ноты голосом» [1, 232], но поет без души, чрезвычайно спокойно и исполняет просьбы скорее из чувства долга, нежели живого участия. Кити, больная и подавленная, ощущает дефицит именно этого душевного равновесия и самоуважения, думает о Вареньке: «что дает ей это завидное спокойствие и достоинство» [1, 235]. Однако пока это кажется ей тайной.

Понять важность заботы о других как «духовную жизнь» кажется возможным только в контексте христианской религии. Этот урок Кити позднее усвоит, заботясь о брате Константина Левина. Под влиянием лечебных вод Кити сначала создает в воображении трогательную любовную историю — «прекрасный и трогательный роман» [1, 228], которая вскоре оказывается иллюзией, поскольку выясняется, что Николай Левин женится на проститутке Маше. Таким образом, пока что Кити живет фантазиями, ей необходим интерес к жизни, однако мать уже замечает ее падение «в крайность» [1, 237] под влиянием Вареньки. Именно будущее разочарование в Вареньке помогает Кити удержаться на «золотой середине».

Образ Вареньки сравнивается с прекрасным, «хотя еще и полным лепестков», но увядающим цветом «без запаха» [1, 227], то есть без огня жизни, в то время как в Кити есть «сдержанный огонь жизни» [1, 227], пусть даже не такой яркий, как в Анне Карениной. Эти телесные метонимии указывают на наличие внутренней жизни, способности к эмоциональному отклику и трансформации, подчеркивая безжизненность, формальность, «механическую добродетель» Вареньки, лишенную внутреннего горения. По сравнению с Варенькой, Кити обладает более живым характером. Поэтому Варенька не притягательна для мужчин.

Контраст женских образов дополняется их отношением к телу и внешности. Изменения в Кити отражаются и во внешности: теперь ей не важно пышное бальное платье, она носит «очень простое», но «очень нарядное» платье [1, 225]. Это означает, что девушка все еще уделяет внимание своей внешности, осознает свою привлекательность, а также умеет и краснеть, как и Анна. Варенька же говорит и действует «просто», но безжизненно, и ее рукопожатие не энергичное и не отвечающее. Лицо ее может просиять, но «тихою, радостною, хотя и несколько грустною улыбкой». Ее зубы, «большие, но прекрасные» — деталь, свидетельствующая о вялой красоте героини [1, 230].

Жизнь и смерть тесно переплетаются на водах, куда приезжают лечиться смертельно больные. Яркая летняя погода — «яркое солнце, веселый блеск зелени, звук музыки» — резко контрастирует с унылым видом чахоточных, которых Кити считает «уныло двигавшимися мертвецами» [1, 240]. Кити воспринимает это так же как «рамку», как и ранее фигуру Анны. В этом образе Кити, как и Анна, связана с жизнью и смертью: в ней сочетаются символы воды и огня жизни, что подчеркивается деталями внешнего облика, например элегантною красной сумочкой — перекликающейся с образом Анны, которая перед самоубийством отбрасывает свой красный мешочек.

Контрастный параллелизм женских образов и судеб проявляется в том, что в Кити, как и в Анну, вклю-

чается женатый мужчина — художник. Его внутренний разлад выражается в раздражении по поводу того, что «голос изменяет ему» [1, 243], и в неспособности ответить жене так, как он хотел бы, в ситуации, связанной с Кити. Его белые зубы — «странно блестящие» [1, 242]. Вспомним упоминание о сплошных зубах Вронского. Появление в жизни Кити художника отсылает к сюжетной линии Анны, однако здесь важна не аналогия с Михайловым, писавшим с Анны как с живого идеала, а скорее с Вронским, который занимается живописью как игрой. Художник Петров, подобно брату Левина, болен чахоткой, и его судьба, по-видимому, будет столь же трагична. Ситуация усложняет поведение его жены — Анны Павловны, Анете — чье имя также несет интратекстуальный заряд. Ее раздражение и плохо скрываемая ревность создают в окружении Кити напряженную атмосферу. Эта история становится своего рода инверсией линии Анны и Вронского: Кити, оставаясь невинной, невольно вовлекается в драму чужой семьи и испытывает на себе деструктивную силу влечения. Таким образом, в ее новой жизни возникает болезненный контраст между привлекательностью и запретом, между прекрасным и постыдным, отравляющий «прелесть ее новой жизни» [1, 239].

Кити мучается чувством мнимой исключенности из «водного» общества, вызванным событиями с Петровым и Варенькой — она ощущает себя наказанным ребенком, запертым в комнате, когда слышит «веселый смех сестер» [1, 246]. Ее конфликт с Варенькой напоминает попытку последней «спасти» Кити и «научить» ее добродетели [1, 249] — покраснение Кити и образ сломанной пружины (Варенька рассматривала «пружину, которую сломала Кити») символизируют внутреннюю борьбу, созвучную мотиву игры вещей у Анны. По просьбе матери Кити демонстрирует «свои корольки» отцу, выражая обиду, но позже сама просит прощения у Вареньки, ощущая нравственное исцеление — «без притворства и хвастовства» — и готовность вернуться из мира смерти к жизни. В этом контексте Россия ассоциируется у нее со «свежим воздухом» [1, 249].

3. Итак, образы Анны, Кити и Вареньки в романе Л. Н. Толстого формируются через символику огня и воды — ключевых метафор, отражающих эмоциональное и духовное состояние персонажей. Вода сопровождает важные эпизоды, такие как лечение Кити, и служит границей между жизнью и смертью, телесным и духовным началом. Огонь ассоциируется со страстью, разрушением и внутренним распадом, особенно ярко проявляясь в кризисных и предсмертных состояниях Анны. Она предстает как глубокий и разрушительный огонь, Кити — как «сдержанный» огонь жизни с внутренним теплом и духовной зрелостью, а Варенька символизирует холодную, вялую воду — формальное очищение, лишенное живого горения. Пространство «вод» становится фоном как

разоблачений, так и нравственных и психологических трансформаций, а душевная эволюция Кити здесь символизирует процесс очищения и внутреннего обновления, выступая противовесом образу Анны. Такое противопоставление подчеркивает различия в уровне душевной подлинности и жизненной энергии героинь — огонь отражает активное внутреннее возрождение и эмоциональную полноту, вода — стремление к обновлению, искреннему участию и живости.

Символика воды и весны одновременно отражает эмоциональное и духовное состояние персонажей, выявляя поэтические структуры романа. Весна — не просто сезон, а символ возрождения природы и духовного обновления, что особенно актуально не только для Кити, но и для Левина, контрастируя с трагическим путем Анны. В отличие от Анны, Левин через весенние образы переживает возрождение — очищение, обновление и плодородие, связанные с трудом, верой и семьей. Различные способы восприятия мира метафорически выражены через воду: у Левина она — символ устойчивости, у светского общества — образ поверхностности, а у Анны — посредством огня превращается в символ разрушения.

Любовь для Анны — не только страстное чувство, но и метафора укрепления жизненных сил. Внутренний огонь любви вызывает у нее глубокие переживания, сходные с пробуждением природы — надежду и стремление к новой жизни. При этом это возрождение двойственно: оно несет как творческое начало, так и разрушительную силу, отражая сложность и противоречивость духовного состояния героини, а кризисный перелом жизни тесно переплетается с трагедией.

Кити и Анна представляют два этапа женского опыта — любовное становление и страстную одержимость. Их жесты при нервозности сходны — они выражают внутреннее напряжение и эмоциональную нестабильность через произвольные телесные реакции, подчеркивая психологическую уязвимость героинь. Перед самоубийством жесты и слова Анны становятся резкими и отстраненными, отражая разрыв между ее внутренним «я» и телом, в то время как Кити после болезни постепенно обретает телесную цельность и способность к сопереживанию. Роман фиксирует переход от внутренней разобщенности (Анна) к интеграции (Кити).

Вода в романе является также метапоэтическим символом жанра, отражая противоречия жизни и смерти, страсти и покоя. Пространство весны противопоставлено тревожным мотивам поезда, создавая символическую структуру, в которой идиллия и трагедия выступают двумя полюсами человеческого опыта. Женские образы функционируют в этом плане и как жанровые маркеры: Анна — трагический субъект разрушения и одиночества, Кити — носи-

тельница восстановительных сил и основательница семьи. Внутреннее оживление Анны, вызванное любовью, придает воде особое значение, хотя оно не всегда выражено природными метафорами. Для Анны вода становится знаком эмоциональных переживаний и трагедии, стирающей границы между реальностью и текстом, что подчеркивает сложность ее самоидентификации.

Слово (страсти) в случае Анны приобретает метатекстуальную функцию, отражая и предсказывая события, а ее поступки соответствуют традициям трагедии. Вода как образ светского общества воплощает пустое слово и фальшь, которые в ходе повествования постепенно разоблачаются, обнажая поверхностность и иллюзорность общественных масок. Отметим, что Кити также срывает маски, раскрывая подлинность чувств и внутреннюю жизнь, противопоставляя искренность светской фальши, однако она не доводит это до крайности, как Анна. А через сезонные и стихийные метафоры представляется развитие образов и противостояние жанровых логик — эпической, трагической и пародийной.

Нарушая социальные нормы, Анна оказывается исключенной из «текста жизни», а ее смерть — становится завершением конфликта, вызванного героями и жанровыми особенностями. Она воплощает подлинные чувства и трагический нарратив, стимулируя переосмысление психологической глубины персонажей и функциональности романа как жанра.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая сказанное, можно утверждать, что роман Л. Н. Толстого — сложный символическо-нарративный текст, который объединяет личные судьбы и поэтические представления любви, жизни и слова, создавая текстовое пространство, где символика стихий формирует жанрово-мировоззренческий каркас произведения. Ключевые метафоры воды и огня в романе, становясь символами, представляют духовное пробуждение и становление героинь, которые проходят трансформацию через эмоциональные испытания. Весна и вода репрезентируют путь к очищению, исцелению, внутреннему обновлению и перерождению в случае Кити и Левина, тогда как огонь и поезд ассоциируются со страстью, разрушением и смертью в случае Анны и Вронского. Природные ритмы весны и труда противопоставлены искусственным ритмам светской жизни и железной дороги — символа цивилизации и судьбы.

Противопоставление героев выражено не только в сюжете, но и нарративно: Кити и Левин будто достигают равновесия, а Анна и Вронский — нет, их ожидает трагический конец. Слова, жесты, предметы и природные мотивы выступают медиаторами между внутренним и внешним, телесным и духовным, а также становятся метапоэтическими обозначения-

ми жанра романа. Л. Н. Толстой создает поэтическое поле, в котором судьбы героев связаны через параллели и контрасты, а также через отношения между жизнью и искусством, индивидуальными чувствами и универсальными нормами. Телесные жесты героев отражают движение от раздвоенности к гармонии, а жанровые оппозиции — трагедию и идиллию. Эти контрасты раскрывают два пути бытия — разрушение и восстановление, смерть и возрождение.

Таким образом, мотивы стихий и телесности, жанровая и символическая организация текста раскрывают сложную поэтическую структуру «Анны Карениной», позволяя глубже понять психологическую и философскую проблематику произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. / Л. Н. Толстой. — Т. 18. — М.: Худож. лит., 1934. — 571 с.
2. Ахметова Г. А. Мифологический лейтмотив в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» / Г. А. Ахметова // Фольклор народов России. — Уфа, 2006. — С. 83-94.
3. Берман Б. И. Луна и вода в мире Толстого / Б. И. Берман // Сокровенный Толстой: религиозные видения и прозрения художественного творчества Л. Н. Толстого / отв. ред. В. П. Григорьев. — М., 1992. — С. 5-40.
4. Билинкис Я. С. Характеры и время (Основные образы «Анны Карениной») / Я. С. Билинкис // Литературное наследие. — М., 1970.
5. Дудукалова М. В. Атрибуты гардероба главной героини в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» / М. В. Дудукалова, О. А. Сысоева // Studia Humanitatis. — 2019. — № 1. — Режим доступа: <https://st-hum.ru/content/dudukalova-mv-sysoeva-oa-atributy-garderoba-glavnoy-geroini-v-romane-ln-tolstogo-anna/>
6. Нагина К. А. Зооморфные двойники героев Л. Н. Толстого / К. А. Нагина // Вестник Воронежского государственного университета. — 2018. — № 1. — С. 32-36.
7. Чересюк П. А. Метафора как средство словесно-художественной креативности Л. Н. Толстого (на материале романа «Анна Каренина») / П. А. Чересюк // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14. Вып. 9. — С. 2705-2709.
8. Шкловский В. Б. Повести о прозе. Размышления и разборы / В. Б. Шкловский // Шкловский В. Б. Избранное: в 2 томах. — Т. 1. — М.: Художественная литература, 1983. — 639 с.
9. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. / Б. М. Эйхенбаум — СПб.: СПбГУ, 2009. — 952 с.
10. Király Gy. Tolsztoj művészi gondolkodása és regényeinek narratív felépítése. / Gy Király // Bevezetés az orosz irodalom történetébe II / szerk. Kroó Katalin. — Budapest: Bölcsész Konzorcium, 2006. — С. 565-585.
11. Mandelker A. Framing Anna Karenina: Tolstoy, the Woman Question, and the Victorian Novel / A. Mandelker — Columbus: Ohio State University Press, 1993. — 241p.
12. Matoo A. S. Examining Leo Tolstoy's Character Anna Karenina through the Lens of the Medusa Myth / Matoo A. S. // Journal of Comparative Literature and Aesthetics. — Vol. 47. — No. 4. — Winter 2024. — pp. 41-52.
13. Moran J. P. Anna Karenina: The Tragic Heroine of a Liquid Society / J. P. Moran // The Political Science Reviewer. — 2022. — Vol. 46. — No. 2. — pp. 177-196.
14. Su H. Society's Role in Tolstoy's Anna Karenina / H. Su // Global Insight: A Journal of Critical Human Science and Culture. — 2020. — Vol. 1. — pp. 31-35.
15. Walker K., Harbus A. Narrative Foreshadowing and Predictive Processing in "Anna Karenina" / K. Walker, A. Harbus // Orbis Litterarum. — 2022. — Vol. 77, № 3. — pp. 167-183.

Дебреценский университет

Молнар Ангелика, доктор философии, габил.

E-mail: mandzsi@gmail.com

University of Debrecen

Molnar Angelika, Doctor of Philosophy, dr. habil.

E-mail: mandzsi@gmail.com

«НАМ ПРИХОДИТСЯ БЫТЬ НА ВОЙНЕ...»: О ПОВЕСТИ ВАЛЕРИИ ТРОИЦКОЙ «ДОНЕЦКОЕ МОРЕ»

Н. В. Пращерук

Уральский федеральный университет

Поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.

Аннотация: в статье анализируется повесть В. Троицкой «Донецкое море» (2024). Рассматриваются заголовочный комплекс произведения, система персонажей, особенности изображения героев. Исследуется «книжный сюжет» повести, который во многом становится ценностно образующим. Показывается, что трагические события современной истории России осмысляются автором в онтологическом и духовном ключе.

Ключевые слова: Троицкая, Донецкое море, повесть, донецкий текст, книжный сюжет, духовно-нравственная проблематика.

Abstract: the article analyzes the story by V. Troitskaya "Donetsk Sea" (2024). The title complex of the work, the system of characters, and the features of the depiction of heroes are reviewed. The "book plot" of the story is studied, which in many ways becomes value-forming. It is shown that the tragic events of modern Russian history are understood by the author in an ontological and spiritual way.

Keywords: Troitskaya, Donetsk Sea, story, Donetsk text, book plot, spiritual and moral issues.

Нам придется пройти сто дорог,
Что Господь положил нам под ноги —
Пусть на них и беда, и тревоги,
И лишений высокий порог.
Нам приходится быть на войне,
Но мечтать нужно все же о мире,
Если порваны струны на лире,
Сердцу хочется песен вдвойне.
Быть на войне,
Нам приходится быть на войне.

И. Быковская

Повесть «Донецкое море», опубликованная в серии «Русская Реконкиста» в 2024 г., вызвала по нынешним временам достаточно большой интерес читателей и критики [1; 4; 7; 9; 10; 11; 13; 14]. Доктор филологических наук из СПбГУ Сергей Ильченко справедливо назвал ее «литературной сенсацией», книгой, которую давно ждал читатель [1], критик А. Рудалев — «безусловным бестселлером. Любовным, нежным, искренним и крайне необходимым сейчас» [9]. Далее он (А. Рудалев) заметил: «Вроде бы невозможно так писать о братоубийственной брани, бесконечных трагедиях: без истерики и надрыва, без лобовых атак, но спокойно и с достоинством. С огромной внутренней силой, которая скрепляет весь текст, делая его светлым и вдохновляющим»

¹ Троицкая В. Донецкое море. История одной семьи: повесть. М.: Издательство АСТ; Редакция «КПД», 2024. — 320 с. — (Русская Реконкиста). Цитируется по этому изданию с указанием стр. в круглых скобках в тексте статьи.

[9]. В. Агранович, режиссер, отметил в своем отзыве существенное: «Книга пропитана любовью к Родине. И речь не про точку на карте, а про что-то глубинное, что загорается внутри человека, когда он осознает, что наконец-то попал домой, где не был очень давно. Или вообще никогда» [1]. В рецензиях на книгу также указывалось, что перед нами повесть «о настоящем взрослении»: оно для главной героини «происходит после гибели отца, и именно в этот момент, на последних страницах книги... читатель взрослеет вместе с героиней» [7], что «в «Донецком море» поэтика растет из эпоса, из прагматично осмысленного классицизма, из принципов построения советской литературы для подростков» [13].

В. В. Троицкая — историк, журналист. Окончила Институт истории СПбГУ, кафедру истории славянских и балканских стран, занималась вопросами национального строительства и национальных конфликтов. С 2014 г. работала как журналист и театральный критик, публиковалась в различных изданиях города [1].

В интервью она признавалась: «Когда началась спецоперация, часть моего окружения — а я работала преимущественно как театральный журналист — покинула страну. Я понимаю причины и давно наблюдаю, как и кем формируется идеология этой среды. Там нет места любви к своей Родине, там нет уважения к собственной истории, там нет элементарного сострадания к трагедии русских людей, в 1991 году оказавшихся в чужих, порой враждебных для них государствах. Но ведь и сейчас значительная часть молодого поколения, особенно творческой молодежи, живет в информационном вакууме, в атмосфере

безразличия и нелюбви к родной стране. И в этом нет их вины. Много усилий прикладывается, чтобы трагедия Донбасса оставалась для них чем-то бесконечно далеким. <...> Мне захотелось вот так — художественным текстом — рассказать молодым людям, которые не видели 2014 год своими глазами и не знают предысторию конфликта, как люди там жили, боролись и продолжали верить в Россию — даже больше, чем сама Россия верила в себя.

Эта повесть создавалась с огромной нежностью к дончанам. Они мне очень помогли в работе над книгой <...> Им я и посвящаю эту книгу» [1].

Надо сказать, нежность к дончанам очень остро ощущается на протяжении всей повести. Удивительно теплая, живая, сердечная книга. Без ложного пафоса и публицистических нарочитостей.

Заголовок повести («Донецкое море»), который, в отличие от дончан, может быть не вполне понятен широкому читателю, связан с названием кладбища, где хоронят защитников Донбасса. Оно расположено рядом с водохранилищем, известным как «Донецкое море». (В скобках замечу, что в книге упомянуто еще и Мушкетовское кладбище — старое кладбище в Калининском районе Донецка, о нем говорится и в Письмах Л. П. Квашиной [6, 64—65]). Очевидно, что, несмотря на соотнесение с реальным названием, заголовок обретает расширительный, символический смысл, в котором соединяются тема жизни (вода) и тема смерти, достигающие в свою очередь до темы вечной жизни, ибо «у Бога нет мертвых...», в особенности для тех, «кто положит жизнь за други своя». Именно так звучит финал повести. Приводится дневниковая запись главной героини Кати Ковалевой, в которой она пишет о погибших отце и брате, обращается к отцу и признается: «А вы с Ромкой для меня живые. Я смотрю на ваши фотографии и улыбаюсь. И этот дом для меня снова живой. Я буду здесь ждать весну. Я хочу именно здесь встретить Победу. А дальше — поплыву куда-нибудь» (с. 318). *Поплыву* — тоже одновременно конкретно и символично. Напрямую соотносится с профессией отца — он бывший моряк, у него и позывной в ополчении Капитан. Связано с планами отца и дочери, их мечтами о кругосветном путешествии. Но, думается, можно говорить в данном случае и о философском и мифопоэтическом подтекстах, обусловленных общекультурной традицией понимания жизни как путешествия, плаванья, в том числе и за пределы отмеренного человеку земного существования.

На подобное прочтение настраивает и «книжный сюжет» повести. Именно он во многом становится ценностно образующим. В дневниковой записи главной героини, которой как завершается, так и открывается повесть, представлен круг ее чтения с знаковым пояснением: «Основную часть старинного комода... занимали старые книги... Так мне было передано, вернее, передано папино и тетино дет-

ство: «Два капитана» Каверина, «Белый Бим Черное Ухо» Троепольского, «Кортик» и «Бронзовая птица» Рыбакова, «Дикая собака Динго» Фраермана, «Чук и Гек» Гайдара и его удивительная «Голубая чашка» с самыми волшебными, солнечными рисунками Гальдяева, мои любимые «Три толстяка» Юрия Олеши, весь Жюль Верн, Майн Рид, Фенимор Купер, Марк Твен и Джек Лондон». Не могла понять, как они смогли все это прочитать... Если честно, я в детстве и трети не осилила» (с. 8). Это перечисление можно считать отправной точкой в формировании смысловой и ценностной картины мира в повести. Выстраивается своеобразный «книжный мост» к пониманию между отцами и детьми. И не только в повести. Все названные произведения — прямая обращенность к читателю, в особенности старшего поколения — ибо мы тоже вырастали на этих книгах. Так, в самом начале повести закладываются основания для особого читательского переживания — узнавания *своего*, дорогого и ценного, того, что объединяет героев «Донецкого моря» и тебя, читающего повесть. Этот поразительный эффект узнавания *своего* сохраняется на протяжении всего повествования. Закономерно выстраивается ассоциативный ряд, в котором обязательно присутствуют «книжные дети» Высоцкого:

Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров
Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от мелких своих катастроф <...>

Если руки сложа
Наблюдал свысока,
И в борьбу не вступил
С подлецом, с палачом, —
Значит, в жизни ты был
Ни при чем, ни при чем!
Если путь прорубая отцовским мечом,
Ты соленые слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал что почем, —
Значит, нужные книги ты в детстве читал! [3].

Далее упоминается русская классика и «Молодая гвардия», о которой рассказывает Кате ее юный друг, вскоре погибший во время бомбежки в самом начале украинской агрессии. А уже во время СВО читаются стихи Ольги Берггольц (с. 134) с тем, чтобы мы могли сопоставить — при всем понимании различий — будни блокадного Ленинграда и реальность того, что переживают дончане и жители Горловки. Любопытно, что главная героиня получает филологическое образование, которое совсем не мешает ей, закончив курсы медсестер, работать в госпитале. «Весь последний год твердила: «Буду кардиохирургом, буду кардиохирургом». Ну мы и пошли, кто на хирургию, кто на терапию. А она — на филфак, книжки читать» (с. 137), — так отзывается о Кате ее одноклассник медик Илья.

И, наконец, в конце повести Ромка, брат главной героини, вывезенный матерью на Украину, насильно

призванный в ряды ВСУ, попавший в плен и избитый всушниками, просит сестру принести ему в госпиталь «Дети капитана Гранта». При этом, в отличие от нее, он никогда не отличался любовью к чтению. Это, безусловно, символический жест — жест возвращения к подлинным ценностям, к себе настоящему. Полагаю, что и роман Жюль Верна выбран для такого эпизода неслучайно. Подобным выбором акцентируется важная в книге тема семьи, корней и отцовства в целом, верности «отеческим гробам». А если соотнести сюжет «Детей капитана Гранта» с судьбой Ромки, то очевидна подтекстовая перекличка с мотивом поиска отца и его обретения /встречи с ним. Они и погибают вместе, в госпитале, во время агрессии со стороны ВСУ — отец и сын.

Повесть открывается чрезвычайно значимым эпиграфом: «Посвящается Донбассу, который заставил нас стать собой» (с. 5). Именно *заставил* — высотой и мужеством своего сопротивления злу. И это еще одна остро переживаемая составляющая узнавания *своего*. Близкое многим соотечественникам переживание блестяще воплощено Марией Ватутиной в известном ее стихотворении:

Если мы освобождаем Донбасс,
То и Донбасс освобождает нас <...>
Нам прибавилось силы, приросло, открылось,
Русское вона где сохранилось,
Вона где уберегли, что всего дороже.
Какие они тут красивые люди, Боже [2].

Следует отметить, что название повести включает подзаголовок: «История одной семьи». Это, действительно, история семьи, живущей в Донбассе. Через судьбы ее членов, оказавшихся по разные стороны украино-донецкого конфликта, раскрывается трагедия раскола некогда единого народа — трагедия, которая, как замечает один из критиков, может быть определена в номинации «гражданская война». И это не фигура речи, а горькая фиксация того, как некогда хлебосольная и по-славянски родная республика оказалась разорванной надвое [1].

Еще в 2014 г. мать семейства Ларису многое раздражало в образе жизни дончан. В ней Троицкая во многом гротескно изображает так называемого яркого «западно ориентированного» человека. Без корней, без памяти, без чувства Родины, без веры. Ее взгляды отличаются примитивной простотой — и это послужило причиной целого ряда упреков автору в том, что он слишком выпрямил характер, лишил его психологической сложности, впрочем, как и характеры других героев [14]. Так, А. Татарин, например, усмотрел в расстановке персонажей не лишнюю смысла прямую аллегория: «Олег Ковалев — Россия, его дурная жена — Украина в стадии агрессии. Данный вывод подтверждается и ярким дуализмом образов детей. Рома — сначала ставший закладчиком, потом прячущий свои грехи за спиной сестры, далее воюющий за ВСУ, — несчастная

(но не без личного участия) украинская молодежь. Его сестра Катя — будущее России» [13].

Мне представляется такая критика совершенно несправедливой. Во-первых, — как это ни прискорбно, но в реальности мы столкнулись именно с такой оголтелой русофобией, и Троицкая в данном случае нисколько не поступилась правдой. А во-вторых, — не будем забывать, что основная аудитория, для которой создавалась эта книга — подростки, молодые люди, и относительность, нечеткость, неразбериха нравственных оценок и смыслов им противопоказаны. Есть и — в-третьих. Мне кажется, мы переживаем такое время, время прямоговорения, в котором прекрасно написала в своем дневнике «Окаянные дни века сего...» Н. Корнильева: «Открылось все потаенное. Прозрачной стала суть. Полутона поглотило огромное солнце войны. Осталось белое и черное» [8, 112]. Действительно, есть — в нынешних исторических условиях — огромная усталость от постмодернистской расплывчатости нравственных оценок и сомнительной сложности так называемых внутренних миров многих и многих героев из интеллигентской среды.

В «Донецком море» мы встречаем, что очень важно, «чистоту нравственного чувства», четкость и последовательность духовно-нравственной позиции автора и его главных героев.

Рассказывая, трагическую историю семьи, автор не ограничивается бытовой, фактурной достоверностью. Высвечиваются бытие, экзистенциальные смыслы происходящего. И такое высвечивание, «возрастание» до бытийного, библейского, метафизического прочтения достигается как-то очень тонко и органично. Один из способов — это разговоры героев повести. Должна отметить как мастерство, с которым выстраиваются диалоги, так и их высокую простоту и правду. Ничего лобового, никакого публицистического акцентирования. Просто и мудро. В этих диалогах ярко представлены характеры дончан и теперь уже соотечественников с «большой земли». При чтении часто возникали прямые параллели с тем, что писала в Письмах Л. П. Квашина [6; 12]: переклички, связанные не только с горьким и трагическим житьем-бытьем дончан — отсутствие воды, обстрелы, смерть близких — но и с оценками того, что происходит с ними и со всеми нами.

В диалогах поднимаются самые разные вопросы — и вопросы эти, главным образом, совсем не бытового характера — отношений с Россией, памяти, верности корням, нравственного выбора, любви и веры. И еще раз подчеркну, что эта проблематика именно «прорастает» и органично, ненарочито «присутствует» в диалогах, демонстрируя самое главное, чем жив человек и чем живут главные персонажи повести и герои, им духовно близкие. Вот один из фрагментов таких диалогов: «...Я и на крестинах Володи не был, злился тогда на жену, думал: что за чушью

она занимается! Сейчас думаю: если Бога нет, то все, чем мы занимаемся здесь — чушь. <...> Он есть, я Его чувствую (...) Жаль, что раньше не верил. Как бы спокойнее жилось. Много было лишней суеты...» (с. 222—223).

В финале Катя пишет о погибших отце и брате как о живых, а повесившуюся мать, предавшую Родину и родных, называет мертвой.

Поэтому без преувеличения могу сказать, что автор повести дает нам картину мира, ценностно выстраданную и выверенную, осмысляя трагические события современной истории в онтологическом и духовном ключе. Подводя предварительные итоги и возвращаясь к названию статьи, замечу, что «быть» означает в данном случае не только пребывание / существование человека в определенных, в данном случае — военных — обстоятельствах в бытовом аспекте, но и обретение им подлинности бытия.

Повесть В. Троицкой «Донецкое море. История одной семьи» — одна из тех книг, которые со всей очевидностью подтверждают глубокую мысль Ф. М. Достоевского: «Бытие только тогда и есть, когда ему грозит небытие. Бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие» [5, 240].

Впрочем, подобное можно сказать сегодня и о других произведениях — поэтических, автодокументальных, прозаических — посвященных украинско-донбасскому конфликту и СВО.

Думается, изучение повести нужно продолжить. Было бы полезно рассмотреть в конкретно-историческом и мифопоэтическом ключе, как воплощается в произведении тема дома, представленная здесь с опорой на интертекст, на широкое поле взаимодействий с целым рядом произведений, в частности с романом И. А. Гончарова «Обрыв». Кроме того, полагаю, что повесть могла бы войти в списки внеклассного чтения для школьников среднего и старшего возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Троицкая Валерия. Донецкое море. История одной семьи / Валерия Троицкая. — Режим доступа: <https://spbdnevnik.ru/news/2024—10—18/valeriya-troitskaya-donetskoe-more-istoriya-odnoy-semi> (Дата обращения: 08.03.2025).
2. Ватутина М. Если мы освобождаем Донбасс... / М. Ватутина // Поэзия русского лета. — Режим доступа: https://kartaslov.ru/книги/Владислав_Русанов_Поэзия_русского_лета/3 (Дата обращения: 09.03.2025).
3. Высоцкий В. Баллада о борьбе / В. Высоцкий. —

Режим доступа: <https://rupoem.ru/vysotskiy/sred-oplyvshix-svechej-i.aspx> (Дата обращения: 09.03.2025).

4. «Донецкое море. История одной семьи» Отзывы читателей и критиков на книгу автора Валерии Троицкой. Рейтинги книги — Режим доступа: <https://mybook.ru/author/valeriya-troitskaya/doneckoe-more-istoriya-odnoj-semi/reviews/?ysclid=mdfmkg8ga5527885090> (Дата обращения — 06.03.2024).

5. Достоевский Ф. М. Полн. Собр. соч.: В 30 т. — Т. 24. Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь-декабрь / Ф. М. Достоевский. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. — 518 с.

6. Квашина Л. П. Документ эпохи. Письма из Донеска (2015—2023 гг.) / Л. П. Квашина, Н. В. Пращерук. — СПб.: Алетейя, 2024. — 132 с.

7. Коптелова Т. Повесть о настоящем взрослении / Т. Коптелова // Ваши Новости. 2024, 09 октября — Режим доступа: <https://vnnews.ru/povest-o-nastoyashhem-vzroslenii/?ysclid=mdfn8rkj6s636743342> (Дата обращения: 03.04.2025).

8. Корнильева Н. Дни окаянные века сего... / Н. Корнильева. — М.: Вече, 2025. — 320 с.

9. Отзыв Андрея Рудалева — литературного критика, публициста — о книге «Донецкое море» — Режим доступа: https://vk.com/wall276786588_3208?w=wall276786588_3208&ysclid=mdfmalv0ia421703193 (Дата обращения: 06.03.2024).

10. Отзывы о книге «Донецкое море. История одной семьи» (Дата обращения: 06.03.2025)

11. О хорошей литературе. — Режим доступа: <https://alena-73.livejournal.com/671283.html?ysclid=mdfn53xgbd665593569> (Дата обращения: 07.03.2024).

12. Пращерук Н. В. «Письма из Донеска» Л. Квашиной: эго-текст, документ эпохи и факт литературной жизни / Н. В. Пращерук. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2023. — № 3. — С. 46—52.

13. Татаринов А. Эпос нашего времени: о повести Валерии Троицкой «Донецкое море. История одной семьи» / А. Татаринов // Завтра. 2025, 23 февраля. — Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/epos_nashego_vremeni?ysclid=mdfmvul27l580191019 (Дата обращения: 09.04.2024).

14. У книги просто не было хорошего редактора. — Режим доступа: <https://www.livelib.ru/review/5142451-donetskoe-more-istoriya-odnoj-semi-troitskaya-v> (Дата обращения: 06.03.2024).

15. Троицкая Валерия. Донецкое море. История одной семьи: повесть / Валерия Троицкая. — М.: Издательство АСТ; Редакция «КПД», 2024. — 320 с. — (Русская Реконкиста).

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Пращерук Н. В., доктор филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: pnv1108@gmail.com

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

Prashcheruk N. V., Professor, Doctor of Philology, Department of Russian and foreign literature.

E-mail: pnv1108@gmail.com

ОТ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ К МОДЕРНИСТСКОЙ ИРОНИИ: АНЕКДОТИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА 1920-Х ГОДОВ

Т. И. Скрипникова

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

Поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.

Аннотация: анекдотизм в художественных произведениях И. А. Бунина 1920-х годов играет метафизическую роль, выступает модернистским способом осмысления современной писателю действительности. В творчестве писателя, в рассказах «Скарабеи» (1924), «Надписи» (1924) модернистская ирония прошла сложный путь эволюции от простого вербального тропа до способа видения мира.

Ключевые слова: анекдотизм, модернистский способ, комический эффект, смеховая реакция, лицедействующие герои, театральный компонент, автоэпитафия, монологизация сознания, мифологизированный интертекст диалогического взаимодействия, «смеховое действо».

Abstract: anecdotalism in I. A. Bunin's fiction plays a metaphysical role, serving as a modernist way of understanding the writer's contemporary reality. In the writer's work of the 1920s, in the stories "Scarabs" (1924) and "Inscriptions" (1924), modernist irony underwent a complex evolution from a simple verbal trope to a way of viewing the world.

Keywords: anecdotalism, modernist method, comic effect, laughter reaction, acting heroes, theatrical component, self-epitaph, monologization of consciousness, mythologized intertext of dialogical interaction, "laughter act".

К 155-летию со дня рождения И. А. Бунина

Исследователь С. А. Голубков писал, что анекдотизм как черта русской литературы начала XX века проявлялся в комическом изображении действительности, в использовании юмора и иронии для обличения пороков общества и новых явлений, а также в характерном для «Серебряного века» обращении к темам парадокса, абсурда и курьеза, связанных с кризисом прежних ценностей [1]. Исследователи различают понятия «анекдот» и «анекдотизм», поскольку значение слова анекдотизм значительно шире, оно подразумевает сюжетное разворачивание, может включать в себя отдельные анекдотические элементы в качестве литературного приема, а также формирует анекдотический стиль повествования литературы начала XX века [2]. В связи с этим показателен небывалый всплеск сатирической литературы в первые десятилетия XX в., русская сатира, бесспорно, отразила основные этапы развития реализма в целом: процессы, запечатленные, например, в творчестве таких крупнейших художников, как А. П. Чехова, И. Бунина по-своему переосмыслились ими в разворачивании анекдотической ситуации в сатирической и юмористической литературе. Можно отметить схожесть сюжетов у этих писателей, например, фабульные совпадения юмористических миниатюр И. А. Бунина «Роман горбуна» «Грибок», «На базарной» с произведениями А. П. Чехова.

Свой творческий путь в начале 1880-х годов А. П. Чехов, как и многие писатели сатирической литературы, начал с сотрудничества в юмористических журналах «Стрекоза», «Будильник», «Осколки» и др., в которых публикуемые материалы не затрагивали острых социальных тем, а веселили читателей рассказами о забавных случаях, происходящих в служебной и семейно-бытовой жизни обыкновенного обывателя. Современники писателя были единодушны в оценке начала века как времени своеобразного ренессанса комических жанров. «Поистине... комическим временем в литературе» [3] назвал один из видных литературных критиков А. А. Измайлов первое десятилетие XX века.

По словам И. Бунина больше всего их сближало с А. П. Чеховым «выдумывание художественных подробностей». Чехов «был жаден до них необыкновенно, он мог два-три дня подряд повторять с восхищением удачную художественную черту». «Если бы он даже ничего не написал, кроме "Скоропостижной конской смерти" или "Романа с контрабасом", то и тогда можно было бы сказать, что в русской литературе блеснул и исчез удивительный ум, потому что ведь выдумать и уметь сказать хорошую нелепость, хорошую шутку могут только очень умные люди, у которых ум "по всем жилкам переливается"», — заметил Бунин [4, 207]. Как и у А. П. Чехова, анекдотизм в произведениях И. А. Бунина эмигрантского периода проявляется в его интересе к устной народной традиции, к сказовой стилизации, к народному языку и юмору, стилистически это выража-

лось, например, в сказовой форме речи героев (рассказ «Божье древо», «О дураке Емеле...»). Как и Чехов, Бунин использует технику смешного — это система специфических словесных приемов, активно способствующих возникновению комического эффекта, неожиданной смеховой реакции или склонности писателя показывать лицедействующих героев. Отсюда и ритм их прозы, который связан с присущим художественному мышлению названных писателей театральным компонентом, и тягой их самих к некой театральности в жизни, например страсть к розыгрышам, шуткам, каламбурам, о которых писали многие мемуаристы [1]. М. П. Чехова вспоминала о ялтинских днях, когда И. Бунин гостил в их доме: «Оба они любили тонкий юмор, шутку, часто придумывали вместе подробности, эпизоды какого-нибудь смешного рассказа, и порой из кабинета брата слышались взрывы громкого смеха» [5, 356].

Интерес И. Бунина к анекдотическому сюжету это, с одной стороны, продолжение традиции классической литературы, с другой, тесно связан с главной для эмигрантского творчества писателя темой преодоления времени, смерти и исторического беспомощства. Отталкиваясь от наследия реалистической сатиры в произведениях 1920-х годов художник развивает проблему анекдотизма в своем творчестве. Исследуемая в данной работе тема надписи (автографа. — *В. В. Мароши*), встречающаяся у писателя в рассказах «Скарабей» (1924) и «Надписи» (1924), это, на наш взгляд, одна из модернистских попыток И. А. Бунина противостоять «реке забвения», продлив себя в вечности, оставить пусть самый незначительный, но след, который при внимательном рассмотрении вполне может стать «полноценным эстетически значимым вербальным текстом» [6, 234—241]. Эта мысль была особенно дорога писателю в романе «Жизнь Арсеньева», поэтому он выносит ее в самое начало: «Вещи и дѣла, еще не написанные бывают, тмою покрываются и гробу беспомощства предаются, написанные же яко одушевления ...» [7, 235].

Известно также, что, перечитывая свой рассказ «Надписи», изданный в издательстве «Петрополис» в 1934 году, Бунин подчеркнул на полях книги следующую фразу: «И что же, разве эта борьба ничего не дает, разве она уж совсем бесплодна? Нет, тысячу раз нет. Ибо ведь в противном случае все пошло бы к черту — все искусство, вся поэзия, все летописи человечества» [8].

В рассказе «Скарабей» (1924) повествуется о древнеегипетском похоронном ритуале, когда на царских «жучках» писали имена усопших царей, их клали на грудь царских мумий, как символ рождающейся из земли и вечно возрождающейся, бессмертной жизни» [5, 144]. Маленькие камушки-скарабеи с надписями царских имен являются символом «вечной жизни»: «Вот вся история Египта, вся жизнь его

за целых пять тысяч лет» [5, 144] — это все, что осталось от великой цивилизации, только эти скарабеи с надписями.

Рассказ «Надписи» впервые был опубликован в Берлине, в 1924 году в газете «Руль» под название «Schöne Aussicht», что в переводе означает «Красивый вид» (окончательным вариантом заголовка писатель подчеркивает магистральную тему произведения — тему «автографа», надписи. Герой произведения И. А. Бунина, старичок-сенатор уравнивает все виды автографов человечества, оставленных в местах культурной памяти, с точки зрения их экзистенциального назначения, поскольку все они представляют собой специфические «автоэпитафии» (В. В. Мароши): «А я думаю, господа, что ваше остроумие над пошлостью этого обывателя гораздо пошлее, не говоря уже о вашем бессердечии и — о лицемерии, ибо кто же из вас тоже не расписывался в том или другом месте и в той или иной форме? Расписывается (и будет расписываться во веки веков) вовсе не один Фриц или Иванов. Все человечество страдает этой слабостью. <...> В конце концов, все эти несметные и столь друг на друга непохожие человеческие следы производят разительно одинаковое впечатление» [7, 172].

Известно, что надпись на объектах культурного наследия с точки зрения простого обывателя — хулиганский жест, с другой стороны, это символическое соприкосновение с сакральным, движимое желанием продлить себя в вечности, приобщиться к ней, это своего рода послание в будущее, которое, возможно, когда-нибудь увидят неизвестные адресаты. Приведенные в тексте многочисленные надписи создаются по-разному, они наносятся подручными средствами, выцарапываются, вырезаются на самых заметных и посещаемых природных, сакральных и культурных объектах: на стенах дворцов, на памятных деревьях, на соборах или, как в рассказе «Надписи», на колонне беседки, с которой открывается прекрасный вид на Рейн. Парадокс с точки зрения автора заключается в том, что в такого рода поведенческом акте, порой в варварской, вандальной и первобытной форме, проявляется тяготение человека к вечному, сакральному.

Тему надписи в одноименном рассказе И. А. Бунина можно также расценить как поэтическое освящение и одобрение символического жеста имениных предшественников писателя, собратьев по перу. Например, в начале XIX века жил Франсуа Бонивар, патриот, выступавший за независимость Женевы и против власти, за что был арестован, а позже освобожден. История Бонивара вдохновила Джорджа Гордона Байрона на создание поэмы «Шильонский узник». Так, посетив в 1816 году Шильонский замок, Д. Г. Байрон не только прославил его в своей поэме, но и оставил автограф на колонне темницы. Поскольку Байрон был всемирно известным писа-

телем того времени, то отечественные литераторы стремились своими глазами увидеть замок и вслед за любимым поэтом расписаться на его колоннах. Самые известные из сохранившихся в замке надписи принадлежат русскому переводчику «Шильонского замка» В. А. Жуковскому и Н. В. Гоголю. Известный русский историк, публицист Александр Иванович Тургенев в письме к П. А. Вяземскому от 9 июля 1833 года сообщал об этом времени: «Вечеру ездил в Шильон, сходил в его сырое подземелье, снова постучал кольцом, к коему прикован был Бонивар <...> на одной из колонн в тюрьме Байрон вырезал свое имя: под ним русские читают имя его переводчика — Жуковский, Гоголь, далее какой-то Толстой и легионы неизвестных...» [9, 415—416].

Фабула бунинского рассказа «Надписи» достаточно проста на первый взгляд, в основе сюжета — беседа героя и дамы (фактически же весь рассказ — это пространный монолог Алексея Алексеевича) по поводу повсеместно встречающихся надписей в популярных туристических местах. Все персонажи безымянны кроме старичка-сенатора, в конце текста в последней своей фразе дама обращается к нему по имени, о героях не сообщается ничего, кроме того, что они «сидели под греческим куполом беседки... глядя на Рейн» (171). Интересно отметить, что персонаж с именем Алексей Алексеевич трижды встречается у писателя в творчестве 1920-х годов: в рассказах «Архивное дело» (1914), «Надписи» (1924) и «Алексей Алексеич» (1927), не связанных между собой ни сюжетом, ни временем написания. Исследователь Я. В. Баженова отмечает, что это имя, содержащее дублирование отчества писателя — Алексей Алексеевич, является ярким примером использования экспрессивности в рассказах Бунина. «Тем самым писатель приближает героя к собственной биографической личности. С другой стороны, такое имя-отчество представляет собой тавтологический повтор (наподобие гоголевского Акакия Акакиевича). Тем самым, по мысли Я. В. Баженовой, Бунин, наряду с приближением, иронически отчуждает героя от собственной личности» [10, 225].

Итак, перед нами в рассказе «Надписи» диалог (по сути монолог) старичка-сенатора и изредка отвечающей ему краткими репликами безымянной героини. Это дама, как она обозначена в тексте, увидев надписи на колонне беседки, с «медлительно — презрительным тоном» выражает свое негодование по поводу этого с ее точки зрения «проявления пошлости, обывательщины <...> дерзости мещанина, прикладывающего свою руку всюду, где он ступит» [7, 174], а старичок-сенатор, усмехаясь, возражает, выказывая тем самым, с точки зрения дамы, свою «приверженность к парадоксам». Постепенно рассказ становится монологом Алексея Алексеевича о том, что «вся земля покрыта нашими подписями, надписями и записями» [7, 172], так как

все привержены этому. Герой рассуждает о разных способах их появления («Одни вырезаны, набиты, другие начертаны, нарисованы» [7, 172]), разнообразности по времени («Одни вчера, другие десять, сто лет тому назад или же века, тысячелетия» [7, 172]), форме («они то длинные, то кратки...»), жанру («они то пошлы, то изумительны по силе, глубине, поэзии...» [7, 172]). Речь Алексея Алексеевича о разной локальной отнесенности надписей поражает широтой географического охвата и осведомленностью: «Надписи сказочно-великолепной вязью в мечети Омара, в Айя-Софии, в Дамаске, в Каире. Тысячи имен и инициалов на старых деревьях и на скамейках в усадьбах и городах, в Орле и Кисловодске, в Царском Селе и в Ореанде, в Нескучном и в Версале, в Веймаре и Риме, в Дрездене и Палермо и т.д.» [7, 173]. И вот старичок-сенатор блестяще, с иронией, остроумно, доказывает даме, что эти надписи не портят эстетический вид беседки, и даже, напротив, придают некую загадочность этому месту. Он приводит убедительные примеры, утверждая, что к этим надписям и людям, оставившим их, нужно относиться с милой снисходительностью, даже «с нежностью», ибо от многих из них, уже покинувших этот мир, единственное, что осталось — только эти надписи. Далее, всё больше расширяя проблематику, старичок говорит об эволюции и своего отношения к надписям, поскольку в определенный период также, как и его собеседники, он был приверженцем старых истин. Однако время показало Алексею Алексеевичу, что человечество на протяжении своего существования изменилось крайне мало, несмотря на прогресс и эволюцию, фундаментальные черты и поведение человека осталось неизменным с течением времени, также как и конфликт между консервативными взглядами и прогрессивным ходом исторического развития: «Было время, когда и я весьма немногим отличался от прочих. Прочие посягали на Иванова седьмого, а я смотрю, бывало, на клинопись и думаю: «Хоть ты и Вавилон построил и Сезостриса, как говорится, на голову разбил, а дурак!» <...> Ну, а теперь я снисходительнее отношусь и к Навуходоносору и к Иванову» [7, 175]. То есть, как видим, Алексею Алексеевичу все равно, кто оставил свой автограф, не важно, о ком говорить, так как «заслуживает того каждый из живших на земле», пусть даже и «неведомый Ефим, оставивший для меня, ему тоже неведомого, как бы частицу своей души в один из ее самых заветных моментов» [7, 175]. И в подтверждение уникальности каждого человеческого опыта Алексей Алексеевич, будучи «приверженцем парадокса», соединяет в одном ряду доселе несоединимые по национальному, социальному признакам имена: реальные и вымышленные, литературные, исторические, мифологические: Фриц, Иванов, Гомер, Толстой, Нестор, прах Данте и могила дурочки Фени, Ефим и Прасковья, Андромаха, Иван Никифо-

рович и Карл Великий. По мнению героя, желание оставить свой след на земле и продлить себя в вечности одинаково важно для каждого обычного и великого, всякий человек чувствует эту потребность: «необходимо хоть как-нибудь и хоть что-нибудь сохранить, то есть противопоставить смерти» [7, 175]. Ибо начертанное имя наделяется способностью хранить память о человеке, о его существовании. Борьба человека со смертью — это борьба с забвением, вечная жизнь возможна в памяти последующих поколений: «все человеческие надписи суть эпитафии, поелику касаются момента уж прошедшего, частицы жизни уже умершей» [7, 175]. Исследователь И. Б. Нечипоров писал, что в литературе рубежа веков ощущение кризиса межличностных связей предопределяет частую ориентацию художника на познание личности уникальной, уединенной, порой отчужденной от мира [11, 102]. Фокусировка повествования в рассказе И. Бунина на монологе героя, отражающем внутренний мир его мыслей, чувств в субъективном восприятии реальности абсолютизирует идею о монологизации сознания персонажа (Алексея Алексеевича), столь близкую модернистской поэтике. Неслучайно И. А. Бунин включает в текст и аллюзию на рассказ А. П. Чехова «Жалобная книга», писателя, с кем его связывала многолетняя крепкая дружба и сотрудничество. Разрозненные «жалобы» в своем одноименном рассказе А. П. Чехов объединил в концовом композиционном эффекте: «Хоть ты и седьмой, а дурак». Вполне можно утверждать, что весь рассказ служит лишь фоном или оболочкой для этой фразы. Все иронические «жалобы» — это лишь подготовка к наиболее смешной «жалобе», являющейся композиционным центром замысла у Чехова и ставшей в литературе и быту «притчей во языцех» [12].

Рассказы А. П. Чехова «Жалобная книга» и И. Бунина «Надписи» сближает сознательная установка на «безыдейность» отсутствие резко обличительной тенденции, изображение жизни вне готовых и заданных мыслительных конструкций, вне общепринятых стереотипов ее оценки. Однако в отличие от бунинского сюжет рассказа писателя-реалиста А. П. Чехова — это прошлое, не связанное с будущим, в то время как герой рассказа «Надписи» Алексей Алексеевич видит будущее через призму памяти, путешествуя по миру, фиксирует то там, то здесь маленькие части какого-то большого, значительно текста и собирает эти фрагменты, объединяя их в один пространственный монолог. Надписи, увиденные и прочитанные по всему миру, являют собой мифологизированный интертекст диалогического взаимодействия разновременных культурных и смысловых связей, создающих заданный автором подтекст [8]. При этом, с выходом на надтекстовый уровень, т.е. при попытке взглянуть на процесс и смысл написания (создания надписей) как на творчество, с одной стороны, сохраняется связь с прошлым, а с другой,

события или явления эти (запечатленные в надписях разной давности) мыслятся вновь происходящими, а следовательно, живыми. Поэтому, создавая текст записей из «надписей», герой-повествователь совершает метафизический ритуал по преодолению смерти, по продлению себя в памяти [13, 252].

Действительно, в рассказе человеческие надписи запечатлевают самые сокровенные смыслы и тайны человека, например первую влюбленность: «была до ланит восходящая кровь» (А. А. Фет «Весенние мысли»), заветную скамью, «шиповник алый», который цвел (Н. П. Огарев «Была чудесная весна!»), образ возлюбленной, которая: «Хороша и бледна, как Лилея» (И. И. Панаев «Будто из Гейне»). Как видим, помимо отсылки к творчеству А. П. Чехова в тексте содержатся многочисленные аллюзии на других известных писателей XIX века Н. В. Гоголя, Н. П. Огарева, И. И. Панаева, А. А. Фета. Из надписей «тысячи имен и инициалов на старых деревьях и на скамейках в усадьбах и городах» [5, 173], на зеркалах, колоколах, обелисках, гробницах, развалинах капищ, каракулях карандашом на голубце, транслирующих частную историю, историю отдельных человеческих судеб, складывается калейдоскоп «летописей человечества» [5, 176]. Со временем чувства угасают, «шиповник отцветает», а надписи, как противоядие от небытия, хранят и будут хранить в себе «частицу души» своего создателя и те неповторимые, светлые моменты, понятные и пережитые каждым человеком по-своему. Ибо «блаженные часы» проходят, но неистребима вера человека в вечную жизнь, в ее победу над смертью. Отсюда понятное желание героев рассказов И. Бунина эмигрантского периода что-то оставить после себя — камешки в каирском Булакском музее или надписи: и то, и другое одинаково хранят историю прошлого, скрыто существующего в настоящем.

Поведение героя рассказа «Надписи», Алексея Алексеевича, иронизирующего над собеседниками, представляет собой некий театральный жест, а весь монолог его воспринимается как умело организованное «смеховое» (С. А. Голубков) театральное действие, игра. Как пишет исследователь С. А. Голубков, смех, явный или скрытый, — всегда намек на семантическую неисчерпанность явления, он — индикатор многозначности, серьезное всегда склонно к самосохранению, кристаллизации, а смех же текуч и подвижен. «Смех моделирует отображаемую действительность заново, по требованиям принципиально иного кода, выворачивает ее «наизнанку». <...> Смех в таком случае выступает выражением внутренней свободы, чаемым элементом непредсказуемости, неисчисленности. Смех позволяет обнаружить деструктивную опасность тотальной серьезности — возникновение тенденции омертвления, статики. <...> живая, многомерная жизнь напоминает о себе в смехе. Избыточная серьезность нежизненна [1,13]. Таким об-

разом, в рассказе «Надписи» И. Бунин транслирует «смеховую», «парадоксальную гипотезу» Алексея Алексеича в сопоставлении ее с базовыми человеческими ценностями. Признаками комического выступают фиксация несоответствия теории Алексея Алексеевича общечеловеческим эстетическим идеалам, представление парадокса в неожиданном свете, вызывающее смеховую реакцию. Отсюда вполне объяснимо странное поведение героя в конце разговора (и самого рассказа): «поднявшись со скамьи, старичок снял шляпу и, странно улыбаясь, потряс ее в воздухе» [7, 176].

Если у А. П. Чехова в реалистической сатире обычно «комический афоризм» (С. А. Голубков) имеет статус итоговой фразы, определяющей ключевой смысл произведения, как в «Жалобной книге», то в рассказе И. Бунина он, на первый взгляд, представляет собой «изысканную» игру в слова, некий веселый каламбур, под которым подразумевается скрытый глубокий смысл. Комический манерный афоризм из уст претенциозного героя, старичка-сенатора, по мнению исследователя С. А. Голубкова, взрывает фабульное пустое содержание, опрокидывает «претенциозную», вычурную форму [1, 51]. Монолог героя, отображающий ироническую переоценку устоявшихся в обществе норм, содержит в себе скрытое противоречие, выражающееся в двойственности самой ситуации, когда за внешне объективным рассказом стоит скрытая насмешка. Подобный принцип изображения событий приводит к двойственности восприятия героя и его действий: речь Алексея Алексеевича можно толковать, с одной стороны, как проявление иррационального в человеке, познавшем тайны бытия и делящемся своими знаниями на благо окружающих, и как действие лицедействующего чудака, вводящего собеседников в конфуз. Старичок-сенатор утверждает идею доминирования иррационального над реальным, что, на наш взгляд, сближает творчество И. Бунина эмигрантского периода с модернистской иронией. За внешне бытовой сценой вечернего променада лиц, относящихся к высшему обществу, и любования природными видами (напомним, что изначально рассказ назывался *Schöne Aussicht*) реальностью становится иррациональное обоснование жизни в пространном монологе Алексея Алексеевича. Исследователь Ю. Бореев, анализируя реалистическую и модернистскую сатиру-иронию, приходит к выводу о том, что и то, и другое являются особым видом комического [14, 146]. Однако, по мнению ученого, они принципиально отличаются различным отношением к иррациональному и реальному. В реалистической сатире иррациональное или один из моментов реального, или способ изображения и раскрытия его сути, или условный прием, позволяющий наглядно увидеть то, что скрыто за внешней видимостью. В модернистской же сатире, по мнению ученого, ир-

рациональное и есть главная реальность [14, 146]. Так в программной речи старичка-сенатора содержится измененная картина мира и концепция личности, построенная на снятии жестких оппозиций, размытии границ. Из-за ощущения катастрофизма бытия, которое «каждого вернула к сути вещей» [15, 88], человек утрачивает привычную уверенность и укорененность в мире, свойственную классической картине мира, поддерживаемой реализмом XIX века, и осознает себя орудием «бессознательно действующей «слепой воли», обреченности на одиночество и незащищенности перед «хаосом жизни». Думается, что в творчестве 1920-х годов у И. Бунина возникает законное желание вновь обрести незбылемые ценности, но уже пережив «искус» [16] модернистской иронии. Показательно при этом, что ощущение дисгармоничности мира в бунинской прозе эмигрантского периода привело и к усилению «трагической иронии» (Э. А. Полоцкая). Исследователь Э. А. Полоцкая справедливо пишет о приближении бунинской объективной иронии к ее главной разновидности — модернистской «трагической иронии», которая, например, лежит в основе небольшого, всего в одну страницу, рассказа «Роман горбуна» (1930). Горбун получает первое в жизни любовное письмо. С нетерпением ждет он свидания — «рокового часа». Дождается — и видит, как навстречу ему «длинными и важными шагами» идет... горбунья [17, 86]. Таким образом, анекдотизм является важной смысловой составляющей художественного мира И. Бунина, его присутствие обнаруживается в произведениях писателя периода эмиграции, реализуясь в форме анекдотической ситуации. Анекдотизм обусловил следующие важные особенности прозаических произведений писателя: смысловую игру точками зрения; подвижность, лаконичность и емкость его коротких рассказов, в которых автор не использует крупных событий, а фокусируется на бытовых событиях и деталях, маскирующих внутренний мир персонажей. Однако в отличие от А. П. Чехова, у которого анекдотизм возникает на бытовом уровне «из-за скуки жизни», у И. Бунина он близок к модернистской иронии, чаще всего проявляется в столкновении сакрального (бытийного) с бытовым, создающим подчас комический эффект. Анекдотическое в художественных произведениях И. А. Бунина играет метафизическую роль, выступает модернистским способом осмысления современной писателю действительности. В творчестве писателя 1920-х годов (рассказы «Скарабей», «Надписи») модернистская ирония прошла сложный путь эволюции от простого вербального тропа до способа видения мира [8]. Тема памяти оказывается «вживленной» в предметно-бытовые детали — скарабей Марнетта или надписи на разных памятниках архитектуры по всему миру. Подобное «овеществление» (И. Б. Нечипоров) эмоции, сублимация памяти о прошлом в деталях

предметного мира» [11, 67] сближает творчество И. Бунина с важнейшими творческими принципами модернизма: наследуя традиции обновленного реализма, писатель оказывается причастным и контексту общемодернистских исканий Серебряного века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубков, С. А. Техника смешного в литературном произведении: учеб. пособие / С. А. Голубков; отв. ред. М. А. Перепелкин. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. — 188 с.
2. Голубков С. А. Анекдотическое в русской литературе XX века / С. А. Голубков. — Режим доступа: <https://ermine.narod.ru/LITER/STAT/GOLUBKOV/anecd.html> (дата обращения: 30.09.2025). .
3. Измайлов А. А. Литературный Олимп [Текст]: характеристики, встречи, портреты, автографы / А. А. Измайлов. — М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911. — 472 с.
4. Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. / И. А. Бунин. — М. Художественная литература, 1988.
5. Вокруг Чехова / Сост., вступ. ст. и примеч. Е. М. Сахаровой. — М.: Правда, 1990. — 656 с.
6. Мароши В. В. Гоголевский субстрат карнавального подтекста в миниатюре И. А. Бунина «Канун» / В. В. Мароши // Образы Италии в русской словесности. По итогам Второй международной конференции научно-исследовательского центра «Russia-Italia» Россия-Италия, Томск-Новосибирск, 1—7 июня 2009. —Томск, 2011. — С. 234—241.
7. Бунин И. А. Собрание сочинений в 9 т. Т. 5. / И. А. Бунин. — М.: Художественная литература, 1966. — С. 375. В дальнейшем текст произведения Бунина цитируется по этому изданию с указанием страницы.
8. Гейдеко Валерий. А. Чехов и Ив. Бунин / Валерий Гейдеко. — М.: Советский писатель, 1987. — 365 с.
- Режим доступа: <https://a-chehov.ru/publikacii/chehov-i-bunin> (дата обращения: 30.09.2025).
9. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах. — Т. 4. / В. А. Жуковский // Стихотворные повести и сказки / Сост. и ред. А. С. Янушкевич. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 640 с.
10. Баженова Я. В. Поэтика имени в творчестве И. А. Бунина: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.01 / Баженова Яна Вячеславовна; Сиб. фед. ун-т. — Красноярск: [б.и.], 2021. — Режим доступа: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/koha:000565475> (дата обращения: 30.09.2025).
11. Нечипоров И. Б. Поэзия темна, в словах не выражена. Творчество И. А. Бунина и модернизм: монография / И. Б. Нечипоров. — М.: Метафора, 2003. — 256 с.
12. А. П. Чехов: pro et contra. Том 3. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX — начала XX в. (1960—2010) / В. Л. Тейш. Этюд. — Режим доступа: <https://a-chehov.ru/publikacii/chehov-pro-et-contra-tom-3/p47> (дата обращения: 30.09.2025).
13. Мелетинский Е. М. Время мифическое / Е. М. Мелетинский // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. I. — М.: Советская энциклопедия, 1987.
14. Боров Ю. Комическое / Ю. Боров. — М.: Искусство, 1970. — 239 с.
15. Адамович Г. Одиночество и свобода / Г. Адамович. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. — 318 с.
16. Иванова И. Н. Типология и эволюция иронии в поэзии русского модернизма: 1890—1910 годы: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Иванова Ирина Николаевна. — Ставрополь, 2006. — 528 с.
17. Полоцкая Э. А. Чехов в художественном развитии Бунина (1890—1910-е годы) Э. А. Полоцкая // Литературное наследство. — Т. 84. — Кн. 2. — М., 1973. — С. 66—90.

Воронежский государственный аграрный университет имени Петра I Скрипникова Т. И., канд. филол. н., доцент кафедры русского и иностранного языков
E-mail: skripnikova77@rambler.ru

Voronezh State Agrarian University named after Peter the Great
Skripnikova T. I., Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages
E-mail: skripnikova77@rambler.ru

«МЫ САМИ СВОИМИ РУКАМИ СОЗДАЛИ МИР, В КОТОРОМ НАШИМ ДЕТЯМ БОЛЬНО»: ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТА В ДРАМЕ Т. ЯНССОНА «НА ПРИВЯЗИ»

О. В. Тихонова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 мая 2025 г.

Аннотация: объектом исследования является произведение малоизвестного в нашей стране финско-шведского автора Тумаса Янссона, представляющего современные финские драму и театр. Цель предпринятого исследования — в опоре на анализ особенностей решения конфликта выделить базовые смысловые модели пьесы, обращенной к вечной проблематике «отцов и детей». Структурная специфика (система персонажей, принципы развития и речевого оформления действия) предельно заостряет данный «общий» ракурс драмы.

Ключевые слова: отцы и дети, конфликт поколений, одиночество, экзистенциальные коды, «пост-драматический театр», психологизм, речевая структура

Abstract: this paper studies a play of little known in this country Finnish-Swedish author Tomas Jansson who represents modern Finnish drama and theater. The goal of this research is to highlight the basic semantic models of the play based on the analysis of the features of conflict resolution addressing the eternal issue of the generation gap. Specific structure including the character system, principles of the plot development and dialogue sharply emphasize this “general” aspect of the drama.

Keywords: fathers and children, generation gap, loneliness, existential codes, “post-drama theater”, psychologism, speech structure

Пьеса финско-шведского драматурга Тумаса Янссона «На привязи» (*Bunden*), написанная в 2010 г., была опубликована в России в 2016 г. В отличие от других современных финских драматургов (например, Микки Мюллюахо, чьи драмы «Паника» и «Хаос» ставились в России в нескольких театрах) Т. Янссон пока неизвестен российскому читателю и зрителю. Пьеса «На привязи» обращена к вечной проблеме взаимоотношений поколений. Вопросы, затрагиваемые в подобных драмах, при всем признании их типичности и важности, часто пугают своей остротой, заставляют испытывать некое «неудобство», так как любой из зрителей (читателей) может идентифицировать себя как представителя одного из двух или сразу обоих лагерей — отцов или детей.

Проблема драматического конфликта в рамках данной темы становится не просто краеугольной для анализа и вычленения смыслов произведения, но и позволяет выделить «внешние» (нелитературные, нетеатральные) маркеры времени и современного общественного сознания. Характер конфликта отцов и детей специфичен — он всегда имеет экзистенциальный смысл, но опирается и на конкретно-исторические основы, а также затрагивает социальные и психологические аспекты. Семейный ракурс задает особую остроту: семья понимается как арена

противоборства, разобщения, одиночества, отчуждения, непонимания, демонстрации равнодушия или бессилия отцов и жестокости детей.

Структура произведения Янссона весьма характерна для современной драмы. Пьеса представляет собой серию эпизодов-сцен (пронумерованных автором), где перед зрителем проходит история взаимоотношений отца и сына, и, в конечном итоге, распада семьи. Фрагментарность композиции, исповедальный ракурс, текст, построенный на контрасте нарочитой хаотичности, бессвязности — и холодной логики и формульности, условность сценической реальности и предельная «нетеатральность» сценического существования актеров (функции и даже движения которых особо проговорены автором), лаконичность, местами даже подчеркнутая бедность речевого выражения, условная конструкция действия, обращенного вовнутрь сознания персонажей, анонимных и типичных, — все это роднит драму Т. Янссона с экспериментами, ставшими уже привычными для «постдраматического» европейского театра рубежа XX—XXI вв. [4].

Сама история — банальна и одновременно чудовищна в своей банальности: еще вчера обычный ребенок, пятнадцатилетний герой вступает в подростковый период бунта и отрицания. Он вырывается из дома, лжет, ругается с родителями, попадает в круг других таких же подростков, но, как ему ка-

жется, более смелых и раскованных, и реализует все свои «запретные» мечты. В следующем эпизоде ему уже 20 лет, он студент, и в вихре новых ощущений, представляя себе «настоящую жизнь» как большое приключение и опьяненный свободой, он втягивается в страшный круг наркотической зависимости.

Дальнейшее действие, напоминающее смонтированные кадры киноленты, представляет разворачивание его страсти к саморазрушению, попытки родителей всеми способами остановить этот распад, борьбу со страхом болезни и смерти. Но главная линия всего действия связана с взаимным отдалением всех трех членов семьи и одновременно с их мучительными попытками найти пути друг к другу. Развитие фрагментарного действия ведет к кульминации, которая связана с констатацией страшного опустошения, разобщения близких, распадом всех и всяческих связей. Финал демонстрирует взаимное прощение, но и окончательное расставание отца и сына.

Опорным для композиции и смысловых акцентов становится мотив «**замкнутого круга**», реализуемый Янссоном на нескольких уровнях драмы. Действие «закольцовывается» сценой в аэропорту, где отец и сын, уезжающий в Италию, прощаются, а между этими повторяющимися эпизодами и расположена история их семьи.

Автор использует интересный ход — в пьесе заняты всего три актера и присутствуют всего два центральных персонажа. Это Отец и Сын¹. Но один из актеров (отец по роли) играет и себя в юности — в сценах воспоминаний о поре уже своего собственного юношеского бунта. Третий актер — обозначает персонажей «внешнего» мира, располагающегося за пределами «ближнего» и узкого круга семьи. Это знаковые фигуры (учитель, психолог, врач) — каждая представляет сферу, задействованную так или иначе в конфликте отцов и детей. Кроме того, третий актер играет и роль Отца, когда тот заново переживает свои юношеские метания и обиды.

Следует отметить важный прием, который позволяет особо взглянуть на расстановку сил: автор обозначает персонажей подчеркнуто формально — А, В, С (А — отец, В — его сын, С — отец А в юности). С одной стороны, такой принцип номинации предельно подчеркивает условность, даже схематизм персонажей-конструкций. С другой стороны, за этим обобщением скрывается особое качество всей истории. В драме демонстрируется символическая связь, «цепь» отношений не только родства, но и рисуется типологическая модель Жизни, взросления и обретения

себя, вечный круговорот «от отца — к сыну». Это тоже универсальный *экзистенциальный круг*, в котором заключено не только вечное повторение, но и диалектическое обретение нового качества.

Таким образом, персонажи почти анонимны, их характеры-схемы задают наиболее общие особенности поколенческих, возрастных, гендерных, социальных качеств. Они представляют своеобразные конструкции, модели реализации вечного конфликта.

Женские персонажи (Мать/Жена, а также две девушки сына) присутствуют лишь в мыслях, речах, фантазиях персонажей-мужчин, и в целом — на периферии главного конфликтного столкновения. Они находятся и в *круге* интересов и переживаний главных героев, и за его пределами. Примечательно, что образ Матери, оказавшейся слабой и безвольной, сдавшей почти сразу в борьбе за сына, контрастно соотносится здесь с образом Девушки из бара, которая предлагает Сыну спасение. Символично, что самый близкий человек в критический момент сдается, устраняется, а незнакомый — поддерживает, ответив на выстраданный призыв Сына: «Спаси меня от одиночества!». В результате геометрия в расстановке сил неординарная: одна героиня (Мать) — сама «вырывается» из символического круга, другая — «вырывает» из него Сына, но и сама стремится не быть замкнутой в нем. В драме есть и третий вариант символического решения мотива круга: девушка Йонна, за которой Сын в свое время и устремился в наркотический Ад, погибает, то есть остается в «круге» навечно.

Отец и сын, замкнутые сначала в границах семейных раздоров, потом в своих внутренних проблемах, в ходе действия все время сталкиваются с другими людьми, еще даже более анонимными и условными фигурами, в поисках выхода из круга, из своих страхов и комплексов, из болезни и зависимости. Они пытаются достучаться до тех, кто может или должен помочь в критический момент (Отец), или пытаются найти тех, на кого можно переложить часть непосильного груза проблем (Сын). И каждый раз оказываются отброшены назад. Сталкиваясь с равнодушием, привычкой, стереотипами или бессилием внешнего мира, они оказываются опять замкнуты в своем «круге», наедине с собой и своими страхами. Таким образом, каждый из членов семьи проходит и свои круги Ада, но ввергает в них и своих близких.

С мотивом круга связан и второй ведущий мотив драмы — мотив *одиночества* (среди людей, рядом с близкими, в любви, в горе). Уже первый фрагмент текста пьесы задает тему «ближнего круга» — дома, семьи, любви родных, где дети не одиноки, где они еще верят родителям, привязаны к простым ежедневным ритуалам и спокойны: «В детстве мне редко снились кошмары. А если и снились, я вставал, шел в спальню родителей и ложился между ними. Тесно, но как раз то, что мне нужно. Я лежу с откры-

¹ Примечание: для обозначения персонажей в драме мы используем написание слов «Отец» и «Сын» с заглавной буквы (как в оригинальном тексте пьесы), в иных случаях (для обозначения родственных отношений) — со строчной (О. Т.)

тыми глазами... и слушаю, как спят мои папа и мама. Все спокойно и тихо, мне ничуть не страшно. Я знаю, что со мной ничего не случится. Я начинаю засыпать и чувствую — я счастлив». Ощущение этой близости, единства и защищенности выражено в формуле-мантре героя: «Вся жизнь впереди. Я непобедим. Я покорю этот мир» [5, 70—71].

Но оказывается, что взросление тесно связано с ощущением одиночества, которое пытаются определить для себя оба главных персонажа: «Никто, кто не был по-настоящему одинок, не может представить себе, что чувствуешь, когда произносишь эти слова вслух». Это убеждение фиксируется в повторяющейся формуле текста песни группы «Кент», которая становится знаком поколения «детей»: «уходи, оставь меня / я справлюсь сам / уходи, оставь меня/ если хочешь помочь помоги себе / уходи оставь меня» [5, 90].

Автор констатирует, что одиночество только усиливается — и не только в процессе взросления, но и в ходе жизни вообще. Мать спасается в одиночестве от проблем: «Мы больше не можем помочь друг другу, я решила уйти в монастырь. Я должна остаться одна. Мне надо отдохнуть». Отец переживает одиночество как *трагедию*, расценивает его как предательство, болезнь, утрату смыслов, проклятие, как рок: «Я один и одинок мой путь на земле... Бывают дни, когда я превращаюсь в сгусток страха. Знаю. Я жалок, но ничего не могу с собой поделаться» [5, 98—99].

Но особенно человек одинок во встрече с горем. Эта мысль наиболее ярко демонстрируется Янссоном в кульминационных сценах, где отец, видя погибающего от наркотической зависимости сына, пытается спасти его. При этом одиночество губит обоих — они остаются один на один со своими демонами, им некому помочь. Социальный статус конфликта (заявленный в речах отца — с обвинением системы, структурам, которые так или иначе задействованы в работе с молодежью) уступает психологическому, что заставляет «вынести» драматическое напряжение «в зал», где каждый проецирует ситуацию на себя.

Здесь и сконцентрированы главные мотивы пьесы — *боли и вины*. Представляя эпизоды семейной драмы, Янссон акцентирует ее личностный, психологический аспект. Основной конфликт переносится внутрь сознания персонажей, предельно психологизируется, проецируя универсальное в глубоко частную, даже интимную, сферы. Проблема вины выводится на первый план. Старшие постоянно ощущают вину перед младшими. Однажды поклявшись стать «настоящим отцом своему сыну», не бросать его в беде, никогда не заставить его «испытать те же чувства», которые мучили его самого [5, 81], отец не может «отпустить» своего сына, но бессилён ему помочь и дать защиту: «У тебя будет все, чего не хва-

тало мне в детстве, обещаю я. Ты всегда можешь рассчитывать на меня, всегда сможешь схватиться за мой большой палец» [5, 84].

Но у Янссона вина отцов и детей едина, здесь виноваты не просто обе стороны, виноваты все. И признают свою вину, страдая и расплачиваясь за нее. Постепенное осознание вины (априорной — у отцов, и принятой вины, вырастающей из процесса взросления и испытания бунтом, — у детей) приводит к катарсису. Но не отменяет наказания.

Отец берет всю тяжесть вины на себя («но ведь кроме меня ему никто не поможет» [5, 103]), и она «разъедает» его душу, повергает в страдания, которые ему не с кем разделить: «Я говорю с соопработниками, специалистами по работе с молодежью, психологами, всеми, кто занимается переработкой отходов общества. Я стараюсь воспринимать это как экскурсию в реальность, о существовании которой я раньше не догадывался. ... А главный вопрос такой — был ли я хорошим отцом» [5, 100]; «...сейчас я могу думать только об одном — что я сделал не так...» [15, 105]. Душевная боль захлестывает его, сводит с ума, так же, как и боль сына мучает тело. И это осознание вины приводит «отцов» к горькой истине: «*мы сами своими руками создали мир, в котором нашим детям больно*» [5, 106] (курсив наш. — О. Т.).

Характерным сквозным мотивом становится мотив *смерти*. Смерть трактуется главными героями как бесчувственность, своеобразный сон души, но и как утрата смысла существования, целей и желаний. Важность подобной трактовки подчеркивается лейтмотивным повторением фрагментов текста. Внутренние монологи отца и сына почти полностью совпадают, варьируя эти мысли и констатируя схожие состояния: «Твои чувства мертвы. Внутри пусто. Ничего нет. Ты холоден. Мертв. Мертв, хотя продолжаешь дышать» (Сын); «Мне нечего больше сказать. Я просто хочу исчезнуть. Впасть в спячку. Переспать холод. Проспать жизнь. И пусть я не проснусь...» (Отец) [5, 111].

В финале оба персонажа в очередной раз как бы меняются местами и позициями. Сын хочет жить настоящему, начинает испытывать чувства (страх, стыд, ответственность за отца), побуждает отца очнуться от апатии. Отец же наоборот утрачивает силы сопротивляться и желание жить, испытывает безразличие и смертельную «усталость», поэтому не может обрести надежду и осмысленность существования.

Приоритет психологического начала демонстрирует и *речевая структура* драмы. Диалоги урезаны до предела, они лаконичны, остро напряжены или построены как «глухие» (без установления связи коммуникантов, без желания или возможности услышать другого или быть услышанным самому). Монологи персонажей превалируют — и отцу, и сыну дано право лишь «исповедаться» зрителю. Они сами рассказывают о себе, анализируют себя, но практически не слы-

шат друг друга. Графически (синтаксически, пунктуационно) текст монологов оформлен хаотично, так как прежде всего он призван передавать внутреннее: хаос в мыслях персонажей и эмоциональное напряжение. В речевых конструкциях соотносятся осмысленные максимы (полноценные речевые конструкции, логические построения) с «горячечным» бредом, «потоком сознания», который фиксируется через обрывочные фразы, незавершенные предложения, восклицания и др. Переключение на «нормальную» графику текста часто происходит незаметно, и такая смена регистров позволяет отражать перепады настроения, психологического состояния героев.

Огромную роль играет молчание персонажей, паузы, которые соотносятся с невысказанными мыслями и чувствами. Интересно, как автор ремарками подчеркивает, например, невозможность отца выразить свои переживания, говорить открыто с ребенком, найти нужные слова: «Пауза. А пытается что-то сказать, но не знает что. Разворачивается, готовый уйти. Передумывает. Снова поворачивается к В, хочет что-то сказать, но не может. Уходит» [5, 89]. Ситуация повторяется два раза, завершая следующие друг за другом эпизоды. В результате возникает символическая траектория действия: Отец «кружит» около Сына, пытается приблизиться к нему, а Сын то обманывает его, то не замечает — но всегда удаляется от Отца. И пропасть между ними растет.

Названный выше мотив *молчания* коррелирует с мотивом *крика*, который соотносится с передачей эмоционального накала в действии, но и демонстрирует попытку персонажей «достучаться» друг до друга. Крик — это жест агрессии — но и жест отчаяния. А мотивы *доверия* и *непонимания* дополняют эту систему оппозиций. И если для «детей» априори очевидно, что «отцы» их не понимают («Они вообще не догоняют, родители ни во что не въезжают» [5, 95]), то в сознании «отцов» этот конфликт заострен до предела, выглядит сложнее, трагичнее: «Мы все время пытаемся вычислить, что он нам говорит на самом деле, — восклицает Отец, — что на самом деле с ним происходит. <...> Я бешусь от невозможности найти середину между доверием и подозрительностью. <...> я анализирую, истолковываю, делаю выводы, пытаюсь разобраться — во всем, постоянно, в жестах, в словах, в интонации, расписаниях, невразумности, в глазах...» [5, 89].

В целом мы видим, что в подаче автора конфликт отцов и детей («внешний») определяется уровнем внутреннего конфликта персонажей и остается в целом *неразрешенным*, в том числе из-за тотального отчуждения каждого из его участников. Жертвами этого противостояния оказываются и отцы, и дети — каждый по-своему.

Здесь также заострено и характерное для «постдраматического театра» в целом качество, которое теоретик драмы Леманн определил как «перфор-

мативность» — на фоне стандартной ситуации, привычной в своей жесткости и пронзительности, конфликт все же перенесен больше в область зрительского восприятия, обобщенная драматическая конструкция и ее довольно условное сценическое решение заставляют зрителя прежде всего проецировать ситуации на себя.

Относительное примирение в финале драмы означает не устранение непонимания или разрушение одиночества. Одиночество отца и матери только усиливается — они уже не будут вместе, их сломили испытания, отдалили и продемонстрировали, что благополучие, любовь и доверие между женой и мужем давно утрачены. С сыном отец не столько примирился, сколько смирился с ситуацией в целом. Сын смог все же затормозить свое падение и нашел человека, который готов ему в этом помочь. Отец, наоборот, с головой уходит в апатичное состояние, которое рождается сначала отчаянием, затем горем и пониманием того, что ничего уже не вернуть. Для Сына поездка в Италию — новый этап (чтобы «поддержаться» — работать, общаться, уйти от старых знакомств), но и путь в неизвестность; для Отца — конец жизни, иллюзии счастья, конец связи с сыном, на которую он, несмотря ни на что, еще надеялся. Избавившись от ответственности, которая его изматывала (и убедившись, что сын сможет идти дальше, его есть кому поддержать), он теряет смысл существования. Пока он воевал *против* Сына, за него, с равнодушием внешнего мира и бездействием жены, он *жил*. Теперь он потерял все смыслы, что держали его на плаву, впереди — не просто неизвестность, а пустота. Лейтмотивом финальной сцены становятся его слова «слишком поздно».

В драме Янссона нет глобальных катастроф, как в известных пьесах немецких авторов (например, в драме М. Майенбурга «Огнеликий», где делается акцент на ненависть, равнодушие, насилие). У Янссона все катастрофы происходят не столько в ходе самого действия, в явном противостоянии персонажей, а также героя и внешнего мира/системы, сколько конфликт больше отнесен в область личностного, внутреннего плана. Пройдя через отрицание, гнев, насилие над собой, герои приходят к принятию ситуации. Но одному это дает силы жить, у другого отбирает.

Таким образом, особенность драматической модели Янссона в данном конкретном случае заключается в разрешении конфликта. Оно намечено, хотя и не доведено до конца. При этом ситуация все же развернута в перспективу, финал оставляет хоть призрачную, но надежду. Это видимое отличие решений, которые предлагает финский драматург.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобленкова Д. В. Шведская литература последней трети XX-начала XXI вв. / Д. В. Кобленкова // Новый филологический вестник — 2010. — № 1(12). — С. 138—

149. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/shvedskaya-literatura-posledney-treti-hh-nachala-hhi-v> (Дата обращения 2.10.2025).

2. Колязин В. Ф. О постдраматическом театре и его месте на современной европейской сцене / В. Ф. Колязин // Вопросы театра. — 2011. — С. 86—99. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-postdramaticheskom-teatre-i-ego-meste-na-sovremennoy-evropeyskoj-stsen> (Дата обращения 2.10.2025)

3. Рябова О. В. Постдраматический театр: проблема

сценического языка / О. В. Рябова // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук — Т. 14. — № 2 (4). — 2012. — С. 1096—1100.

4. Шевченко Е. Н. Постдраматический театр / Е. Н. Шевченко // Новый филологический вестник — 2011. — № 2 (17). — С. 130—135.

5. Янссон Т. На привязи / Т. Янссон // Антология современной финской драматургии. Переводы с финского и шведского. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — С. 67—115.

Воронежский государственный университет

*Тихонова О. В., кандидат филологических наук, доцент
кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы
зарубежной литературы*

E-mail: olnem@yandex.ru

Voronezh State University

*Tikhonova O. V., Associate Professor. Department of History
and Typology of Russian and Foreign Literature*
E-mail: olnem@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ДИАЛОГИЗМЕ ПРОЗЫ И. С. ТУРГЕНЕВА: НА МАТЕРИАЛЕ ОЧЕРКОВОГО РАССКАЗА «ЕРМОЛАЙ И МЕЛЬНИЧИХА» (1847)

Е. А. Толчеева

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2025 г.

Аннотация: в данной статье представлен анализ очеркового рассказа И. С. Тургенева «Ермолай и мельничиха» (входящего в цикл «Записки охотника»), с точки зрения его субъективной организации. Данный подход позволит внести некоторые уточнения в полемику о диалогизме (полифонизме)/монологизме прозы писателя. Спор этот ведется на протяжении нескольких последних десятилетий и касается разных аспектов: сравнительного (с творчеством Ф. М. Достоевского), оценочного (насколько мастерски И. С. Тургенев владел приемами психологизма при создании того или иного характера), структурного — какова природа повествовательной манеры писателя (взаимодействие экзегетических и диегетических нарраторов, роль сказа, смена итерации сингулятивной риторикой), раскрывающей идеологическую направленность позиции «концептированного» автора.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, нарратор, анализ, «фразеологическая точка зрения», ономастика.

Abstract: this article presents an analysis of the essay by I. S. Turgenev, "Yermolai and the Miller's Wife" (included in the cycle "Notes of a Hunter") from the point of view of its subjective organization. This approach will make it possible to make some clarifications to the polemics about dialogism (polyphonism)/monologism of the writer's prose. This dispute has been conducted over the past few decades and concerns various aspects: comparative (with the work of F. M. Dostoevsky), evaluative (how skillfully I. S. Turgenev owned the techniques of psychologism in creating this or that character), structural — what is the nature of the writer's narrative manner (the interaction of exegetical and diegetic narrators, the role of the tale, the change of iteration by singulative rhetoric), revealing the ideological orientation of the position "conceptualized" author.

Keywords: I. S. Turgenev, narrator, analepsis, "phraseological point of view", onomastics.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы рассмотреть субъектную сферу произведения И. С. Тургенева «Ермолай и мельничиха» (входящего в цикл очерков «Записки охотника»), что позволит внести некоторые разъяснения в до сих пор длящуюся полемику по поводу диалогизма-монологизма тургеневской прозы.

Указанная тема тургеневского нарратива начала активно рассматриваться с момента выхода в свет работы М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», где выдающийся ученый обосновал присутствие *диалогизма* (и шире — полифонизма) в произведениях Ф. М. Достоевского и *монологизма* в прозе И. С. Тургенева, которому «свойственна устная речь, а не чужое слово» [1, 223]. Для подтверждения своего вывода М. М. Бахтин заметил также, что «преломлять свои мысли в чужом слове Тургенев не любил и не умел. Двуголосое слово ему плохо удавалось» [1, 223], при этом литературная речь героев (одного круга с автором, то есть дворян) в романах лишь «оживлялась» устным словом (видимо, можно полагать, что и редкими вкраплениями сказа).

За И. С. Тургенева «заступился» А. В. Чичерин, утверждавший, что тургеневское повествование «диа-

логично», *слово* романских персонажей-нарраторов представляет собой множественность точек зрения, и речи героев «расщеплены» [12, 40]. А. Я. Эсалнек отметила, что тургеневский монологизм отрицать нельзя, но он означает «завершенность развития характера» [14, 59]; таким образом, это не недостаток, а отличительная черта идиостиля, указывающая на особый вид психологического анализа, безусловно, принципиально отличающегося от поэтики Ф. М. Достоевского.

В исследованиях (Г. Б. Курляндской, В. М. Головки) структуры субъектных сфер произведений двух авторов утверждается следующее: в сравнении с романами Ф. М. Достоевского тургеневские рассказы, очерки, романы все же монологичны («монофоничны»), а повестям присуща лишь «внутренняя диалогичность»; при этом тургеневская проза демонстрирует «экзистенциальный интерес писателя к диалогу», так как в ней «проявляется интерес автора к проблеме Другого» [5, 33].

Такой выдающийся исследователь творчества И. С. Тургенева, как Ю. В. Манн, конечно, не мог не присоединиться к рассмотрению особенностей нарратива в произведениях писателя, и в работе «Тургенев и другие» справедливо предлагается бахтинскую теорию *проверять* в художественном тек-

сте «на конкретных соотношениях автора и его персонажей» [7, 395].

Следуя рекомендации Ю. В. Манна, мы попытаемся рассмотреть указанные им *соотношения* «концептированного» автора (автора как носителя определенной концепции, точки зрения) и героев (противников и единомышленников) на материале «Ермолая и мельничихи»: как *слово* каждого из нарраторов коррелирует с позицией автора (с его идеологическими взглядами), к каким выводам должен прийти читатель в качестве реципиента текста? При этом, разумеется, имеется в виду «концептированный» читатель, способный проникать в глубинные пласты сюжетно-композиционной системы произведения.

Очерк начинается *словом* нарратора (назовем его Первым), сообщающего, что он и охотник Ермолай «отправились на “тягу”» [11, 19]. «Ермолай и мельничиха» в жанровом отношении представляет собой очерк с элементами рассказа, то есть произведение, синтезирующее структурные элементы рассказа (создается «на основе творческого воображения» [5, 318]) и очерка (произведение документально-публицистическое, «описательное» [5, 318]). Достаточно большая доля повествования является дескриптивной (описательной, статичной, то есть очерковой), но содержащей яркие детали, которые сопровождаются эпитетами («алый свет вечерней зари», «воздух чист и прозрачен»), метафорами (трава «блестит веселым блеском изумруда»), погружают читателя в мир природы. *Слово* в данных фрагментах текста, как уже было отмечено, принадлежит Первому нарратору, он является диегетическим, то есть «имеет собственное имя» и относится непосредственно к «миру текста» [9, 203]. Пространственно-временная близость к описываемым картинам природы, персонажам обусловлена и «публицистической» позицией этого носителя речи («костомаровский» барин), общающегося с читателем как с современником, добрым знакомым, единомышленником (например, охотником): «Слушайте же, господа»; «Сердце ваше томится ожиданием...»; «Вообразите себе человека лет сорока пяти...» [11, 19; 20].

Сорокапятiletний высокий человек — это сам охотник Ермолай, и он также поначалу описан в очерковой манере, а именно: статично, как определенный и, при всей уникальности относительно охоты и рыбалки, нередко встречающийся *тип* русского крепостного крестьянина («Ермолай был человек престранного рода: беззаботен, как птица, довольно говорлив, рассеян и неловок с виду; сильно любил выпить...» [11, 21]). Ермолай также выступает как нарратор диегетический (Второй), так как является действующим лицом, участником происходящего, и ему иногда предоставляется слово: он сообщает о состоянии здоровья бывшей горничной,

а ныне — мельничихи Арины, о ее возлюбленном, «лакее Петрушке» (воспоминание о грибоедовском буфетчике «Петруше»), поступившем в солдаты, бедует с женой мельника и с костомаровским помещиком, которого сопровождает на охоте. Не будем забывать, что очерковый рассказ называется «Ермолай и мельничиха», это заостряет внимание читателя именно на отношениях указанных персонажей (уже по законам новеллистического жанра).

Третьим нарратором (также диегетическим, именем имя, злую жену, глупого барчонка-сына, определенное занятие: «Он занимал довольно важное место, слыл человеком знающим и дельным») является «г-н Зверков», грубо вмешавшийся в отношения своих дворовых («неблагодарных») людей!), не позволив влюбленным создать семью. Гневному монологу этого сатирически изображенного, жестокого и ограниченного персонажа отведена почти четверть объема произведения (три страницы из двенадцати), потому что он сыграл ключевую роль в судьбе героев, своих крепостных — Арины и Петра.

Уже само присутствие в тексте трех диегетических нарраторов, совершенно разных (например, идеологические позиции Первого и Третьего абсолютно противоположны, а Ермолай, Второй нарратор, очень лапидарно, но вполне ясно выражает свое «особое» мнение), активно участвующих в описанных событиях, говорит в пользу того, что И. С. Тургенев осознанно стремится создать «диалогические» отношения между своими персонажами и «концептированным» автором. Первый нарратор (художественный образ, наделенный чертами «автора биографического» [4, 9]) не сразу открывает читателю свои «мировоззрение, идейную позицию», указывающие на «творческую концепцию писателя» [4, 10], и повествованию поначалу свойственна далекая от оценочности *итеративная* риторика (когда охватывается «несколько случаев одного и того же события», что Ж. Женетт обозначил формулой $nП/1И$, то есть множество раз произошло, но изложено за один раз), свойственная быто- и нравоописательному очерку (черты которого явно присутствуют в «Ермолае и мельничихе»).

Далее, когда охотнику Ермолаю предоставляется слово, *сказовое*, передающее особенности нелитературной речи человека из демократических низов, на первый план выходит *сингулятивное* повествование; по учению Ж. Женетта, это наиболее типичная для художественной литературы нарративная форма, представляющая события эксклюзивные, ненормированные и неповторяющиеся, исследователь предлагает формулу $1П/1И$ — однажды случилось и за один раз рассказано. «Книжный» стиль, как известно, уступает место сказу «в периоды обнаженных социальных конфликтов, которые современниками воспринимаются как решительная ломка всей прошлой жизни (таковы пореформен-

ная эпоха и эпоха революций» [8, 7]. Рассмотрение «фразеологической точки зрения» (в терминологии Б. О. Кормана) подтверждает нерасположение Ермолая к недоброжелательному и, видимо, жадному мужу Арины («Вишь, толстый брюхач...»), явную симпатию и сочувствие прекрасной и несчастной мельничихе («А что, Арина Тимофеевна, чай, все хворает?»), покровительно-ироничное отношение к «костомаровскому» барину, Первому нарратору («А пусть дрыхнет, — равнодушно заметил мой верный слуга, — набегался, так и спит»). Маркированное красноречивыми просторечиями «чужое слово» позволяет писателю показать мнение «другого», которое одновременно может отражать и *общее* мнение, но в данном случае принадлежащее не «дворянскому», а «крестьянскому» миру.

Третий нарратор, г-н Зверков (обладатель «говорящей» фамилии), изображен сатирически, этот явно несимпатичный писателю персонаж представляет консервативную часть российского общества, воспринимающую крепостных крестьян как собственность помещиков, не предполагающих в них достоинства: «Что ни говорите... сердца, чувства — в этих людях не ищите. Как волка ни корми, он все в лес смотрит...» [11, 28]. «Преступление» *неблагодарной* горничной Арины состояло, на взгляд ее хозяев, в том, что она *осмелилась* влюбиться и *захотела* выйти замуж за «Петрушку-лакея»; данное обстоятельство привело чету Зверковых в негодование, вызвало чувство крайнего возмущения, недовольства. Писатель использует анахронию (аналепсис), ретроспективно передавая историю «безнравственной» и «неблагодарной» горничной с точки зрения владельца «живых душ», Зверкова. «Вспоминая» встречу с этим «моралистом» в Петербурге, «костомаровский барин» предоставил возможность читателю самому сделать вывод о жестокости, ограниченности помещика (*продавшего* горничную мельнику) на основании его же рассказа; таким образом, заключение не сделано Первым нарратором, а лишь «навечно» им, и это показывает высокую степень мастерства молодого Тургенева-художника.

Тургеневское «многоголосое» (включающее сказовое) слово создавалось в 1840-е годы, отмеченные революционными событиями в Западной Европе и продолжением активного противостояния прогрессивной части российского общества крепостному праву, поэтому «смена диегетических нарраторов, дополняющих мнения друг друга, предлагающих различные, даже противоположные оценки произошедшего», дает возможность читателю не только вспомнить об исторических событиях, социальных проблемах, но и «оценить ментальные процессы в сознании героев» [13, 69—70] своего времени.

В рассматриваемом произведении изменения происходят именно в сознании «костомаровского» барина, так как в «Ермолае и мельничихе», как было

отмечено выше, присутствуют и элементы жанра рассказа, предполагающие изображение душевного «перелома», создающие «ощущение полноты, завершенности, исчерпанности воспроизводимого бытия» [10, 50], что не свойственно статичному очерку. От Зверкова позитивных перемен ожидать, конечно, не приходится, Арина пережила уже свой *перелом* (трагедии разрушенной любви и смерти ребенка), сам же якобы «статичный» Ермолай-бродяга *изменился* именно в восприятии Первого нарратора. Теперь (после услышанной «баринской» беседы охотника и Арины) это уже не странный и беспутный Ермолка, над которым «последний дворовый человек чувствовал свое превосходство», ведь мельничиха называет его Ермолаем Петровичем, говорит ему «вы», выносит в знак уважения «графинчик» с вином. Да и «Петрушка-лакей» (так его называет Зверков) преобразуется и становится Петром Васильевичем (в реплике Ермолая), который «поступил в солдаты» (читателю предоставляется возможность представить себе все тяготы его службы). Как видно, И. С. Тургенев выражает свое отношение к изуродованным социумом судьбам людей (Арины и Петра) не прямой оценкой Первого нарратора, а суггестивно, без критического анализа формируя у читателя новые представления о народном характере, крестьянском мире, и происходит это благодаря «чужому слову», в частности с использованием антропонимов — имена героев меняются от уничижительных прозвищ к идентифицирующим уважаемого человека.

Как видно, И. С. Тургенев соединил мнения трех диегетических нарраторов, при этом нельзя сказать, что писатель «избирал рассказчика из своего социального круга» [1, 223], что отметил М. М. Бахтин. Напротив, сделать удивительные открытия, изменившие мировоззрение Первого нарратора, помогает не раздражающий своей напыщенностью и поражающий глупостью помещик Зверков, а охотник Ермолай. Можно сделать вывод, что, рассказывая о русском крестьянине, лакее, солдате, горничной как явлениях «психологически уникальных» [2, 9], писатель дает и им возможность «поговорить», раскрывая таким образом мир «других», и это свидетельствует о *многоголосии* или *диалогизме* тургеневской прозы, которая, конечно, отличается от прозы другого выдающегося художника — Ф. М. Достоевского, представившего свои неповторимые стиль, психологизм и полифонизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. / М. М. Бахтин. — М.: Советская Россия, 1979. — 320 с.
2. Беляева И. А. Тургенев о Пушкине: к вопросу о канонизации поэта / И. А. Беляева // Спасский вестник. Вып. 31. — Орел, Спасское Лутовиново: Гос. мемориал. и природ. музей-заповедник И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново»,

2025. — С. 5—15.

3. Женетт Ж. Фигуры. В 2 т. Т. 1—2 / Ж. Женетт. — М.: Издательство им. Сабашниковых, 1998. — 944 с. — Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/lit/jennet-figuru-1—2—1998-l.pdf> (дата обращения: 11.07.2025 г.).

4. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. — М.: Просвещение, 1972. — 110 с.

5. Литературный энциклопедический словарь / Под общей редакцией В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — 752 с.

6. Лоскутникова М. Б. Дискуссии о диалогических/монологических началах тургеневского романа в отечественной литературоведении XX — начала XXI веков / М. Б. Лоскутникова // Спасский вестник. Вып. 31. — Орел, Спасское-Лутовиново: Гос. мемориал. и природ. музей-заповедник И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново», 2025. — С. 28—34.

7. Манн Ю. В. От Пушкина до Чехова: эволюция повествовательных форм / Ю. В. Манн // Манн Ю. В. Тургенев и другие. — М.: РГГУ, 2008. — С. 366—420.

8. Мущенко Е. Г. Поэтика сказа / Е. Г. Мущенко,

В. П. Скобелев, Л. Е. Кройчик. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1978. — 287 с.

9. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. / Е. В. Падучева. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 480 с.

10. Скобелев В. П. Поэтика рассказа / В. П. Скобелев. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. — 156 с.

11. Тургенев И. С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 1. Записки охотника. 1847—1874 / И. С. Тургенев. — М.: Художественная литература, 1975. — С. 19—29.

12. Чичерин А. В. Тургенев, его стиль / А. В. Чичерин // Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы. 2-изд., расшир. — М.: Советский писатель, 1980. — С. 26—51.

13. Шпилюева Г. А. О субъектной сфере тургеневской новеллистики: на материале рассказа И. С. Тургенева «Часы» (1875) / Г. А. Шпилюева, В. А. Бондаренко, У. Ю. Борисова // Вестник ВГУ. — Воронеж, 2024. — № 4. — С. 67—70.

14. Эсалнек А. Я. Основы литературоведения: Анализ романного текста: Учебное пособие / А. Я. Эсалнек. — М.: Флинта, 2004. — 184 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Толчеева Е. А., аспирант кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы
E-mail: tolcheeva.lena@icloud.com

Voronezh State Pedagogical University

Tolcheeva E. A., postgraduate student, Department of Theory, History, and Methods of Teaching Russian Language and Literature
E-mail: tolcheeva.lena@icloud.com

КОНЦЕПТ ЭКОНОМИКА В БЫЛИННОЙ КАРТИНЕ МИРА

И. П. Черноусова

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 12 сентября 2025 г.

Аннотация: в статье на материале авторитетных сборников русского былинного эпоса выявлена специфика содержания и языкового выражения концепта **экономика** в былинной картине мира, включающего в себя следующие концептуальные составляющие: дары, дани-выходы, дани-пошлины, налоги, богатство, торговля, заклады. В былинной картине мира находят отражение в перекодированном виде существовавшие в Древней Руси социально-экономические, налогово-даннические и товарно-денежные отношения. Отмечается семантическая трансформация (пересемантизация) исторической действительности в соответствии с художественной спецификой былин, содержащей концепцию богатырства и законы эпической идеализации. Языковым средством выражения концепта являются фольклорные формулы, в состав которых входят словосочетания с постоянными эпитетами и композиты.

Ключевые слова: фольклорный концепт, экономика, былинная картина мира, фольклорная формула, постоянный эпитет, композит.

Abstract: based on the material of authoritative collections of Russian epic tales, the article reveals the specificity of the content and linguistic expression of the **economy** concept in the epic tale picture of the world, which includes the following conceptual components: gifts, the Golden Horde tributes, tributes-duties, taxes, wealth, trade, mortgages. The epic tale picture of the world reflects a recoded form of the socio-economic, tax-tribute and commodity-money relations that existed in Ancient Rus'. A semantic transformation (re-semantisation) of historical reality is noted in accordance with the artistic peculiarity of the epic tales which includes the concept of heroism and the laws of epic idealisation. The linguistic means of expressing the concept is folklore formulas containing phrases with fixed epithets and compounds.

Keywords: folklore concept, economy, epic tale picture of the world, folklore formula, fixed epithet, compound.

Былинная картина мира — «эстетически преобразованный этногосударственный мир, располагавшийся в исторически ограниченном времени и пространстве» [1, с. 208]. Субстанциональную основу былинной картины мира составляет концептосфера, представляющая собой совокупность концептов, из которых складывается миропонимание носителя былинной традиции. Фольклорный концепт — «ментальная структура хранения и передачи в языке фольклора традиционных культурно-этнических смыслов» [2, 14].

Цель исследования — выявить специфику содержания и языкового выражения значимого для былинной картины мира концепта **экономика**.

Базой эмпирического материала послужили авторитетные собрания русского эпоса [3; 4; 5; 6].

Исследование выполнено в рамках нового направления в лингвофольклористике — фольклорной лингвоконцептологии.

В былинном мире находят отражение реальные, существовавшие в Древней Руси социально-

экономические, налогово-даннические и товарно-денежные отношения, но в перекодированном виде в соответствии со спецификой фольклорно-языковой картины мира, выражающей концепцию богатырства, в которой воплотилась идея о героических возможностях и силе русского народа.

Торгово-экономические отношения занимают в былинной картине мира важное место: «эпос с его денежной лексикой ориентирован, с одной стороны, на воспроизведение реальных товарно-денежных отношений, существующих в среде носителей этого жанра — крестьян — и, с другой стороны, на моделирование экономической ситуации идеального прошлого (князь расплачивается с дружиной; надель, получаемые героем в награду» [8, 329]. Однако проводить прямые параллели между реальными экономическими отношениями Средневековья и тем, как они отображены в былинной картине мира, нельзя, поскольку исторически-конкретная действительность подверглась перекодировке в соответствии с законами эпического мира, в котором большое место отводится эпической идеализации.

В современном употреблении *экономика* — 1. Совокупность производственных отношений данного общественного строя, соответствующих развитию производительных сил общества. 2. Хозяйственная жизнь, состояние хозяйства (страны, района и т.п.) [7, стб. 1755].

Концепт *экономика* в былинной картине мира отличается спецификой содержания и включает в себя следующие концептуальные составляющие: дары, дани-выходы, дани-пошлины, налоги, богатство, торговля, заклады.

Плата за ратный труд выступает в былинном мире в виде «даров», которыми князь Владимир Красное Солнышко щедро одаривает богатырей на почестном пиру. «Развитие социальных отношений в Киевской Руси делало все более эфемерным покров прежних доклассовых традиций, когда молодые воины должны были безвозмездно защищать родовую общину. Но еще в XI в. внедрявшийся принцип установленной заранее точной оплаты воспринимался современниками как недопустимая новизна» [9, 244]. В былине находят отражение отголоски той эпохи, когда «экономические отношения между членами одного общества регулировались в форме подарков и отдарков, добровольных и нерегулярных вознаграждений» [9, 248]. Р. С. Липец предполагает, что «дары — замаскированная оплата ратной и иной деятельности богатырей» [9, 246].

Фольклорная формула даров включает в себя «города с пригородками, села со приселками, деревни со крестьянами, красно золото, чисто серебро, драгоценные камни, злато-серебро, золоту казну бессчетну / несметную». Композит *злато-серебро* имеет обобщенное родовое значение *драгоценности*, *золотая казна* обозначает монеты и слитки. Одаривание землями, золотом и серебром отражает типичную картину для ранних феодальных порядков, но в былине богатыри отказываются от богатства, что входит в кодекс богатырской чести.

— *А не надоть селъ со приселками,
Городовъ не надо съ пригородками
И не надоть золотой казны несчетныя:
Хоть меня чъмъ пожалуй, я все пропью.
Лучше дай мнѣ указъ за печатью за красною:
Ходить Михайлу по царевымъ кабакамъ
И по всъмъ кружаламъ государевымъ,
И пить зелено вино безденежно,
Чтобы с Михайлы денегъ никогда не спрашивали* [6, № 196, с. 608—609].

Отражение налогово-даннических отношений представлено в былинах, в которых князь дает поручение богатырям собрать с покоренных земель или отвезти дани-выходы в чужую землю, что выражается фольклорной формулой, варьируемыми компонентами которой являются названия чужих государств, где собирается или платится дань, постоянные эпитеты, характеризующие эти страны, и пе-

риод, за который необходимо выполнить поручение:

«— *Съезди(—ка/-тко) в Золоту Орду / Тур(е)цию / Швецию / погану (прокляту) Литву / Цареград / царство Заморское / в земл-ю(—и) политовскую (шведскую / сорочинские) / орды немирные / к горам сорочинским, королю Прусскому / Австрийскому / Ляховинскому / Шведскому,*

Повыправъ(те-ка/-тко) / соберите(—тко) / получи(—тко) / отвезите(—тко) дани-выходы / дани-пошлины сорок тысячей

За три года / семь лет / двенадцать год (и за тринадцать) лет (да ѥ с половиною)».

Композиты *дани-выходы / дани-пошлины*, входящие в состав формулы, представляют собой синонимические сближения двух слов, семантика которых совпадает и которые могут употребляться отдельно. **Выход** — дань, подать, пошлина [13, вып. 6, с. 51]; **Дани-выходы** *мн. фольк.* Ссылка на помету Даля «стар.» [Там же].

Ужъ ты гой еси, старый да казакъ Илья Муромецъ!

Я пошлю съѣздить въ прокляту Литву

А къ тому-ту королю ко Прусскому.

Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Микитичъ младъ!

Ужъ ты съѣзди-ко къ королю-ту къ

Астрийскому,

Получи-тко у ѣго пошлины за три годика,

За три годика да сорокъ тысячей.

Ужъ ты гой еси, Михайлушко ты сын Игнатьевичъ!

Ужъ ты съѣзди-ко къ королю ко Лиховиньскому,

Къ Лиховиньскому къ королю, ко Шведскому,

Получи-ко дани за три годика,

А-то получи всего да сорокъ тысячей.

<...>

Да отсчитывалъ онъ дани-пошлины за три годика да сорокъ тысячей

[5, № 74, с. 380—381].

С. Н. Темушев предполагает, что былина «Михайло Потык» «сохранила мотив о даннических отношениях Руси с периферийными балтскими и финно-угорскими народами. Возможно, отголоском бывшей даннической зависимости от Руси Литвы является присутствующий в былине «Добрыня и Алеша» мотив с поручением князя Владимира русским богатырям выправить дань с «поганой Литвы» [10, 20]:

— *Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!..*

Съезди ты во Литву во поганую

Повыправъ-ко ты дань за двенадцать лет

[3, № 107, с. 249].

В былине «Добрыня и Василий Казимиров», где поручением князя Владимира является требование отвезти дани-выходы в Золоту Орду («во земли в Сорочинские»), находят отражение «события монгольского нашествия на Русь 1237—1241 гг. и последующей даннической зависимости русских земель от Орды» [10, 17]

— Ай же вы мои да князя бояра,
 Сильни русские могучие богатыря!
 Задолжал-то я ко королю-то Ботияну Ботиянову
 Да во тые дальние во земли сорочинские
 Да за старые-то годы и за нонешний,
 Исполна я государю за двенадцать год,
 За двенадцать год да й с половиною.
 Кого же мне послать туды **отвезти дани выходы**
За двенадцать год да й с половиною
 К королю-то к Ботияну Ботиянову.
 А двенадцать лебедей, двенадцать креченей,
 А ще грамоту да и повинную?
 [3, № 80, с. 68—69].

Преобразование исторической реальности в былинной картине мира подчиняется концепции богатырства: «Эпос... запрограммирован на победный финал» [12, 182]. В былинной картине мира богатыри, доставившие дань в темну орду или литовскую землю королю Ботияну Ботияновичу, подвергаются трем испытаниям (эпические состязания): игра в пешки / шашки-шахматы, во велеи немецкие, стрельба из луку разрывчатого, борьба об одной ручке. Все три испытания (интеллектуальное, в меткости стрельбы и в силе) богатыри выигрывают, результатом является возвращение дани и обещание врага земли русской платить дань князю Владимиру:

Приносил король им **дани за двенадцать год**,
 А двенадцать лебедей, двенадцать креченей,
 И принес к ним грамоту повинную,
 Дай принес им первы мисы чиста серебра,
 Им принес другие мисы красна золота,
 Третьи мисы приносил он скатна жемчуга;
 Дал им грамоту да ён повинную,
 А й **платить-то надо дани выходы**,
 Платить-то славному-то князю и Владимиру,
 Да й платить-то надобно век по веку
 [3, № 80, с. 86].

Былина «Вольга и Микула» содержит «архаичные пласты, восходящие к начальному этапу становления налогово-даннической системы Древней Руси» [10, 18]. Вольга, унаследовав от дяди (князя Владимира) города, едет получать дань, собирать налоги и встречается с пахарем Микулой Селяниновичем:

Был у него родной дядюшка,
 Славный князь Владимир стольно-киевской.
Жаловал его трима городама всё крестьянамы:
 Первым городом Гурчовцом,
 Другим городом Ореховцем,
 Третьим городом Крестьяновцем.
 Молодой Вольга Святославгович,
 Он поехал к городам и **за получкою**
 [3, № 73, с. 4—5].

Интерес представляют способы получения богатства (обогащения) в былинном мире. Бедный гусляр Садко разбогател благодаря чудесному помощнику, который вознаградил его за искусство игры

на гусях: морской / водяной царь или царица Белорыбница подсказывают ему побиться об заклад с купцами, что он поймает в Ильмень-озере золотую рыбку или три золотые рыбки. Садко бьется об заклад и выигрывает его [3, № 70; 5, № 21].

Перьву рыбку-ту обценили **ведь во сто рублей**,
 Другу рыбку-ту обценили **целу тысяцю**,
 Третью рыбку тутъ **ведь цены не было**
 [5, № 21, с. 136].

В другом случае Ильмень-озеро награждает героя за привезенный поклон от «сестры Волги» (кормление воды хлебом-солью: «Отрезал хлеба великой сукрой, А и солью насоллил. Ево в Волгу опустил» [4, № 28, с. 184]) — рыбой, которая за одну ночь превращается в деньги (дробные, червонцы, монеты):

Котора была рыба мелкая,
 Те-та **ведь стали деньги дробные...**
 Где была рыба красная,
 Очутилась у Садка **червонцы лежат...**
 Где была рыба белая,
 А и тут у Садка **всё монеты лежат**
 [4, № 28, с. 186].

Последующее обогащение, получение прибыли Садко связано с торговлей:

А й как стал ездить Садке **торговать да по всем местам**,
 А й по прочим городам да он по дальниим,
 А й как стал получать **барыши да он великие**
 [3, № 70, с. 645].

В былинной картине мира представлены состязания в богатстве: спор Дюка и Чурилы (былина «Чурилы») — кто кого перещеголяет в нарядах: в течение трех лет каждый день нужно выезжать в новом платье и на новом коне, сравнение, кто богаче: Дюк Степанович или князь Владимир (былина «Дюк»), соперничество Садко с Новгородом, который похвастал, что сможет на свою бессчетную казну выкупить на торгу все новгородские товары. Рынок в былинной картине мира отличался большим разнообразием товаров: московских и заморских, «Со всёго да со бела свету» [3, № 70, с. 648]. В. Я. Пропп отмечает, что в былинах «Садко» «древний торговый Новгород отражен реально и верно» [11, 88].

Одним из существенных моментов эпических состязаний в богатстве являются заклады, при заключении которых называются крупные суммы денег. Заклад, описываемый в большинстве случаев постоянным эпитетом *великий*, входит в состав фольклорной формулы: «ударить / биться о велик заклад / класть заклад (называется сумма от пятисот до ста тысяч рублей) / о буйной головушке»:

Ударили да о **велик заклад**,
 О **велик заклад**, да о **пятьсот рублей**
 [3, № 230, 518].
 И бился Садко купец да о **велик заклад**,
 И не о **ста рублях** он бился не о **тысящи**,
 И о своей он бился о **буйной головушке**

[3, № 174, с. 655].

Закладу оне за князя кладут на **сто тысячей**
[4, № 8, с. 49].

В былине упоминаются существовавшие в Древней Руси подати (внутренние налоги), взимаемые с разных видов деятельности, в том числе **повалешное (повалежное)** — сбор за стирку и полоскание белья на плоту, за валеж, которым колотят белье [13, вып. 27, с. 216]; **повенечное (повенчальное)** — плата за венчание [13, вып. 27, с. 225]; **постригальное** — плата за постригание [13, вып. 30, с. 239], **посуконое** — плата, пошлина [13, вып. 30, с. 250]. В былинах о Василии Буслаеве (как и в ряде других «старин») содержится указание «на важнейший путь возникновения даннических обязательств через силовое давление («дани-выходы» выплачивает побежденное население)» [10, 21].

Говорит тут Василий Буслаевич:

«Гой еси вы, мужики новгородския,

Бьюсь с вами о велик заклад:

Напущаюсь я на весь Нов-город битися-дратися
Со всею дружиною хоробраю —

Тако вы мене с дружиною побьете Новым-городом,

Буду вам платить дани-выходы по смерть свою,

На всякой год по три тысячи;

А буде же я вас побью и вы мне покоритися,

То вам платить мне такову же дань!»

<...>

«А и рады мы платить

На всякой год по три тысячи,

На всякой год будем тебе носить

С хлебников по хлебику,

С калачников по калачику,

С молодежи повенешное,

С девиц повалешное,

Со всех людей со ремесленных,

Опричь попов и дьяконов»

[4, № 10, с. 63, 66].

Кто кого побьет, с того брать пошлина:

Со девок брать повенчальное,

Со стариц брать постригальное,

С гостей торговых посуконое

[3, № 30, с. 312].

В былинах описывается возможность беспошлинной торговли в случае, когда гости-купцы, приехавшие в Киев, одаривают князя Владимира и добиваются соответствующих льгот — разрешения «торговать беспошлинно / без дани-пошлины»:

Я не знаю, чѣмъ буду тебя да всё одаривать;

Какъ мнѣ тибя краснымъ золотомъ дарить,
да у тибя-то

своего да очунь много-то;

Подарю-то я тибя развѣвъ, въ подарокъ тибѣ всё
поздраствую, —

Въ каждомъ городи торгуй безъ дани-пошлинѣ,

Хоть во Києви торгуй, хочъ во Черни-горѣ; —

Вездѣ тебѣ всё воля вольная.

[5, № 65, с. 336].

Ты торгуй-ко нунь Ставер да zde во Києве,

Ты отныне же торгуй да век же по веку,

Zde во Києве беспошлинно

[3, № 7, с. 191].

Таким образом, значимый для былинной картины мира концепт экономика имеет многокомпонентную концептуальную структуру, включающую такие семантические компоненты, как дары, дани-выходы, дани-пошлины, налоги, богатство, торговля, заклады, и является ментальной структурой хранения и передачи в языке былины традиционных культурно-этнических смыслов, входящих в концепцию богатства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селиванов Ф. М. Изображение человека в былинах / Ф. М. Селиванов // Фольклор. Поэтическая система. — М.: Наука, 1977. — С. 193—214.
2. Черноусова И. П. Русская ментальность в зеркале языка фольклора (на примере фольклорной концептосферы, отраженной в диалоговых моделях эпических жанров): монография / И. П. Черноусова. — Липецк, 2013. — 293 с.
3. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3-х томах. Изд. 4. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949 — Т. I. — 736 с.; 1950 — Т. II. — 806 с.; 1951. — Т. III. — 669 с.
4. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — 665 с.
5. Бѣломорскія былины, записанные А. Марковым. — М.: Поставщик Двора Его Величества Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. — 635 с.
6. Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ (подъ ред. А. Е. Грузинскаго): въ трехъ томахъ. Изд. 2. — М.: Издanie фирмы «Сотрудникъ школѣ», 1909—1910. Т. I. — 618 с.; Т. II. — 733 с.
7. Словарь современного русского литературного языка: в 17 томах. / АН СССР, Ин-т рус. яз. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1965. — Т. 17. — 2126 стб.
8. Петров Н. В. «Героические деньги» русского эпоса / Н. В. Петров // Фетиш и табу: Антропология денег в России / Сб. научных статей; составители Архипова А. С., Фрухтман Я. — М.: ОГИ, 2013. — С. 327—342.
9. Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь / Р. С. Липец. — М.: Наука, 1969. — 302 с.
10. Темушев С. Н. Отражение в русских былинах проблемы налогово-даннических отношений / С. Н. Темушев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — Институт славяноведения РАН, Институт российской истории РАН. — 2021. — С. 16—23.
11. Пропп В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. — М.: ГИХЛ, 1958. — 603 с.
12. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. — СПб: Наука, 1994. — 239 с.
13. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. — Ф. П. Сороколетов. — Л.: Наука, 1970 — Вып. 6. — 359 с., 1992 — Вып. 27. — 400 с., 1996 — Вып. 30—384 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Черноусова И. П., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Института филологии

E-mail: ira.chernousova2010@yandex.ru

Lipetsk State Pedagogical University named after P. Semenov-Tyan-Shansky

Chernousova I. P., Doctor of Philology, Professor in the Department of Russian language and literature Institute of Philology

E-mail: ira.chernousova2010@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИЕМЫ В ЗАГЛАВИЯХ РАССКАЗОВ В. Ю. ДРАГУНСКОГО

Чжан Сяохуэй, А. В. Купцова

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Поступила в редакцию 21 июля 2025 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию поэтики заглавий в рассказах Виктора Драгунского. На материале цикла «Денискины рассказы» анализируются художественные приемы, стилистические фигуры, изобразительно-выразительные средства и семантические особенности заголовков, их роль в диалоге с детской аудиторией, связь с авторской картиной мира.

Ключевые слова: В. Ю. Драгунский, поэтика заглавия, детская литература, «Денискины рассказы», художественные приемы, изобразительно-выразительные средства, ирония и юмор.

Abstract: the article explores the poetics of titles in Viktor Dragunsky's short stories, focusing on the Deniska's Stories cycle. The study examines literary devices, stylistic figures, expressive means, and semantic features of the titles, highlighting their role in engaging a young readership and their connection to the author's worldview. Through a detailed analysis, the paper demonstrates how Dragunsky's titular strategies contribute to the narrative's humor, emotional resonance, and dialogic interaction with children.

Keywords: V. Yu. Dragunsky, poetics of the title, children's literature, «Deniska's Stories», literary techniques, figurative and expressive means, irony and humor.

Заглавие произведения — это первая встреча читателя с художественным миром, созданным автором. Заглавие нацелено на установление контакта с читателями, это мост между художественным пространством и внешним миром, важнейший смысловой элемент художественного произведения, с которого начинается понимание и осмысление всего содержания текста. Заглавие не просто *называет* текст, но и становится его визитной карточкой, ключом к интерпретации, а иногда — отдельным элементом поэтики.

Заглавие отражает не только основную тему текста, но и отношение автора к рассматриваемой проблеме. Многие ученые отмечают определяющую роль заглавий и их особую функцию в понимании текста (И. Р. Гальперин, Л. Г. Кайда, Н. А. Кожина, Е. С. Кубрякова и др.). Изучению заглавий, их роли, функций, связи с композицией произведения посвящено множество исследований. Л. С. Выготский считает заглавие «кратчайшим из кратких рассказов о книге» [3, 204], поскольку оно поэтапно раскрывает суть произведения, содержание с разных сторон, придавая ему новое значение, своеобразно интерпретирует его. И. Р. Гальперин наделяет название ведущим свойством — придавать тексту завершенность. Ученый считает название не только сигналом, направляющим внимание читателя на «перспективное изложение мысли, но и ставит рамку такому изложению» [5, 134]. В учебном пособии по лите-

ратуроведению А. В. Ламзина называет заглавие рамочным компонентом, который, как рамка, обрамляет суть произведения, связывая его начало и конец. Именно заглавие создает первоначальную установку на восприятие всего произведения в целом, в процессе чтения постепенно раскрывается значение всех появившихся в ходе чтения ассоциаций, благодаря которым читатель заново анализирует текст, приходя к неожиданным и новым выводам [8, 63]. Исследователь Н. А. Кожина, касаясь вопроса функций заглавия, отстаивает теорию его двойственной природы: внешняя сторона заголовка отражает отношение читателя к тексту, внутренняя — отношение автора [6, 169].

Вызывает интерес точка зрения на заглавия советского писателя и драматурга С. Д. Кржижановского, который рассматривал типологию названий в совокупности с их функциями и в итоге выделил три так называемых стадии, ставшие основой принципа дешифровки названий в процессе чтения: «1) *antescriptum* (заглавие предваряет, провоцирует текст, открывает суть его содержания, а текст выступает в качестве иллюстрации); 2) *inscriptumeamawe* (раскрывается постепенно, по мере вчитывания в текст); 3) *postsriptum* (смысл понятен только после прочтения)» [7, 17—23]. Если смотреть на эту теорию широко, в любом заглавии эти три стадии присутствуют, поскольку сначала заглавие настраивает на дальнейшее чтение, то есть формирует у читателя определенное, заданное восприятие, затем это восприятие трансформируется в процессе чтения, рас-

крывается, а в конце становится понятен замысел писателя, который может быть совершенно не таким, как первоначальное восприятие, однако понять это возможно только после прочтения. В теории литературы заглавие определяется как «сверхсжатый текст», который аккумулирует основные смыслы произведения [9]. В детской литературе его роль усиливается, так как ребенок воспринимает заголовки как «дверь» в мир истории.

По мнению психолога Л. С. Выготского, дети склонны воспринимать текст через конкретные образы и эмоциональные акценты. Поэтому заглавия детских произведений часто используют гиперболу («Мотогонки по отвесной стене», «Двадцать лет под кроватью», «Одна капля убивает лошадь»), содержат вопросы и восклицания («Что я люблю», «Сверху вниз, наискосок!»), обращаются к звукоподражаниям («Поют колеса — тра-та-та», «Не пиф, не паф!»).

В качестве материала для исследования поэтики названий произведений детской литературы мы обратились к творчеству В. Ю. Драгунского, в частности к его циклу «Денискины рассказы». Всего было проанализировано 60 заголовков.

В. Ю. Драгунский, автор знаменитых «Денискиных рассказов», мастерски использует заглавия как инструмент взаимодействия с юным читателем. Драгунский, актер и сценарист, пришел в детскую литературу в зрелом возрасте. Его опыт работы в театре повлиял на диалогичность и драматургичность рассказов. Рассказы Драгунского — это комедии положений («Главные реки» — попытка выучить уроки приводит к хаосу), мини-притчи («Тайное становится явным» — история о последствиях лжи), зарисовки повседневности («Куриный бульон»). Заголовки отражают этот жанровый синтез, сочетая бытовое и философское. В 1960-е годы, когда создавались «Денискины рассказы», в детской литературе СССР намечался переход от прямолинейной морализации к игровым формам (влияние «оттепели»). Заголовки Драгунского отражают этот баланс: они избегают прямых нравовчений, но имплицитно транслируют ценности (дружба, честность, смелость).

Заглавия в «Денискиных рассказах» — это не просто ярлыки, а художественные миниатюры, где автор использует богатый арсенал поэтических средств. Они не только привлекают внимание юного читателя, но и передают глубину смысла через игру слов, образы и эмоции. Ключевыми поэтическими средствами и приемами, используемыми в названиях, являются метафора, метонимия, сравнение, аллегория, оксюморон, ирония и юмор.

Метафора. Метафорические заглавия создают многозначные образы, связывая бытовые ситуации с философскими идеями. Функционально метафоры в названиях превращают обыденное в символическое, раскрывая внутренний мир героя. Например, в рассказе «Он живой и светится» светлячок

в коробке становится метафорой хрупкости жизни и детской способности видеть чудо в мелочах, а в названии «Зеленчатые леопарды» «зашифрована» ветрянка: один из детей вспоминает, как его мазали зеленкой во время болезни. И через эту метафору передана главная мысль рассказа — все болезни могут иметь свои преимущества, такие как получение подарков и ласки от окружающих, но также могут быть неприятными из-за ограничений и скуки, поэтому нужно уметь находить приятное и пользу даже в плохом, не воспринимать все однозначно.

Метонимия. Метонимия заменяет целое частью или ассоциацией, акцентируя деталь. Функция метонимических названий — создание эффекта «узнавания» через конкретные детали. В рассказе «Куриный бульон» блюдо становится обозначением семейного тепла и заботы, а в названии «Слава Ивана Козловского» имя певца метонимически указывает на увлечение главного героя пением.

Сравнение. Драгунский избегает прямых конструкций вроде «крепкий как дуб», потому что его названия отражают детскую речь (дети редко используют сложные сравнения), работают как загадки (читатель сам додумывает аналогии), акцентируют действие, а не описания («Тайное становится явным» — процесс, а не образ). Поэтому чаще и используются скрытые сравнения, например, в названии «Он живой и светится» — скрытое сравнение: светлячок в банке похож на волшебный фонарик или звезду. Для Дениски насекомое — не просто букашка, а нечто чудесное, «живое и светящееся», как сказочный объект. Скрытые сравнения в названиях рассказов усиливают образность. Сравнения подчеркивают контраст между детским и взрослым восприятием.

Аллегория. Аллегорические заглавия кодируют моральные уроки в простых историях, учат через иносказание, избегая прямого морализаторства. В рассказе «Красный шарик в синем небе» подруга Дениски Аленка протягивает ему воздушный шарик, а он отпускает его в синее небо, и это аллегория свободы. Главная мысль рассказа заключается в том, что нельзя держать кого-либо или что-либо, если хочется на свободу. Аллегии в названиях символизируют различные стороны: в названии «Друг детства» плюшевый мишка аллегорически символизирует прощание с инфантильностью, а в названии рассказа «Подзорная труба» есть аллегория, связанная с идеей всевидящего наблюдения за ребенком. В рассказе рассказывается, как родители главного героя, мальчика Дениса, решили обмануть его, создав муляж подзорной трубы, чтобы контролировать его и прекратить шалости. В названии рассказа «Старый мореход» есть аллегория, связанная с персонажем из романа Джека Лондона «Майкл, брат Джерри» — Старым Мореходом. В произведении мальчик Дениска сравнивает поступок маминой подруги Марьи Петровны, которая обманула его, с действиями

Старого Морехода, вынужденного обманывать богачей ради спасения своей жизни. «Белые амадины» — это поэтический рассказ, который учит видеть прекрасное рядом с собой, любить природу и бережно относиться к ней. В названии также можно увидеть аллгорию: амадины описаны как маленькие, слабые и нежные птицы, которые поражают своей хрупкостью и неземной красотой, в глазах рассказчика они становятся воплощением чистой эстетики, поражающей и детей, и взрослых.

Оксюморон. Оксюморон в названиях рассказов Драгунского служит инструментом для создания юмора, иронии и философского подтекста. Название на основе оксюморона строится на противопоставлении, благодаря которому создаются дополнительные смыслы. Так, в названии рассказа «Независимый Горбушка» оценочная характеристика «независимый» является положительной, подчеркивающей свободу, самостоятельность, силу воли, а уменьшительно-ласкательное или уничижительное прозвище «Горбушка» может указывать на физический недостаток, социальную уязвимость или ироничное отношение к персонажу. Оценка здесь двойственная: с одной стороны, восхищение независимостью, с другой — насмешка или жалость из-за прозвища. Название «Разговаривающая ветчина» — яркий пример оксюморона, так как сочетает взаимоисключающие понятия. Этот контраст создает абсурдный, комический эффект, который сразу привлекает внимание читателя и задает тон всему рассказу. Знакомая семья Мария Петровна представлена в неприглядном свете, ее качество «много говорить» представлено в таком утрированном виде, а внешний вид описан так нелепо и смешно, что это сочетание и правда делает ее похожей на ходячий и разговаривающий окорок.

Помимо классического оксюморона у Драгунского встречаются контрастные конструкции, которые подчеркивают противоречия между детским восприятием и взрослой логикой, а также абсурдность ситуаций. Например, в названии «Тайное становится явным» контраст между антонимами *тайное* и *явное* предвосхищает сюжет, где попытка Дениски скрыть правду, вылив манную кашу в окно, приводит к разоблачению. Оксюморон подчеркивает мораль: обман всегда раскрывается.

Ирония и юмор. Заглавия в «Денискиных рассказах» — это полноценные инструменты комического воздействия. Через игру слов, гиперболы, контрасты и подтекст автор создает юмористические и ироничные эффекты, обыгрывает контраст между формой и содержанием, которые делают тексты запоминающимися и многогранными, смягчают серьезные темы, делая их доступными для детей. Рассмотрим, как это работает.

Гипербола и преувеличение. Драгунский часто использует заглавия с явным преувеличением, от-

ражающим детское восприятие. «Двадцать лет под кроватью» — история о страхе остаться навсегда под кроватью, где Денис неудачно спрятался, попав в неловкую ситуацию, а минуты кажутся ему вечностью. Гипербола в названии высмеивает детскую драматизацию событий и подчеркивает разрыв между детской логикой и реальностью.

Игра слов и каламбуры. Заглавия-каламбуры создают юмор через двойное прочтение. Языковая игра вовлекает читателя в комичную ситуацию, где смешно даже само звучание названия, а развитие сюжета поддерживает этот эффект. В рассказе «Заколдованная буква» дети не могут выговорить «Ш» из-за выпавшего зуба, что превращает обычную шепелявость в особенность, «магическую проблему».

Абсурдность и неожиданность. Этот эффект реализуют названия, которые удивляют своей нелогичностью, вызывая комический эффект. Абсурд высвечивает детскую непосредственность, которая противоречит взрослой рациональности. Абсурдность названия рассказа «Зеленчатые леопарды» заключается в том, что леопарды не бывают зелеными — это нарушение естественного порядка. Однако здесь присутствует игра с ожиданиями: читатель ждет экзотики, но сталкивается с детской выдумкой. Дети подразумевают под «зеленчатыми леопардами» больных ветрянкой детишек. Дети могут серьезно обсуждать нелепые идеи, что вызывает смех и умиление. Драгунский показывает, что мир не обязан соответствовать стереотипам, а «зеленчатые леопарды» — это символ свободы воображения. В названии рассказа «Человек с голубым лицом» абсурдность проявляется в том, что голубой цвет лица ассоциируется с фантастикой или болезнью, что противоречит реальности. Это, с другой стороны, и метафора уникальности: герой может быть «не таким, как все», что поднимает тему принятия различий. Действительно, в рассказе и отец Дениса предстал в ином свете, выступив настоящим героем, и дорожный рабочий, которого Денис побаивался, на деле оказался очень добрым и заботливым.

Таким образом, юмор и ирония в заглавиях Драгунского — это не просто способ рассмешить, а инструмент раскрытия детской психологии. Через преувеличения, каламбуры и контрасты автор показывает мир глазами ребенка, где страхи превращаются в абсурд («Двадцать лет под кроватью»), быт — в приключение («Куриный бульон»), а серьезное оборачивается смешным («Тайное становится явным»).

Поэтика заглавий в «Денискиных рассказах» В. Ю. Драгунского отличается уникальным сочетанием простоты и глубины, отражая двойственную природу детской литературы: доступность для юного читателя и многогранность для взрослого. Драгунский использует заглавия для смягчения серьезных

тем: ирония превращает страхи в смешные истории («Двадцать лет под кроватью»), каламбуры («Заколдованная буква») учат находить смешное в проблемах, через абсурд детская непосредственность противопоставляется взрослости («Мотогонки по отвесной стене»). Так юмор становится способом преподать урок без назидательности.

Заглавия в произведениях Драгунского — это не просто названия, а органичные элементы поэтики, которые формируют узнаваемый стиль, сочетающий игру и глубину, задают тональность, где юмор становится инструментом познания мира, отражают детское миропонимание, где мир полон чудес, страхов и открытий, связывают отдельные истории в целостный цикл с общими темами, наконец, служат мостом между поколениями, позволяя каждому читателю найти свой смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, Россия

Чжан Сяохуэй, аспирант

E-mail: zxh528622247@qq.com

А. В. Купцова, канд. педаг. наук, главный специалист отдела организации научной работы и подготовки научных кадров

E-mail: AVKuptsova@pushkin.institute

2. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте / Л. С. Выготский. — М.: Просвещение, 1997. — 93 с.

3. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — М.: Педагогика, 1987. — 341 с.

4. Все Денискины рассказы / В. Ю. Драгунский. — М.: РОСМЭН, 2024. — 408 с.

5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М.: Наука, 1981. — 148 с.

6. Кожина Н. А. Заглавие художественного произведения: структура, функции, типология (на материале русской прозы XIX—XX вв.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кожина Наталья Александровна; Москва, 1986. — 230 с.

7. Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий / С. Д. Кржижановский. — М.: Никитинские субботники, 1931. — 36 с.

8. Ламзина А. В. Литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: учебное пособие / А. В. Ламзина / под ред. Л. В. Чернец. — М.: Высшая школа, 1999. — 368 с.

9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — М.: Искусство, 1970. — 384 с.

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Zhang Xiaohui, PhD student

E-mail: zxh528622247@qq.com

A. V. Kuptsova, Postgraduate Student of Pedagogical Sciences, researcher

E-mail: AVKuptsova@pushkin.institute

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ИДИОЛЕКСИКОНА НА РАЗВИТИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Е. И. Чурикова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 ноября 2025 г.

Аннотация: целью исследования является выявление основных параметров описания влияния идиолексона на развитие словарного состава русского литературного языка. К этим параметрам автор относит: 1) степень доказанности факта влияния идиолексона на словарный состав языка; 2) способ такого влияния; 3) результат влияния индивидуального лексикона на лексику литературного языка; 4) степень сохранности результата данного влияния; 5) статус идиолексона в данном влиянии (исходный источник или посредник).

Ключевые слова: русский литературный язык, история русского языка, лексика, идиолексон, персонема.

Abstract: the purpose of the study is to identify the main parameters of the description of the influence of idiolexicon on the development of the vocabulary of the Russian literary language. The author refers to these parameters: 1) the degree of evidence of the influence of the idiolexicon on the vocabulary of the language; 2) the method of such influence; 3) the result of the influence of an individual lexicon on the vocabulary of a literary language; 4) the degree of preservation of the result of this influence; 5) the status of the idiolexicon in this influence (the original source or intermediary).

Keywords: Russian literary language, history of the Russian language, vocabulary, idiolexicon, personeme.

Проблема влияния одной системы/подсистемы на другую рассматривается в лингвистических работах чаще всего при описании взаимодействия языков или нескольких подсистем национального языка (например, литературного языка и жаргона, диалекта и просторечия). Вопрос о влиянии идиолектов на развитие того или иного языка также неоднократно обсуждался в научной литературе. Однако попытки обобщающего и многоаспектного описания такого влияния предпринимались только в отношении фразеологического состава некоторых языков (в частности, русского языка: см., например, монографию [1] и фундаментальный словарь [2], посвященные крылатым выражениям русского языка).

Насколько нам известно, попытка многоаспектного описания влияния идиолексона (лексической системы языка отдельной личности) на словарный состав русского литературного языка пока не предпринималась.

Рассмотрим, что собой должно представлять научное описание влияние некоторой системы/подсистемы А на систему/подсистему Б в общем виде. С нашей точки зрения, оно предполагает: 1) доказательство самого факта влияния системы/подсистемы А на систему/подсистему Б; 2) определение способа / средства влияния; 3) выявление результата влияния; 4) определение степени сохранности

результатов влияния; 5) определение статуса системы/подсистемы А в данном влиянии (первичный источник или посредник).

Соответственно, для нашего случая — описания влияния идиолексона на лексику русского литературного языка — следует определить: 1) степень доказанности влияния идиолексона А на словарный состав языка; 2) способы / средства такого влияния идиолексона А на словарный состав языка; 3) результат влияния индивидуального лексикона на лексику литературного языка; 4) степень сохранности результатов такого влияния; 5) статус идиолексона А в данном влиянии (первичный источник или посредник). Остановимся подробнее на перечисленных параметрах.

Вопрос о **степени доказанности** влияния идиолексона на словарный состав языка связан с двумя проблемами.

А) **проблема определения критериев установления самого факта такого влияния** идиолексона на лексикон литературного языка. К сожалению, приходится констатировать, что универсального критерия для решения данной проблемы не существует. На что же исследователь все-таки может опираться? Во-первых, на отнесенность данной лексической единицы к широкоизвестному тексту, после публикации которого она получила широкое распространение. Конечно же, таких случаев сравнительно немного. К ним относится, например, вхождение в литератур-

ный язык слов *головотяп*, *благоглупость*, *нигилист*, *бездарь* и некоторых других. Во-вторых, на факт первой фиксации лексической единицы. Однако здесь есть свои трудности. С одной стороны, доказать, что мы имеем в данном случае именно первую фиксацию, бывает трудно. С другой стороны, факт первого употребления в печати далеко не всегда можно приравнивать к факту влияния на литературный язык. В ряде случаев широкому распространению слова способствует совсем другая личность. В-третьих, наличие свидетельства современников или самой творческой личности. Легко понять, что и в этом случае полностью полагаться на такие источники мы не можем. В-четвертых, в нашем распоряжении есть ряд уже проведенных исследований. Однако далеко не всегда результаты этих исследований являются достоверными. В частности, нередко ошибочность выводов обусловлена ограниченностью источников исследования. Имеющийся в настоящее время в распоряжении русистов «Национальный корпус русского языка» в ряде случаев легко позволяет показать, что данная единица использовалась задолго до публикации предполагаемого текста-источника и была при этом достаточно употребительной.

Б) проблема отнесения лексической единицы к словарному составу литературного языка (это касается, прежде всего, статуса ряда научных терминов). С нашей точки зрения, формальным показателем вхождения лексической единицы в лексикон литературного языка можно считать ее включение в авторитетные академические словари русского языка второй половины XX — первой четверти XXI вв. (при всей условности такого решения). К их числу мы относим следующие лексикографические издания: [3] [4], [5], [6], [7], [8], [9].

Учитывая трудность решения названных проблем, укажем, что по степени доказанности мы предлагаем выделять: а) случаи **несомненного влияния**; б) случаи (более или менее) **вероятного влияния**. Примером первого типа (когда мы располагаем необходимыми подтверждениями интересующего нас факта в виде научных исследований, текста самого автора, фиксирующего данную единицу и описывающего свою словотворческую деятельность, а также результатов собственной проверки данного факта с помощью современных инструментов: «Национального корпуса русского языка» и др.) является создание и успешная популяризация К. И. Чуковским слова *канцелярит*. В качестве примера второго типа (когда наша доказательная база далека от полноты) можно привести случай вхождения в словарный состав русского литературного языка лексемы *паровоз* (см. ниже).

2. Вторым важным параметром интересующего нас процесса является **способ влияния идиолексикона на словарный состав языка**. Основными способами такого влияния являются:

а) Способствование введению нового слова в словарный состав языка. Это самый очевидный вариант влияния идиолексикона на развитие лексического состава, который можно проиллюстрировать такими общеизвестными авторскими неологизмами М. Е. Салтыкова-Щедрина, как *благоглупость*, *головотяп*, *злыхатель*, которые вошли в литературный язык благодаря популярности произведений писателя.

б) Способствование введению нового лексико-семантического варианта (уже имеющегося в языке слова) в словарный состав языка. В качестве примера влияния такого типа можно привести историю появления у слова *ледокол* его современного значения. Как известно, лексема *ледокол* до середины XIX века имела два значения: 1) человек, колющий лед; 2) место (на реке, пруде), где колют лед. В 60-е годы XIX в. в истории слова *ледокол* происходит важнейшее событие. В это время технический прогресс приводит к созданию кораблей нового типа — мощных судов, оборудованных для плавания во льдах и предназначенных для прокладывания пути другим судам в замерзающих водах.

Первоначально для наименования судна, способного пробиться через ледяной покров, стало использоваться слово *ледорез*. Предложение называть такой корабль ледоколом появляется спустя год и связано с именем русского инженера, начальника Морской строительной части Кронштадтского порта **Н. Л. Эйлера** (1816—1898). Он использовал это слово для обозначения судна собственной конструкции — «*минно-гиревого ледокола*». Описание своего проекта Н. Л. Эйлер опубликовал в журнале «Морской сборник» за 1865 г. Приведем фрагмент этой статьи, в котором, по всей видимости, представлено одно из первых употреблений в печати слова *ледокол* в новом значении: «*Предлагается нами морской ледокол, уничтожающий на своем пути все ледные препятствия, не только тогда, когда лед имеет движение, но и тогда, когда он находится в сомкнутом, неподвижном состоянии. Основная идея этого изобретения состоит в том, чтобы при разломе льда как можно менее подвергать само судно усилиям, обыкновенно столь вредным для прочности его корпуса и паровой машины*». Вскоре лексема *ледокол* стала общепринятым наименованием для судов, оборудованных для плавания во льдах (подробнее см. [10]).

Особо следует сказать о том, что влияние идиолексикона на словарный состав литературного языка может не сводиться к введению отдельных слов или лексико-семантических вариантов, а быть более масштабным. Таково, например, влияние на литературный язык лексикона М. В. Ломоносова, многие оригинальные и переводные сочинения которого стали образцовыми для российской науки и культуры в целом, а реализованные в них

принципы развития русской научной терминологии были восприняты многими отечественными учеными и писателями. Эти принципы были сформулированы следующим образом:

— чужестранные слова научные и термины надо переводить на русский язык;

— оставлять непереуезданными слова лишь в случае невозможности подыскать вполне равнозначное русское слово или когда иностранное слово получило всеобщее распространение;

— в этом случае придавать иностранному слову форму, наиболее сродную русскому языку (цит. по [11]).

Руководствуясь данными принципами, М. В. Ломоносов ввел в русский язык многочисленную группу лексических единиц и продемонстрировал применение целого ряда моделей образования слов, способов преобразования заимствований и т.д.

3. Следующим значимым параметром является **определение результата влияния идиолексикона на словарный состав литературного языка**. Представляется, что можно выделить четыре результата такого влияния.

а) **Заполнение лакуны**, предполагающее отсутствие в лексиконе литературного языка одноклассового обозначения для соответствующего понятия. В качестве примера можно привести вхождение в литературный язык авторского неологизма М. Е. Салтыкова-Щедрина *благотупость*.

б) **Вытеснение уже имеющейся в языке лексической единицы**, обозначающей данное понятие. Например, вытеснение словом *вертолет* (которое было введено в русский язык известными отечественными авиаконструкторами Н. И. Камовым и Н. К. Скржинским) лексемы *геликоптер* на периферию лексической системы.

в) **Появление синонима имеющегося слова**, не предполагающее вытеснение последнего (таково, например, вхождение в литературный язык авторского неологизма К. И. Чуковского *мойдодыр* 'умывальник', ставшего стилистическим синонимом лексемы «умывальник»).

г) **Изменение значения семантически близкого слова**. Проиллюстрировать этот случай можно историей вхождения в литературный язык лексемы *паровоз*. Как отмечает Ю. С. Сорокин, появление в 1836 г. этого слова (в его создании и популяризации решающую роль сыграл известный журналист Н. И. Греч) постепенно привело к сужению значения слова *пароход*, которое употреблялось с 1820-х годов в привычном для нас значении 'судно, приводимое в движение паровым двигателем', но в 1830-е начало обозначать и «паровую машину, водящую сухопутные поезда» [12].

4. Следующим важным аспектом интересующего нас процесса является **степень сохранности результатов влияния идиолексикона на словарный**

состав языка. С этой точки зрения можно говорить о результатах влияния: а) сохранившихся в неизменном виде; б) сохранившихся в преобразованном виде; в) несохранившихся. Примером первого типа является судьба термина *генофонд*, который был введен советским генетиком А. С. Серебровским и впоследствии прочно занял место в словарном составе русского литературного языка. В качестве иллюстрации случаев второго типа можно привести авторский неологизм И. Северянина *бездарь*, претерпевший акцентологическую трансформацию (*бездАрь* — *бЕздарь*), грамматическую (изначально — женский род, в современном языке — мужской и женский) и семантическую (изначально — собирательное значение, в современном языке оно является периферийным, основное значение — бездарный человек): *Вокруг — талантливые трусы // И обнаглевшая бездАрь... // И только Вы, Валерий Брюсов, // Как некий равный государь...* (И. Северянин «Прочальная поэма»). Примером третьего типа являются некоторые термины, введенные в русский научный язык М. В. Ломоносовым, но впоследствии вытесненные другими лексическими единицами (*курение* 'испарение', *лествица* 'шкала' и др.).

5. Наконец, еще один важный вопрос, на который должен ответить исследователь: является ли идиолексикон А первичным источником средства Б или системой-посредником, которая, в свою очередь, стала объектом влияния иной системы / подсистемы В? Действительно, в ряде случаев мы сталкиваемся с ситуацией, когда автор способствует вхождению в литературный язык не своего неологизма, а уже используемой кем-либо лексической единицы. Хорошей иллюстрацией «продвижения» уже употреблявшихся лексических единиц может служить использование И. С. Тургеневым в своем творчестве слов *нигилизм* и *нигилист*. Эти лексемы встречаются в русских философских и религиозных текстах задолго до появления романа «Отцы и дети», но популярными и общеизвестными они стали после выхода в свет хрестоматийного произведения И. С. Тургенева.

Таким образом, системное описание влияния идиолексикона на словарный состав литературного языка, по нашему мнению, предполагает учет пяти вышеназванных базовых параметров, которые в своей совокупности отражают сущность изучаемого явления.

Как было отмечено выше, влияние идиолексикона на словарный состав литературного языка может быть многообразным: введение нового слова, нового лексико-семантического варианта и т.д. С нашей точки зрения, логика научной работы по описанию такого рода влияний диктует необходимость создания особого термина для наименования исследуемых нами лексических единиц, в «судьбе» которых выявляется существенная роль тех или иных конкретных личностей. В качестве этого термина

мы предлагаем использовать лексему «персонема», созданную по продуктивной для лингвистической науки модели: от лат. *persona* ('личность, лицо') + суффикс *-ем-* (ср. *фонема, морфема, лексема, синтаксема* и мн. др.).

Персонемы мы предлагаем определять как лексические единицы (слова или лексикосемантические варианты), ставшие частью словарного состава литературного языка и обладающие следующими признаками: а) представленностью в академических нормативных словарях; б) относително высокой употребительностью; в) принадлежностью к определенному идиолексикону, под влиянием которого данная единица вошла в литературный лексикон и/или претерпела те или иные изменения в ходе своего функционирования.

С нашей точки зрения, многоаспектный анализ персонем должен стать следующим шагом (после успешно осуществленного описания отечественного фонда крылатых выражений в работах [1], [2] и др.) на пути комплексного изучения влияния идиолектов на русский литературный язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С. Г. Шулежкова. — М.: Азбуковник, 2002. — 288 с.
2. Берков В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка: в 2-х т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шу-

лежкова. — Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008—2009.

3. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1981—1984.

4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М.: Азъ, 1994. — 907 с.

5. Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб: Норинт, 1998. — 1534 с.

6. Большой академический словарь русского языка. — М.; СПб.: Наука, 2004-...

7. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 2008. — 1164 с.

8. Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю. Д. Апресян. — М.: Языки славянской культуры, 2014-

9. Морковкин В. В. Большой универсальный словарь русского языка: в 2 т. / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая. — М.: Грамота, АСТ-Пресс Школа, 2022.

10. Чурикова Е. И. Из истории слов «ледокол» и «вездеход» / Е. И. Чурикова // Распоповские чтения 2024: Сборник научных статей / Отв. ред. С. А. Чуриков. — Продолжающееся научное издание. Вып. 10. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. — С. 213—216.

11. Мещерский Н. А. История русского литературного языка / Н. А. Мещерский. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. — 102 с.

12. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90 годы XIX века / Ю. С. Сорокин // Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. — М., Л.: Наука, 1965. — 565 с.

Воронежский государственный университет
Чурикова Е. И., аспирант кафедры русского языка
E-mail: anelem15@yandex.ru

Voronezh State University
Churikova E. I., post-graduate student of the Department of
Russian Language
E-mail: anelem15@yandex.ru

КОМПОЗИЦИОННОЕ И ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПУБЛИКАЦИЙ ТЕЛЕКРИТИКА СЕРГЕЯ КАЗНАЧЕЕВА

Р. П. Баканов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казанский государственный энергетический университет*

Поступила в редакцию 29 августа 2025 г.

Аннотация: используя методы структурно-композиционного и лексико-стилистического анализа, автор изучил 40 публикаций телекритика Сергея Казначеева в «Литературной газете» за период с 01.01.2007 по 06.08.2025. Было выявлено, что С. Казначеев формировал положительный дискурс российской медиакритики, каждый из его медиатекстов содержал сочетание публицистического и разговорного стилей языка.

Ключевые слова: телевизионная критика, мнение, оценка, творческий портрет, «Литературная газета».

Abstract: using the methods of structural-compositional and lexico-stylistic analysis, the author studied 40 articles of TV critic Sergey Kaznacheev in "Literaturnaya gazeta" for the period from 07/1/2007 to 08/6/2025. It was revealed that S. Kaznacheev formed a positive discourse of Russian media criticism, each of his media texts contained a combination of journalistic and colloquial language styles.

Keywords: television criticism, opinion, assessment, creative portrait, "Literaturnaya gazeta".

Дальнейшее увеличение воздействующего на человека информационного потока актуализирует необходимость его постоянной критической рефлексии. Потребляя поступившие к нему сведения, индивид определенным образом социализируется и формирует свое поведение в зависимости от ситуации. Чтобы процесс социализации не пошел по ложному пути, а общественность как можно реже страдала от действий телефонных и интернет-мошенников, необходимо продолжать работу по развитию и совершенствованию навыков критического мышления гражданина. Требуется регулярное обновление алгоритмов «интеллектуальной самообороны» [1, 87] человека. Быть в курсе последних событий в стране и мире важно и необходимо, однако думается, что нужно еще и уметь не оказаться в плену информационных пузырей и искать разные точки зрения и мнения по разным вопросам и ситуациям. В условиях тотального дефицита времени и невозможности охватить вниманием многочисленные каналы коммуникации сделать это становится все сложнее.

Сложившаяся ситуация актуализирует необходимость медиакритики – области журналистики, призванной «помочь обществу в познании новых реалий и тенденций в деятельности СМИ. Она является одновременно и своеобразным способом рефлексии, самопознания современной печатной и электронной прессы, и общественным зеркалом, которое призва-

но отражать «блеск и нищету» СМИ, оказавшихся в рыночной среде» [2, 12].

Результаты социологических опросов показывают, что для существенной части россиян ТВ по-прежнему остается значимым источником получения сведений о происходящем в стране и мире [3]. С. Н. Ильченко полагает, что «достоверно только то, что увидела аудитория с помощью визуальных каналов информации: в телеэфире, на видеоресурсах в Сети, на полосах печатных СМИ, на дисплеях гаджетов. Текстовая или аудированная вербальная информация остается в подобном контексте некой альтернативой, тяготеющей к достоверности» [4, 220]. Выявление и регулярное рефлексивное изучение актуального комплекса визуальных манипулятивных приемов, а также умение в доступной для широкой аудитории донести результаты своих наблюдений, на наш взгляд, важнейшие в настоящее время задачи медийного критика.

Согласимся с А. Л. Дмитриевским в том, что «учитывая значимость в жизни современного человека ИКТ, их бурное развитие и влияние, роль медиакритики, несомненно, возрастает с каждым днем и даже часом» [5, 116]. И потому, мы считаем, важны не только постоянные критически оценивающие текущее медийное содержание журналистские и экспертные комментарии в СМИ и на альтернативных медийных площадках (соцсети, блоги, форумы), но и периодическое научное осмысление публикаций самих медиакритиков с задачей, например, выяснения их проблемно-тематического интереса,

установления специфики их творческих методов познания, качества интерпретации контента, уровня глубины его анализа, степени объективности оценок, авторских суждений и выводов. С помощью создаваемых медиакритиками рефлексирющих публикаций у аудитории есть возможность не только подробнее и больше узнать о принципах современной работы массмедиа, формирования их текущей повестки, но и в определенной степени понять некоторые происходящие в обществе процессы.

Эмпирическую базу исследования составил корпус из сорока публикаций одного из телекритиков «Литературной газеты» Сергея Казначеева за период с 01.01.2007 по 06.08.2025 (последний выбранный нами для изучения в рамках написания данной статьи его материал опубликован именно в этот день). Телекритические работы С. Казначеева на сайте ЛГ разделены на две неравные по количеству медиатекстов группы: 2007—2008 гг. (5 заметок) и с 25.06.2013 по 06.08.2025 (35 мини-портретов телеперсон и микрорецензии на передачи). Скорее всего, перерыв в несколько лет был связан с написанием и подготовкой к защите диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Но и после этого указанный автор не столь регулярно выступает на страницах «Литературной газеты» с рецензиями на телепередачи: интервалы между текстами иногда составляли несколько месяцев. Думается, что это связано с его высокой загруженностью в научно-педагогической и административной деятельности (он – профессор Литературного института им. Горького). В то же время композиционное и лексическо-стилистическое своеобразие материалов, выбор объекта и предмета внимания, специфика формирования оперативной оценки телепередач и других медиаситуаций, на наш взгляд, интересны с научной и образовательной точки зрения и могут быть полезными, например, начинающим медиакритикам в плане улучшения практики создания объективных и корректных аналитических текстов и применения приемов привлечения и удержания внимания аудитории. Изучение контента проводилось в газете, на сайте, а также в сообществах и каналах «Литературной газеты» во «ВКонтакте», «Одноклассниках» и Telegram (совпадение слово в слово). При выполнении исследования мы применили методы структурно-композиционного и лексико-стилистического анализа публикаций С. Казначеева.

Первое, что «попадает» на глаза читателю, — заголовок публикации. От того, насколько выразительным, ярким и образным он получится, будет зависеть количество ознакомившихся с текстом людей. Нельзя сказать, что названия творческих работ интересующего нас телекритика выделяются образностью на фоне медиатекстов других авторов. Наоборот, их характеризует предельная конкретность. Наше исследование показало, что, как

правило, С. Казначеев регулярно использует такой подвид образного заголовка, как «идея», т.е. вынесение туда своей главной, доказываемой в ходе повествования, мысли. Таких публикаций мы выявили 23: «Боевые эксперты», «ЛГ», 08.05.2025); «Труппа Владимира Соловьева» («ЛГ», 17.04.2025); «Игра не в бисер» («ЛГ», 16.01.2025); «Новая генерация экспертов» («ЛГ», 21.09.2022); «Православный дарвинист» («ЛГ», 16.02.2022) и др. Отдавая приоритет заголовкам-идеям, критик стремится не эпатировать и не интриговать аудиторию, как часто поступают авторы во многих других изданиях, а настраивает читателей на неспешное повествование и вдумчивое восприятие написанного. Заголовки публикаций второго этапа творчества С. Казначеева значительно менее экспрессивны по сравнению с названиями работ руководителя раздела «Телевидение» в той же газете А. Кондрашова. Среди других подвидов заголовков медиатекстов С. Казначеева мы выявили перечисление («“Писатели” и писатели», «ЛГ», 17.11.2021)); перифраз («Звучи, читай, моя “Звезда”!», «ЛГ», 02.09.2020), «Седьмой кадр» («ЛГ», 12.09.2018), «Место встречи» изменять не стоит» («ЛГ», 20.12.2017), «Смех — дело общественное» («ЛГ», 25.06.2013, его также можно отнести к подвиду заголовков-идея); двусмысленность («Талант крутить веретена», «ЛГ», 01.06.2026), «Один к двадцати пяти» («ЛГ», 04.12.2019), «Территория Прокопенко» («ЛГ», 19.12.2018)); цитата («“Федя, дичь!”», «ЛГ», 08.10.2014)); вопрос («Кто поправит говорящего?», «ЛГ», 16.10.2013)); каламбур («Прецедент и инцидент», «ЛГ», 11.09.2013, его также можно отнести к подвиду заголовков-перечисление). Указанные заголовки содержат определенное отношение автора к объекту/предмету своего повествования и направлены на формирование определенного медиаобраза персоны или обсуждаемой ситуации. Еще одна публикация имела не образный, а информационный заголовок: «Люди в черном на экране» (о служителях церкви в федеральном телеэфире, «ЛГ», 31.08.2021). Здесь отсутствует авторская оценка. Для того, чтобы понять позицию телекритика, аудитории необходимо открыть текст и, скорее всего, прочесть его до конца.

Примерно такой же экспрессивно-выразительный градус содержался и в заголовках С. Казначеева к публикациям в 2007—2008 гг. в рубрике «А вы смотрели?». Мы выявили заголовки-идеи («Игра в поддавки»; «Камнем в чудо»; «Услуги оформителей»; «В поисках правдоподобия» — «ЛГ», все тексты датированы 01.07.2007) и заголовок-вопрос («Инструкция по применению?», «ЛГ», 01.01.2007). Для того чтобы понять смысл каждого из них, читателю необходимо было ознакомиться с содержанием материала.

Структурно-композиционная специфика вышеуказанных пяти небольших реплик не замыслова-

та: три-четыре кратких абзаца без лида, но с некоторыми обобщениями. Автор смотрел телевизор и в определенных передачах выявил определенные недочеты, о которых решил рассказать публично. Название рубрики («А вы смотрели?»), на наш взгляд, приглашение телезрителей к диалогу, а также повод поделиться своими наблюдениями от увиденного, похвалить или подвергнуть критике создателей телепередач. В каждой из пяти публикаций содержалась негативная авторская позиция от телепромотера. Например, в своей первой в «Литературной газете» заметке «Игра в поддавки» С. Казначеев делится впечатлениями от просмотра передачи «Модный приговор» на Первом канале. В первом абзаце автор говорит об этом проекте положительно («Она довольно затейлива, динамична, красочна. Там появляется много симпатичных персонажей. Ее ведущий Александр Васильев производит впечатление некоторой наивности и непосредственности. Это подкупает. Да и дикция у него нормальная, в отличие от того же Славы Зайцева» («ЛГ», 01.07.2007)). Во втором абзаце он пишет об одном «неприятном моменте»: «приглашенных в студию героинь *так называемые стилисты* сначала *уродуют* (делают убогую прическу, надевают *старомодные* очки, а то и вовсе выпускают в трениках), а потом превращают в *писаных красавиц*. Конечно, эффектно *гадко*го утенка сделать *прекрасным лебедем!* Но ведь это и проще!» (Там же). Обратим внимание на используемую критиком и подчеркнутую нами оценочную лексику. Далее автор, основываясь на своих впечатлениях, дает обобщающий тезис, не подкрепляя его мнениями других очевидцев: «Телезритель, конечно же, чувствует эту фальшь. Создатели программы облегчают свою задачу, ведь обратить симпатичную женщину в еще более прекрасную гораздо труднее» (Там же). Третий, заключительный, состоящий из трех предложений абзац представляет собой экспрессивный авторский вывод, заключающийся в том, что ему «обидно, разумеется, за тех, кто соглашается на подобную метаморфозу. Оказывается, чуть ли не любая современная дама ради комплекта модной одежды согласна перенести полчаса позора. Чем-то тут пахнет продажным...» (Там же) Мы полагаем, что последнее предложение вместе с многоточием, во-первых, направлено на то, чтобы побудить читателей к выражению результатов своих наблюдений, а во-вторых, стремится закольцевать авторскую мысль, объясняя суть заголовка: «Игра в поддавки».

В схожей по объему публикации с пространным названием «Услуги оформителей» С. Казначеев в первом абзаце также кратко положительно характеризует увиденную им передачу — ток-шоу «Судите сами». Второй и третий абзацы (тоже небольшие) содержат описание выявленного автором недостатка: «Спинки кресел, с которых встают участники диалога, чтобы включиться в дискуссию, подозритель-

но напоминают... крышки унитазов, а белая подкова стола, внутри которой перемещается ведущий, похожа на пластмассовый кружок на том же унитазе. В оформлении студии не бывает ничего случайного. Дизайнерская мысль призвана подчеркнуть глубинную суть передачи» («ЛГ», 01.01.2007). Далее здесь же — мини-интерпретация увиденного, попытка понять возможные складываемые режиссерской группой в оформлении студии смыслы. При этом применяется прием выявления подобия с ток-шоу «Культурная революция». Критик предпочитает выражать свою мысль не через констатацию факта, а через вопрос. Четвертый абзац представляет собой вывод об оказываемой «господами оформителями тележурналистам медвежьей услуге, так как втихомолку (а подсознание зрителя ведь не дремлет) опускают патетический градус передачи и откровенно подставляют ведущего» (Там же), который коррелирует с названием текста.

В идентичной композиции написаны остальные три телекритические реплики С. Казначеева в первый период его сотрудничества с «ЛГ».

С 2013 г. композиция и стилистика его медиатекстов несколько изменились, объем каждого произведения увеличился. Критик много внимания стал уделять часто появляющимся в эфире федеральных телеканалов персонам. Рассмотрим мини-рецензию «Звездный тандем» («ЛГ», 06.08.2025). В центре внимания — работа ведущих передачи «Открытый эфир» телеканала «Звезда» А. Гудошниковой и Н. Матвеева. Но перед этим автор вводит читателей в контекст, в трех абзацах рассказывая о важности создания телеканала «Звезда» и выполнении возложенной на него государством миссии. Начинается текст не с конкретики, а с авторской попытки зафиксировать современное общественное отношение к понятию «звезда». По мнению С. Казначеева, «понятие “звезда” в современном информационном пространстве существенно дискредитировано. Главным образом, оно ассоциируется у нас с шоу-бизнесом и вызывает не самые благоприятные впечатления. Избалованность, склонность к скандалам, неуемная жажда славы, дешевые приемы для собственной реализации» (Там же). Сразу же применяется прием контраста, и читателям сообщается о том, что «благодаря судьбе, существуют в нашем мире и иные звезды. Например, на погонах доблестного офицества, на груди героев Отечества» (Там же).

Два следующих абзаца направлены на формирование положительного образа телеканала «Звезда». Автор обобщает, говоря о том, что «появление канала “Звезда” на небосклоне нашего телевидения многие восприняли с энтузиазмом» (Там же). Рядом содержится риторический вопрос: «Кому из пограждански мыслящих людей не понравится такая программа?» (Там же). О самих героях публикации речь заходит начиная с четвертого абзаца. Критик

старается понять секрет успеха тележурналистов и довольно скоро выявляет, что он «не в их различии, а в том, что они работают слаженно, дружно, на общее дело» (Там же). Данный тезис аргументируется наблюдениями автора, характеризующим исключительно положительно их труд. В тексте мало конкретики, она в основном подменяется авторской интерпретацией увиденного на экране. Вывод краток и суть его в том, что «для того чтобы попасть в зону первых кнопок государственного телеэфира, требуется пройти нелегкий и кропотливый путь постижения секретов мастерства» (Там же). Также для критика важно, что сегодня траектория движения изучаемого тандема «строго ориентирована на путеводную “Звезду”» (Там же). Таким образом, снова мы можем отметить кольцевание сюжета (или композицию обрамления) и прямое соответствие авторского вывода заголовку публикации («Звездный тандем»), в который С. Казначеев вложил два смысла: во-первых, принадлежность героев публикации к федеральному телеканалу «Звезда», во-вторых, личную оценку их работы.

Или вот текст «Игра не в бисер» («ЛГ», 15.01.2025), в котором речь идет о ток-шоу Первого канала «Большая игра». В заголовке содержится прием контраста и «отстройки» от передачи «Игра в бисер» на телеканале «Культура». Поскольку читателям «Литературной газеты» наверняка известен этот проект, можно предположить, что тем самым телекритик старается настроить аудиторию на серьезный разговор. Текст начинается с обзорного лида — краткой истории, в котором сообщается о том, что «в двадцатом веке и в наши годы все буквально помешались на игре. Началось все с декаданса, сделавшего игривость частью своей эстетики, а потом и пошло, и пошло» (Там же). Текст состоит из пятнадцати абзацев. Второй из них промежуточный, логически соединяющий лид и речь о передаче, обзорно освещающий представленность игры на современном отечественном телеэкране. С первого же предложения автор дает понять читателям, что оценка «Большой игре» будет положительной, ведь это серьезная, аналитическая, глубокая передача. У нее есть свое лицо: «В ней не место экстравагантным заявлениям, работе на публику, эффектным жестам. К разговору приглашаются люди компетентные, квалифицированные, выдержанные» (Там же). Принцип подачи материала — от общего к частному. Автор предлагает аудитории этюды экранных образов трех по-

стоянных спикеров: А. Никонова, Д. Саймса и Д. Суслова. В заключительном абзаце содержится краткий вывод-констатация, что этот «идеологический проект пользуется интересом со стороны нашей аудитории и собирает если не запредельные, то весьма достойные рейтинги зрительских симпатий» (Там же).

Таким образом, Сергей Казначеев формирует положительный дискурс отечественной медиакритики. Таких публикаций в настоящее время мало и их количество видится нам недостаточным. Думается, важно не только выявлять недостатки, но и аргументированно отмечать достоинства медиапроектов, скрупулезно фиксируя в публичной сфере разнообразие творческих подходов, методов сбора и подачи информации, приемов конструирования медиареальности и т.д., то есть медиапроцесс в разных его проявлениях и оперативную реакцию на него общественности. Тем самым обозревателем сделан еще один шаг в сторону повышения объективности российской телекритики. Публикации интересующего нас автора написаны в сочетании публицистического и разговорного стилей, благодаря чему его творческий замысел и логика аргументирования могут быть понятны широкому кругу читателей. В дальнейшем интересно изучить и сравнить специфику творческих приемов привлечения и удержания внимания аудитории и интерпретации произведений С. Казначеевым как телевизионным и литературным критиком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордин А. И. Образование взрослых как фактор информационной социализации / А. И. Гордин, О. В. Гордина. — Иркутск, 2020.
2. Короченский А. П. «Пятая власть?» Феномен медиакритики в контексте информационного рынка / А. П. Короченский. — Ростов-на-Дону, 2002.
3. Новостная информация и телевидение. Доверие к различным источникам информации и к телевидению как к источнику новостей // Фонд «Общественное мнение». — 2025. — 5 марта. — Режим доступа: <https://fom.ru/SMI-i-internet/15149> (дата обращения: 28.08.2025).
4. Ильченко С. Н. Журналистика источников лжеинформации: кризис доверия в условиях шоу-цивилизации / С. Н. Ильченко // Век информации. — 2015. — № 1 (2—1). — С. 217—227.
5. Дмитровский А. Л. Медиакритика как рефлексия журналистики / А. Л. Дмитровский // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2025. — № 2. — С. 114—116.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казанский государственный энергетический университет*

*Баканов Р. П., кандидат филологических наук, доцент
кафедры национальных и глобальных медиа и кафедры философии и медиакommunikаций*

E-mail: rbakanov@yandex.ru

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan State Power Engineering University

Bakanov R. P., Candidate of Philology, Associate Professor of the National and Global Media Department, Associate Professor of the Philosophy and Media Communications Department

E-mail: rbakanov@yandex.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСРЕДНИК»: СЛУЖЕНИЕ ДЕЛУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

С. Н. Гладышева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 июля 2025 г.

Аннотация: в статье рассматривается опыт книгоиздательства «Посредник», созданного в 1884 г. по инициативе Л. Н. Толстого его другом В. Г. Чертковым, по выпуску доступных книг для народа. Определяется значение различных серий изданий для просвещения русских читателей.

Ключевые слова: издательство «Посредник», просвещение, Л. Н. Толстой, В. Г. Чертков.

Abstract: the article examines the experience of the “Posrednik” publishing house, created in 1884 on the initiative of L. N. Tolstoy by his friend V. G. Chertkov, to produce accessible books for the people. The importance of various series of publications for the education of Russian readers is determined.

Keywords: “Posrednik” publishing house, enlightenment, L. N. Tolstoy, V. G. Chertkov.

Издательство «Посредник» было основано в 1884 г. в Петербурге по инициативе Л. Н. Толстого его другом и единомышленником В. Г. Чертковым. Работа издательства, выпускавшего доступные книги для народа, была направлена против псевдодемократической лубочной литературы. Известно, что Л. Н. Толстой давно мечтал об издании хороших книг для широкого читателя. Но воплощаться в жизнь заветная мечта писателя начала только после его знакомства в октябре 1883 г. с воронежским дворянином В. Г. Чертковым. В его лице Толстой обрел ценного помощника. 17 февраля 1884 г. он писал Черткову, ставшему его последователем: «Я увлекаюсь все больше и больше мыслью издания книг для образования русских людей» [1, 27]. Чуть позже Толстой добавит: «Мое занятие книгами больше и больше захватывает меня. Хотелось бы оплачивать, чем могу, за свои 50-летние харчи» [1, 32].

Чертков оказался талантливым организатором печати. Он был главным редактором издательства «Посредник» 9 лет, вел всю редакционную работу от заключения договора с автором до чтения корректур и наблюдением за художественным оформлением изданий. Он оплачивал из своих средств затраты на приобретение рукописей, расходы по редакции и торговые издержки.

Уже в начале 1885 г. «Посредник» выпустил 4 книги: «Чем люди живы», «Бог правду видит, да не скоро скажет», «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого, а также рассказ Н. С. Лескова «Христос в гостях у мужика». В «Посреднике» печатались так называемая религиозно-нравственная литература (в основном народные рассказы, публицистика Толстого), русская и зарубежная классика. Толстой, часто выступавший в качестве редактора и автора, пи-

сал: «Сочувствие со всех сторон я вижу огромное» [2, 234—235].

Издателем «Посредника» стал И. Д. Сытин, который отвечал за техническую сторону деятельности издательства. Вследствие очень малых гонораров или их отсутствия (по согласованию с авторами), использования дешевой бумаги, мягких обложек и т.п. при больших тиражах Сытину удавалось достичь исключительной дешевизны книг. Большая часть изданий распространялась через фирму «И. Д. Сытин и Ко», меньшая — через склад «Посредника» и его контрагентов. Впоследствии Сытин с удовольствием вспоминал о своем сотрудничестве с Чертковым: «Что это было за время! Это была не простая работа, а священнослужение. <...> Я был счастлив видеть интеллигентного человека [Черткова. — С. Г.], так преданного делу просвещения народа!» [3, 63—64].

Участие в делах народного издательства считали для себя обязательным крупнейшие писатели России: Н. С. Лесков, В. М. Гаршин, А. Н. Островский, А. И. Эртель, В. Г. Короленко, Д. В. Григорович, Г. И. Успенский, А. П. Чехов и другие. Сам Лев Николаевич опубликовал в «Посреднике» 44 своих произведения. Сотрудничали в «Посреднике» и поэты-самоучки из Самарской губернии Ф. Е. Поступаев, писатели-крестьяне: Ф. А. Желтов, В. И. Савкин (Иванов), С. Т. Семенов, И. Г. Журавов. К работе над иллюстрациями к изданиям «Посредника» Толстой привлек известных художников: И. Е. Репина, Н. Н. Ге, В. Г. Перова, Г. Г. Мясоедова, К. А. Савицкого, В. Е. Маковского и др. Художественным редактором издательства стала дочь Толстого Т. Л. Сухотина-Толстая.

С 1886 г. «Посредник» начал печатать научно-популярные издания по сельскому хозяйству, медицине. Толстой часто выступал как редактор подобных сочинений. Например, он редактировал «Краткие наставления простому народу об уходе

за малыми детьми», написанные одним из основоположников русской педиатрии Е. А. Покровским. С предисловием писателя был опубликован сборник «Грех и безумие пьянства». Ясность изложения Толстой считал необходимостью по отношению к читателю и делал все, что мог, чтобы издания «Посредника» отвечали этому требованию.

К концу 1880-х гг. деятельность издательства, руководимого В. Г. Чертковым при непосредственном участии Л. Н. Толстого, получила широкий общественный резонанс. Продукция «Посредника» играла немалую роль в просвещении русского народа. Книжки издательства пользовались неизменным спросом, который постоянно возрастал. «В течение первых четырех лет было распродано около 12 миллионов книжек. Их цена была неслыханно дешевой (80—90 копеек за сотню)» [4, 132].

Важным этапом в работе издательства явился так называемый воронежский период, который начался в 1888 г. и продолжался до конца лета 1893 г. Перенесение работы издательства было связано с переездом В. Г. Черткова на хутор Ржевск Богучарского уезда Воронежской губернии. Вместе с ним на хуторе проживала и активно участвовала в работе «Посредника» супруга Черткова — Анна Константиновна, урожденная Дитерихс.

Сотрудник издательства «Посредник» Е. И. Попов, в разное время бывавший на хуторе Черткова, вспоминал: «Это прелестное местечко, подаренное Владимиру Григорьевичу его дядей Михаилом Ивановичем Чертковым, было прежде его охотничьим хутором. Ржевск состоял из господского дома на горе, обширного двора и построек. Под горой было подряд три пруда, а за прудами, на другой стороне оврага — 20 десятин старого дубового леса. <...> Ржевск был совершенно уединенное местечко, окруженное нескончаемыми полями и степями. <...> В 1888 г. сюда переселились Чертковы, и здесь велась та их литературная работа, которая питала и поддерживала издательство “Посредник”» [5, 193].

В организации труда и быта сотрудников издательства Черткову помогали все обитатели Ржевска, список которых приводит исследователь Г. В. Антюхин в книге «Литературное былое»: «управляющий — Николай Дмитриевич Ростовцев с женой и двумя дочерьми; конторщик Александр Иванович Радин, елецкий мещанин, с женою Марией Степановной и дочерью; лесничий Иван Васильевич Хоружий, крестьянин слободы Лизиновки, с семьей; Иван Михайлович Трегубов, потомственный почетный гражданин; кучер Епифан Фелиппенко, крестьянин слободы Лизиновки; чернорабочие Елисей Черноусов, Прокофий Калашников, Роман Кашлев» [6, 211].

Поселившись в Ржевске, В. Г. Чертков перенес сюда редакцию «Посредника», и небольшой хутор под Россосью в 1888—1893 гг. превратился в крупный издательский центр. Отсюда Чертков руководил

издательством, вел активную переписку с Толстым, другими видными русскими писателями и художниками. В воронежский период продолжалась начатая в 1887 г. традиция издания календарей. Работая над календарями, Чертков старался соблюдать следующие требования: дешевизна, изящество, доступность содержания. Он ориентировался на массового читателя, для которого календарь зачастую был первой и последней книгой, в которой простой человек мог найти ответы на многие вопросы.

В воронежский период «Посредник», благодаря инициативе В. Г. Черткова, попытался расширить свою деятельность. Весной 1891 г. Чертков начал издавать небольшие дешевые книги, рассчитанные на читателя-интеллигента. Благодаря связям с крупнейшими писателями, он выпускал их произведения, ранее опубликованные в журналах, за весьма скромное вознаграждение. Никакой прибыли эти издания дать не могли, так как их себестоимость была выше себестоимости народных книг. Зато эти издания попадали в руки заинтересованного читателя. Другим начинанием Черткова явилось воспроизведение картин русских художников, которые предполагалось распространять комплектами.

Однако реализация новшеств В. Г. Черткова была связана с определенными трудностями. Типография не справлялась с увеличенным объемом работы, а всякие заказы на стороне повышали себестоимость изданий. Усилились придирки цензуры, которая усматривала в большинстве книг «Посредника» протест против существующего строя. Поэтому она пристально следила за деятельностью этого издательства и всячески ему препятствовала, запрещая многие издания. Главное управление по делам печати и Министерство народного просвещения призывали совсем запретить это книгоиздательство. Такое же предложение исходило и от обер-прокурора Синода Победоносцева, считавшего, что «Посредник» «пагубно действует на народ, распространяя среди него противославянские и социальные лжеучения» [4, 135].

Для «Посредника» воронежского периода была характерна постоянная аритмичность выпуска. С одной стороны, она была вызвана цензурными притеснениями, с другой — сложностью корректурного обмена. Корректуре приходилось долго путешествовать, так как Л. Н. Толстой жил в Ясной Поляне, Сытин — в Москве, Чертков — в Воронежской губернии, заведующий складом издательства П. И. Бирюков — в Петербурге. Однако, постоянно преодолевая подобные трудности, «Посреднику» удалось значительно расширить свой «репертуар» и начать выпускать издания, дающие некоторую прибыль: различные сборники, пособия для начальной школы, хрестоматии, детские книги.

В 1891 г. в Ржевск приехал из Петербурга И. И. Горбунов-Посадов, один из первых его кни-

гонош «Посредника», с целью помогать Черткову в его издательских делах. Чертков передал ему чтение корректур, поручил редактирование отдельных статей и полностью доверил ведение всей корреспонденции. Чуть позже Горбунов-Посадов возглавил отдел народных изданий «Посредника». Заметна его роль в развитии лучших культурных традиций русской провинции. Он поддерживал тесные связи с местной интеллигенцией, распространял книги «Посредника» среди крестьян Воронежской губернии. Принял активное участие в борьбе с голодом 1891 г. Разъезжая по воронежским деревням и селам, где, кроме голода, свирепствовали холера, цинга, дифтерия и другие болезни, он доставлял медикаменты, продукты пострадавшим. А. К. Черткова вспоминала о нем: «Войдя в нашу жизнь, он сразу стал нам близким человеком, — не только как дорогой и незаменимый сотрудник, но и как истинный друг» [6, 213].

В. Г. Чертков с появлением надежного помощника получил больше времени для занятия другим, принципиально важным делом — сохранением творческого наследия Л. Н. Толстого. Живя на хуторе Ржевск, он начинает большую работу по сбору и систематизации рукописей великого писателя, его писем и дневников. Разумеется, это все делалось с разрешения и одобрения Л. Н. Толстого, при его непосредственной помощи. Чертков обращался к дочери писателя — Марии Львовне — с просьбой копировать все письма отца до их отправки адресатам.

Чертков проделал поистине титаническую работу по сбору и хранению рукописей Толстого. В Ржевске, в его доме, начало создаваться исключительное по своей полноте собрание рукописей писателя, от черновики его произведений до писем включительно — огромный архив, о котором Толстой говорил как о самом полном собрании всего написанного им с 1881 г. Без архива Черткова немыслимо было бы издание полного 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

В начале 1890-х гг. В. Г. Чертков переживает душевный перелом, вызванный несоответствием между убеждениями и образом жизни. Он считает, что отрицая собственность, нельзя пользоваться ею для своей семьи. В конце лета 1893 г. он принимает решение передать «Посредник» П. И. Бирюкову, снабжает нового руководителя издательства достаточно большой суммой, которая позволила бы развивать дело в ближайшие годы. За собой Чертков оставил редактирование беллетристических книг. Центр «Посредника» в 1893 г. был перенесен в Москву.

Важным событием в жизни Ржевска и семьи Черткова стало посещение хутора Л. Н. Толстым в марте 1894 г. «Место здесь очень красивое, — писал жене Лев Николаевич, — постройка на полугоре, вниз идет крутой овраг и поднимается на другой стороне, поросшей крупным лесом. Я сейчас ходил

гулять и набрал подснежников» [7, 266—267]. Гостил Лев Николаевич с дочерью Марией у Владимира Григорьевича в Ржевске пять дней. Месяц спустя, делая запись в дневнике, Л. Н. Толстой назвал эту поездку прекрасной. Известно, что во время пребывания писателя в Ржевске воронежская жандармерия через своих осведомителей следила за каждым его шагом. В жандармском управлении завели специальное дело «О распространении в Воронежской губернии лжеучения графа Льва Толстого».

После революции 1917 г. хутор Ржевск прекратил свое существование. Дом, флигель, каретный сарай, конюшня и другие постройки усадьбы Чертковых были постепенно разобраны жителями соседних деревень на собственные хозяйственные нужды. В 1999 г. на месте хутора был воздвигнут памятный знак из павловского розового гранита. Надпись на камне гласит: «Здесь стоял хутор Ржевск, где с 1888 года В. Г. Чертков и его друзья в издательстве «Посредник» готовили к печати книги для просвещения народа. Весной 1894 года в Ржевске гостил Л. Н. Толстой».

Весной 1897 г. после высылки В. Г. Черткова и П. И. Бирюкова за границу издательство возглавил И. И. Горбунов-Посадов. Для него и его семьи работа в «Посреднике» стала делом всей жизни. С 1925 г. во главе издательства была его жена Елена Евгеньевна.

В 1898 г. Горбунов-Посадов расширил деятельность «Посредник» выпуском новой серии «Библиотека для детей и юношества». В рамках этой серии в 1907—1918 гг. издавался журнал «Свободное воспитание», адресованный учителям и родителям. Целью журнала стала разработка вопросов воспитания и образования, основанных на удовлетворении свободных запросов детей и юношества, на производительном труде как необходимой стороне жизни. В рубриках издания освещалось дошкольное, нравственное, религиозное, половое воспитание, а также воспитание детей с отклонениями в развитии. Публиковались статьи по методике преподавания в начальной школе и обзоры учебных программ. Обсуждались идеи и опыт свободного воспитания за рубежом. Кроме того, на страницах журнала поднимались вопросы о защите детей от жестокости, о детских самоубийствах, алкоголизме. Печатались советы родителям по воспитанию детей и по вопросам их здоровья. Главной идеей журнала стала самоценность детства, неразрывно связанная с педагогическими взглядами Ж.-Ж. Руссо.

В серии «Для детей и юношества» с 1909 г. под редакцией Горбунова-Посадова выпускался детский иллюстрированный журнал «Маяк». По мнению редактора, журнал был «одним из способов доставления детям постоянного притока более здоровой духовной пищи, вызывающей в их душевном организме здоровые влечения и интересы» [8]. Редакция

«Маяка» стремилась «дать детям здоровое для детского духа, полезное и интересное чтение и способствовать развитию в детях самостоятельности, творчества, равной любви к умственному и физическому труду и деятельной симпатии ко всему живому» [8]. Журнал предназначался для детей среднего и старшего возраста, он выходил ежемесячно, с приложениями. Кроме того, в нем был специальный раздел для самых маленьких читателей. «Маяк» был рассчитан на детей из семей, имеющих скромный достаток.

Достижению главных целей журнала способствовала система рубрик: «Рассказы, повести и стихотворения», «Географические очерки и путешествия», «Исторические очерки и жизнеописания», «Мысли мудрых людей и статьи по нравственным вопросам», «Очерки и беседы по естествознанию», «Беседы о различных занятиях в комнатах и на открытом воздухе», «Очерки разных производств, изобретений, открытий», «Очерки из жизни детей и юношества», «Из мира иностранных языков», «Беседы о книгах», «Почтовый ящик», «Смесь».

Познавательные материалы «Маяка» отражали новейшие научные открытия и изобретения эпохи — кинематограф, телефон, беспроводный телеграф, летательные аппараты. В журнале печатались Л. Н. Толстой и его единомышленники — И. Ф. Наживин, П. А. Буланже, А. К. Черткова. Из эмиграции (Швейцария) присылала тексты Н. К. Крупская, Демьян Бедный публиковал басни, ивановский поэт-рабочий А. Н. Благов печатал свои стихи. Просветительская направленность журнала заметна и на уровне формирования литературного отдела: художественные произведения идейно-тематически перекликались с «документальной» частью журнала, а познавательные материалы, в свою очередь, приобретали живую, образную форму изложения. Почти в каждом номере появлялись оригинальные и переводные повести, рассказы, стихотворения, в которых уделялось особое внимание бережному отношению к природе, гуманному обращению с животными.

Приложения к журналу содержали подробные инструкции, схемы и чертежи, прививавшие юным читателям интерес к изобретательству, поощрявшие его познавательную активность. В разные годы выходили приложения: «Как развести маленький ого-

родик», «Самодельные игрушки», «Как переплести книги», «Как помогать в несчастных случаях» и т.п. Редакция журнала уделяла большое внимание наглядному изложению материала. Каждый выпуск вместе с приложением содержал около 45 иллюстраций (рисунки, фотографии, схемы). «Маяк» достойно продолжал традиции первого журнала для детей в России «Детское чтение для сердца и разума» (1785—1789).

После Октябрьской революции 1917 г. сфера деятельности издательства была искусственно сужена: ему было разрешено издавать только детскую литературу. Просуществовал «Посредник» до 1935 г.

Опыт издательства «Посредник», направленного на просвещение читателей, обозначил целую эпоху в истории русского книгоиздательства. Он возбудил в обществе интерес к так называемой народной литературе и способствовал появлению новых издательских предприятий. Так возникла серия книжек, выпущенных журналом «Русское богатство» (редакции Л. Е. Оболенского) и примыкающих к изданиям «Посредника», а также серия книжек, напечатанных редакцией журнала «Русская мысль».

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. / Л. Н. Толстой. — М., 1935. — Т. 85.
2. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. / Л. Н. Толстой. — М., 1934. — Т. 63.
3. Сытин И. Д. «Посредник» / И. Д. Сытин // Жизнь для книги. — М., 1962. — С. 62—66.
4. Позойский С. Лев Толстой как журналист и редактор / С. Позойский. — Тула, 1985.
5. Попов Е. И. Двадцать лет вблизи Льва Николаевича Толстого (из воспоминаний) / Е. И. Попов // Л. Н. Толстой и его близкие. — М., 1986. — С. 177—212.
6. Антюхин Г. В. «Посредник» Л. Н. Толстого на воронежской земле. Сотрудник издательства И. И. Горбунова-Посадов / Г. В. Антюхин // Литературное былое. — Воронеж, 1987. — С. 195—221.
7. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. / Л. Н. Толстой. — М., 1949. — Т. 84.
8. Маяк (журнал). — Режим доступа: [https://prodetlit.ru/index.php/Маяк_\(журнал\)](https://prodetlit.ru/index.php/Маяк_(журнал)) (дата обращения: 11.02.2024).

Воронежский государственный университет.

Гладышева С. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и литературы

E-mail: svetglad@mail.ru

Voronezh State University.

Gladysheva S. N., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism and Literature Department

E-mail: svetglad@mail.ru

СЛИЯНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ МЕДИАСРЕДЫ

М. Ю. Горохов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 9 сентября 2025 г.

Аннотация: статья описывает процесс слияния традиционной и гражданской журналистики, который формирует новую гибридную медиасреду. Исчезают былые различия: традиционные СМИ активно используют контент из соцсетей для оперативности, а блогеры перенимают профессиональные методы работы. Однако это взаимное уподобление имеет и негативные стороны: как СМИ, так и гражданские журналисты часто пренебрегают верификацией, что способствует распространению фейков. Законодательство также стирает границы, фактически приравнивая блогеров к СМИ по уровню ответственности. Кроме того, развитие нейросетей в целом угрожает вытеснить человека-автора, но одновременно может повысить ценность проверенной информации и личной репутации журналиста.

Ключевые слова: гражданская и традиционная журналистика, СМИ, соцсети, слияние, новая медиасреда, фейки, фактчекинг, ответственность, искусственный интеллект, репутация.

Abstract: the article describes the process of merging traditional and citizen journalism, which forms a new hybrid media environment. Former differences are disappearing: traditional media actively use content from social networks for speed, and bloggers are adopting professional working methods. However, this mutual assimilation also has negative sides: both the media and citizen journalists often neglect verification, which contributes to the spread of fakes. Legislation also erases the boundaries, effectively equating bloggers with the media in terms of responsibility. In addition, the development of neural networks in general threatens to displace the human author, but at the same time can increase the value of verified information and the personal reputation of the journalist.

Keywords: citizen and traditional journalism, media, social networks, merger, new media environment, fakes, fact-checking, responsibility, artificial intelligence, reputation.

С момента зарождения гражданской (или любительской, «народной») журналистики, обусловленного широким распространением цифровых технологий, возник повод для сопоставления ее методов, форм и результатов проделанной авторами работы с практикой функционирования традиционных СМИ. И если на начальных этапах развития данного феномена можно было говорить о принципиальных отличиях, включающих в себя доступ к информации, количество задействованных источников, проблему верификации данных, качество обработки материала и т.д., то сегодня контраст далеко не столь очевиден. Более того, можно заметить встречное движение этих двух смысловых и профессиональных «галактик», порой приводящее к их смешению и взаимному перетеканию.

Сближение журналистских материалов с публикациями из соцсетей происходит не только по линии прямого перехода сообщений из одной коммуникативной среды в другую, но и по ряду других направлений. Причем касается это как новостных, так и интерпретирующих текстов.

Здесь можно выделить несколько аспектов.

1. СОБСТВЕННО СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ

Общим местом в практике СМИ уже стали ситуации, когда журналист начинает материал с фразы вроде: «Житель города поделился в соцсетях...», «Сотрудники предприятия пожаловались в интернете...», «Губернатор в телеграм-канале пообещал...», «Участники популярного интернет-сообщества обсудили...»... Но, начиная так, нередко этим же он по большому счету и довольствуется. Максимум — снабжает публикацию фото и видео, взятые из того же источника. Получается простая констатация в угоду оперативности. Без комментариев заинтересованных сторон, ответственных лиц, независимых экспертов и самого журналиста.

Соцсети же тем временем все больше берут на себя функции осмысления. Автор отдельного поста может сам перейти к обобщениям по линии «факт — явление, тенденция, закономерность...». Либо коллективное обсуждение по принципу «вирусного редактора» [1] способствует отсеиванию всего малозначительного и концентрации ключевых смыслов.

Помимо отдельных авторов это распространяется и на платформы в целом. Так, популярное сообщество «Мой и твой Воронеж» (438 тысяч подписчиков во «ВКонтакте» и 174 тысячи — в «Телеграм», по данным на 8 сентября 2025 г.) последовательно сближает свои подходы с практикой функционирования традиционных СМИ: берет комментарии у официальных лиц, при необходимости направляет им запросы. Монтирует видеосюжеты — была даже попытка организовать собственное круглосуточное вещание [2]. Что не мешает ему спекулировать на всплывающих в Сети скандальных инфоповодах, тиражируя непроверенную информацию из сообщений частных лиц. Кроме того, автор данной статьи выступил инициатором взаимодействия с упомянутым ресурсом на радио «Комсомольская правда — Воронеж» (97.7 FM), где вышло несколько передач, основанных на обсуждении новостей прошедшей недели, вызвавших широкий отклик у подписчиков этого сообщества, а также набравших наибольшее количество просмотров на сайте vrg.kpr.ru. Стоит отметить, что диалог получался вполне содержательным и при этом непринужденным, что по содержанию сближало его с традиционным журналистским жанром обозрения, а по форме — с неформальным общением собеседников в соцсетях.

Получается встречное движение двух платформ. Стараясь перенять конкурентные преимущества друг друга, в реальности они стремятся к некой усредненной величине.

Проявляется это сближение и в других моментах.

2. УРОВЕНЬ ФАКТЧЕКИНГА

Зачастую ссылкой на один источник ограничиваются и журналисты, и авторы из соцсетей. «Чиновник заявил...», «прокуратура сообщила...», «общественная организация распространила информацию...». И если в случаях с оперативными комментариями из официальных ведомств это еще бывает оправдано, то в остальных ситуациях вопросы по поводу достоверности распространяемых сведений остаются как к «штатным», так и к «гражданским» авторам.

Более того, очевидно, непроверенная информация порой становится звеном в целенаправленно выстраиваемой редакциями цепочке: сначала «воронежцев пугают сообщениями о...», потом «правоохранители проводят проверку по поводу...», и, наконец, «власти опровергли (полиция назвала фейком)...» Подставьте, что хотите: педофила у школы, зараженные ВИЧ иголки в общественных туалетах или найденную в людном месте бомбу. Получается уже не одна публикация, а минимум две — и вдвое больше потенциального трафика.

Недостаточная проверка вбрасываемых в публичное пространство инфоповодов становится в том числе питательной средой для распростра-

нения фейков. В качестве показательного примера здесь можно вспомнить растиражированное федеральными и местными СМИ заявление популярного телеграм-канала о махинациях с квартирами для воронежских сирот, основанное на ложном сообщении в соцсетях. Обвинения в адрес областного департамента соцзащиты в том, что вместо законных получателей жилья в льготную очередь вписали сотрудников ведомства, после прокурорской проверки не подтвердилось. Обнародованные «документы» были фальшивыми. Как и сам «сирота», первым рассказавший обо всем на своей странице: в списках воспитанников местных детдомов такой человек не значился, а его аккаунт оказался однодневкой, по всей видимости, созданной специально для такого случая [3].

Как видим, в этой ситуации необходимым фактчекингом в равной степени пренебрегли как социальные, так и традиционные медиа, уподобившись друг другу не в лучших своих проявлениях.

Впрочем, проблему целенаправленной дезинформации стоит выделить в отдельный пункт.

3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ФЕЙКОВ

То, что изначально было присуще социальным сетям в силу самой их природы — стихийной, «народной», лишенной обременений — в СМИ пришло как инструмент информационной войны, орудием которой они сегодня стали. И целенаправленная дезинформация в интересах конкретных бенефициаров теперь — принадлежность обеих информационных сред.

Из соцсетей ложные сообщения попадают в официальные средства массовой информации. Причем порой последние тиражируют их осознанно. Любопытный механизм на встрече с коллегами в воронежском Доме журналистов в феврале 2024 г. описал военкор и руководитель донецкой редакции ВГТРК Андрей Руденко: «отмывание» распространяемых в украинских СМИ фейков о действиях России происходит за счет западных медиа, которые тиражируют их по бесхитростной модели «Украинское издание сообщило...». А затем уже другие редакции в разных странах ссылаются не на сомнительный первоисточник, а на «авторитетные» европейские или американские ресурсы. И в таком легализованном виде этот контрафакт возвращается в том числе на саму Украину, вызывая уже гораздо большее доверие у населения [4].

Бывает и нецеленаправленное распространение ложных сведений на популярных сетевых ресурсах.

Так, в начале декабря 2023 г. вслед за публикацией в известном телеграм-канале [Fighterbomber](https://t.me/fighterbomber) федеральные СМИ растиражировали шокирующую новость о расстреле на остановке общественного транспорта в Воронеже военного летчика с позывным «Бес» (по фамилии Бестужев-Рюмин), который

якобы получил семь пуль, защищая своих троих детей. История быстро распространилась, обрастая подробностями: гибель жены от ракетного удара ВСУ и последующая смерть самого летчика. Новость вызвала широкий резонанс, вплоть до предложения депутатов Госдумы наградить героя орденом Мужества.

Однако воронежские власти, правоохранительные органы и Военно-воздушная академия официально опровергли эту информацию, заявив, что подобных инцидентов не фиксировалось, а сотрудника с такими данными не существует.

Вскоре автор первоначального сообщения признался, что стал жертвой обмана. Его давний друг рассказал ему эту историю со слов своей женщины (расстрелянный якобы был ее братом), которая впоследствии призналась, что полностью выдумала весь сюжет с шокирующими подробностями без какого-либо внешнего давления. Владелец канала принес публичные извинения [5].

4. СБЛИЖЕНИЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СУБЪЕКТА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Одни и те же люди порой выступают в качестве персонифицированных авторов на обеих площадках. Здесь и популярные ведущие, и медиаменеджеры, и военкоры, и представители шоу-бизнеса, и эксперты в конкретных узких сферах. Причем движение также двустороннее: сотрудники СМИ успешно осваивают механизмы формирования личного бренда в соцсетях и мессенджерах, а блогеры, уже успевшие создать этот бренд в социальных медиа, получают приглашения вести свои проекты в классических средствах массовой информации. В такой ситуации обусловленная каналом распространения грань в высказываниях авторов уже совершенно стирается.

Так, военные корреспонденты «Комсомольской правды» Александр Коц и Дмитрий Стешин, как и другие их коллеги, взаимодействуют со своей аудиторией на всех доступных площадках: публикуют материалы на сайте и в газете, регулярно выступают на «Радио КП» (у Коца там есть своя программа «Аналитика с именем», Стешин — тоже частый гость в эфире), при этом имеют популярные телеграм-каналы (540 и 142 тыс. подписчиков соответственно, по данным на 8 сентября 2025 г.) и распространяют свой контент на других цифровых платформах. Что откуда «перетекает», в такой ситуации уже не понятно. Возникает некая синкретичность, общая смысловая целостность, объединяющая разные начала.

Опубликованная в мессенджере колонка позже в основных своих тезисах может прозвучать в эфире — в качестве ответа на соответствующий вопрос собеседника, а завтра — стать частью газетной публикации. При этом субъект высказывания — один и тот же, независимо от ситуативных вариаций в по-

даче материала. И качество сбора, проверки информации, анализа происходящего и стилистической обработки текста — тоже. За тем лишь исключением, что на собственных страницах журналисты, комментируя сообщения других блогеров или отвечая читателям, допускают гораздо больше языковых вольностей — вплоть до ненормативной лексики.

В целом же явление налицо: уже многолетнее «перетекание» профессиональных коммуникаторов в среду социальных медиа, создание множества авторских проектов бывших (или действующих) сотрудников «регулярных» СМИ существенно подняло общую планку некогда гражданской журналистики, по сути сформировав новую медиасреду, о которой мы здесь говорим.

Немало и других примеров — когда традиционный официальный субъект высказывания не просто использует соцсеть наряду с выступлениями в средствах массовой информации, а делает ее основным каналом взаимодействия с аудиторией. Здесь можно вспомнить ряд глав субъектов РФ (Кадырова, Гладкова, Хинштейна...), чьи телеграм-каналы привлекают сотни тысяч, а порой и миллионы подписчиков, становясь, по сути, самостоятельными медиа.

Но и этим взаимоуподобление двух сфер не ограничивается. Грани стираются также в юридическом смысле.

5. ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Блогер с числом подписчиков более трех тысяч сегодня фактически подпадает под те же ограничения, что и СМИ. А если его аудитория достигает десяти тысяч, то он обязан еще и регистрироваться в Роскомнадзоре.

За распространение клеветы, фейков, призывов к экстремизму и даже за рекламу без соответствующей пометки автора контента можно привлечь к ответственности: гражданской (судебные иски о возмещении вреда), административной (крупные штрафы) и даже уголовной, вплоть до лишения свободы за особо серьезные нарушения (например, фейки об армии).

Таким образом, публикация сообщений в соцсетях становится не просто увлечением, а деятельностью, подпадающей под серьезное правовое регулирование. Причем закон уравнивал блогеров со средствами массовой информации в части ответственности, но не предоставил им тех же возможностей.

Стоит добавить, что, если аудитория конкретного автора постов меньше указанных цифр, это не освобождает его от соблюдения общих требований. За распространение клеветы, оскорблений, фейков, экстремистского контента или нарушение авторских прав его могут привлечь к тем же видам ответственности вне зависимости от количества подписчиков.

Рассмотрев все приведенные аспекты, мы видим рождение новой целостности. Гражданская и традиционная журналистика в этом контексте все больше представляются атавизмами. Обе сущности сливаются в нечто гомогенное, усредненное.

А с развитием технологий нивелируется и реальный субъект высказывания. На сцену выходит нейросеть. В плане производства контента она уже готова теснить и журналистов, и блогеров, и простых интернет-пользователей. Создавать по запросу анонимных интересантов собственный вымышленный мир. Лишая тем самым будущее поколение истинной креативности: усредняя накопленный человечеством опыт и мгновенно предоставляя его пользователям для решения текущих задач, ИИ словно выкачивает из их легких творческий воздух, заполняя освободившееся пространство пусть и качественной, но компиляцией существовавшего ранее. Как в игре дженга, вынимает кирпичики из основания башни, атрофируя один за другим слои восприятия, мышления, а, может, в конечном итоге — и человечности как таковой. Срастаясь собственными идеями с «мыслями» искусственного интеллекта, люди могут перестать различать их в своем сознании. И смотрясь в это зеркало — утратить реальное лицо.

При этом сами нейросети становятся умнее. В итоге есть риск, что они же и вырвут из рук ослабевших пользователей временно предоставленные им костыли, обрушив их лицом в пыль творческой беспомощности.

Но тут еще возможна обратная отмашка маятника, когда автору для удержания аудитории на любой из площадок потребуются и проверка информации, и надежные источники, и экспертный пул, и реальный, а не сгенерированный искусственным интеллектом мультимедийный контент, верифицированный самим этим персонализированным авторством.

Последствия наблюдаемых нами изменений пока трудно предсказуемы. Довольно оптимистич-

ный сценарий рисует военный корреспондент РИА «Новости» Александр Харченко: «Так что же станет с журналистом? Его значение вырастет многократно. Журналист превратится в нотариуса информационного поля. Отныне он будет заверять своей репутацией тот материал, который выпускает. Люди будут переходить от безликих агрегатов к персонифицированной информации. Значение института репутации вырастет многократно. Журналист станет настоящим поводырем в бушующем мире информационного хаоса» [6].

Как бы то ни было, границ между редакционными офисами и любыми онлайн-платформами в этом хаосе уже не будет. Как не будет их и в сознании самих пишущих или читающих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мирошниченко А. А. Когда умрут газеты / А. А. Мирошниченко. — М., 2011.
2. Спецкурс Максима Горохова «Экспертная журналистика». Пишем по информации из соцсетей. — Режим доступа: <https://rutube.ru/video/744c68a0d985465f0cf2fd4d6778a41f> (дата обращения: 08.09.2025).
3. Прытков Р. Прокуратура признала фейком жалобы лжесирот на департамент соцзащиты / Р. Прытков. — Режим доступа: https://moe-online.ru/news/society/1089634?utm_source=copyrpasthttps://moe-online.ru/news/society/1089634 (дата обращения: 08.09.2025).
4. Воронежский Дом журналистов. Встреча с военным корреспондентом Андреем Руденко. — Режим доступа: https://vk.com/video-76867949_456240130?ysclid=mf7csgq3l9913912029 (дата обращения: 05.09.2025).
5. Федяшева Е. Автор сообщения о расстрелянном в Воронеже летчике рассказал, как появилась новость / Е. Федяшева. — Режим доступа: <https://www.vrn.kp.ru/daily/27592.5/4864019/?ysclid=mf79jh7kw2485964993> (дата обращения: 05.09.2025).
6. Харченко А. Нейросети и будущее военной журналистики / А. Харченко. — Режим доступа: <https://t.me/bayraktar1070/972> (дата обращения: 05.09.2025).

*Воронежский государственный университет
Горохов М. Ю., кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики и литературы
E-mail: maksim.gorohov@phkp.ru*

*Voronezh State University
Gorohov M. Y., Candidate of Philology, Associate Professor of
the Journalism and Literature Department
E-mail: maksim.gorohov@phkp.ru*

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРЕСС-СЛУЖБ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

К. В. Дементьева, А. А. Краснова

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

Поступила в редакцию 8 июля 2025 г.

Аннотация: в статье проанализированы проблемы функционирования пресс-служб университетов в современных условиях на примере Казанского (Приволжского) федерального университета и Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. Пресс-службы сталкиваются с рядом вызовов, значительная часть которых связана с цифровой трансформацией. Устранение проблем требует системного подхода к пересмотру коммуникационной стратегии, внедрения комплексной программы SEO-продвижения, активного использования цифровых платформ и социальных сетей, усиления работы с мультимедийным и интерактивным контентом.

Ключевые слова: пресс-служба, МГУ им. Н. П. Огарёва, КФУ, сайт, социальные сети, аудитория, контент.

Abstract: the article analyzes the problems of an effective university press service in modern conditions using the example of Kazan (Volga Region) Federal University and Mordovian State University named after N. P. Ogarev. Press services face problems along with challenges that cause concern in connection with digital transformations. Elimination of the problem requires a systematic connection to the revision of the communication strategy, development of a comprehensive SEO promotion program, active use of digital platforms and social networks, strengthening of work with visible and interactive content.

Keywords: press service, Ogarev Mordovia State University, KFU, website, social networks, audience, content.

Современные вызовы в сфере высшего образования требуют от вузов не только высоких академических стандартов, но и эффективной коммуникационной политики, направленной на построение устойчивых связей с целевой аудиторией. Пресс-службы университетов играют ключевую роль в обеспечении информационной открытости, формировании положительного имиджа вуза, привлечении абитуриентов, а также в поддержании вовлеченности студентов, преподавателей и общественности, однако в современных условиях сталкиваются с рядом проблем и вызовов. Рассмотрим данный вопрос на примере двух активно развивающихся университетов — Казанского (Приволжского) федерального университета и Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва.

Теоретической базой исследования выступают положения теории связей с общественностью и технологий PR-деятельности в общем виде [3]. Рассматриваются особенности функционирования пресс-служб высших учебных заведений и конкретные направления их деятельности [8], подходы к формированию сильного бренда учебного заведения [4; 5; 10; 11], механизмы увеличения конкурентных преимуществ университета [6], способы формирования позитивного корпоративного облика [2]. Особое значение уделено коммуникативным методикам университетов [9]. Анализируются ожидания ауди-

тории и ее представления, что способствует выявлению перспектив развития образовательного маркетинга [1; 7].

МГУ им. Н. П. Огарёва, несмотря на богатую историю и устойчивое положение в образовательной среде, сталкивается с рядом проблем в деятельности своей пресс-службы, особенно в сравнении с более продвинутыми по показателям интернет-продвижения университетами, такими как ФГАОУ ВО «КФУ».

1. Ограниченная видимость в онлайн-пространстве

Одной из наиболее существенных проблем, выявленных в ходе анализа, является сравнительно низкая видимость официального сайта МГУ им. Н. П. Огарёва в поисковых системах. Согласно данным Wordstat и инструментов SEO-аналитики, количество запросов, связанных с сайтом МГУ, составляет всего 98 в месяц, тогда как у КФУ этот показатель превышает 12 800. Аналогично, количество эффективных показов сайта МГУ в поисковой выдаче составляет лишь 1630, в то время как у КФУ — 137 020. Эти цифры указывают на недостаточную эффективность в продвижении ресурса и слабое присутствие в поисковом пространстве.

Причиной подобной ситуации может быть как недостаточный объем работ по SEO-оптимизации, так и ограниченность стратегии контентного наполнения. Возможно, ключевые слова и метаданные на страницах сайта не соответствуют актуальным

поисковым трендам, а структура и иерархия контента не способствуют успешной индексации поисковыми системами.

2. Слабая внешняя ссылочная поддержка

Другая важная проблема связана с низким уровнем внешней ссылочной поддержки сайта. Количество уникальных внешних ссылок на ресурс МГУ составляет 3 050, в то время как у КФУ — 14 242. Количество ссылающихся доменов (1 008 против 2 510), IP-адресов (693 против 1 557) и подсетей (574 против 1 166) также значительно ниже. Недостаток внешних упоминаний может быть следствием слабой работы по налаживанию партнерских связей, недостаточной активности в медиапространстве, низкой цитируемости научных и образовательных инициатив вуза, а также отсутствием регулярного взаимодействия с новостными агрегаторами и образовательными порталами.

3. Низкий уровень трафика из социальных сетей

Несмотря на присутствие пресс-службы МГУ им. Н. П. Огарёва на таких платформах, как «ВКонтакте», «Одноклассники» и Telegram, доля трафика из социальных сетей на сайт университета остается крайне низкой — всего 0,9%, что уступает показателю КФУ (1,2%). В условиях, когда молодежная аудитория активно использует социальные платформы в качестве основного источника информации, столь незначительное количество переходов из соцсетей свидетельствует о неэффективном использовании данного канала коммуникации.

Причинами низкой конверсии из социальных сетей могут быть неинтерактивный или нерегулярный контент, отсутствие ссылок на сайт в публикациях, нецелевой контент или слабая визуальная составляющая публикаций. Также важным аспектом является недостаточное продвижение постов и их слабое таргетирование на конкретные сегменты аудитории.

4. Низкая интенсивность использования email-маркетинга

Почтовая рассылка как инструмент прямой коммуникации с аудиторией почти не используется пресс-службой МГУ — на нее приходится лишь 0,1% трафика, тогда как у КФУ этот показатель составляет 0,3%. Несмотря на общую тенденцию снижения популярности email-рассылок в молодежной среде, правильно структурированная email-коммуникация может эффективно работать с родителями абитуриентов, преподавательским составом, выпускниками и зарубежными партнерами.

Недостаточное внимание к этому каналу указывает на упущенные возможности для укрепления лояльности и информирования аудитории о текущих событиях, достижениях университета, сроках подачи документов, новостях науки и т.д.

5. Ограниченная активность в социальных сетях

Хотя по общему количеству реакций в социаль-

ной сети «ВКонтакте» МГУ им. Н. П. Огарёва демонстрирует неплохие результаты (144 162 реакций за год), эти показатели все же ниже, чем у КФУ. Группа МГУ уступает в лайках (125 994 против 132 907) и репостах (16 861 против 26 904), а также в охвате постов. Средний охват поста в МГУ составляет 6 510,9, тогда как в КФУ — 8 340,3.

Тем не менее стоит отметить, что уровень вовлеченности аудитории у МГУ выше: средняя вовлеченность на пост — 0,434 против 0,130 у КФУ. Это может свидетельствовать о качественном, но нишевом контенте, который активно обсуждается ограниченной, но заинтересованной аудиторией. Однако общая популяризация и расширение охвата требуют более активной и системной работы со всеми сегментами ЦА.

6. Ограниченность многоформатного контента

Анализ контентной политики показывает, что, несмотря на большее количество видео и фотографий, публикуемых в группе МГУ, общее количество постов меньше (1419 против 1646 у КФУ). Это говорит о менее частом обновлении контента, что может снижать уровень удержания аудитории и влиять на алгоритмы ранжирования в соцсетях.

МГУ делает акцент на визуальные форматы (3 724 фото и 835 видео), что является положительным моментом. Однако отсутствие рекламы, интерактивных форматов (опросов, викторин, трансляций), а также недостаточная адаптация контента под тренды и мем-культуру, характерную для молодежной среды, ограничивает потенциал охвата и вовлечения.

7. Упрощенная структура сайта

Сайт МГУ отличается традиционной и понятной структурой, что, безусловно, является плюсом в части пользовательского опыта. Однако в сравнении с более насыщенным функционалом сайта КФУ (возможность выбора института, интеграция с цифровыми кафедрами, библиотеками, университетской клиникой, приоритетными программами), сайт МГУ выглядит менее технологичным и гибким.

Это ограничивает возможности вовлечения пользователей в интерактивное взаимодействие с ресурсом, снижает шансы на дополнительную навигацию по сайту и делает сложной реализацию персонализированных коммуникационных стратегий, таких как сегментированное отображение контента для абитуриентов, иностранных студентов, исследователей и т.д.

8. Недостаточная интеграция с внешними информационными системами

Одним из современных трендов развития университетских пресс-служб является интеграция с различными платформами — агрегаторами новостей, образовательными порталами, цифровыми библиотеками, платформами для онлайн-курсов и т.п. У МГУ наблюдается ограниченная представленность в таких системах. Это снижает возможности для ор-

ганического распространения контента, уменьшает количество потенциальных внешних переходов и ограничивает возможности по расширению аудитории за пределами регионального уровня.

9. *Отсутствие адаптивной стратегии коммуникации с абитуриентами*

В условиях конкурентной борьбы за абитуриента крайне важным является точечное информационное сопровождение кандидатов в студенты. У КФУ в Telegram реализован подход с целевым каналом «Абитуриент КФУ», в котором ведется системная работа с информированием, мотивацией и сопровождением абитуриентов. В МГУ подобная практика лишь начинает внедряться. Канал «Привет, абитуриент МГУ» требует развития по регулярности публикаций, визуальному оформлению, структуре сообщений и взаимодействию с подписчиками.

10. *Ограниченность анализа эффективности коммуникации*

В современных условиях пресс-службы должны не просто размещать информацию, но и систематически анализировать эффективность своей работы. Это включает в себя отслеживание трафика, поведения пользователей, коэффициента конверсии, эффективности публикаций и т.п. В случае с МГУ отсутствуют публично доступные данные о проведении регулярного анализа пользовательской активности, что затрудняет корректировку стратегии и внедрение новых форматов.

Таким образом, развитие пресс-службы МГУ им. Н. П. Огарёва сталкивается с рядом вызовов, значительная часть которых связана с цифровой трансформацией и активным развитием информационных технологий. Устранение указанных проблем требует системного подхода к пересмотру коммуникационной стратегии, внедрения комплексной программы SEO-продвижения, активного использования цифровых платформ и социальных сетей, усиления работы с мультимедийным и интерактивным контентом. Одновременно важно сохранить и развивать сильные стороны текущей деятельности — простоту навигации, качественный визуальный контент, высокий уровень вовлеченности ядра аудитории, что может стать основой для успешной модернизации работы пресс-службы.

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

Дементьева К. В., доктор филологических наук, зав. кафедрой журналистики

E-mail: dementievakv@gmail.com

Краснова А. А., корреспондент отдела интернет-коммуникаций департамента по связям с общественностью

E-mail: anastasya.crasnowa2014@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова О. Е. Представление современного абитуриента об имидже вуза / О. Е. Акимова, С. К. Волков, Е. Г. Ефимов // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2021. — № 2 (40). — С. 76—84.
2. Башкеева В. В. Имидж университета: вузы Бурятии и Иркутской области в региональных интернет-СМИ / В. В. Башкеева, А. А. Халбеева // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. — 2015. — № 10. — С. 209—213.
3. Гундарин М. В. Теория и практика связей с общественностью: основы медиарилейшенз / М. В. Гундарин. — М., 2007.
4. Дербинская Е. А. Инновационные подходы к продвижению бренда университета в цифровой среде / Е. А. Дербинская // Vestnik of Brest State Technical University. Civil Engineering and Architecture. — 2024. — № 1 (133). — С. 198—203.
5. Ивукина Е. С. Имидж как атрибутивная составляющая бренда университета / Е. С. Ивукина // Экономические исследования и разработки. — 2023. — № 7. — С. 6—14.
6. Захарова А. В. Коммуникационная стратегия вуза как средство повышения конкурентоспособности на современном этапе развития высшего образования / А. В. Захарова // Сибирский педагогический журнал. — 2014. — № 1. — С. 110—115.
7. Земцов С. П. Факторы востребованности ведущих вузов России. Обзор литературы и эконометрический анализ / С. П. Земцов, В. А. Еремкин, В. А. Баранова // Вопросы образования. — 2015. — № 4. — С. 201—233.
8. Кривоносов А. Д. Пресс-службы в государственных учреждениях / А. Д. Кривоносов и др. — Ухта, 2006.
9. Матузенко Е. В. Связи с общественностью (PR) как значимое коммуникативно-управленческое направление деятельности образовательной организации / Е. В. Матузенко, В. С. Чугаева // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. — 2023. — № 3 (100). — С. 201—215.
10. Прохоров А. В. Брендинг университетов: российский опыт / А. В. Прохоров // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2016. — Т. 21. — Вып. 3—4 (155—156). — С. 25—30.
11. Arpan L. A cognitive approach to understanding university image / L. Arpan, A. Raney, S. A. Zivnuska // Corporate Communications: An International Journal. — 2003. — № 8 (2). — P. 97—113.

Ogarev Mordovia State University

Dementieva K. V., Candidate of Philology, Head of the Journalism Department

E-mail: dementievakv@gmail.com

Krasnova A. A., Correspondent of the Internet Communications Department of the Public Relations Department

E-mail: anastasya.crasnowa2014@yandex.ru

РАБОТА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ФОТОГРАФОВ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И. Н. Денисова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 24 июня 2025 г.

Аннотация: в статье рассматривается опыт работы отечественных фотожурналистов в особых условиях. Экстремальная обстановка усложняет работу фотокорреспондентов из-за непредсказуемости и опасности, поэтому им порой приходится действовать ситуативно. Мы рассмотрели организацию работы отечественных фотографов, освещавших важные исторические события. Изучили этический аспект работы фотографов, остановились на технологических изменениях и их влиянии на профессию, затронули вопрос безопасности фотожурналистов во время работы в экстремальных условиях.

Ключевые слова: фотожурналистика, экстремальная журналистика, военная журналистика, катастрофа, медиаэтика, профессиональный долг.

Abstract: the article examines the work experience of Russian photojournalists in special conditions. Extreme situations complicate the work of photojournalists due to unpredictability and danger, so they sometimes have to act situationally. In the article, we examined the organization of the work of Russian photographers who covered important historical events. We have studied the ethical aspect of the work of photographers. We focused on technological changes and their impact on the profession. The issue of photojournalists' safety while working in extreme conditions was raised.

Keywords: photojournalism, extreme journalism, military journalism, disaster, media ethics, professional duty.

Фотограф М. Брэди считал, что «камера — это глаз истории» [1, 12]. Благодаря самоотверженной работе фотографов, операторов, художников мы можем увидеть доказательства разрушений, вызванных катастрофами. Деятельность фотографов, непростая и в мирное время, в период нестабильности становится к тому же и опасной. Они, как и операторы, часто лишены возможности маневрировать, так как видят происходящее через объектив фотокамеры.

В работе над данной статьей были использованы работы по истории отечественной фотографии: Г. М. Болтянского, Л. Ф. Волкова-Ланнита, В. А. Никитина, Л. В. Семовой, В. Т. Стигнеева, Л. Н. Шерстеникова [2—8]; воспоминания журналистов, работавших на фронтах Великой Отечественной войны: М. В. Альперта, О. А. Ландер, Б. Н. Полевого, К. М. Сиимонова [9—12]; проанализированы интервью журналистов, имевших опыт работы в условиях войны; изучены фотоматериалы журнала «Фронтовая иллюстрация». Были полезны также исследования О. А. Бакулина, А. А. Киселевой, Г. И. Щербаковой [13—15], посвященные развитию документальной фотографии в России.

Зарождение военной фотожурналистики.

Фотожурналистика появилась в середине XIX в. после того как в 1839 г. была изобретена технология дагеротипии. Ее начали применять не только для создания портретов, что приносило коммерческую выгоду владельцам фотоаппаратов, но и с целью задокументировать те или иные события. Первые попытки визуально сохранить память о военных действиях были предприняты во время Американо-мексиканской войны 1846—1848 гг. Из-за дороговизны техники, расходных материалов и отсутствия профессионального опыта у большинства фотографов было сделано всего около десяти снимков, однако и они дают нам представление о той войне. Со временем технологии получения фотографии развивались; стали применяться калотипия, коллодион, была изобретена фотобумага. Это позволяло все чаще и четче фиксировать происходящее. Первый военный конфликт, запечатленный на фотопленку несколькими фотографами, — Крымская война (1853—1856 гг.).

В России документальная фотография активно развивалась. Фототехника доставлялась из других стран, люди учились ее эксплуатировать. Со временем, оттачивая мастерство, находили правильные ракурсы.

В начале XX в. практиковалась аэросъемка как способ фоторазведки. Опытным путем было установлено, что съемка с неуправляемого воздушного шара не достигала поставленных целей, однако благодаря развитию авиации наблюдался значительный прогресс в этом направлении [16, 58]. Были нужны аэрофотоаппараты, и над их созданием ученые и военные работали вместе.

Войны начала XX века. Трагические события начала XX в. были запечатлены тогда еще немногочисленными мастерами-энтузиастами, ставшими носителями исторической фотоправды. Большое количество фотографий с театра военных действий Русско-японской войны (1904—1905 гг.) подняло тиражи газет и журналов [16, 93]. До нас дошли имена некоторых фотожурналистов, работавших во время этой войны: В. К. Булла, П. К. Новицкий, П. А. Оцуп, Б. Л. Тагеев, Я. В. Штейнберг и др. Они снимали госпитали, добровольцев, отправлявшихся на фронт, работу артиллерии, похороны павших. Многие того периода фотографии были без подписей.

По выражению Л. Ф. Волкова-Ланнита, в те годы «фотограф походил на вьючное животное. За плечами деревянная камера размером 24 на 30. Кассеты тоже деревянные, каждый негатив весил около фунта, а все снаряжение около пуда» [3, 77]. Фотографы были обязаны сдавать негативы в редакцию. Качество бумаги и химикатов было низким, поэтому многие кадры проявить не удавалось.

Фотолетопись Первой мировой войны создавалась при помощи в том числе офицеров действующей армии. Техника не позволяла проводить съемку боев. П. К. Новицкий вспоминал, что о съемке штыковых атак или артиллерийской подготовки нельзя было и подумать: дым от разрывов снарядов был такой густой, что трудно было увидеть находившегося рядом сослуживца, не то что окопы противника [3, 99]. Историки нашли около 70 кадров, сделанных Б. Н. Скворцовым. Все без указания даты, на трех из них зафиксирована боевая работа. Большая часть снимков была сделана либо на стоянках войск, либо в боевых условиях; некоторые кадры, когда фотожурналист передвигался на лошади [5, 135].

Первая мировая война дала толчок развитию репортажной фотографии. Журналы «Нива», «Огонек», «Солнце России», «Искра», крупнейшие газеты переклюнулись на фотоинформацию, связанную с военной темой: патриотические манифестации в поддержку войны, сборы пожертвований, разрушения, лазареты, трофейная техника и оружие, солдаты, беженцы [7, 27].

В газетах и журналах публиковались чаще всего фото из госпиталей, похороны, пленные, в основном это были кадры крупным планом. С учетом происходившего на фронтах и в стране менялась тематика фотоизображений: «уменьшается и почти сходит на нет количество фотографий императора, исчеза-

ют патетические снимки-символы единения царя и народа, на смену им приходят фотографии из госпиталей с изображением представительниц императорского дома, выполняющих работу сестер милосердия» [15, 109]. Публиковались фото, показывающие зверства врагов (страдающие люди, разрушенные памятники архитектуры).

В 1918 г. были созданы фотокинокомитеты, все документальные съемки проводились силами их сотрудников. В Москве работали 12 фотографов, и они были более мобильны, чем кинооператоры, так как фотоаппараты весили меньше, чем кинокамеры. Фотолетопись Гражданской войны писали, конечно, не только профессионалы — немало кадров было сделано безымянными фотолюбителями [3, 47]. Они создали более 12 тыс. негативов [7, 31]. Эти фотоматериалы в прессе не публиковались, а использовались в агитационных целях, тем более что не во всех типографиях сохранилось оборудование для печати фотографий. Во время Гражданской войны публикация фотографий была затруднена в связи с непостоянным состоянием типографского хозяйства.

Советско-финская война (1939—1940 гг.). Фотографы Ленинградского отделения фотохроники ТАСС, работавшие на Советско-финской войне, оставили после себя внушительный архив. Им приходилось делать снимки не только для текущих номеров «Окон ТАСС», но и создавать фототеку. Фотограф Н. П. Янов работал на Балтийском флоте и Карельском перешейке. Он был снаряжен аппаратом *Leica* со светосильным объективом и телеобъективом. «Часто помогало наличие мешка для перезарядки имевшихся пяти кассет. Избавляясь от лишнего груза, я отказался от штатива, снимая внутри помещений с рук при вспышке магния», — рассказывал Янов в статье «На Краснознаменной Балтике» о том, как снимал морские бои, находясь на корабле [17].

Э. М. Хаикин вспоминал, как перемещался по фронту в грузовой машине, полуторке, с установленным на ней фанерным верхом: «В ней хранилось все наше походное имущество и запасной материал. Оба аппарата, вся оптика и около десяти кассет постоянно находились при мне, чем впоследствии я спас ценную аппаратуру от гибели» [18].

М. С. Редькин о дополнительных заданиях, которые давали фотографам, вспоминал: «ТАСС было поручено в максимально короткое время снять всех героев и орденосцев, находящихся на фронте. Три дня и три ночи я снимал всюду: в землянках, в батареях, в лесу, снимал днем и ночью, при естественном свете, при магнии, при свете керосиновых ламп и даже при свете автомобильных фар» [19].

Порой природные условия были тяжелыми, но журналистам приходилось снимать и в сильные морозы, и в метели, и в снежные заносы. Пригодились навыки хождения на лыжах, езды верхом, вождения машины, владения оружием, ориентиро-

вания по картам. Фотокор ЛенТАСС В. Г. Тимофеев «вместе с воинскими частями совершал длительные переходы по заснеженным сопкам, пересеченным быстрыми незамерзающими реками <...> с поси-невшими от холода руками, с вещмешком за спиной, с неизменным ФЭДом, засунутым под полушубок» [4, 161].

Великая Отечественная война (1941—1945 гг.). По разным данным, 256 фоторепортеров работали во время Великой Отечественной войны [20]. Участвовали в десантных операциях, передвигались вместе с партизанскими отрядами, дрались в осажденных городах, оперируя то автоматом, то своим профессиональным оружием. Они дошли с войсками до Берлина [21, 4]. Фотокор ТАСС Э. Н. Евзерихин вспоминал: «Специфика дела, которому мы служили, — фотография — требовала непосредственного присутствия на месте событий. Снимки танкового боя, воздушного сражения, атаки могли появиться только в том случае, если репортер вплотную приблизился к „событию“» [22].

Не только пишущие журналисты, но и фотографы не имели в большинстве своем опыта работы в условиях войны. Лишь единицы из них прошли Советско-финскую войну, бои на Халхин-Голе и озере Хасан, Гражданскую войну в Испании, сопровождали войска в Освободительном походе в Западной Украине и Западной Белоруссии. М. В. Альперт заявлял: «Никакого опыта съемки во фронтовой обстановке ни у кого из нас не было» [9, 58].

Советские граждане с подозрением относились к людям с камерами — фотографам и операторам. Были случаи, когда на фотографов заявляли в милицию, приняв их за диверсантов, заброшенных немцами в тыл. Оператор А. А. Крылов вспоминал: «До сих пор помню, как один красноармеец заставил меня лечь вниз лицом и наставил на меня винтовку со взведенным курком только за то, что я начал, как он выразился, „непонятно зачем“, снимать горевший на окраине деревни трактор. Пришлось лежать, пока не пришел офицер и не проверил мои документы» [23, 49]. В. Г. Федосеев — фоторепортер, работавший в блокадном Ленинграде, рассказывал, что бывали дни, когда его по три раза таскали в комендатуру. Увидев человека с фотоаппаратом, ленинградцы часто обращались «куда следует». Проверяли документы, и если фотографа знали, его отпускали. Если нет, то звонили в редакцию и выясняли задание и цель съемки [24].

Директива ГлавПУРа от 23 июня 1941 г. «О содержании фронтовой, армейской и дивизионной печати» регулировала работу в том числе и военных фотокорреспондентов.

Одна часть фотографий попадала на полосы газет и журналов сразу, другая оставалась надолго в архивах, и такие снимки были опубликованы намного позже. Исследователь и журналист В. Т. Стиг-

неев писал: «Фото, деморализующие советских граждан в тылу и на фронте, — картины отступления, эвакуации, беженцев, следы поражений в боях — не публиковались» [7, 147]. Например, отступление Красной армии в первый год войны снимали редко, а публиковали еще реже. Для пропагандистского эффекта фотографировали поверженного врага, сожженную технику. Такие кадры оставались популярными всю войну, воспринимались как знак будущей Победы [7, 159]. Обязательно показывали подвиги героев, быт солдат, будни тружеников тыла.

Историк О. А. Бакулин уточняет: «В годы войны цензуре подвергались не только фотоснимки, которые могли представлять потенциальный интерес для противника (фотографии новейших образцов советской военной техники или стратегических объектов), но и снимки, на основании которых противник мог получить представление о масштабе нанесенного им ущерба» [14, 31].

Зима 1941—1942 гг. была холодной. Фотокамеры быстро замерзали и отключались. Чтобы сделать пару кадров, их приходилось согреть под полушубками. Эта проблема существовала и в Советско-финскую войну — о ней рассказывал фотокор ТАСС Р. А. Мазелев: «Лейка (третья модель) — довольно послушная камера, но 45-градусный мороз — не шутка, и Лейка отказывалась работать. Замерзла шторка. Вторую Лейку я извлек из-под полушубка, но и она забастовала. К счастью, у т. Анцеловича была с собой камера ФЭД, и она выручила. Съемка удалась» [25]. А. С. Шайхет работал с танкистами в Восточной Пруссии. Он вспоминал: «На морозе застывала аппаратура, мела пурга, с Балтики часто наплывали туманы, не говоря уже о том, что под обстрелом противника нелегко было высовываться с фотоаппаратом, а бои докатывались до командного пункта армии, да и редакторы в то время не очень радовались снимкам с нашими потерями» [8, 36].

Зарубежная техника и расходные материалы либо выдавались фотожурналистам из довоенных закупок, либо по ленд-лизу. Позже стали появляться трофейные камеры.

Помимо того, что фото- и кинокамеры весили немало, с собой приходилось возить целые лаборатории, потому что часто проявляли и печатали снимки с колес: в землянках, чуланах, подвалах.

Журналисты, снимавшие Курскую битву, работали буквально на минном поле. У них не было длиннофокусной оптики, поэтому во время съемки им приходилось ждать, когда вражеские танки приблизятся к окопам.

Фотографы центральных СМИ, как правило, находились на фронтах недолго и возвращались в Москву для проявки пленок. И для них расходники не были дефицитом. Фотографы фронтовых газет, напротив, не имели таких «привилегий». «Иногда для проявителя использовали недостаточно чи-

стую или дождевую воду или растаявший снег. Все надо было делать очень быстро, так как негативы отсылались самолетом, летавшим с полевого аэродрома, и снимки должны были появиться в газетах на следующий день одновременно со сводками Совинформбюро и приказами Верховного», — вспоминал фотокор ТАСС Э. Н. Евзерихин [22].

В блокадном Ленинграде работало около 50 фотокорреспондентов со специальным разрешением на съемку (у остальных фототехнику старались изымать) [26]. Согласно редакционным заданиям, нужно было зафиксировать все разрушения в городе. С самого начала войны предполагалось, что потом страна выставит Германии счет [27]. Также надо было фотографировать производственные будни, помощь тыла фронту, работу ленинградских ученых. Более того, стояла задача показать мужество, героизм и самоотверженность ленинградцев. Чтобы оповестить мир о последствиях чудовищного фашистского преступления — блокады Ленинграда — стали публиковаться фотографии обессиленных и умерших от истощения людей.

В Берлин фоторепортеры заходили вместе с передовыми частями Красной армии. Фотокор «Правды» В. А. Темин в числе восьми журналистов из разных стран присутствовал при казни военных преступников, осужденных Нюрнбергским трибуналом. Условием аккредитации на мероприятие была бесперебойная телефонная связь с редакцией, которую Темину обеспечили по приказу маршала Г. К. Жукова.

Снимки советских журналистов были представлены на Нюрнбергском процессе как доказательства преступлений нацистов.

Заключение. Фотограф, работающий в зонах вооруженных конфликтов, фиксируя события, оставляет документальные подтверждения происходящего. Ему приходится сталкиваться с ограничениями правового и этического порядка. Фото могут быть не опубликованы сразу, однако они остаются в архивах редакций, журналистов, военных. Фотоматериалы могут использоваться для научных и просветительских целей. Сохраняют историческую правду для последующих поколений. Деятельность фотокорреспондентов сопряжена с опасностью, в том числе из-за занятости рук и глаз, особенно в прошедшие годы, когда фотоаппаратура была громоздкой и не давала возможности маневрировать. Работа фотокорреспондента не такая публичная, как пишущего журналиста и, тем более, работающего в кадре. Однако без самоотверженности и самоотдачи фотографов, посвятивших свою жизнь работе в горячих точках, мы бы не узнали масштабов разрушений, горя, не смогли бы увидеть лиц героев и доказательств их подвигов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bonds R. Matthew B. Brady. American First Great Photographer / R. Bonds, W. Youngblood. — London, 2008.

2. Болтянский Г. М. Очерки по истории фотографии в СССР / Г. М. Болтянский. — М., 1939.

3. Волков-Ланнит Л. Ф. История пишется объективом / Л. Ф. Волков-Ланнит. — М., 1980.

4. Никитин В. Н. Рассказы о фотографах и фотографиях / В. Н. Никитин. — Л., 1991.

5. Симова Л. В. История отечественной фотожурналистики: В 3 ч. / Л. В. Симова. — Ч. 1: Фотография в России в XIX — начале XX в. Истоки советского фоторепортажа. — М., 2015.

6. Симова Л. В. История отечественной фотожурналистики: В 3 ч. / Л. В. Симова. — Ч. 2: Советская фотожурналистика 1920—1930-х гг. — М., 2016.

7. Стигнеев В. Т. Век фотографии. 1894—1994: очерки истории отечественной фотографии / В. Т. Стигнеев. — М., 2019.

8. Шерстенников Л. Н. Остались за кадром / Л. Н. Шерстенников. — М., 2013.

9. Альперт М. В. Беспокойная профессия / М. В. Альперт. — М., 1962.

10. Ландер О. А. Фронтowymi дорогами / О. А. Ландер. — М., 1986.

11. Полевой Б. Н. Нюрнбергские дневники. В конце концов / Б. Н. Полевой. — М., 1972.

12. Симонов К. М. Разные дни войны / К. М. Симонов. — М., 1977.

13. Бакулин О. А. «Книга записи снимков (1917 — январь 1921)» фоторепортера Я. В. Штейнберга: некоторые проблемы анализа источника / О. А. Бакулин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. — 2024. — № 2. — С. 95—112.

14. Бакулин О. А. Фотография как инструмент советской визуальной пропаганды в годы Великой Отечественной войны (по материалам газеты «Правда») / О. А. Бакулин // Меди@льманах. — 2014. — № 6. — С. 30—37.

15. Киселева А. А. Фотография как летопись Первой мировой войны / А. А. Киселева, Г. И. Щербакова // Век информации. — 2015. — № 2. — С. 104—112.

16. Чибисов К. В. Очерки по истории фотографии / К. В. Чибисов. — М., 1987.

17. Янов Н. На Краснознаменной Балтике / Н. Янов // Советское фото. — 1940. — № 6. — С. 4.

18. Хаикин Э. В боевой обстановке / Э. Хаикин // Советское фото. — 1940. — № 6. — С. 5.

19. Редькин М. Вместе с героической армией / М. Редькин // Советское фото. — 1940. — № 6. — С. 6.

20. Глезеров С. О тех, кто остался за кадром. Вышла в свет книга о фронтовых фотокорреспондентах / С. Глезеров // Санкт-Петербургские ведомости, 21 янв. 2021 г. — Режим доступа: https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/o-tekh-kto-ostalsya-za-kadrom-vyshla-v-svet-kniga-o-frontovykh-fotokorrespondentakh/ (дата обращения: 07.02.2025).

21. Выставка «Великая Отечественная война в художественной фотографии»: каталог. — М., 1948.

22. Сталинградская битва в воспоминаниях корреспондентов ТАСС. — Режим доступа: <https://tass.ru/novosti-agentstva/4925872> (дата обращения: 17.01.2025).

23. Крылов А. На Ельнинском выступе / А. Крылов // Их оружие кинокамера. Рассказы фронтовых кинооператоров. — М., 1984. — С. 46—51.

24. Никитин В. Блокада глазами ленинградских фоторепортеров / В. Никитин // Лениздат.ру. — 2012. — 27 янв. — Режим доступа: <http://lenizdat.ru/articles/1102060/> (дата обращения: 12.01.2025).

25. Мазелев Р. Учиться военному делу / Р. Мазелев // Советское фото. — 1940. — № 6. — С. 7.

26. «Мы не забыты с тобой, не одни, — и это уже победа»: блокадная журналистика в Ленинграде // Лениздат.ру. — 2023. — 27 янв. — Режим доступа: <https://lenizdat.ru/articles/1162120/> (дата обращения: 12.01.2025).

27. Кустикова Л. Блокада глазами ленинградских фоторепортеров / Л. Кустикова // Лениздат.ру. — 2012. — 27 янв. — Режим доступа: <http://lenizdat.ru/articles/1102060/> (дата обращения: 12.01.2025).

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

*Денисова И. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры цифровой журналистики*

E-mail: irina_denisowa@mail.ru

Lomonosov Moscow State University

*Denisova I. N., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Digital Journalism Department*

E-mail: irina_denisowa@mail.ru

МОНОПОЛИЗАЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ МЕДИА И РАСТУЩАЯ НЕОБЪЕКТИВНОСТЬ В ЭПОХУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНГАЖИРОВАННОСТИ

А. А. Любимов

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

Поступила в редакцию 11 июля 2025 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема политической ангажированности глобальных медиа и ее влияние на одностороннее освещение крупных мировых событий. Анализируется, как принадлежность крупнейших СМИ медиамагнатам влияет на формирование информационной повестки. На основе методов контент-анализа и сравнительного анализа выявляется, что в современном мире понятие так называемой независимой журналистики практически утратило свою актуальность, поскольку глобальные медиа, контролируемые ограниченным числом частных владельцев, неизбежно отражают их экономические и политические интересы. В заключение делается вывод о необходимости для всех потребителей контента критического восприятия информации, а также развития альтернативных медиаисточников в связи с невозможностью увидеть объективную картину мира в современном медианпространстве.

Ключевые слова: глобальные медиа, медиамагнат, политическая ангажированность, СМИ, освещение событий, независимая журналистика.

Abstract: the article examines the problem of political bias in global media and its impact on the one-sided coverage of major global events. It analyzes how the ownership of major media outlets by media moguls affects the formation of the information agenda. Based on content analysis and comparative analysis, the article reveals that in today's world, the concept of independent journalism has largely lost its significance, as global media, controlled by a limited number of private owners, inevitably reflect their economic and political interests. In conclusion, it is concluded that all consumers of content need to critically perceive information, as well as develop alternative media sources, due to the inability to see an objective picture of the world in the modern media space.

Keywords: global media, media mogul, political bias, media coverage, independent journalism.

Введение. Глобальные медиа сегодня играют ключевую роль в формировании общественного мнения и политической повестки на международном уровне. Однако в условиях концентрации медиасобственности в руках частных лиц возникает вопрос о степени независимости журналистики и объективности освещения событий. Несмотря на декларации о свободе слова и плюрализме мнений, современные глобальные медиа часто демонстрируют выраженную политическую ангажированность, что приводит к одностороннему освещению важных мировых процессов. В результате усиливается общественная поляризация и снижается доверие к СМИ.

Методология и методы. При подготовке статьи для выявления и анализа предвзятости в подаче информации были использованы методы контент-анализа и сравнительного анализа, что позволило фиксировать не только явные, но и скрытые механизмы отбора информации, а также оценивать степень умолчания альтернативных точек зрения. Было проанализировано 30 текстовых и видеопубликаций в 7 изданиях, входящих в холдинги глобальных ме-

диа, а также 10 текстовых и видеопубликаций официальных российских СМИ. Изучаемый временной отрезок: с января 2020 г. по июнь 2025 г. Публикации отбирались по принципу освещения изданиями определенной темы: «Новости и события в африканских странах», Brexit, «Боевые действия в Иране, Палестине, Сирии», «Конфликт на Украине».

Структура собственности и влияние на редакционную политику в глобальных медиа. Крупнейшие мировые СМИ принадлежат не государственным структурам, а частным лицам и корпорациям, среди которых Руперт Мердок (News Corporation), Майкл Блумберг (информационное агентство Bloomberg), Джеф Безос (издательский дом The Washington Post), представители семьи Херст (Hearst Corporation) и другие [1]. Данные холдинги являются транснациональными компаниями, поскольку имеют представительства в разных странах мира. В России частные медиахолдинги начали появляться в 1990-е гг., когда контроль над основными СМИ перешел к финансово-промышленным группам и олигархам [2]. Наиболее крупными частными российскими медиахолдингами сегодня являются «Национальная Медиа Группа», ProfMediaBusinessSolutions, «Коммерсант», РБК,

«СТС Медиа». Однако они не входят в число глобальных медиа.

Транснациональные медиахолдинги принадлежат частным предпринимателям с ярко выраженными политическими и экономическими интересами. В результате редакционная политика глобальных медиа определяется не только профессиональными стандартами, но и интересами собственников, что приводит к формированию политической и корпоративной ангажированности. Вследствие этого СМИ склонны к выборочному освещению событий, акцентируя внимание на тех фактах, которые выгодны их собственникам или их политическим партнерам и замалчиванию альтернативных точек зрения [3].

Политическая ангажированность глобальных медиа проявляется в нескольких формах: от выбора тем и событий до использования определенной лексики и тональности в материалах. Сравнительный анализ позволяет выявить, как одни и те же события преподносятся по-разному в зависимости от политической позиции издания [4]. Например, события, связанные с территориальными конфликтами, экономическими кризисами или социальными протестами, часто освещаются с явным идеологическим уклоном, что формирует у выбранной аудитории, на которую транслируется информация, ограниченное и искаженное восприятие действительности.

Ни о какой объективности при этом говорить не приходится, т.к., поддерживая определенные политические силы или идеологии, редакции СМИ вынуждены выбирать определенных спикеров и интерпретировать мировые события в угоду навязанной извне редакционной политике [5]. Внимание читателя или зрителя акцентируется на исключительных или резонансных событиях, при этом игнорируются рутинные, но значимые проблемы, а журналисты теряют контроль над содержанием, если их позиция расходится с политикой медиахолдинга.

Примеры освещения мировых событий. Одним из ярких примеров является освещение событий на африканском континенте в глобальных СМИ, где Африка обычно представлена как зона кризисов и конфликтов, что не соответствует ее реальному потенциалу и многообразию. Это свидетельствует о том, что медийный дискурс строится с учетом определенных политических и экономических интересов, а не объективного анализа [6].

Если говорить о конфликте на Украине, то начиная с 2014 г. российские и западные СМИ демонстрируют противоположные трактовки событий, что обусловлено не только национальными интересами, но и определенным корпоративным сговором. В публикациях западных медиа (BBC, CNN, The New York Times) акцент делается на нарушении прав человека со стороны России, в то время как российские СМИ («Россия 24», RT) подчеркивают роль прямого участия Запада в эскалации конфликта.

При освещении выхода Великобритании из Европейского союза (Brexit), газета The Sun, принадлежащая News Corporation Руперта Мердока, открыто поддерживала выход из ЕС, что определенно повлияло на общественное мнение и исход референдума. В то же время другие британские издания, контролируемые иными медиаструктурами, занимали противоположную позицию, что наглядно иллюстрирует зависимость редакционной политики от интересов владельцев.

И безусловно, двойные стандарты активно применяются и применяются при освещении военных конфликтов, таких как боевые действия в Иране, Палестине и Сирии. Западные СМИ подробно освещают нарушения прав человека в «чужих» странах, но минимизируют или не освещают негативные сведения о действиях своих военных или союзников. Еще при освещении войны во Вьетнаме американские СМИ избегали обсуждения вопроса законности военных действий США, в то время как аналогичные действия СССР в Афганистане всегда подавались как акт агрессии. Абсолютно то же самое сейчас можно сказать и об освещении глобальными медиа событий на Украине.

Заключение. В условиях глобализации и монополизации медиарынка понятие так называемой независимой журналистики утрачивает свою актуальность. Поэтому можно сделать следующие выводы.

1. Крупнейшие мировые СМИ, которые принадлежат не государственным структурам, а медиамагнатам и транснациональным корпорациям, определяют четкий характер освещения мировых событий. Это приводит к неизбежной политической и корпоративной ангажированности, проявляющейся в тематической предвзятости, умолчании альтернативных точек зрения и манипуляции общественным мнением.

2. Примеры освещения резонансных мировых событий наглядно демонстрируют невозможность существования объективной картины мира в медиапространстве, поскольку зачастую разные издания освещают диаметрально противоположные точки зрения на одни и те же события, что лишь усиливает недоверие цивилизованного общества к институту СМИ.

3. В современном медиапространстве большую популярность приобрели «условно независимые» блогеры-репортеры, которые зачастую транслируют информацию прямо с мест событий. Нередко они освещают отличную от пропагандируемой глобальными медиа точку зрения и перетягивают на себя внимание серьезного количества потребителей контента. Данный процесс в быстро меняющемся мире лишь набирает обороты, хотя рядовому потребителю информации не всегда представляется возможным быстро узнать, насколько блогер объективен и чьи интересы в медиапространстве он представляет.

Перспективой представленного исследования может стать расширение количества тем, изучаемых примеров необъективности и политической ангажированности. Кроме того, в ретроспективе изучения какой-то выбранной темы в определенных медиа возможно проследить перспективу и вектор развития внешней политики того государства, интересы которого представляет выбранное для анализа СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скоробогатых Н. С. Медиумагнат Р. Мердок: штрихи к портрету. Часть 1. Строительство империи / Н. С. Скоробогатых // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2018. — Т. 1. — № 1 (38). — С. 189—205.
2. Вартанова Е. Л. СМИ в меняющейся России /

Е. Л. Вартанова. — М., 2010.

3. Маркина Ю. В. Мировые транснациональные медиакорпорации как сегмент глобализации информационной деятельности / Ю. В. Маркина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2018. — Т. 37. — № 3. — С. 480—488.
4. Корконосенко С. Г. Теория журналистики: моделирование и применение / С. Г. Корконосенко. — М., 2020.
5. Поклонская А. В. Роль автора-эксперта в освещении искусства в СМИ / А. В. Полонская // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2024. — Т. 49. — № 4. — С. 24—48.
6. Маркина Ю. В. Зарубежные СМИ сегодня: крупнейшие корпорации и монополистические объединения / Ю. В. Маркина, В. В. Хорольский. — М., 2024.

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

Любимов А. А., заместитель директора Координационного центра по противодействию идеологии терроризма и профилактике экстремизма

E-mail: axe-l@list.ru

Ogarev Mordovia State University

Lyubimov A. A., Deputy Director of the Coordination Center for Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism

E-mail: axe-l@list.ru

МЕДИАКОММУНИКАЦИЯ ВЛАСТИ С НАСЕЛЕНИЕМ В НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. А. Мариева

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Поступила в редакцию 20 июня 2025 г.

Аннотация: В исследовании на основе метода включенного наблюдения и контент-анализа медиа-текстов «кабинета редакции» за период с 28.02.2025 по 28.05.2025 гг. осмыслена работа администраторов госпабликов и кураторов Центра управления регионом Новгородской области (ЦУР НО) в системе «Единое окно цифровой связи».

Ключевые слова: Единое окно цифровой связи, кабинет редакции, Центр управления регионом Новгородской области, Министерство цифрового развития Новгородской области, администратор госпаблика, власть, население, медиакommunikация.

Abstract: In the study, based on the method of included observation and content analysis of media texts of the "editorial office" for the period from 02/28/2025 to 05/28/2025, the work of administrators of state-owned publications and curators of the Novgorod Region Regional Management Center in the "Single Window of Digital Communications" system is understood.

Keywords: Single window of digital communication, editorial office, Regional Management Center of the Novgorod region, Ministry of Digital Development of the Novgorod Region, administrator of the state republic, government, population, media communication.

Постановка проблемы. Цифровые сервисы стали частью медиакommunikационной практики, связующим звеном власти с населением, и с этим связана актуальность темы статьи. В систему «государство — общество» внедряются новые игроки медиарынка, в частности, некоммерческие организации, которые строят своего рода мосты между информационными пузырями, обеспечивая функционирование институтов — СМИ, государство. Такой организацией служит федеральная АНО «Диалог регионы», которая состоит из Центров управления регионами (ЦУР), расположенных в каждом субъекте РФ. ЦУР — координационный центр по сбору, обработке, анализу и реагированию на жалобы жителей, собирает проблемные медиатексты с помощью цифровых сервисов, распределяет их между администраторами госпабликов для оперативного решения проблем [1]; обеспечивает информирование населения и соблюдение количественных показателей на страницах органов власти.

Исследования, анализирующие работу ЦУРа, органов власти и медиапредставителей изнутри практически отсутствуют. Поэтому внимание автора будет сосредоточено на процессе медивзаимодействия ЦУРа, региональных органов власти и местного самоуправления. Цель статьи — выявить, как специалисты ЦУР Новгородской области посредством цифровых инструментов «Единого окна цифровой

связи» обеспечивают контент для госресурсов. Для этого необходимо описать функционирование «Единого окна цифровой связи», в частности, «кабинета редакции»; разделы системы, привести примеры сообщений в группе о публикации новых постов в «кабинете редакции», зафиксировать положительные и негативные стороны платформы. Таким образом, объект исследования — цифровая платформа «Единого окна цифровой связи» как площадка для обеспечения ЦУР Новгородской области медианаполнения аккаунтов органов власти посредством медианструментов; предмет: контент «кабинета редакции» за период с 28.02.2025 по 28.05.2025 гг.

Методология исследования. Основной метод исследования — включенное наблюдение, поскольку автор публикует контент Центра управления регионом Новгородской области в рамках преемственности в Министерстве цифрового развития и информационно-коммуникационных технологий Новгородской области и находится в медиасообществе региональных администраторов госпабликов.

Использовался также метод контент-анализа медиатекстов, размещенных в «Едином окне цифровой связи», в частности, его раздела «кабинет редакции». Выборка из раздела — основной эмпирический материал исследования, а вспомогательная выборка — контент из профильных региональных сообществ Центра управления регионом (период с 28.02.2025 по 28.05.2025 гг.) и администраторов госпабликов; вспомогательную выборку также составили исследо-

вания автора по цифровому медиавзаимодействию власти с населением, что позволят считать выборку репрезентативной.

Правовые рамки исследования. Законодательную базу исследования составили основные нормативно-правовые акты, регулирующие размещение информационных массивов о деятельности власти на федеральном и региональном уровнях [2—8].

История вопроса и научные кейсы. Цифровые платформы обеспечивают решение вопросов разных сегментов аудитории, например, органов власти и населения. Площадки представляют собой, как отмечают С. В. Кругликов и М. В. Ивашкин, «виртуальное пространство для коммуникаций, где стороны заключают соглашения» [9]. Это «мощный инструмент для улучшения политической коммуникации и повышения уровня вовлеченности граждан в политический процесс» [10], а также формирования их политических предпочтений [11].

Коммуникация, в основе которой лежит медиалог региональной власти и общества, должна рассматриваться с учетом проблем, таких как раздробленность регионального информационного пространства и разрозненность субъектов информационной деятельности [12]. Она предоставляет доступ общества к сведениям о работе органов власти [13]. Функционирование систем может приводить к возникновению конфликтных ситуаций, платформы могут стать «самостоятельным субъектом конфликтного взаимодействия» [14].

Внедрение цифровых технологий в публичное управление связано с перечнем проблем, решить которые возможно, например, с помощью «стимулирования создания цифровой инфраструктуры, развития цифровой грамотности, навыков и компетентности граждан, подготовки кадров по использованию ресурсов, совершенствовании профессиональных компетенций служащих, стимулирования цифрового участия государства во взаимодействии с гражданами» [15]. К цифровому капиталу относятся «безопасное функционирование в цифровой медиакоммуникационной среде, навыки распространения цифрового контента» [16]. Совершенствовать государственным и муниципальным служащим навыки для работы в цифровых системах возможно с помощью медиаобразовательных профессиональных программ [17].

«Единое окно цифровой связи»: работа кураторов Центра управления регионом Новгородской области и администраторов госпабликов в «кабинете редакции». С помощью платформы «Госуслуги» органы власти и органы местного самоуправления могут войти в «Единое окно цифровой связи», выбрав в нем один из блоков «Госпаблики» (кабинет редакции, кабинет учреждения) или «ПОС» (пользователь, администратор). Автор в рамках работы в Минцифре региона имеет доступ к «кабинету

редакции». Личный кабинет в нем состоит из разделов: модерация, шаблоны, рабочие кабинеты, заявки, пользователи, аналитика, задачи и настройки. В разделе модерация возможно посмотреть статус постов, которые необходимо опубликовать; может быть «не срочно», «в течение дня», «срочно (15 минут)». А также «опубликован», «опубликован без модерации», «модерация», «запланирован», «в работе», «возвращен», «не проверено», «ошибка», «отменен», «изменен», «удален», «запланировано удаление», «запланировано обновление», «запланирована перепубликация».

Второй блок — модерация; с ним чаще всего взаимодействует автор, поскольку работа в нем контролируется региональным ЦУР (далее по тексту под ЦУР подразумевается Центр управления регионом Новгородской области). В разделе можно посмотреть дату создания поста и его публикации, рабочие кабинеты. Автору доступны кабинеты Минцифры, а также его подведомственных учреждений: Государственное учреждение «Новгородский информационно-аналитический центр» (ГУ НИАЦ) и Государственное областное казенное учреждение «Центр информационных технологий» (ГОКУ ЦИТ). Из трех организаций только ГУ НИАЦ имеет доступ к автоматической модерации поста, остальные органы власти контролируют наполнение аккаунтов вручную.

Алгоритм функционирует следующим образом. В Новгородской области, по данным ЦУР, существует 809 активных госпабликов; они, согласно нормативно-правовым актам, обязаны публиковать по три поста каждую неделю и по десять историй в месяц. ЦУР настоятельно рекомендует региональным аккаунтам размещать по четыре поста в неделю. Ведущие локальные паблики (Администраций, Комитетов и Министерств) с задачей справляются, остальные страницы показатели не выполняют. Для выполнения показателей и повышения региона в федеральных рейтингах, ЦУР создает посты на актуальные темы и размещает их в «кабинете редакции». В беседе администраторов региона (только 379 участников) информирует, на какую тему выложил посты, кому их нужно разместить и в какой временной промежуток. Сообщения, например, такие *Новгородцам рассказали, что делать при пожаре в частном доме. Паблики ОМСУ, сельских поселений + по желанию. Дедлайн: 28 мая 16:00, Президент России поддержал запуск второго сезона конкурса «Это у нас семейное»». Паблики ОМСУ, паблики организаций образования, паблики школ, паблики молодежных организаций, паблики культуры. Дедлайн: 28 мая 16:00, В России запущен первый сервис заселения в гостиницы по биометрии. Паблики Минцифры и подведомств. Дедлайн: 27 мая 16:00.* Сообщения означают, что в системе размещены такие шаблоны, которые будут автоматически опубликованы в госпа-

бликах (которые не выполняют количественные показатели, у них настроена функция), либо должны быть размещены вручную представителями пресс-служб органов власти. Для этого необходимо администратору найти в кабинете медиатекст. Ускорить поиск — по разделу «наименование шаблона», «дата создания шаблона», «статус» (отключен либо активен). Далее специалисту необходимо разместить его на ресурсах. У ЦУР и администраторов госпабликов на этом этапе, согласно наблюдениям автора, может произойти конфликт: ЦУР без согласования с медиаспециалистом размещает на его ресурсе медиатексты, чтобы обеспечить соблюдение количественных показателей. В свою очередь контентмейкер удаляет этот пост по своим каким-либо причинам. Решить проблему можно следующим образом: администратору госпаблика необходимо выполнять количественные нормы по размещению материалов на страницах; отключить автоматическую публикацию медиаединиц. На практике выполнить условия администраторам проблематично, поэтому возникают спорные ситуации.

В «Рабочих кабинетах» можно получить информацию об активности кабинета, его сферы деятельности. В Минцифре и его подведомственных учреждениях сфера кабинета — информационные технологии.

Другой раздел — «Заявки» — позволяет отследить статус: «новая», «одобрена» или «отклонена». В блоке «Пользователи» находятся персональные данные сотрудников, которые имеют доступ к кабинету, указан статус «активен» или «заблокирован».

Раздел «Аналитика» состоит из подразделов «рейтинг», «обзор», «топ постов», «модерация», «средние показатели». Его могут посмотреть пользователи, у которых настроена автоматическая публикация постов на ресурсы органов власти из кабинета. Возможно отследить эффективность работы администраторов с помощью параметров «опубликованные посты», «подписчики», «просмотры», «вовлеченность». В подразделе «обзор» интересно проанализировать представленные в виде диаграмм показатели «динамика подписчиков» и «просмотры». Такую аналитику можно посмотреть и в разделе «статистика» в соцсетях, например, в ВК. При этом аналитика в «кабинете редакции», по наблюдениям автора, пользуется спросом у контентмейкеров. В подразделе «топы постов» находятся самые популярные посты по критериям «вовлеченность», «переходы». В мае 2025 года были востребованы посты на темы *80-летие Победы в Великой Отечественной войне, День радио и связи, Госуслуг, Программ ИТ-ипотеки*. Тематика напрямую связана со спецификой деятельности Минцифры. В подразделе «модерация» находится статистика: сколько материалов согласовано, сколько — проверку не прошли. В последнем подразделе «средние показатели» возможно полу-

чить количественные данные по постам, подписчикам, просмотрам и вовлеченности.

В разделе «Задачи» можно посмотреть перечень действий со статусами «удалена», «опубликована», «запланирована», «черновик», «новая», «отклонена». В «Настройках» возможно скорректировать данные организации в кабинете и получить справочную информацию.

Соответственно, интерфейс кабинета редакции прост, без информационного шума, состоит из восьми разделов с небольшой иконкой к каждому (портфель, график, документ, шестеренка, люди и др.), основные оттенки — цвета «Госуслуг» — синий, красный и белый, а также черный.

Результаты исследования. По итогам работы автора в «кабинете редакции» возможно выделить следующие положительные и негативные стороны платформы. Из плюсов работы администраторов в кабинете можно отметить: размещение публикаций на страницах власти из системы позволяет соблюсти количественные показатели, что обеспечивает выполнение законодательных положений. Использование постов ЦУР в работе способствует наполнению аккаунтов при «творческом кризисе», выгорании специалиста и его отсутствия в период отпусков и больничных. Его работу, при возможности парольного доступа к системе, может выполнить другой сотрудник, скопировав картинку и текст к ней и разместив ее на страницах. Либо, если настроена автоматическая публикация постов, только следить за выполнением количественных показателей и корректным размещением медиаединиц.

Еще плюс нахождения администраторов в системе — публикация в пабликах постов по ключевым темам. ЦУР региона размещает посты, связанные с федеральной повесткой. Поэтому на региональном уровне в госаккаунтах найдут свое отражение вопросы федерального значения. ЦУР размещает подборку постов, связанных с выступлениями главы региона. После проведения важных госмероприятий в кабинете будет опубликована серия постов, разбитая персонально для тематических пабликов. Чтобы повысить информированность о постах и укорить их публикацию, в группе появятся сообщения. Например, такие: *А. Дронов призвал новгородцев участвовать в голосовании по проекту ФКГС. Паблики ОМСУ, паблики поселений, паблики культуры + по желанию. Дедлайн: 22 мая 13:00; А. Дронов представил отчет о деятельности правительства в 2024 году. Паблики ОМСУ, паблики поселений, Минздрав Соцзащита, Минобр, Минпромторг + по желанию. Дедлайн: 22 мая в 19:00; А. Дронов обсудил важность расширения мер поддержки ТОС. Паблики ОМСУ, паблики Старой Руссы, паблики поселений. Дедлайн: 23 мая в 19:00; А. Дронов рассказал об ИТ-образовании в регионе. Паблики молодежных организаций, паблики образования + по желанию. Дедлайн: 26 мая в 16:00* и так далее.

Из минусов работы в кабинете можно выделить следующее: рейтинг могут посмотреть только пользователи, у которых настроена автоматическая публикация постов. То есть для тех, кому эта функция недоступна, раздел нефункционален. Несложную статистику можно посмотреть на других ресурсах — в ВК ее арсенал больше и интереснее. Как показали наблюдения и научно-образовательные практики автора [17], уровень медиакомпетентности администраторов госпабликов низок, поэтому, возможно, представленного на платформе функционала будет достаточно.

Еще один негативный фактор функционирования системы — конфликтные ситуации, связанные с размещением ЦУР постов на страницах власти, поскольку ЦУР размещает тексты в пабликах без согласования с владельцем аккаунта, чтобы обеспечить выполнение количественных показателей и не снизить рейтинг региона. Администраторов это не устраивает, они удаляют посты ЦУР. Кураторы ЦУР снова размещают материалы, а исполнители их удаляют. «Замкнутый круг» приводит к конфликтам. Ситуацию возможно решить, но пока практика в Новгородской области такова.

Из отрицательных сторон работы — не все ключевые федеральные темы находят отражение в постах. Администраторам необходимо постоянно находится в федеральной повестке, связанной со спецификой их ресурсов, поскольку ЦУР не размещает абсолютно все важные новости. Карточки, или как их называют в профессиональной среде «цуровские заглушки», публикуются в кабинете с опозданием в среднем на три дня. У администраторов исключается возможность первыми публиковать «свежий контент», первыми информировать аудиторию о событиях. Быть первыми невозможно и на региональном уровне. Комитет по информационной политике Новгородской области постоянно анализирует госгруппы по разным критериям, в том числе, и по временному. Региональные госпаблики не могут разместить информацию, связанную с первыми лицами региона, пока она сначала не появится на ресурсах персон. Это исключает возможность региональным пабликам опубликовать информацию раньше других, даже если она отработана оперативнее правительственных аккаунтов. Такой подход не способствует желанию медиаспециалистов оперативно и качественно отрабатывать инфоповоды, повышать количественные и качественные показатели своих ресурсов за счет оперативных публикации. Со временем снижается мотивированность администраторов пабликов быть в информационных федеральной и региональной повестках, поскольку бездумная публикация готовых постов из системы снижает их медианавыки, блокирует их профессиональное развитие. Администраторам необходимо использовать посты ЦУРа как дополни-

тельный, а не основной инструмент при генерации медиатекстов.

Негативное последствие популяризации контента из кабинета — одинаковые посты. На практике получается, что, например, все детские сады региона размещают одни и те же карточки и сопроводительный к ним текст на своих ресурсах. И если пользователь подписан на несколько площадок детских пабликов, он получает одинаковый контент, что снижает его желание дальше взаимодействовать со страницами власти. Отписка с дублирующих информации госресурсов будет приводить к снижению количественных показателей, тем самым понижая показатели региона в рейтингах по ведению госстраниц. Получается замкнутый цикл: ЦУР, стремясь обеспечить количественные показатели (количество постов) помогает медиаспециалистам с генерацией медиатекстов, при этом их однотипность и шаблонность приводит к потере аудитории. Решить проблему позволяет создание, например, двух вариантов постов на одну тему (одинаковый текст, но разные картинки либо наоборот), поскольку человеческий ресурс ЦУР это позволяет.

Еще негативная сторона работы в кабинете — публикация медиатекстов одного формата. ЦУР размещает в системе только карточки и текст к ним. Как правило, один пост, предлагаемый специалистами для исполнителей, состоит из пяти карточек и пары сопроводительных абзацев с эмоджи. Это приводит к тому, что паблики размещают у себя от ЦУР публикации одного формата, что влияет на однотипную наполняемость страниц. Эффективно будет внедрить практику использования фото (не карточки) и большого объемного текста (лонгриды), инфографики, поскольку технологическая база «Единого информационного окна» это позволяет. Необходимо при этом отслеживать результаты публикаций разного формата контента. В ближайшей перспективе интересно размещение видео на аккаунтах власти, для этого возможно генерировать его специалистами ЦУР на сторонних ресурсах, а в кабинет прикреплять ссылку на продукт. В долгосрочной перспективе результативно будет доработать кабинет для загрузки видео в систему и последующего его распространения. Это упростит работу администраторов госпабликов, позволит сделать ее эффективнее, что скажется на рейтингах. Публикация видео и лонгридов — перспективная практика, поскольку ЦУР обладает для этого человеческими и техническими ресурсами, а у аудитории есть запрос на разнообразный контент.

Еще вопрос, нуждающийся в проработке ЦУР — подключение всех администраторов пабликов к системе. Из 809 пабликов только 379 их представителей находятся в чате, в цифру входят и сотрудники ЦУР, поэтому количество реальных администраторов в системе меньше. По результатам наблюдения ав-

тора, не все администраторы знают о функционале кабинета. Парадокс заключается в том, что специалисты ЦУР генерируют пост специально для размещения в конкретной группе, а администратор этой группы даже не знает о существовании платформы, не упоминая уже о наличии доступа к ней и навыков, необходимых для работы.

Выводы. Работа в «кабинете редакции» упрощает деятельность администраторов, позволяя им соблюдать количественные показатели, публикуя карточки ЦУР региона. Это влияет на размещение медиатекстов на ресурсах по ключевым тематикам. Информирование о размещенных в кабинете постах происходит за счет взаимодействия кураторов и исполнителей во внутреннем чате.

Однако продукт кураторов ЦУР нуждается в доработке, поскольку он освещает не все главные события области и страны. Размещение готовых постов в системе происходит с опозданием/задержкой в среднем на три дня, что исключает возможность аудитории оперативно узнавать новости. Важно проработать вопрос с публикацией контента разных форматов, создавая видео и лонгриды для публикаций.

Технические алгоритмы и инструменты кабинета, на взгляд автора, необходимо усовершенствовать, подключив всех администраторов региона к системе, повысить их информированность о платформе и научить с ней взаимодействовать. Эффективно будет добавить возможность администраторам просматривать аналитику ресурсов без добавления функции «автоматическая публикация постов из кабинета редакции», поскольку некоторые специалисты наполняют аккаунты качественным индивидуальным контентом и не нуждаются в перечне шаблонных постов, размещенных в системе, а отслеживать статистику представляется значимым. Необходимым будет «усложнение статистики» — добавление функционала по отслеживанию показателей. Хорошо бы добавить метрики, которых нет в базовом функционале соцсетей, а будут только в «кабинете редакции», что повысит значимость платформы, а также степень касания с ней.

Автоматическая публикация постов и возникновение конфликтных из-за этого ситуаций — вопрос, требующий внимания и заинтересованности сторон.

Психологический аспект работы в кабинете нуждается «в постановке на карандаш», поскольку бездумная публикация постов из системы в долгосрочной перспективе снижает творческий и интеллектуальный потенциал медиаисполнителей, их желание быть в информационной повестке федерального и регионального уровней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каминская Т. Л. Модератор платформы общения с госорганами в медиа: взгляд на соцпроблемы из будущего в настоящее / Т. Л. Каминская, Е. А. Мариева // Жур-

налистика в эпоху цифровых трансформаций: ценности и практики. — Тамбов, 2023. — С. 189—193.

2. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации». — Режим доступа: <https://www.alta.ru/tamdoc/06fz0149/> (дата обращения: 02.06.2025).

3. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных». — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ Дата обращения: (дата обращения: 02.06.2025).

4. Федеральный закон от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28858> (дата обращения: 02.06.2025).

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 июля 2013 года № 583 «Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных». — Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/87907/> (дата обращения: 02.06.2025).

6. Постановление Правительства Новгородской области от 09.12.2016 № 426 «Об утверждении перечней информации, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»». — Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5300201612120001> (дата обращения: 02.06.2025).

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 июля 2013 года № 1187-р «Об утверждении перечня общедоступной информации о деятельности федеральных государственных органов, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных». — Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70313602/> (дата обращения: 02.06.2025).

8. Областной закон от 23.12.2010 № 900-ОЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов Новгородской области». — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=129128331&backlink=1&&nd=129020419&rdk=0&refoid=129128332> (дата обращения: 02.06.2025).

9. Кругликов С. В. Цифровые платформы как инструмент эволюции информационных коммуникаций / С. В. Кругликов, М. В. Ивашкин // Вестник Академии знаний. — 2021. — № 47(6). — С. 227—235.

10. Морозова С. С. Цифровой диалог: роль социальных медиа и цифровых платформ в коммуникации между государством и гражданином / С. С. Морозова // Креативная экономика. — 2025. — Т. 19, № 1. — С. 9—30.

11. Баранова А. Б. Технологии медиакommunikаций в политической сфере в контексте современной геополитической ситуации / А. Б. Баранова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2024. — № 3. — С. 274—281.

12. Тулупов В. В. Механизмы медиалога региональной власти и населения / В. В. Тулупов // Журналистика и общественные коммуникации в цифровом пространстве: создавая смыслы: сборник материалов. — Владивосток. — 2021. — С. 191—195.
13. Медиакоммуникации в современном мире / В. В. Тулупов, В. В. Колесникова, А. А. Золотухин [и др.]. — Воронеж, 2021.
14. Гуреева А. Н. Цифровые платформы как субъекты конфликтогенной коммуникации: особенности, эффекты, риски / А. Н. Гуреева, П. А. Киреева // Вопросы теории и практики журналистики. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 753—771.
15. Шапировский М. В. Роль цифровых сервисов во взаимодействии граждан и государства / М. В. Шапировский // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — № 47. — С. 2345—2356.
16. Вартанова Е. Л. Цифровой капитал как гибридный нематериальный капитал: теоретические подходы и практические решения в российском контексте / Е. Л. Вартанова, А. А. Гладкова, Д. В. Дунас // Вопросы теории и практики журналистики. — 2022. — Т. 11. — № 1. — С. 6—26.
17. Мариева Е. А. Медиаграмотность государственных и муниципальных служащих в контексте осмысления медиаобразовательных практик / Е. А. Мариева // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: Сборник трудов международной научно-практической конференции. — Белгород, 2024. — С. 241—249.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

*Мариева Е. А., аспирант кафедры журналистики
E-mail: marieva0123456789@gmail.com*

*Yaroslav the Wise Novgorod State University
Marieva E. A., Postgraduate Student of the Department of Journalism
E-mail: marieva0123456789@gmail.com.*

НИШЕВЫЕ МЕДИАКАНАЛЫ КАК УЗКОСЕКМЕНТИРОВАННЫЙ КОНТЕНТ ИНФОРМАЦИОННО-СМЫСЛОВЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ АУДИТОРИИ

А. Е. Миндалин

Академия медиаиндустрии

Поступила в редакцию 26 марта 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности функционирования узкосегментированного контента нишевых медиаканалов, ориентированных на удовлетворение информационно-смысловых потребностей целевой аудитории. Анализ влияния цифровых трансформаций на медиаиндустрию актуализирует проблему научного осмысления деятельности нишевых медиаканалов, как одного из ключевых факторов развития медиакommunikации и журналистики.

Ключевые слова: узкосегментированный контент, цифровые трансформации медиа, информационно-смысловые потребности, коммуникативные сообщества.

Abstract: the article examines the features of the functioning of narrowly segmented content of the of niche media channels aimed at satisfying the informational and semantic needs of the target audience. The analysis of the impact of digital transformations on the media industry actualizes the problem of scientific understanding of the activities of niche media channels as one of the key factors in the development of media communications and journalism.

Keywords: narrowly segmented content, digital transformations of media, the informational and semantic needs, communication communities.

Актуальность исследования. В отличие от традиционных средств массовой информации (СМИ), медиасистема представляет собой нечто большее, благодаря тому, что директивная, однонаправленная модель коммуникации при помощи информационно-цифровых технологий сменяется совокупностью горизонтальных связей между людьми. В отличие от жестко иерархизированных, вертикальных моделей коммуникации, горизонтальные модели в большей степени удовлетворяют принципам консолидации, согласования интересов отдельных слоев и групп населения. Об этих процессах трансформации в медиаотрасли справедливо пишет профессор Е. Я. Дугин: «Как показывают исследования ценностных ориентаций, вкусов и потребностей населения, цифровые технологии не только удовлетворяют новым требованиям динамично живущих людей, но и кардинальным образом меняют их отношение к деятельности медиасистемы <...> Человек становится со-творцом той виртуальной реальности, смыслов и образов, которые производят современные информационно-коммуникативные системы» [1, 6].

Как бы ни были велики возможности информационно-цифровых технологий по распространению информации в глобальных масштабах, современная концепция медиапотребления формируется на основе персональных предпочтений благодаря все тем же цифровым технологиям и платформам.

С помощью алгоритмов искусственного интеллекта крупнейшие медиаплатформы прогнозируют информационно-смысловые потребности пользователей. Персональные интересы пользователей включаются в узкосегментированный контент на основе анализа новостной информации, просмотренных фильмов и телевизионных сериалов. Персонализация, адресная направленность медийной продукции проявляется и в том, что создатели медиаканала, обращаясь к потребителям лично, предлагают готовые варианты телерадиопрограмм. Несмотря на имитацию удовлетворения личных интересов и потребностей со стороны разработчиков нишевой медиамодели, потребитель воспринимает продукцию с большей охотой и желанием, чем изначально запрограммированный контекст, жестко закрепленный в пространственно-временной структуре сетки теле- и радиовещания. Отобранный с помощью алгоритмов искусственного интеллекта медиапродукт приобретает характеристики личностного выбора. И в этом притягательность нишевой медиапродукции при условии, разумеется, что контент должен соответствовать ценностным ориентациям, вкусам и информационно-смысловым потребностям аудитории и максимально удовлетворять ее личностно мотивированные запросы.

Вхождение в активную фазу жизни поколения Z с присущим ему преобладанием клипового мышления актуализируется распространение коротких видеосюжетов, форматов, т.е. контента, который

требует фрагментарного, отрывочного восприятия. Отмеченные особенности формирования контента и типа его потребления приводят к вытеснению печатной продукции, взаимодействие с которой требуют сосредоточенности, погружения в текст, аналитических навыков читателей.

При сохранении тенденции к переизбытку информации, лидирующие позиции в медиасреде будут в дальнейшем занимать краткие видеоформаты с интерактивом, пользовательский контент. Уже в настоящее время телезрители предпочитают формировать собственные «пакеты» на стриминговых платформах, учитывающие их потребности и информационно-смысловые запросы. Благодаря такому подходу, стремясь учитывать зрительские предпочтения, медиакомпании объединяют теле-кинопродукцию в разнообразные проблемно-тематические блоки. Пользователю остается выбрать некоторые из них, сообразуясь со своими вкусами и ценностными ориентациями. В рамках рассматриваемых тенденций развития медиаиндустрии, и с учетом прогнозных сценариев, на рынке останутся и продолжат дальнейшее распространение нишевые медиа, в содержании которых будут превалировать научно обоснованные экспертные мнения специалистов [2].

Скрупулезно отобранный контент с помощью искусственного интеллекта, способствует созданию собственной виртуальной среды, персонифицированного пространства нового типа, личного канала медиакommunikации, что можно интерпретировать как эволюционный переход к модели активного персонализированного медиапотребления в развитии цифровой цивилизации. Рассмотренные тенденции в деятельности современной медиа индустрии в условиях цифровых трансформаций актуализирует проблему научного анализа нишевых медиаканалов, представляющих собой один из ключевых факторов развития медиасистемы и способов удовлетворения информационно-смысловых запросов, ценностных ориентаций и потребностей общества.

Важнейшим фактором, оказавшим влияние на трансформацию российской медиаиндустрии в последнее десятилетие, стало массовое распространение информационно-цифровых, компьютерно-опосредованных технологий, служащих, по мысли Э. Тоффлера драйвером *новой технологической революции* (выделено мной — А.М.) [3]. Применение информационно-цифровых технологий выдвинуло в практической постановке проблему научного осмысления новых медиаканалов коммуникации, выступающих в качестве неотъемлемой части информационно-цифровых технологий и одновременно находящихся под непосредственным их влиянием. Одним из главных результатов цифровизации можно считать не только высокое качество связи (по стационарным и по мобильным подключениям),

но, самое главное, массовая аудитория приобрела устойчивые навыки и привычки пользования новыми медиаканалами связи и коммуникации. Именно развитие информационно-цифровых технологий, которые предоставили новые возможности получения адресной информационно-смысловой продукции в соответствии с персональными запросами и ценностными ориентациями, создали условия для появления «нишевых», специализированных медиаканалов для аккумуляции и распространения информации.

Парадигму исследовательских подходов к анализу функционирования нишевых медиаканалов можно представить в виде следующих этапов и задач:

- провести анализ совокупности данных о современном медиапотреблении специализированной информации в России и в мире с целью выявить основные изменения в привычках целевой аудитории, обозначить ключевые тенденции формирования нишевых медиаканалов под влиянием информационно-цифровых технологий;

- систематизировать теоретические воззрения на понятие «нишевые медиаканалы», на методологические подходы к формированию их типологии и коммуникативных стратегий. Выявить причины возникновения «нишевых медиаканалов» и способов их влияния на специализированную аудиторию, на отдельные сегменты отрасли и на медиакommunikативную индустрию в целом;

- определить совокупность типологических признаков, характеризующих нишевые медиаканалы, ориентированные на удовлетворение информационных запросов специфических групп аудитории;

- на основе выявленной типологии построить модели нишевых медиаканалов, как наиболее распространенных субъектов медиасистемы Российской Федерации.

Практика построения типологии медиаканалов опирается на соблюдении определенных правил. Рассмотрим предложенные экспертным сообществом наиболее важные из них [4].

- Коммуникативные стратегии нишевых медиаканалов должны быть ориентированы на предоставление целевой аудитории исчерпывающих знаний по социально-значимым вопросам вместо поверхностной, фрагментарной информации о событиях, что характерно для новостных лент. Это правило эксперты формулируют в лапидарной форме «*знания, а не новости*».

- В отличие от традиционных медиаканалов, которые сами решают чье мнение имеет общественно-значимый характер и что является главной новостью для массовой аудитории, нишевые телерадиоканалы, печатные издания, блоги опираются на диалоговые форматы с «обратной связью», что позволяет в тесном со — творчестве с публикой создавать новые знания. Такие способы или приемы

получили в экспертной среде определение «комментаж» (commentage), благодаря тому, что выработка нового знания ведется совместно с аудиторией, изначально располагающей определенной суммой знаний, представлений об обсуждаемом предмете. Кроме того, аудитория всегда имеет возможность дополнить информацию, расширить объем знаний о проблеме и интерпретировать комментарии специалиста, что почти невозможно в медиаканалах «для всех». Таким образом, коммуникативные стратегии нишевого медиаканала посредством диалога с аудиторией максимально способствуют коллективному обсуждению проблемы и находят пути решения сложных социальных вопросов. Диалоговая модель взаимодействия с аудиторией обретает форму комментария, соединенного с репортажем и руководствуется правилом, которое в профессиональной среде принято называть формулой «комментаж, а не комментарий».

— В отличие от медиаканалов, ориентированных на массовую аудиторию, коммуникативные стратегии нишевых медиаканалов рассчитаны на продолжительное взаимодействие со своими читателями, зрителями и радиослушателями и потому предоставляют возможность проследить за развитием событий, за последствиями тех или иных решений, выработанных совместно с аудиторией. Функция отдельного сюжета теле-радионовостей или газетной публикации ограничивается информированием, а разработка тематического направления способствует более глубокому пониманию проблемы, что может удовлетворить запросы специалиста. Таким образом, нишевые медиаканалы руководствуются правилом «проблемно-тематический блок, а не отдельная информация», предпочитая последовательную разработку проблемно-тематических направлений, не ограничиваясь размещением отдельных, разрозненных сюжетов и новостной информации.

Выводы. Трансформации уровня и качества потребления медиaproдукции оказывает существенное влияние на формирование коммуникативных стратегий медиасистемы. Уже в настоящее время онлайн-технологии позволяют не только составлять довольно полное представление о вкусах, потребностях, ценностных ориентациях целевой аудитории, но и формировать персонализированный профиль пользователя. Как следствие, аудитория получает именно тот контент и такие конкретные предложения, которые соответствуют их интересам и удовлетворяют самым разнообразным

запросам потребителей. По мере совершенствования информационно-цифровых технологий будет нарастать тенденция к дальнейшему формированию индивидуализированных каналов получения информации. Таким образом, «очевиден грядущий расцвет «нишевых» продуктов» (выделено мной — А.М.), создающихся с учетом небольших аудиторных групп» [5, 54]

В настоящее время нишевые медиаканалы все в большей мере приобретают функции площадок для распространения медиапроизведений, создаваемых представителями коммуникативных сообществ, блогерами, влогерами, пользователями социальных сетей. Оборудование для производства авторского контента становится все более доступным. Например, в современных смарт-телефонах установлена оптика с высокой разрешающей способностью по качеству не уступающая профессиональной, что позволяет обычному пользователю создавать видео, вполне пригодное для показа на телеэкранах. На базе нишевых каналов коммуникации возникает сегмент UGC-контента (*User Generated Content*)¹, который по значимости и содержательной наполненности может быть отнесен к премиум-контенту.

По мере совершенствования информационно-коммуникативных технологических инноваций и нарастания тенденции к персонализации медиапотребления можно прогнозировать дальнейшее развитие узкосегментированного контента информационно-смысловых потребностей аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дугин Е. Я. Медиаиндустрия в условиях цифровых трансформаций / Е. Я. Дугин. — М., 2021.
2. Ластовский В. Стартап — это осознанный шаг в неизвестность / В. Ластовский. — Режим доступа: <https://gipp.ru/overview/mneniya-ekspertov/vladimir-lastovskiy-startap-eto-osoznannyi-shag-v-neizvestnost/> (дата обращения 11.02.2025).
3. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. — М., 2004.
4. Юмэйр Хэк. Манифест нишевых газет / Юмэйр Хэк. — Режим доступа: habr.com/ru/post/288180/ (время обращения 2.09.2024)
5. Индустрия российских медиа: цифровое будущее. — М., 2017.

¹ UGC-контент — пользовательский контент, любые публикации аудитории того или иного сообщества, бренда, компании и т.д. К этому виду контента можно отнести любую активность интернет-пользователей: комментарии, отзывы, фото с продуктом, видео, сторис и т.п.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО РАДИОВЕЩАНИЯ НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Сухроби Мирзоали

Таджикский национальный университет

Поступила в редакцию 15 мая 2025 г.

Аннотация: в статье рассматривается история возникновения, развития и особенности персоязычных радиостанций. Установлено, что персоязычные радиостанции мира состоят из радиостанций персоязычных стран, международных персоязычных радиостанций, персоязычных радиостанций отдельных стран или организаций и этнических радиостанций (персоязычных иммигрантов).

Ключевые слова: персидские радиостанции, BBC, Радио «Свобода», «Спутник», Голос Америки, Радио «Фардо», Международное радио Китая, Международное радио Японии, таджикский, персидский, дари.

Abstract: the article examines the history, development and features of Persian-language radio stations. It was found that Persian-language radio stations in the world consist of radio stations of Persian-speaking countries, international Persian-language radio stations, Persian-language radio stations of individual countries or organizations and ethnic radio stations (Persian-speaking immigrants).

Keywords: Persian radio stations, BBC, Radio Liberty, Sputnik, Voice of America, Radio Fardo, China Radio International, Japan Radio International, Tajik, Persian, Dari.

Международные радиостанции занимают видное место в информационном пространстве персоязычных стран. Кроме того, сверхдержавы, некоторые страны и организации хотят иметь большее влияние на территориях, населенных носителями персидского языка, и в то же время оказывать свое влияние на формирование мнений носителей персидского языка во всем мире. Среди международных радиостанций BBC Radio первой открыла службу на персидском языке. Позднее появились и другие зарубежные и международные радиостанции на персидском языке. Персоязычные радиостанции по всему миру можно разделить на следующие типы:

1. Радиостанции персоязычных стран
2. Международные персоязычные радиостанции
3. Персоязычные радиостанции отдельных государств или организаций
4. Персоязычные иммигрантские радиостанции

Радиостанции в персоязычных странах включают Иран, Таджикистан и Афганистан. Радиостанции этих стран транслируют программы на персидском языке для внешнего мира, стремясь познакомить носителей этих стран с исторической родиной, наладить связи с соотечественниками за рубежом и защитить национальные ценности и интересы. Например, в Исламской Республике Иран программы ведутся на 35 языках, включая персидский и дари. Радио также транслирует программы на иврите для евреев. Радиовещание в Иране началось в 1926 году, а его русскоязычное отделение было создано в 1946 году. «Иранское отделение за-

рубежного вещания официально начало свою деятельность в 1956 году» [1]. Радиовещание в Таджикистане официально началось 10 апреля 1930 года. Зарубежное радиовещание Таджикистана началось 16 октября 1949 года на языках дари и персидском с Отдела иностранных программ Радио Таджикистана и в настоящее время продолжается под названием радиостанции «Овози таджика», которая ежедневно транслирует передачи на 8 языках. Радиовещание в Афганистане началось в 1925 году на языках пушту и дари, а в 1931 году программы транслировались также на английском, французском и индийском. Зарубежное радиовещание Афганистана официально началось в 1951 году и велось на урду, дари, пушту, английском, французском, немецком, русском и арабском языках. В мае 1987 года коммунистическая радиостанция «Голос иранских трудящихся» начала вещание на персидском языке из Афганистана в Иран. «В 1997-1998 годах в Афганистане действовала радиостанция «Голос свободного Таджикистана», которая принадлежала таджикским оппозиционным группам и транслировала программы для Таджикистана на таджикском и русском языках» [2].

Основа **международных персоязычных радиостанций** была заложена во время Второй мировой войны. Великобритания «28 декабря 1940 года» [3, 13] начала трансляцию своих программ на персидском языке через радио BBC. Советский Союз начал вещание на страны Ближнего и Среднего Востока 23 июня 1941 года. Первые пятнадцатиминутные программы Радио Москвы состояли из новостей Совинформбюро. Причина, по которой Советский Союз и Великобритания сосредоточили свое внимание

на Иране, заключалась в том, что нацистское руководство Германии пыталось использовать эту территорию против них. Ситуация изменилась в сентябре 1941 года, когда Великобритания взяла под свой контроль южную, а СССР — северную часть Ирана, не дав Германии возможности проникнуть туда. «В этот период объем персидских программ на Радио Москвы был увеличен до одного часа, содержание которых состояло из материалов Совинформбюро [4]. Объем персидских программ на Радио Москвы позднее был увеличен до 3 часов в день, а во время Исламской революции в Иране эта радиостанция вела пропаганду против иранского королевского правительства и США. Программы Радио Москвы для Афганистана начались на языке пушту в 1957 году, а в апреле 1967 года были добавлены программы на дари.

После окончания Второй мировой войны вопрос подчинения Ирана и Афганистана своему влиянию стал для сверхдержав весьма актуальным, и пропаганда среди персоязычных народов в этом направлении расширилась. Великобритания и США проявили большую активность в этом вопросе. Некоторые международные радиостанции открыли службы на таджикском, дари и персидском языках, но некоторые открыли только персидскую службу.

За 82 года своего существования персидская служба BBC стала одним из самых любимых СМИ для носителей персидского языка, но официально была закрыта 31 марта 2023 года. Всемирная служба BBC сообщила, что закроет свои персидские и арабские радиостанции, чтобы сэкономить 28,5 млн. фунтов стерлингов (35 млн. долларов США) в год. В настоящее время персидская служба телевидения BBC, ее веб-сайт и аккаунты широко представлены на различных платформах.

Исследователь М. Мукимов на основе многолетних исследований Радио Свободная Европа/Радио Свобода, Радио Свободная Азия, Голоса Америки и других пропагандистских средств массовой информации США пришел к выводу, что государство «ведет широкомасштабную информационную войну на 61 национальном языке и в 125 странах мира» [5].

«Голос Америки», «Радио Свобода», «Радио Свободный Афганистан» и «Радио Фардо» входят в число американских СМИ, которые вещают на таджикском, дари и персидском языках в Иране, Афганистане и Таджикистане и работают под надзором Агентства США по глобальным медиа (USAGM). В настоящее время «Голос Америки» круглосуточно и без выходных ведет пропаганду против Исламской Республики Иран через телеканал «Голос Америки 365» (VOA 365).

«Радио Свобода» является вторым персоязычным СМИ в США после «Радио Фардо» на персидском языке и «Радио Свобода» на таджикском языке. «В декабре 2002 года персидская служба совместно с радио «Голос Америки» основала радиостанцию

«Радио Фардо» для Ирана. В начале 2002 года «Радио Свобода» начало транслировать свои программы на Афганистан в поддержку вооруженных сил США [5]. «Радио Свободный Афганистан» действует с 2002 года.

«Радио Фардо» круглосуточно транслирует новости, музыку и аналитику Исламской Республики Иран. Эта радиостанция освещает политические, экономические, социальные и культурные темы, транслирует программы об искусстве, спорте и музыке, а также имеет страницу в социальных сетях.

Руководство «Радио Фардо» гордится популярностью этого средства массовой информации и называет его «мировым персоязычным средством массовой информации» [6, 281].

Радио *Sputnik* из Российской Федерации предлагает радиопрограммы и мультимедийный контент на персидском, дари и таджикском языках на различных платформах. «Спутник» является преемником «Радио Москвы» и «Голоса России». Эта радиостанция имеет мультимедийные веб-сайты и сталкивается с серьезной конкуренцией со стороны американских радиостанций. Персидский сайт радио *Sputnik* разделен на два основных раздела — Иран и Афганистан. Его таджикский веб-сайт работает на кириллице. Радио «Спутник» прилагает все больше усилий для укрепления связей с Исламской Республикой Иран, Республикой Таджикистан и Афганистаном и содействует этому в своей деятельности.

Службы на персидском языке также доступны на *China Radio International*, *NHK World Radio Japan*, *France Media Monde* и *Deutsche Welle*. Правительства Китая и Японии все активнее продвигают свои страны, культуру и экономику через свои международные радиостанции и хотят улучшить отношения с другими странами, включая персоязычные страны.

Персоязычные радиостанции отдельных государств или организаций. Наряду со сверхдержавами некоторые страны создали персидские службы на своих радиостанциях. Такие радиостанции используются для пропаганды среди персоговорящих, представления страны и продвижения политики отдельных государств для персоговорящих. Соперничающие государства также ведут информационную войну против носителей персидского языка с помощью таких радиостанций. Среди персоязычных стран Иран чаще всего подвергается подобным информационным атакам. Примером этого является персидскоязычная радиостанция в Израиле.

Радиовещание на персидском языке началось в Израиле в 1949 году [7], а на таджикском диалекте бухарских евреев — в 1975 году. Персидская служба Израильского радио работает с мая 1957 года. Израильское государство ведет активную информационную войну против Ирана посредством радио. В связи с этим на израильском радио все чаще предоставляется слово противникам иранского правительства.

В условиях военного конфликта между Ираном и Израилем пропаганда на этой радиостанции усилилась, широко распространяется предвзятая информация.

За исключением персидского службы, Израиль прекратил вещание иностранных радиостанций на других языках на коротких волнах в 2013 году и уничтожил коротковолновые антенны в середине мая 2017 года. Радиостанция «Голос Израиля» вещала из центра Явне, города недалеко от Тель-Авива. В настоящее время Израиль возобновил зарубежное радиовещание на средних волнах из города Явне. «Галей Цахаль» («Волны ЦАХАЛА»), — радиостанция вооруженных сил страны — Армии обороны Израиля — ЦАХАЛА с началом нового 2024 года снова вещает на средних волнах, и в этом случае сразу на двух частотах — на основной — 1287 кГц (с мощностью в 100 кВт), на которой станция прекратила вещание в 2005 году, и 945 кГц — на которой «Галей Цахаль» также вещал в более раннем прошлом» [8].

Еще одной страной, которая ведет пропаганду для персоязычных национальностей, является Турция. 18 мая 2015 года начал работу международный канал TRT World. «По состоянию на январь 2022 года TRT будет вещать на 41 языке, включать 18 национальных и международных телеканалов, 19 радиостанций и цифровые новостные платформы» [9]. TRT имеет собственный веб-сайт в Интернете www.trt.net.tr на турецком и других языках.

Государственная Турецкая радио и телевещательная сеть официально запустила вещание на персидском языке во вторник, 17 декабря 2024 года. Генеральный директор TRT Зохид Собачи подчеркнул важность персидского языка в расширении культурных и региональных связей. Он заявил, что «персидский TRT стремится укрепить отношения между турками и носителями персидского языка, выступая в качестве надежной платформы» [10].

Хотя целью создания персидского телевидения считается установление общих культурных связей, расширение взаимопонимания и сотрудничества, на самом деле Турция хочет расширить свою военную и экономическую мощь, восстановить бывшие земли Османской империи и усилить свое влияние в Иране, Афганистане и Центральной Азии. Персидское телевидение будет служить Турции в достижении этих целей.

Армения тоже одна из стран, запустивших радиовещание на персидском языке. «В начале своего существования (1920-1930-е годы) Ереванское радио транслировало передачи на армянском, русском и турецком языках, а также частично на курдском [11]. Помимо армянского, в настоящее время Армянское общественное радио вещает на 14 языках, включая персидский и курдский. Сайт Общественного радио Армении также активен на персидском языке и имеет отдельный раздел под названием «Иран», где публикуются все события в Иране и сотрудничество

с этой страной. У Армении и Ирана хорошие отношения, и армянская сторона пытается укрепить эти связи посредством персидского радио.

Первое зарубежное вещание «Радио Баку» началось 20 июля 1941 года. До 1980-х годов объем зарубежных программ из Баку составлял примерно шесть часов в сутки, из которых 45 минут приходилось на персидские программы. Примерно в 2018 году вещание радиостанции «Голос Азербайджана» на средних волнах было прекращено, и радиостанция осталась только на спутнике и в интернете.

Помимо радиостанций в отдельных странах, религиозные организации также создали радиостанции для носителей персидского языка. Примером религиозной радиостанции является Persian World Radio. Христианская организация Mission Network News (MNN) основала Persian World Radio [12]. Это радио — онлайн-радиостанция на персидском языке, ориентированная на слушателей в Иране, Афганистане и Таджикистане. Эта сеть транслирует религиозные и музыкальные программы. У Persian World Radio есть веб-сайт на английском, персидском, турецком, афганском и таджикском языках, на котором размещены в основном радиоподкасты. В 2017 году Trans World Radio (TWR) (христианская евангельская радиостанция) выпустила в Стамбуле свою первую программу «Надежда женщин» для иранских женщин. Формирование Персидского спецотдела началось в 2017 году. В 2020 году в городе Ялова на северо-западе Турции была открыта первая студия этой радиостанции. В 2021 году эта студия переехала в Анкару. С началом сотрудничества Всемирного радио Персии и Христианского радио в Турции активность этой радиостанции возрастает. «В 2023 году в Анкаре открылась новая студия. После начала сотрудничества с Petra Media Radio радиостанция увеличила объем рекламных материалов, перешла к производству видеоконтента и созданию страниц в социальных сетях» [13].

Радиостанции иранских иммигрантов. Миграция персоязычного населения по всему миру усилилась в середине XX века во время Исламской революции в Иране, многолетних войн в Афганистане и постсоветской ситуации в Таджикистане. Персоязычные общины создавались в странах Европы, США, Канаде, России и других странах. Чтобы сохранить свои национальные традиции и самобытность, эти общины и отдельные лица предприняли шаги по созданию прессы, радио и телевизионных станций. В то же время страны, принимающие мигрантов, содействовали созданию этнических СМИ для дальнейшего укрепления своего правопорядка и содействия интеграции мигрантов в эти общества. «Под этнокультурными медиа мы понимаем СМИ, адресованные национальным и этническим меньшинствам (этнические, иммигрантские, диаспоральные, иноязычные медиа)» [14].

В настоящее время радиостанции для персоязычных иммигрантов созданы за пределами стран их изначального проживания. Подобные радиостанции действуют в Австралии, Канаде, США и других странах. В частности, в Австралии действуют персоязычные иммигрантские радиостанции.

Ассоциация этнического вещания Квинсленда, известная как *Radio 4EB*, является общественной вещательной компанией, базирующейся на юго-востоке Квинсленда. Радиостанция *4EB* вещает с декабря 1979 года. «14 мая 2011 года Радио *4EB* запустило цифровой канал *GLOBAL*, который фокусируется на мировой и традиционной музыке, на новых релизах на разных языках, а также на многоязычных и англоязычных новостных программах» [15].

Персидская группа начала вещание на Радио *4EB* 12 июля 1991 года. На частоте 98,1 FM через Радио *4EB* транслируются программы «Мано Бешно» и «Навои Дил», а в глобальной сети этой радиостанции вещают «Радио Чакома» и «Радио Мехрбону» на персидском языке.

Радиопрограмма «Мано Бешно» выходит в эфир каждый вторник в 20:00 и ее создает группа друзей. В программе обсуждаются самые разные темы, включая важные новости прошедшей недели, спортивные события, науку, политические и культурные темы, поэзию и литературу, рецензии на книги, обсуждения выставок и различных мероприятий в городе Брисбен, а также представляются музыкальные произведения и детские рассказы. Кроме того, по различным медицинским вопросам они регулярно приглашают на свою программу экспертов и врачей из Брисбена, чтобы предоставить лучшие консультации персоязычным иммигрантам.

«Навои Дил» — еще одна программа на Радио *4EB*. Эта программа основана на персидских культурных верованиях и пропаганде морали, мудрости, этики и прав человека. Каждая программа охватывает вопросы здравоохранения, научных открытий, литературы, технологий, искусства, музыки, кино, истории и английской грамотности.

Редакторы Ситора Мотиян, Марьям Кия, Парвин Азими, Парвона Мадихи, Хамид Риохи, Ромин Аттарион, Насрин Мовахид, Шахрзод Кошани, Шахло Пагутан, Аида Алихошим, Вохид Амири, Саид Табатабои, Парвона Бирак, Джавад Рагиб, Муджтаба Безантан и Пеймон Некназар внесли свой вклад в подготовку этой программы.

«Паём» представляет собой информационно-просветительскую программу, которая выходит в эфир каждую вторую пятницу. Эта персидская программа состоит из пяти основных важных разделов, включая: путешествия, новости, развлечения, информацию и образование. «Хамсафари» состоит из новостей общественного и политического характера и может включать внутренние, местные и международные новости. Также будут представ-

лены новые песни, комедии и интервью. Программы «Мано Бешно» и «Навои Дил» также размещают свои подкасты на этом сайте.

Радиостанции «Чакома» и «Мехрбону» имеют глобальный статус в системе *4EB Radio*, то есть они рассчитаны на широкую аудиторию. Радио «Мехрбону» было основано с целью обсуждения и анализа вопросов, связанных с женщинами. Данная радиопрограмма не имеет цели создания гендерной дискриминации. Она также не поддерживает никакие социальные движения, такие как феминизм. Несмотря на это, Радио «Мехрбону» стремится продемонстрировать достижения и успехи женщин. Радио «Мехрбону» с многозначительной фразой «женские голоса» [16] выпускает материалы о женщинах.

Эта радиопрограмма была запущена в конце 2015 года по инициативе Вахида Фозила и официально начала вещание в январе 2016 года. С тех пор она непрерывно выпускает часовую программу на персидском языке по вторникам.

Каждый понедельник в 22:00 на радиостанции *4EB Ethnic Radio* транслируется радиопрограмма персидской группы «Чакома». В этой программе слушателей будут развлекать стихи поэтов. Программа пытается объяснить слушателям некоторые смыслы и идеи стихотворений. Они также предоставляют слушателям интересную музыку, статьи и книги на персидском языке.

За последние сто лет значительно расширилось создание средств массовой информации для иностранных слушателей, особенно персоязычных. Теперь не только увеличилось количество средств массовой информации, но и с каждым годом увеличивается объем радио и телепрограмм, а также контента через Интернет и другие платформы. В настоящее время более 20 стран транслируют радио, телевизионный и онлайн-контент для носителей персидского языка. Между тем, некоторые страны, такие как Саудовская Аравия и Израиль, обвиняются в тайном финансировании персидских новостных агентств.

В результате проведенного нами исследования мы пришли к выводу, что в XXI веке конкуренция за влияние на персоязычные нации через международные и зарубежные радиостанции, а также через различные интернет-платформы и другие средства коммуникации расширилась как никогда ранее и стала важнейшим сектором международной пропаганды для сверхдержав и других государств. Международные персоязычные радиостанции США и Великобритании в основном занимаются ведением информационной войны и пропагандой среди персоязычного населения, в то время как деятельность международных радиостанций России, Китая, Японии и Армении направлена на представление своих достижений персоязычному населению и укрепление связей с этими странами. Борьба за захват ин-

формационного пространства персоязычных стран и промывание мозгов персоязычному населению по всему миру продолжается, и такие страны, как Израиль и Турция, а также США, стали более активными в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pars Today. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Pars_Today (дата обращения: 01.01.2025).
2. Радио Афганистана, в том числе на русском, и афганское телевидение. — Режим доступа: <https://portalostanah.ru/view.php?id=400> (дата обращения: 01.01.2025).
3. Муким Дж. Радиои Би-би-си: дируз ва имруз = Радио Би-Би-Си: вчера и сегодня / Дж. Муким. — Душанбе, 2006.
4. Вещание «Московского радио» на страны Ближнего и Среднего Востока в советский период. — Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15616827_25162179 (дата обращения: 12.01.2025).
5. Муким Дж. Расонаҳои джаҳонии тарғиботи ИМА = Глобальные пропагандистские СМИ США / Дж. Муким. — Режим доступа: <https://jovidmuqim.wordpress.com/2022/01/10/расонаҳои-джаҳонии-тарғиботи-има> (дата обращения: 17.01.2025).
6. Мукимов М. А. Радиои «Фардо» тарғибгари сиёсати ИМА = Радио «Фардо» — пропагандист политики США / М. А. Мукимов // Вестник Таджикского национального университета. Филологии. — Душанбе, 2020. — № 2. — С. 281-287.
7. РЭКА. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/РЭКА> (дата обращения: 15.02.2025).
8. Израиль вернулся на средние волны. — Режим доступа: <https://obob.tv/sobytiya/izrail-vernulsya-na-srednie-volny/> (дата обращения: 16.03.2025).
9. Корпорация турецкого радио и телевидения. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Корпорация_турецкого_радио_и_телевидения (дата обращения: 16.03.2025).
10. Rahmati F. TRT Turkey launches Persian-Language Service for global audience December 18, 2024. = TRT Turkey запускает персидскоязычный сервис для мировой аудитории 18 декабря 2024 г. / F. Rahmati. — Режим доступа: <https://www.khaama.com/trt-turkey-launches-persian-language-service-for-global-audience/> (дата обращения: 01.04.2025).
11. Общественное радио Армении. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Общественное_радио_Армении (дата обращения: 01.04.2025).
12. Zeller K. TWR launches Persian World Radio [Electronic resources] = TWR запускает Персидское всемирное радио / K. Zeller. — Режим доступа: <https://www.mnnonline.org/news/twr-launches-persian-world-radio/> (дата обращения: 01.04.2025).
13. Таърих = История. — Режим доступа: <https://persianworldradio.com/taj/تاریخ> (дата обращения: 01.04.2025).
14. Смолярова А. С. Функциональное своеобразие этнокультурных медиа / А. С. Смолярова. — Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/1568#:~:text=Под%20этнокультурными%20медиа%20мы%20понимаем,ДжонсонBD47> (дата обращения: 03.04.2025).
15. History of 4EB. = История 4EB/ — Режим доступа: <https://www.4eb.org.au/the-story-of-4eb/> (дата обращения: 01.04.2025).
16. About = О нас/ — Режим доступа: https://www.4eb.org.au/?post_type=page&p=1332 (дата обращения: 01.04.2025).

*Таджикский национальный университет
Сухроби Мирзоали, кандидат филологических наук, доцент
кафедры международной журналистики
E-mail: suhrobjsm@mail.ru*

*Tajik national university
Suhrobi Mirzoali, Candidate of Philology, Associate Professor
of the International Journalism Department
E-mail: suhrobjsm@mail.ru*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «КИНО» В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ К/Ф «МОСКВА СЛЕЗАМ НЕ ВЕРИТ»)

А. Н. Мищенко, Н. А. Сегал

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Поступила в редакцию 10 июля 2025 г.

Аннотация: обращение к сфере «Кино» как источнику прецедентности обусловлено тем, что кинематограф обладает высоким прагматическим потенциалом и занимает особое место среди других средств массовой коммуникации, о чем свидетельствуют многократные обращения в текстах СМИ к названиям кинофильмов, именам персонажей, цитатам, которые уже стали крылатыми.

Ключевые слова: прецедентные феномены, массовое сознание, прагматический потенциал, сфера-источник «Кино», медиадискурс, медиатекст.

Abstract: online newspapers and magazines, websites of news agencies became the source of the factual material. The appeal to the field of «Cinema» as a source of precedent is due to the fact that cinema has a high pragmatic potential and occupies a special place among other mass media, as evidenced by the repeated references in media texts to movie titles, character names, quotes that have already become famous.

Keywords: precedent phenomena, mass consciousness, pragmatic potential, the source sphere of «Cinema», media discourse, media text.

На сегодняшний день СМИ выполняют не только информативную функцию, освещая актуальные события, но и прагматическую, воздействуя на массовое сознание и формируя ценностные ориентиры у определенного представителя лингвокультуры. С этой целью СМИ используют различные языковые средства, повышающие выразительность и экспрессивность предлагаемых читателям материалов, одними из которых являются прецедентные феномены, которые, по мнению Н. В. Баско, «несут в себе культурные, исторические, этнические и научные знания о мире» [1]. Отмечая высокую значимость прецедентных единиц в текстах СМИ, А. С. Драпалюк определяет их как «единицы, концентрирующие в себе культурную и историко-литературную память. Они — неотъемлемая часть того сообщества, в котором творит индивид и которое характеризуется определенной национальной и лингвокультурной общностью» [2]. Как подчеркивает М. Н. Крылова, «развивавшаяся веками история, культура, литература создали такой значительный культурный фундамент, без опоры на который не может существовать ни одно вновь создаваемое высказывание (произведение)» [3].

Цель предлагаемой статьи заключается в выявлении семантико-прагматического потенциала прецедентных феноменов со сферой-источником «Кино» в текстах русскоязычных СМИ на примере к/ф «Москва слезам не верит» как составляющей русской языковой картины мира.

В лингвистической науке основой понимания термина «прецедентный текст» принято считать определение Ю. Н. Караулова, который в своей книге «Русский язык и языковая личность» обозначил, что под прецедентными следует понимать тексты, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4]. Ввиду данного мнения, прецедентный текст всегда вторичен, это аллюзия к уже известному ранее факту культуры (произведению, названию, лицу и т.д.), некое сравнение с классическим образцом, условным сопоставлением с ним. Зачастую прецедентный текст состоит из нескольких смысловых компонентов, которые могут по-разному использоваться в тексте вторичном, актуализируя один из них в зависимости от цели автора-журналиста. По мнению ученых, с целью информирования и воздействия наиболее приоритетным является использование прецедентных феноменов в трансформированном виде, среди которых выделяют сокращение компонентного состава, расширение компонентного состава путем присоединения определений, а также расширение лексического значения за счет изменения денотативного содержания, появляющегося в процессе функционирования в новой среде.

Популярность прецедентных феноменов со сферой-источником «Кино» в текстах русскоязычных СМИ, особенно из области советского кинематографа, можно объяснить следующим. Во-первых, большинство имен, цитат или названий из отечественного кино «на слуху» практически у каждого представителя русской лингвокультуры и могут быть известны даже тем, кто не видел фильм. Во-вторых, частотное обращение к прецедентным феноменам из советского периода свидетельствует о культурной памяти, так как для многих этот период остается существенным и значимым. В-третьих, большинство советских фильмов содержат простой сюжет, транслируют нравственные ценности, показывают бытовые проблемы, характерные для многих, что легко воспринимается, а цитаты становятся крылатыми и переносятся в другие сферы-источники, приобретая прецедентный характер.

Перейдем к анализу выявленных в процессе отбора прецедентных единиц, источником которых послужило кино, в частности советский кинофильм «Москва слезам не верит» с конкретными примерами употребления различных прецедентных единиц в текстах русскоязычных печатных СМИ.

Премьера кинофильма Владимира Меньшова «Москва слезам не верит» на телевидении состоялась еще в 1979 г. Накануне выпуска фильма просмотр киноленты устроили для первых лиц государства, которую высоко оценил Леонид Брежнев. Затем в 1980 г. фильм об истории трех подруг, приехавших покорять столицу, вышел в широкий прокат и сразу же стал лидером по просмотру — около 90 млн. зрителей. Спустя год фильм «Москва слезам не верит» был удостоен премии «Оскар» в номинации «Лучший фильм на иностранном языке». Однако и сейчас данная советская кинолента не теряет популярности, многие знают персонажей по их известным цитатам и используют их как в повседневной жизни, так и на страницах периодических изданий, так как в фильме присутствует и чувство юмора, и романтический характер, и ощущение атмосферы советской эпохи.

Среди прецедентных феноменов, использующихся в текстах отобранных русскоязычных СМИ, в первую очередь следует рассмотреть непосредственно название киноленты «Москва слезам не верит».

Прецедентная единица «Москва слезам не верит» используется в нескольких вариантах актуализации семы, где ключевая роль отводится семе *Москва*. Так, находим пример использования в прямом значении — название кинофильма, который запрещен к трансляции в другом государстве из-за политических разногласий: *Украина запретила Москву, которая не верит слезам* (РИА Новости, 31.05.2021). Данная трансформация (перестановка слов в названии киноленты) иронично описывает действия Украины, которая по-разному высказывает свое отношение к политике России, а лексема *Москва*

расширяет свой коннотативный фон — от названия кино до всего государства со столицей в Москве.

Главной также выступает семантика столицы в качестве собирательного образа политической власти России: **«Москва слезам не верит»**: *Порошенко отчитал политиков за встречу с Медведевым. Пётр Порошенко, президент Украины: «Что они поехали туда вымаливать, какие экономические интересы, что они со слезами на глазах, протянув руку, поползли на коленях и просили у Путина? Хочу напомнить всем: Москва слезам не верит»* (НТВ, 23.03.2019). В этом ключе наблюдается многократное использование прецедентной единицы в текстах СМИ с целью указания на непоколебимость принятых решений и четкой позиции России в решении международных вопросов: **Москва словам не верит**. *Политолог Александр Ведрусов о перспективах российско-американского диалога в режиме управляемой конфронтации* (Известия, 08.12.2021).

В прецедентном высказывании «Москва слезам не верит» собирательным образом служит Москва как народ России, который отдал предпочтение на выборах В. В. Путину: **Москва слезам не верит, но поверила в Путина**. *Выборы президента РФ закончились победой Владимира Путина. Как отмечает грузинский телеканал, выступая на Манежной площади по случаю победы на выборах новоизбранный Путин от радости пустил слезу перед многотысячной аудиторией, в то время как часть оппозиции отказалась признавать легитимность выборов и начала активно выкладывать видео с массовыми нарушениями на участках* (<https://russian.rt.com>, 05.03.2012). Приведем еще один пример с похожей семантикой: **Москва слезам не верит, но страна голосует за Путина** (Нижегородская правда, 07.03.2012). Данные контексты актуализируют обе семы — *Москва* и *слезы*, так как на выборах президента РФ в 2012 г. Владимир Путин получил более 63% голосов избирателей, что заставило его проронить слезу. Сема *слезы* довольно продуктивна в медиатекстах, так как либо буквально, либо в переносном смысле подчеркивает плачевный характер ситуации: **Москва слезам не верит**. *Политолог Киселев: «Не верьте слезам Хойсена, переговоры с США будут трудными. Россия не должна строить ложных надежд из-за критики, которой вице-президент США Джей Ди Вэнс подверг Евросоюз во время Мюнхенской конференции по безопасности, чем довел руководителя мероприятия Кристофа Хойсена до слез»* (Царьград, 18.02.2025).

Интересными представляются контексты, в которых происходит расширение компонентного состава прецедентной единицы за счет включения адъектива, вносящего дополнительную коннотацию: **Москва не верит крокодиловым слезам Зеленского по убитым солдатам ВСУ** (Полит Навигатор, 07.06.2019). Устойчивое выражение *крокодиловы*

слезы в лексикографических источниках определяются как «лицемерные слезы, притворное сожаление; применяется к людям, притворяющимся сильно огорченными несчастьем кого-либо, кому они сами готовят гибель» [5]. Как показано в примере, эта семантика характерна для современного политикума и частотна в текстах СМИ для описания взаимоотношений России с другими государствами: **«Москва слезам не верит»**. Особенно крокодиловым слезам Трампа (Регнум, 03.12.2024). Кроме устойчивых сочетаний для расширения состава, а следовательно — и смысла, используется «тематический» компонент, связанный с содержанием публикации: **Москва не верит европейским слезам**: Мария Захарова о «народной дипломатии» ЕС и Борреля (The Moscow Post, 09.02.2022); **Москва не верит европейским слезам** о возврате Крыма Украине (Парламентская газета, 10.07.2017). Данные примеры акцентируют внимание на отрицании (не верит), отличающимся от исходной формулировки прецедентного высказывания.

Нередкими случаями в медиатекстах становятся трансформации посредством замещения одного из компонентов прецедентного феномена как из одной предметной области, так и из разных: наименование города Москва на фамилию политического лидера: **Трамп слезам палестинцев не верит** (<https://haqqin.az>, 05.02.2025) либо существительного «слезам» на «обещания», «словам»: **Москва обещаниям не верит** (Орская хроника, 18.04.2012); **Почему Москва словам не верит**. Опубликованные документы проливают свет на вопрос, обещала ли НАТО не расширяться на восток (Известия, 13.01.2018).

Интересным фактом представляется аллюзия к киноленте не только в заголовке, но и в самом контексте: **Лукашенко слезам не верит**: президент Белоруссии ответил ЕС цитатой из киноклассики: «Если готовы, — пожалуйста, помогите нам в этом плане. Как у нас говорят, не учите нас жить, а помогите материально», — рассказал Лукашенко, удачно изменив цитату из фильма «Москва слезам не верит» (Правда.ру, 11.02.2021).

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Мищенко А. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и общего языкознания

E-mail: anutik-anutik18@mail.ru

Сегал Н. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русского и общего языкознания

E-mail: natasha-segal@mail.ru

Вывод. В настоящем исследовании рассмотрены лишь некоторые примеры прецедентных единиц со сферой-источником «Кино», которые были обнаружены в ходе анализа иллюстративного материала на примере кинофильма «Москва слезам не верит». Данные примеры позволяют заключить, что большую часть прецедентных единиц составляют единицы, относящиеся к кинематографу, с изменением семантики либо расширением коннотативного фона, что при удачном использовании и правильно подобранном контексте вызывает интерес читателя. Отмечается, что исследуемые прецедентные единицы обладают высоким прагматическим потенциалом и занимают особое место среди других средств массовой коммуникации, о чем свидетельствуют многократные обращения в текстах СМИ к названиям кинофильмов, именам персонажей, цитатам, ставших крылатыми. Перспективой дальнейшего исследования является изучение особенностей функционирования прецедентных единиц со сферой-источником «Кино» в текстах русскоязычных СМИ на примере других кинолент из советского кино или иных жанров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баско Н. В. Прецедентные тексты из сферы «Кино» в российских СМИ: лингвистический и методический аспекты / Н. В. Баско // Лексикология и лингводидактика. — 2020. — № 4. — С. 393—403.
2. Драпалюк А. С. Прецедентные ситуации, отражающие исторические события, в современной немецкой и русской прессе / А. С. Драпалюк // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2008. — № 2 (26). — С. 135—138.
3. Крылова М. Н. Прецедентные ситуации в образной системе современного русского сравнения / М. Н. Крылова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета, 2014. — № 3. — С. 50—54.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М.: Изд-во ЛКИ, 2010. — 264 с.
5. Ашукин Н. С. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина, 1955. — 667 с.

V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Mishchenko A. N., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Russian and General Linguistics Department
E-mail: anutik-anutik18@mail.ru

Segal N. A., Doctor of Philology, Professor of the Russian and
General Linguistics Department
E-mail: natasha-segal@mail.ru

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СФЕРЕ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

И. С. Мищенко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 26 октября 2025 г.

Аннотация: В статье рассмотрена роль конкурсов и премий в развитии профессиональных коммуникаций в сфере СО на примере двадцатилетней премии в области развития общественных связей RuPoR.

Ключевые слова: связи с общественностью, профессиональные коммуникации, конкурс, проект, премия.

Abstract: This article examines the role of competitions and awards in the development of professional communications in the field of public relations, using the example of the twenty-year RuPoR Public Relations Development Award.

Keywords: public relations, professional communications, competition, project, award.

Устойчивый конкурс с открытой экспертизой, публичной защитой и тиражированием лучших практик выступает драйвером развития профессиональных коммуникаций, способствует стандартизации планирования и оценки СО-деятельности, консолидации профессионального сообщества и интеграции региональных практик в национальную повестку. Опираясь на положение о премии, организационные публикации для участников, статистику двадцатой премии, а также современные исследования в области связей с общественностью и проведения конкурсов и премий различной направленности, в том числе, в историческом дискурсе, автор поставил целью выявить и описать механизмы влияния премии RuPoR на развитие профессиональных коммуникаций в PR-индустрии, сформулировать практические рекомендации для организаторов, участников и партнеров профессиональных конкурсов и премий.

Актуальность темы обусловлена ростом роли стратегических коммуникаций в условиях цифровой фрагментации медиа и усиления требований к отчетности и эффективности связей с общественностью. Индустрия нуждается в прозрачных стандартах качества, воспроизводимых методиках планирования и оценки, а также институциях, которые будут обеспечивать обмен лучшими практиками и независимую экспертизу. Проблему усиливает недостаток устойчивых институтов и процедур внестоличных центров, которые «держат планку» в профессии — открытая экспертиза, единые критерии качества, наставничество, регулярные площадки для нетворкинга и обмена опытом.

Премия RuPoR — ежегодная профессиональная премия в области развития общественных связей и коммуникаций, учрежденная в 2005 г. в Воронеже по инициативе Г. В. Шаталова и регионального фонда социальной молодежной политики (РФСМП) «Молодежь Воронежа 21 века», который позднее был переименован в ФРОС Region PR. Премия позиционируется как площадка повышения качества коммуникационных практик и консолидации профессионального сообщества. Миссия и цели премии — развитие индустрии общественных связей; популяризация профессии; внедрение цивилизованных принципов сотрудничества на PR рынке; тиражирование лучших практик; консолидация профессионального сообщества; повышение этики и стандартов.

В рамках RuPoR существует практика рекомендаций лучших проектов из списка победителей к участию в шорт-листе Национальной премии «Серебряный Лучник», что обеспечивает проектам-победителям дополнительную видимость, продолжение траектории признания, новый уровень экспертизы и нетворкинга. Процедура участия отражает прозрачность и доступность: отсутствие регистрационного взноса; подача заявок через онлайн-платформу; двухэтапная экспертиза — дистанционная оценка по единой шкале и очная публичная защита финалистов. Ряд критериев включает: анализ исходной ситуации и потребностей; работу с целевыми аудиториями и инсайтами; постановку целей и задач; стратегию; креативную концепцию; тактики / инструменты и качество реализации; измерение эффективности и достижение целей. Для очной защиты отдельно оцениваются мастерство изложения, презентационная креативность, точность и содержательность ответов. Номинации охватыва-

ют актуальные направления отрасли: корпоративные и маркетинговые коммуникации, событийные проекты, ESG-коммуникации (экология и социальные инициативы), внутренние коммуникации и корпоративные медиа, культурно-просветительские проекты, развитие и продвижение территорий и туризма, цифровые коммуникации и ИИ, образовательные проекты, студенческие работы и др. [1]. Все это, а также ряд специальных исследований [2—8], приводит к выводу, что конкурсные практики выполняют четыре ключевые функции, которые непосредственно влияют на развитие профессиональных коммуникаций:

Стандартизация. Публичные критерии и эталонные кейсы фиксируют отраслевую норму проектного цикла: от анализа исходной ситуации и сегментации целевых аудиторий до постановки целей, разработки стратегии и оценивания результатов. Критерии оценки формируют стандарты, в частности, среди постоянных участников премии, что выравнивает подходы к постановке целей и метрик, повышает качество коммуникационных стратегий.

Экспертиза и обратная связь. Независимая оценка и публичная защита проектов создают пространство для коммуникации с экспертами, где команды получают адресные рекомендации по улучшению своих проектов.

Обмен опытом и тиражирование практик. Открытые защиты, публикации кейсов и сборники лучших проектов формируют «портфель решений», доступный для воспроизведения в новых контекстах; это ускоряет развитие рынка.

Формирование сообщества и образование. Конкурсы укрепляют горизонтальные связи, развивают наставничество, стимулируют обновление учебных курсов за счет включения актуальных кейсов; студенческие проекты выступают «лифтом» в профессию. Конкурс формирует сетевые связи между агентствами, компаниями, НКО и вузами.

В связи с этим логично сформулировать рекомендации как организаторам (поддерживать открытость процедур и обратной связи; регулярно актуализировать критерии под новые тренды — ESG, цифровые / ИИ-инструменты; сохранять доступность участия; развивать различные возможности для тиражирования кейсов, например, сборники проектов), так и участникам (строить заявки по логике «ситуация — цели — стратегия — инструменты — метрики»; использовать валидные методы исследования и KPI; готовить доказательную базу — данные до / после, контрольные группы, media / brand lift); прорабатывать очную защиту, пользоваться возможностями для коммуникации с другими участниками рынка и экспертами, которые создают организаторы профессиональных конкурсов), а также вузам и партнерам (интегрировать кейсы конкурсов в учебные курсы, развивать проектное обучение в контексте

студенческих номинаций, формировать наставнические треки с участием экспертов премии).

Двадцатая премия RuPoR продемонстрировала масштаб и отраслевую динамику: подан 151 проект из 22 регионов; в шорт-лист вошел 121 проект из 17 регионов; лауреатами стали 64 проекта из 14 регионов. В тематической направленности доминировали событийные и маркетинговые коммуникации, развитие территорий и туризм, внутренние и культурно-просветительские проекты [9].

Девять проектов-лауреатов вошли в шорт-лист XXVIII Национальной премии в области развития общественных связей «Серебряный Лучник» [10]. По итогам открытых презентаций, которые прошли в Москве 2—3 апреля, три проекта-лауреата XX Премии в области развития общественных связей RuPoR стали победителями XXVIII Национальной премии в области развития общественных связей «Серебряный Лучник»: в номинации «Продвижение государственных и общественных программ»: «Продвижение образа русского национального лидера через проекты, посвященные праведному воину Федору Ушакову — digital-агентство «Интериум», Москва; в номинации «Коммуникации времени перемен, международные коммуникации»: «Коммуникационная поддержка международных проектов Фонда Росконгресс на территории Саудовской Аравии, Турции, Индии, Омана, Алжира, ЮАР, Чили, Коста-Рики, Вьетнама, Гонконга, Таиланда и Малайзии» — ФОНД «РОСКОНГРЕСС», SPN COMMUNICATIONS. Первое место от Молодежного жюри получил проект: «Атомный гастротур» — Факультет журналистики ВГУ и Управление коммуникации НВ АЭС, Воронеж, Воронежская область [10].

В подтверждение сформулированных выше функций профессионального конкурса приведем слова лауреатов XX премии в области развития общественных связей RuPoR и XXVIII Национальной премии в области развития общественных связей «Серебряный Лучник» Дмитрия Шлопака, главы инициативной группы по строительству духовно-исторического комплекса в честь святого праведного воина Федора Ушакова: «Эта награда — еще один шаг для нас на пути к главной миссии — сформировать у россиян образ правильного исторического лидера в лице праведного воина Федора Ушакова. Два с половиной года назад мы стояли на котловане и могли только представлять, как будет развиваться наш проект. Но сегодня на месте котлована уже возвышается огромный духовно-исторический комплекс в честь святого праведного Федора Ушакова, стройка которого не прекращается ни на день, а проектов, посвященных адмиралу, становится все больше. И продолжение строительства было бы невозможным без грамотно организованной информационной работы, за что огромное спасибо коллегам из digital-агентства «Интериум». Уровень этой рабо-

ты был впервые отмечен гран-при премии RuPoR, победа в которой стала для нас огромной мотивацией двигаться дальше. А сегодня наш проект победил в главной национальной премии в области коммуникаций — премии «Серебряный Лучник». Для нас это особенно ценно, ведь мы только недавно начали участвовать в PR-премиях, но уже видим, что наши усилия получают высокую оценку экспертов. Спасибо за веру в наш проект, вместе и с Божьей помощью мы сможем вершить великие дела!» [10].

Начальник управления коммуникаций Нововоронежской АЭС Ирина Червакова отметила, что это была первая коллаборация НВАЭС с вузом: «Она принесла в копилку победы на отраслевом чемпионате ГК Росатома Медиаскиллс, признана Лучшим коммуникационным проектом на уровне Госкорпорации, всероссийском профессиональном конкурсе RuPo R. Вошла в шорт-лист «Серебряного Лучника». Проект был реализован без бюджета. Это снизило его конкурентные позиции на федеральном уровне в номинации «ESG повестка». Но для достижения цели была правильно определена целевая аудитория — молодежь. За это «Атомный гастротур» и получил Диплом «Серебряного Лучника» и высокую оценку студенческого независимого экспертного сообщества, состоящего из представителей разных вузов Москвы. Кейс пошел в книгу «50 лучших проектов», которая является хрестоматией коммуникационных практик и обобщает опыт российских специалистов. Считаю это главной нашей победой!» [10].

Проведенный анализ подтверждает гипотезу о том, что устойчивый конкурсный формат с открытой экспертизой, публичной защитой и механизмами тиражирования практик способствует росту качества PR-деятельности и консолидации профессионального сообщества. На примере премии RuPoR видно, что сочетание прозрачных критериев оценки, доступности участия и интеграции с национальными проектами позволяет синхронизировать стандарты, усиливать образовательные эффекты и обеспечивать карьерную и институциональную мобильность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Премия в области развития общественных связей RuPo R. Положение Премии в области развития общественных связей RuPoR 2024 года. — Режим доступа: <https://rupor.regionpr.ru/location/> (дата обращения: 26.10.2025).
2. Сладкова Н. М. Профессиональные конкурсы на государственной и муниципальной службе как инструмент мотивации профессионального развития государственных и муниципальных служащих / Н. М. Сладкова, Е. В. Вашаломидзе, О. А. Воскресенская // Экономика труда. — 2022. — Т. 9. — № 12. — С. 2091—2110.
3. Арутюнян Ю. И. Конкурсы, награды и премии в педагогической практике Академии художеств / Ю. И. Арутюнян // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — Санкт-Петербург, 2014. — № 1 (18). — С. 138—143.
4. Морозов В. В. Молодежные технические конкурсы как элемент системы профориентации / В. В. Морозов // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. — Самара, 2024. — Т. 21. — № 4. — С. 37—50.
5. Обухов А. С. Методические рекомендации для участников Конкурса исследовательских работ Колледжа «26 КАДР» «В фокусе внимания» / А. С. Обухов, Н. А. Рытикова // Исследователь/Researcher. — 2021. — № 3—4. — С. 197—217.
6. Чеченкина Т. В. О роли экспертизы в конкурсном отборе масштабных научных проектов / Т. В. Чеченкина // Вестник Евразийской науки. — 2019. — № 6 (Т. 11). — Режим доступа: <https://esj.today/PDF/70ECVN619.pdf> (дата обращения: 26.10.2025).
7. Воскресенская О. А. Практика проведения профессиональных конкурсов на государственной и муниципальной службе / О. А. Воскресенская // Экономика, предпринимательство и право. — 2023. — Том 13. — № 9. — С. 3705—3728.
8. Мамонтова М. С. Региональные литературные премии и конкурсы в контексте сохранения традиций книжной культуры / М. С. Мамонтова // Финно-угорский мир. — 2016. — № 1. — С. 34—37.
9. Премия в области развития общественных связей RuPo R. Стали известны лауреаты XX премии в области развития общественных связей RuPo R. — Режим доступа: <https://rupor.regionpr.ru/stali-izvestny-laureaty-xx-premii-v-oblasti-razvitiya-obshhestvennykh-svyazejj-rupor/> (дата обращения: 26.10.2025).
10. Премия в области развития общественных связей RuPo R. Лауреаты XX премии RuPoR — участники Национальной премии «Серебряный Лучник». — Режим доступа: <https://rupor.regionpr.ru/laureaty-xx-premii-rupor-uchastniki-nacionalnoj-premii-serebryanyj-luchnik/> (дата обращения: 26.10.2025).

Воронежский государственный университет
Мищенко И. С., аспирант
E-mail: mishchenkov.igor@yandex.ru

Voronezh State University
Mishchenkov I. S., Postgraduate Student
E-mail: mishchenkov.igor@yandex.ru

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ТРУДА ЖУРНАЛИСТА ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

О. С. Мухина

Уральский федеральный университет

Поступила в редакцию 22 августа 2025 г.

Аннотация: в статье анализируются процессы трансформации работы журналистов в цифровую эпоху. На основе анализа 314 вакансий в СМИ демонстрируется процесс внедрения технических и экономических задач. Однако на данный момент журналистика и медиакommunikации остаются гуманитарной и творческой деятельностью.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая эпоха, медиаменеджмент, Digital Humanities, цифровая гуманитаристика, цифровые компетенции.

Abstract: the article analyzes the transformation processes of journalistic work in the digital age. Based on an analysis of 314 media job postings, it demonstrates the integration of technical and economic tasks into the profession. However, journalism and media communications currently remain a humanistic and creative field.

Keywords: digitalization, digital age, media management, digital humanities, digital skills.

Цифровизация стремительно меняет способы вещания, вводит новые платформы, форматы и жанры. Трансформируется и процесс работы журналиста. Зачастую в цифровую эпоху недостаточно только создавать интересный контент. На современного специалиста в медиакommunikациях нередко возложены и обязанности по продвижению конкретного материала и издания в целом, и вопросы оформления, и работа с нейросетями, и публикация через CMS (систему управления сайтом), и многое другое. При этом в процессе освоения этих относительно новых навыков необходимо не потерять такие базовые для журналиста навыки, как грамотность, ориентация в новостной повестке, широкий кругозор в тематике издания, способность создавать материалы в разных жанрах и пр.

Журналистика традиционно считается творческой профессией [1], а некоторые исследователи даже уверены, что Интернет расширяет креативные возможности в медиа, добавляя интерактивность, открытость и отсутствие пространственно-временных ограничений [2]. Хотя следует добавить, что относительно креативного характера сферы медиа возникают перманентные дискуссии, и сложно спорить с тем, что в журналистике существует достаточное количество и шаблонных задач.

Журналистику также традиционно относили к гуманитарным наукам, а во многих университетах она была, а порой и остается частью филологического или исторического факультета. Вместе с тем, процессы цифровизации повлекли создание нового направления — Digital Humanities, или цифровой гуманитаристики [3], суть которого в инте-

грации гуманитарных знаний и новейших цифровых возможностей [4]. Сегодня сложно представить средство массовой информации без сетевой версии, групп в социальных сетях и каналов в мессенджерах. Технический прогресс и новые бизнес-модели стимулировали и развитие такого направления, как медиаменеджмент [5—6], а в лексику журналистов вошли такие понятия, как SEO (поисковая оптимизация) и SMM (маркетинг в социальных сетях) [7].

Одним из последних вызовов для медиасферы стал искусственный интеллект. Примерно с конца 2023 г. нейросети уже вполне удовлетворительно справляются с генерацией простых текстов для нетребовательного читателя и иллюстраций, способных составить конкуренцию фотографам. Генерация видео и аудио несколько отстает в плане качества, с учетом сложности задачи, но с 2025 г. выходит на уровень, достаточный для многих медийных целей. Активно внедряются в средствах массовой информации и цифровые аватары, способные провести трансляцию за журналиста. К примеру, на тамбовском канале «Новый век» работает нейросеть по имени Нейрозахар [8], а на ставропольском канале «Своё ТВ» еще одна нейроведущая — Снежана Туманова — ведет прогноз погоды [9]. Исследователи даже поднимают философские вопросы на тему того, способен ли в действительности искусственный интеллект стать конкурентом человека [10]. Наши предыдущие исследования продемонстрировали, что некоторые простые задачи (как рерайт) уже постепенно переходят в категорию машинного труда. Но пока что большинство журналистов воспринимает нейросеть как ценного помощника.

Таким образом, современный журналист становится активным участником и технических процес-

сов, и задач по продвижению контента, по развитию средства массовой информации и достижению эффективных экономических показателей. На вопрос о наличии творческой составляющей журналистики, как показали и наши предыдущие исследования, большинство медиаспециалистов отвечают положительно, хотя количество шаблонных задач стремительно увеличивается — особенно в связи с необходимостью в целях продвижения создавать в том числе контент, ориентированный на роботов поисковых систем, а не только на живую аудиторию.

Мы решили выяснить, насколько современный медиаспециалист включен в процессы, казалось бы, других профессий: в частности, в работу менеджера, связанную с продвижением и ростом экономической эффективности издания, и работу технического специалиста, частью которой является освоение множества программ, приложений и платформ. И насколько актуален в связи с этим творческий подход? Не исчезает ли за всеми этими нововведениями креативность, а также традиционно журналистские, гуманитарные навыки?

Для анализа мы выбрали популярный сайт вакансий HeadHunter (hh.ru). Через расширенный поиск 2 июля 2025 г. мы нашли 322 вакансии для журналистов в медиа (выбрав специализации «журналист, корреспондент» и «копирайтер, редактор, корректор», а также отрасли компании «производство мультимедиа, контента, редакторская деятельность», «производство печатной, полиграфической продукции», «распространение мультимедиа и печатной продукции», «распространение телепрограмм, кино (кабельное телевидение)» и «теле- и радиовещание»). Мы не ограничивали поиск по регионам и другим параметрам.

Затем мы удалили повторяющиеся вакансии и те, что, вероятно, попали в выборку по ошибке специалиста по кадрам. После этого мы дополняли наш список новыми вакансиями, появлявшимися на сайте с 3 по 5 июля 2025 г. Итоговая выборка включала 314 вакансий.

Таким образом, мы составили полный список вариантов, доступных журналисту, который желает работать именно в СМИ и осуществляет поиск на данном сайте в указанные даты.

Как показало наше исследование, большинство (65%) журналистов должны выполнять некоторые функции менеджера. Чаще всего требуется анализ аудитории, управление проектами и аналитика (в целях продвижения издания, а не создания контента). В среднем эти навыки нужны примерно каждому третьему журналисту. Также популярно создание коммерческого контента, особенно у копирайтеров и тех, кто работает удаленно. Они же чаще занимаются SEO и SMM. На руководящих должностях специалист нередко должен работать с рекламодателями и заниматься вопросами привлечения финанси-

рования. Руководители также чаще других сотрудников медиа непосредственно коммуницируют с аудиторией (62%, при том, что средний показатель составляет 27%).

Одновременно каждая вторая (47%) вакансия включает те или иные технические задачи: от требования быть продвинутым пользователем ПК до работы с изображениями, видео, аудио, уже упомянутыми SEO, SMM и искусственным интеллектом. Отметим, что каждый из этих навыков встречается не так часто: примерно в каждой 10—20-й вакансии. Но если журналист не обладает техническими навыками в принципе, то ему будет доступна лишь половина вариантов, имеющих на рынке. Как верно отмечают исследователи [11], средства массовой информации адаптируются к цифровой реальности и медиаспециалисты вынуждены осваивать технические компетенции.

Вышеуказанные цифры выглядят достаточно значительными, чтобы сделать предварительный вывод об активном проникновении в журналистику, казалось бы, далеких от нее профессий — технических и экономических. Однако подчеркнем, что гуманитарные навыки (грамотность, умение писать тексты, редактирование, знание иностранных языков, навыки интервьюирования, кругозор, навыки деловой коммуникации и пр.) значительно более востребованы: они нужны в 98% вакансий.

Несколько смягчает впечатление о проникновении в сферу медиа профессии менеджера тот факт, что журналистам новостных лент (а таких вакансий чуть больше половины) экономические навыки требуются реже: они встречались нам в каждой второй вакансии в новостной журналистике и чаще всего ограничивались участием в анализе аудитории.

Одновременно с этим 97% вакансий прямо требуют наличие креативности и творческого подхода в работе или подразумевают это. Обычно подобные требования выражаются в умении креативно решать проблемы, навыках креативного письма, генерации идей, сторителлинга, наличии нестандартного мышления и умении создавать элементы визуализации контента.

Причем, если в плане технических навыков показатель в 47% — это результат наличия вакансий, в которых чаще всего имеется требование одного технического навыка (редко больше), то гуманитарными задачами и установками на креативность почти все вакансии были наполнены в значительно большем количестве.

Подытоживая сказанное, отметим, что медиаспециалист сегодня все же остается гуманитарием, а сама журналистика — творческой профессией. Без этих базовых навыков почти невозможно найти работу в СМИ. Вместе с тем необходимость в получении иных умений и компетенций, в частности технических и экономических, тоже значительна. На данный

момент без них пока можно обойтись, но в таком случае соискателю будет доступно меньше половины вакансий на рынке, а скорее — менее трети.

Все сказанное можно резюмировать формулой: без технических и экономических навыков журналисту сегодня сложно, но без гуманитарных и креативных — невозможно.

Добавим, что, в рамках настоящего исследования, мы не анализировали вакансии не в СМИ. А таких больших количество: мы провели дополнительный поиск 3 июля 2025 г., убрав ограничение по отрасли предприятия, и получили 1477 вакансий. Таким образом, только примерно каждая пятая вакансия для медиаспециалиста предполагает работу именно в среде массовой информации. В эпоху цифровизации практически любое предприятие имеет собственный сайт и страницы в социальных сетях, которые требуют наполнения контентом и соответствующих специалистов. И в дополнение отметим (это уже выводы не из исследования, а из личного, более чем 10-летнего стажа работы автора в медиа), что именно такие вакансии чаще требуют наличия экономических и технических навыков, перечисленных выше. Однако для получения точных данных нужны дополнительные изыскания.

Настоящее исследование, являясь по сути пилотным, отражает общую тенденцию: процесс конвергенции происходит не только в плане слияния форматов, платформ и жанров, он начинается и в самой профессии журналиста, в которую проникает все больше задач из других специальностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Олешко В. Ф. Журналистика как творчество, или Что нужно делать, чтобы читатели, телезрители, радиослушатели тебя понимали и вступали в диалог / В. Ф. Олешко. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

Уральский федеральный университет
Мухина О. С., кандидат филологических наук, доцент
кафедры периодической печати и сетевых изданий
E-mail: olga.mukhina@urfu.ru

2. Луцинская О. В. Творческая деятельность журналиста в условиях медиаконвергенции / О. В. Луцинская // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. — 2020. — № 2. — С. 94—99.

3. Распопова С. С. Цифровая гуманитаристика: опыт, проблемы, перспективы / С. С. Распопова // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2024. — Т. 30. — № 3. — С. 160—167.

4. Демшина А. Ю. Digital Humanities: гуманитарная наука в ситуации медиакультуры / А. Ю. Демшина // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2021. — № 1 (46). — С. 21—27.

5. Мореева Е. В. Основы медиаэкономики и медиаменеджмента / Е. В. Мореева. — М., 2024.

6. Баранова Е. А. Медиаменеджмент. Теория и практика / Е. А. Баранова. — М., 2024.

7. Шаповалова Е. В. Профессиональные компетенции онлайн-журналиста: взгляд работодателя (на материалах сервиса hh.ru) / Е. В. Шаповалова // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. — Ростов-на-Дону, 2021. — С. 201—205.

8. Зверева Е. А. Освещение нейросетевых и иммерсивных технологий в СМИ Тамбовской и Воронежской областей / Е. А. Зверева, Н. Д. Мальцев // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2025. — № 1 (55). — С. 6—16.

9. Неренц Д. В. Специфика применения искусственного интеллекта в современном медиапространстве / Д. В. Неренц // Litera. — 2024. — № 8. — С. 186—198.

10. Распопова С. С. Журналистское творчество в эпоху нейросетей / С. С. Распопова // Нефилология. — 2024. — Т. 10. — № 2. — С. 442—451.

11. Гордеева Д. А. Компетенции журналиста для работы с современными визуальными медиа и практика их формирования / Д. А. Гордеева, О. Ю. Силенко // Психология. Педагогика. Лингвистика: социально-культурные связи. — Ростов-на-Дону, 2022. — С. 146—148.

Ural Federal University
Mukhina O. S., Candidate of Philology, Associate Professor of
the Periodical Press and Online Media Department
E-mail: olga.mukhina@urfu.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РУССКОГО СЕВЕРА В ВИЗУАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

С. В. Незговоров

Северный (Арктический) федеральный университет

Поступила в редакцию 30 июня 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются приемы формирования образа культуры Русского Севера через творчество писателей и поэтов Архангельской и Вологодской областей, представленное в документальных фильмах, созданных в различных жанрах.

Ключевые слова: Русский Север, визуальная журналистика, текст, образ, портрет, образ культуры.

Abstract: the article examines the methods of creating an image of the culture of the Russian North through the works of writers and poets from the Arkhangelsk and Vologda regions, which are presented in documentaries created in various genres.

Keywords: Russian North, visual journalism, text, image, portrait, image of culture.

Широко используемое понятие «северный текст русской литературы» впервые было применено в 2003 г. в Северодвинске как название международной конференции. Е. Ш. Галимова пишет: «Это была первая попытка осмыслить границы и параметры северного текста, причем основное внимание уделялось литературной его составляющей» [1]. Сегодня понятие расширилось: «...понятие “северный текст русской литературы” в большей степени явление не тематическое, а ментальное, поскольку оно отражает особый северорусский вариант национальной картины мира, создает особый мифопоэтический образ Русского Севера» [2], и слово «текст» [3, 473] в полной мере можно отнести и к документальному кино. По мнению М. В. Петровой, особую роль здесь сыграли этнографические фильмы [4, 238], однако нельзя списывать со счетов и документальные фильмы, созданные местными телекомпаниями. Эти фильмы едва ли можно обозначить как этнографические, поскольку героем таких фильмов является наш современник, работающий на производстве, занимающий определенную должность, или фильмы-обзоры, посвященные определенной территории или региону. Можно привести достаточное количество примеров документальных фильмов, создаваемых в регионах Русского Севера, которые и поднимают проблематику региона, и формируют у зрителя представление о той местности, где идет повествование.

Например, телефотостудией ПО «Севмаш» в г. Северодвинске создано более 200 документальных фильмов, характеризующих роль Русского Севера в обороноспособности России. Другие фильмы, посвященные этнической культуре, а также песенно-

му творчеству Русского Севера, созданы режиссером К. М. Хорошавиной [5—6]. Фильмы-портреты, характеризующие особенности культуры Русского Севера через литературное творчество писателей-северян, создаются и в рамках проекта «Северная литература. Видеоверсии» с 2023 г.

Первый фильм «Счастье — жить для людей» (студия «ЮТРИКУС», 2022, режиссер С. Незговоров) повествует о жизни и творчестве писателя Николая Жернакова. Фильм создан в жанре портретного биографического очерка, позволяющего достичь полного и точного описания героя, его характера и судьбы благодаря слиянию документального и художественного начал [7, 108]. По мнению А. А. Тертычного, сущность очерка во многом определяется тем, что в нем соединяются репортажное (наглядно-образное) и исследовательское (аналитическое) начало. Причем «развернутость» репортажного начала воспринимается как преобладание художественного метода, в то время как упор автора на анализ предмета изображения, выявление его взаимосвязей выступает как доминирование исследовательского, теоретического метода [8, 250]. В то же время ряд исследователей разделяют портретный и биографический очерки [9], в данном случае жанр фильма (если принимать формулировки В. А. Бабенко) можно обозначить именно как соединение этих двух видов очерка, поскольку там раскрывается и личность героя, и социальный тип жителя северной деревни, ставшего впоследствии известным писателем.

Выразительные средства биографического очерка позволяют представить различные грани жизни и творчества писателя, ветерана Великой Отечественной войны Н. К. Жернакова, родившегося в селе Холмогоры и всю жизнь прожившего на Севере. В фильме писатель рассказывает о самом себе

и своей семье, представлены фрагменты его повестей и рассказов. Делятся воспоминаниями его родственников, и из этих воспоминаний зритель получает представление о традициях и устоях жителей северной деревни: большие семьи «...у меня шестеро сыновей», — рассказывает о себе писатель; одна из вековых традиций на Севере — добыча рыбы и зверя для пропитания: «Отец приучил меня к охоте. Когда я учился в первом классе, меня брали с собой на перелеты, а с 14 лет с разрешения отца я уже ружье носил с собой», — вспоминают сын писателя Евгений Николаевич Жернаков и невестка Галина Сергеевна Жернакова: «Охота для семьи Жернаковых — это было практически святое. А мы, когда поженились, у нас 24-го была свадьба, это день начала охоты, получается, мы нарушили им традицию в тот год».

Широко представлено в фильме и творчество Николая Кузьмича Жернакова — это описание жизни в северной деревне — обобщенном образе многих деревень, что на берегах Северной Двины, традиции, взгляды и характеры жителей этих населенных пунктов [10, 7—18]. Фильм повествует и о театральных постановках по произведениям писателя.

В завершение фильма вновь используются архивные кадры Н. К. Жернакова: «У человека всегда все впереди. Пусть у него останется в жизни один единственный час, но ведь этот час тоже впереди, и за этот час жизнь человеческая протекает». Этот финальный монолог писателя — словно напутствие потомкам. Само заглавие фильма «Счастье — жить для людей» — своеобразное жизненное кредо писателя. «Вечною надеждою жив человек. Вечным стремлением к добру, к счастью быть среди людей, жить для них и вместе с ними бороться против зла и несправедливости, которых еще так много в мире», — пишет Николай Кузьмич Жернаков в автобиографической повести «Кричите, гуси осени моей» [11, 13]

Другой образ Русского Севера представлен в фильме «И ветру странствий парус отвори» (студия «ЮТРИКУС», 2022, режиссер С. Незговоров). Архангельский период жизни и творчества сформировал Анатолия Лёвушкина главным образом как поэта-мариниста. Стоит отметить, что Лёвушкин переехал на Север, будучи известным поэтом, в возрасте 40 лет из Рязани. Таким образом, в этом фильме представлен Русский Север через призму взглядов уроженца одного из центральных регионов России — реализованная мечта жить на Севере у моря.

В фильм включены стихи поэта, связанные с морем. Да и лейтмотивом всей документальной картины прослеживаются темы: море, морские путешествия, история Русского Севера времен Петра Первого, где показаны характеры и воля северян. Их сила духа и смелость. Все это также является одной из важных составляющих для формирования портрета Русского Севера.

Авторы позиционируют эту документальную ленту как литературную композицию. А. И. Пиотровский подразделяет жанры кинематографа на две большие группы — сюжетные («прозаические») и бессюжетные («поэтические») фильмы [12, 93]. В данном случае мы имеем дело с фильмом в жанре сюжетном, но поэтическом. Сюжет — участие в фильме так называемого лирического героя, а поэтичность — закадровый текст, который в документальном фильме, как известно, дополняет выразительные средства и передает стилистику событий, происходящих на экране [13, 35]. Произведения поэта озвучены за кадром, а образный подтекст передается с помощью произведений живописи, видов Архангельска и Северодвинска.

Обозначенный выше лирический герой [14—15] присутствует на протяжении всего фильма, а в конце — говорит, читает стихотворение, подводящее итог повествования:

*Есть особая властная сила
у морских неоглядных широт:
если море тебя полюбило,
отовсюду к себе позовет...*

В силу кинематографической природы у фильма-композиции, безусловно, есть и свой определенный уровень условности, и авторский стиль. При этом вышеуказанные факторы, по мнению А. Е. Зосич, не являются ключевым фактором поэтичности фильмов [16, 7]. Согласимся с исследователем, поскольку в данном фильме в качестве решающего фактора поэтичности можно принять композиционно выстроенные автором сценария и музыкально оформленные тексты стихов А. Лёвушкина.

Документальный фильм «И при мне мой родник не замерзнет» (студия «ЮТРИКУС», 2023 г., режиссер С. Незговоров) обозначен как фильм-размышление.

В основе фильма — многозначность слова «родник». На протяжении всего повествования происходит постоянное сопоставление родников природных и духовных, литературных. Слово «родник» означает водный источник, текущий из глубины земли, ключ [17, 671]. Однокоренными «роднику» являются слова «родной», «род», «родиться» и т.д.

В начале фильма приводится фрагмент очерка Константина Паустовского «Алмазный язык», главы «Родник в мелколесье»: «Да вот этот самый родник. Я это слово давно приметил. Все его обхаживаю. Надо думать, получилось оно оттого, что тут вода зарождается. Родник родит реку, а река льется-течет через всю нашу матушку землю, через всю родину, кормит народ. Вы глядите, как это складно выходит, — родник, родина, народ. И все эти слова как бы родня между собой. Как бы родня!...» [18, 64].

Далее инженер лесного хозяйства П. В. Тучин рассказывает об особенностях природных родников, делится воспоминаниями и своим профессиональным опытом. Речь инженера, уроженца деревни в Шен-

курском районе Архангельской области, ярко передает палитру северного говора («оканье», особое интонирование и т.д.): «Слово “родник” я ведь узнал довольно поздно, у нас не было его в деревне. У нас говорили “ключ” или “колодчик” — это в “шенкурятти”, а в Вологодской области, там называют “здоровчики” эти ключи или родники».

Речевые особенности героя — один из важных приемов, формирующих портрет человека. Построение фраз, обозначения чувств и эмоций людей — все это создает разнообразие характеры, индивидуализирует героев публикаций [19, 57] Примечательно и то, как герой называет свою малую родину, Шенкурский район — «шенкуряття». Ряд исследователей через особенности речи жителей населенных пунктов рассматривают само пространство, представляемое этими жителями, как один из объектов портретирования [20—21], формируется определенный языковой облик территории [22]. Живое народно-поэтическое слово, в котором запечатлена душа северянина и его характер, писатель Ф. А. Абрамов в размышлениях о духовном наследии Севера назвал «родниковым» [23].

Профессор-филолог А. В. Петров рассуждает о литературе, о произведениях К. Паустовского, Е. Галимовой, В. Белова, Ф. Абрамова, О. Фокиной, где повествуется о настоящем, об истинных ценностях для людей. Название фильма — строка из стихотворения «А в деревне сейчас — непроглядная тьма...» северного поэта Ольги Фокиной. «Основополагающими для ее творчества были и остаются темы родины, природы, сельской жизни; проблемы сохранения духовного богатства русского народа и вымирающей сельской жизни. Ее поэзия зиждется на подлинно народном мировосприятии. Она буквально пронизана фольклорными мотивами, предельно насыщена элементами живой — родниковой — подлинно народной речи», — рассказывает в фильме автор сценария А. В. Петров.

Обращение к духовным истокам, к северной деревне отмечается и в фильме, рассказывающем о творчестве нашего современника, молодого писателя из Северодвинска Артёма Попова. Фильм называется «Еще поживем» (студия «ЮТРИКУС», 2024, режиссер С. Незговоров). Этот фильм создан в жанре интервью, представлены также рассказы писателя из книги «Избачиха», одной из наиболее известных книг А. Попова (избач — работник избы-читальни [17, 233]; сейчас это слово широко практически не используется. Даже на селе в наше время таких работников называют «библиотекарь»). Жанр портретного интервью исследуется многими учеными [25—28].

Писатель Артём Васильевич Попов — представитель направления «новые деревенщики». Информационным поводом к созданию фильма послужил манифест «Новой волны деревенской прозы», под-

готовленный представителями вышеуказанного направления. «Писателей-деревенщиков — и прошлых лет, и современных — отличает удивительная родовая память и чуткость к русской жизни в ее истинном многовековом понимании. Современные «деревенщики» отчасти наследуют традиции когорты «деревенщиков» 60—70-х — Белова, Распутина, Абрамова, Астафьева, Шукшина», — говорится в манифесте.

Северная деревня глазами молодого писателя, современные взгляды на сельскую жизнь, важность «омолаживания» героев произведений о деревне, стремление авторов донести свои мысли и идеи, в том числе с помощью манифеста, также могут служить одной из составляющих образа культурного пространства Русского Севера. В качестве иллюстрации творчества писателя, представлены короткие рассказы из книги «Избачиха» о жизни северной деревни и деревенских жителях, прочитанные мастером художественного слова, диктором С. И. Сидоровой.

В 2024 г., к 440-летию Архангельска, в рамках проекта «Северная литература. Видеоверсии» вышла документальная кинокартина «Только здесь мой останется след» (студия «ЮТРИКУС», 2024, режиссер С. Незговоров) по творчеству поэта Вадима Беднова, всю жизнь прожившего в Архангельске.

Авторы позиционируют эту документальную картину как фильм-концерт. Отличие такого фильма от литературной композиции заключается в следующем. В литературной композиции, как, например, в представленном выше фильме «И ветру странствий парс отвори», тексты произведений поэта Анатолия Лёвушкина звучат за кадром, а каждое произведение сопровождается видеорядом. Фильм-концерт представляет собой медиапродукт, где артисты (в данном случае Архангельского открытого студенческого театра «Балаганчик») в кадре читают стихи поэта, главного героя фильма, в кадре, при этом иллюстрация стихов видеорядом не используется. Образ, заложенный автором стихотворения, передается целым рядом особенностей, таких как подбор на конкретное стихотворение того или иного актера, поиск интерьера или декораций для съемок, время года и т.д.

Если Т. Т. Далаева рассматривает фильм-концерт с позиции преодоления официальных идеологем и сохранения культурного национального кода [29, 139], то исследуемый фильм выполняет презентационную функцию. В нем представлено творчество поэта, всю жизнь, прожившего в одном городе, на одной улице, в одном доме.

«Здесь родился я, здесь и умру.

Тут мой корень и точка опоры», — звучит в завершение фильма.

Кроме того, авторы фильма через творчество поэта сформировали своеобразную видеоэкскурсию

по Архангельску, поскольку стихи читаются в различных городских локациях в зависимости от содержания.

Важно отметить, что в фильме стихи Вадима Беднова, расцвет творчества которого приходится на 60—80-е гг. XX столетия, читают молодые люди 20—30 лет, наши современники, которые об описываемом поэтом времени могут знать разве что по рассказам родителей, бабушек и дедушек, однако их увлекло и заинтересовало творчество Вадима Беднова, а значит, фильм «Только здесь мой останется след» выполняет и важную просветительскую функцию, связывая разные поколения.

К анализируемым фильмам проявляют интерес как случайные зрители, так и исследователи. В сети Интернет фильмы размещаются в день первого презентационного показа. На конец первого полугодия 2025 г. общее количество интернет-просмотров фильмов проекта «Северная литература. Видеоверсии» распределилось следующим образом: «Счастье — жить для людей» (2022 г.) — 19 900, «И ветру странствий парус отвори» (2022 г.) — 9 600, «И мне мой родник не замерзнет» (2023 г.) — 15 900, «Еще проживем» (2023 г.) — 4 500, «Только здесь мой останется след» (2024 г.) — 17 200. Обратим внимание, что наибольшее количество просмотров с проекцией на временной промежуток получил фильм-концерт «Только здесь мой останется след».

Кроме того, фильмы проекта «Северная литература. Видеоверсии» активно используются в составлении различных программ и проектов учреждениями культуры, образовательными учреждениями, библиотеками Архангельской области и других регионов России. Определить количество просмотров в данных программах и проектах не представляется возможным.

Таким образом, документальные фильмы проекта «Северная литература. Видеоверсии» формируют культурный образ Русского Севера, по большей части благодаря использованию широкого спектра приемов повествования и содержания. Через анализ и презентацию литературы Архангельской области раскрывается история и традиционные промыслы Севера, речевые особенности северян и взгляды на современность, приверженность к своей малой родине. Фильмы проекта «Северная литература. Видеоверсии» представляют интерес в реализации просветительской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галимов Е. Ш. Специфика Северного текста русской литературы как локального свертка / Е. Ш. Галимов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — № 1. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-severnogo-teksta-russkoy-literatury-kak-lokalnogo-sverhteksta> (дата обращения: 26.03.2025).

2. Петров А. В. Топонимы как выразительное средство в северном тексте / А. В. Петров // Филологическая регионалистика. — 2010. — № 1—2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/toponimy-kak-vyrazitelnoe-sredstvo-v-severnem-tekste> (дата обращения: 25.03.2025).

3. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт филологического анализа / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1986.

4. Петрова М. В. Русский Север как культурный концепт современного медиапространства / М. В. Петрова // Верхневолжский филологический вестник. — 2023. — № 1 (32). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-sever-kak-kulturnyy-kontsept-sovremennogo-mediaprostranstva> (дата обращения: 25.03.2025).

5. Фомичева Е. Г. Автор и герой в очерке: Приемы портретизации: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Г. Фомичева. — СПб., 2003.

6. Незговоров С. В. Лингвистическое средства создания портрета героя в публицистических текстах (на материале рубрики «Твои люди, Север» архангельской областной газеты «Правда Севера»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Незговоров. — Архангельск, 2024.

7. Ковальчук И. Ю. Портретный очерк в системе жанров телевизионной документалистики / И. Ю. Ковальчук, Е. Ю. Лункина // Эпоха науки. — 2021. — № 26. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/portretnyy-ocherk-v-sisteme-zhanrov-televizionnoy-dokumentalistiki> (дата обращения: 25.03.2025).

8. Тертычный А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. — М., 2006.

9. Бабенко В. А. Портретный очерк в документальной телепублицистике: этапы развития и причины трансформации жанра / В. А. Бабенко // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2018. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/portretnyy-ocherk-vdokumentalnoy-telepublitsistike-etapy-razvitiya-i-prichiny-transformatsii-zhanra> (дата обращения: 26.03.2025).

10. Петров А. В. «Счастье — жить для людей...» Жизненный и творческий путь Николая Жернакова / А. В. Петров // Николай Кузьмич Жернаков: библиографический рекомендательный указатель. — Архангельск, 2024. — С. 5—19.

11. Жернаков Н. К. Кричите, гуси осени моей... По страницам памяти / Н. К. Жернаков. — Архангельск, 1987.

12. Пиотровский А. И. К теории киножанров / А. И. Пиотровский // Поэтика кино. Перечитывая «Поэтику кино». — СПб., 2001.

13. Барышников К. Б. Закадровый текст в экранных произведениях кинодокументалистики и телепублицистики / К. Б. Барышников // Телекинет. — 2024. — № 3 (28). — С. 31—36.

14. Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987.

15. Иванова Е. Ю. Опыт осмысления категории «лирический герой» в художественном мире поэта (некоторые аспекты) / Е. Ю. Иванова // Культура. Духовность. Общество. — 2015. — № 19. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lyriceskii-geroi>

ru/article/n/opyt-osmysleniya-kategorii-liricheskiy-geroy-v-hudozhestvennom-mire-poeta-nekotorye-aspekty (дата обращения: 11.05.2025).

16. Зосич А. Е. Жанровые и стилистические особенности авторских фильмов, созданных на национальных киностудиях СССР в 1960-е — 1970-е годы: автореф. дис. ... канд. искусствоведения / А. Е. Зосич. — СПб, 2022.

17. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М., 1994.

18. Паустовский К. Г. Избранные произведения. — М., 1977. — Т. 2.

19. Незговоров С. В. Речь как выразительное средство для создания образа героя в газете «Правда Севера» 70-х годов XX века / С. В. Незговоров // Беловский сборник. Вып. 7. — Вологда, 2021. — С. 54—57.

20. Игнаткина Л. В. Из речевых портретов русских городов (социолингвистический этюд) / Л. В. Игнаткина // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1993. — С. 77—82.

21. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. — Саратов, 1997. — С. 88—98.

22. Сиротинина О. Б. Языковой образ г. Саратова / О. Б. Сиротинина // Разновидности городской устной речи. — М., 1988. — С. 247—253.

23. Абрамов Ф. В краю родникового слова: размышления писателя о духовном наследии Севера / Ф. Абрамов // Советская Россия. — 1983. — 1 февр.

24. Петров А. В. Языковая игра в поэзии Ольги Фокиной / А. В. Петров // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. — 2018. — № 2. — С. 373—383.

25. Ильченко С. Н. Интервью в журналистике: как это делается: учеб. пособие / С. Н. Ильченко. — СПб., 2016.

26. Васильченко К. Е. Жанр портретного интервью: возможности дифференциального подхода / К. Е. Васильченко // Медиасреда. — 2019. — № 2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-portretnogo-intervyu-vozmozhnosti-differentsialnogo-podhoda> (дата обращения: 11.05.2025).

27. Казакова И. Н. Тактика уклонения в диалогическом дискурсе портретного интервью / И. Н. Казакова, Е. Е. Маркина // Язык — текст — дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах. — Самара, 2011. — С. 87—91.

28. Сыченок В. В. Интервью-портрет как тип коммуникации (на материале российских печатных еженедельников 1985—1996 г.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Сыченок — Казань, 2007.

29. Далаева Т. Т. Культурные практики самодеятельного искусства советского Казахстана в документальных фильмах-концертах в 1956—1987 годах: от официальных идеологем к национальному содержанию / Т. Т. Далаева // Исторический курьер. — 2022. — № 5 (25). — С. 138—145.

*Северный (Арктический) федеральный университет
Незговоров С. В., кандидат филологических наук
E-mail: s.v.nezgovorov@yandex.ru*

*Northern (Arctic) Federal University
Nezgovorov S. V., Candidate of Philology
E-mail: s.v.nezgovorov@yandex.ru*

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЭФИРНОГО И ОНЛАЙН-ТЕЛЕВИДЕНИЯ НА МИРОВОЗЗРЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

К. А. Онуприенко

Ульяновский государственный университет

Поступила в редакцию 27 июня 2025 г.

Аннотация: статья посвящена рассмотрению проблемы влияния телевизионного контента на молодое поколение в условиях цифровизации, а также изучению способов эффективного воздействия современного эфирного и онлайн-телевидения на молодежь; в теоретической части оценивается место и роль телевидения в системе современных медиа, особенности коммуникации с массовым зрителем на разных платформах, влияние телевидения на формирование общественного мнения и культурных ценностей; практическая часть содержит результаты контент-анализа молодежных телепрограмм, экспертного опроса журналистов и психологов, а также онлайн-опроса аудитории, на основании которых определяются особенности восприятия телепередач молодежью и степень влияния телевидения на ее мировоззрение.

Ключевые слова: СМИ, цифровизация, конвергентная журналистика, телевидение, медиа, медиапсихология.

Abstract: the article is dedicated to examining the issue of the influence of television content on the younger generation in the context of digitalization, as well as studying ways to effectively impact modern broadcast and online television on youth; the theoretical part evaluates the place and role of television within the system of contemporary media, the peculiarities of communication with a mass audience on different platforms, and the influence of television on the formation of public opinion and cultural values; the practical part contains the results of a content analysis of youth television programs, an expert survey of journalists and psychologists, as well as an online audience poll, based on which the characteristics of youth perception of television programs and the degree of television's influence on their worldview are determined.

Keywords: media, digitalization, convergent journalism, television, media psychology.

В условиях цифровизации молодежь, к которой, согласно Федеральному закону «О молодежной политике в Российской Федерации», относятся лица от 14 до 35 лет, смотрит телепередачи по телевизору и на RUTUBE, обсуждает в социальных медиа, делится мнениями и создает мемы, что трансформирует пути формирования мировоззрения молодых людей.

Телевидение прошло долгий путь от механических трансляций начала XX века до современных стриминговых платформ. С каждым этапом — эфирное (1930—1950-е гг.), цветное (1950—1960-е гг.), кабельное и спутниковое (1970—1990-е гг.), цифровое (1990—2010-е гг.), потоковое и интернет-телевидение (2010-е гг. и далее) — оно адаптировалось к новым техническим и социальным условиям.

По данным Global Digital 2025 [1], большую часть телепросмотра занимает эфирное и кабельное вещание. При этом сетевая аудитория ежедневно уделяет в среднем 3 часа 13 минут просмотру телевизионного контента на разных платформах. Около 98% пользователей смотрят как минимум одну телепередачу в месяц, а более 30% потребляют онлайн-контент че-

рез телевизоры. Это приводит к размыванию границ между традиционными и новыми медиа.

Сегодня трансформируется само понятие телевидения: помимо классических способов доставки сигнала потребителю оно охватывает Smart TV, мобильные приложения и социальные сети, мессенджеры, стрим-платформы. Так, «Национальная Медиа Группа» запустила сервис «Сторис» для просмотра «тиктоков», а у «Первого канала», «НТВ», «ТНТ», «СТС» есть мобильные приложения, где доступен полный спектр контента. Один из самых успешных примеров — телеканал Russia Today, который смог потеснить мировых лидеров инновационного вещания благодаря эффективной медиастратегии, ориентированной на взаимодействие со зрителем в онлайн-среде [2, 193].

Интернет с его гипертекстуальностью, мультимедийностью, интерактивностью в корне изменил процесс коммуникации с аудиторией, которая сегодня может осуществляться в разных формах:

1. Одностороннее вещание — традиционный способ трансляции.
2. Интерактивное вещание — прямые эфиры с возможностью взаимодействия со зрителями (голосования, опросы, комментарии).

3. Персонализированная коммуникация — использование данных о предпочтениях зрителей для предложения им релевантного контента.

4. Онлайн-сообщества вокруг телеканалов и отдельных программ, где зрители могут общаться между собой и с представителями СМИ.

5. Трансмедийное повествование — рассказывание историй на разных платформах с использованием новых медиаформатов (посты, клипы, интерактивью, подкасты, инфографика и другие).

Согласно исследованию RORE¹, в молодежной среде онлайн-аудитория превышает телевизионную, однако с замедлением YouTube отток зрителей уменьшился. Наибольший отрыв интернета от телевидения наблюдается в возрастной группе аудитории от 12 до 24 лет (30%), уже в 25—44 года он сокращается вдвое.

Современное телевидение сохраняет функции информирования и развлечения молодого поколения, но отвечает далеко не всем его запросам [3]. Решить проблему, на наш взгляд, поможет только гибкость, креативность и интерактив со зрителем. Популярные молодежные программы успешно интегрируют эти элементы. Например, экспериментальное реалити-шоу «В темноте» (СТС²) предлагает новый формат: участники взаимодействуют без зрительского контакта. Такой прием не только визуально выделяет шоу, но и затрагивает темы сенсорного восприятия, эмоциональной совместимости и стереотипов о внешности. Это шоу интересно молодежи, так как отражает ее интерес к нестандартным форматам, а также тему самопознания в условиях отсутствия «визуального давления», характерного для цифровой эпохи.

Проект «Холостяк» (ТНТ) — адаптация западного формата, активно эксплуатирующая гендерные стереотипы и архетипы и создающая иллюзию «настоящих» чувств и живых эмоций — привлекает молодежь сочетанием романтики, конкуренции, драматургии и зрелищности. Шоу удовлетворяет потребность в символической навигации в сфере отношений, подменяя реальность упрощенным, но понятным сценарием «идеальной» любви.

«Большое переселение» (ТНТ) — яркий пример социальной симуляции. Суть шоу — обмен жильем и образом жизни между представителями разных слоев общества. Оно отражает интерес молодежи к теме социальной мобильности, к возможности про-

жить «чужую жизнь», понять себя и свои границы. Шоу позволяет зрителю увидеть столкновение ценностей и культурных установок, почувствовать, каково это — быть «другим».

Во всех рассмотренных случаях важным элементом привлекательности является высокая визуальная насыщенность, динамичный монтаж, наличие узнаваемых лиц и возможность социального участия через обсуждения в соцсетях, комментарии и мемы культуры.

Исследователь А. А. Князева приходит к выводу, что «развлекательный формат телепередач может оказывать серьезное влияние на мнение общественности, изменяя ее отношение к важным вопросам современности, а также привлекает внимание молодежной аудитории к социальным проблемам» [4, 80]: ранняя беременность, аборты, демографический кризис («Мама в 16» на телеканале «Ю»), социальное неравенство («Селянка-Горожанка» на «Ю»), насилие, преступность, одиночество, алкоголизм и наркомания («Битва экстрасенсов» на «ТНТ»).

Е. С. Беломоина полагает, что телевидение остается самым эффективным коммуникативным инструментом социального и культурного воздействия на человека: от того, какие образцы нравственного и духовного поведения пропагандируют телеканалы, зависит будущее общества [5, 238]. Так, российские СМИ поддерживают в своих материалах традиционные ценности, а в зарубежной прессе и кино продвигается повестка о лояльном отношении к представителям ЛГБТ-сообществ.

С целью определения степени влияния эфирного и онлайн-телевидения на молодежь нами был использован метод экспертного опроса, в котором приняли участие специалисты в области журналистики и психологии:

1. Владимир Лучников — главный аналитик департамента массовых коммуникаций управления информационной политики администрации губернатора Ульяновской области.

2. Евгений Луковкин — заместитель главного редактора телеканала «Репортер 73».

3. Дарья Мязина — заместитель начальника службы ТВ Издательского дома «Ульяновская правда».

4. Людмила Ляшенко — кандидат педагогических наук, член Союза журналистов России, директор АНО «Школа речевого мастерства Людмилы Ляшенко».

5. Ирина Шмыгова — корреспондент, ведущая информационных программ ВГТРК «ГТРК «Волга».

6. Александра Краева — заместитель заведующего кафедрой психологии и педагогики по научной работе, секретарь Ученого совета факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета (УлГУ).

7. Георгий Сагин — клинический и консультирующий психолог, РЕВТ-терапевт.

¹ Изменение медиаландшафта // Родная речь. — Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/14KvFg-Zg0N6p-2_tn0ixERniq3rXhMhM/view (дата обращения: 26.06.2025)

² Главный развлекательный телеканал страны в сегменте аудитории от 10 до 45 лет, по данным рейтинга телеканалов за 2024 год, опубликованного компанией Mediascope.

8. Семен Голубев — клинический и консультирующий психолог, АСТ-терапевт.

9. Игорь Кочетков — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики УлГУ.

10. Эмилия Агаджанова — психолог, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики, заведующий учебно-исследовательской лабораторией УлГУ.

Сопоставим ответы обеих групп экспертов по пяти вопросам: «Какой эффект оказывает телевизионный контент на ценности и убеждения современной молодежи?», «Какие психологические механизмы могут влиять на восприятие телевизионной информации молодежью?», «Какую роль играет сопереживание героям телевизионных программ в формировании мировоззрения молодого поколения?», «Как новые технологии и платформы изменяют восприятие телевизионной информации молодежной аудиторией?», «Как телеканалы могут привлечь молодежь и повысить эффективность взаимодействия с ней?».

Большинство журналистов полагают, что влияние телевидения на молодежь по-прежнему ощутимо, хотя и признают снижение популярности СМИ в условиях цифровизации. Психологи оказались более категоричными: все опрошенные, за исключением Э. Р. Агаджановой, считают влияние телевидения на молодежь минимальным.

Журналисты, несмотря на различия в формулировках, в целом сходятся на том, что восприятие телевизионной информации молодежью обусловлено эмоциональной вовлеченностью, повторяемостью контента и стремлением к идентификации с транслируемыми образами. Психологи демонстрируют более разнородные позиции: от полного отрицания существования подобных механизмов (А. Г. Краева) до признания их многоуровневого действия.

Сопереживание героям телепередач признается большинством участников опроса важным фак-

тором формирования мировоззрения, способным оказывать конструктивное либо деструктивное воздействие в зависимости от транслируемых образов.

Все эксперты солидарны в том, что новые технологии привели к миграции молодежи в онлайн-среду: телевидение с его ограниченным форматом и отсутствием гибкости теряет актуальность в глазах молодых людей, для которых важны персонализация и интерактивность. Тем не менее, А. Г. Краева указывает на потенциальные риски поверхностного восприятия и снижения когнитивной глубины, что делает вопрос адаптации СМИ к новым реалиям не только технологическим, но и педагогическим, и культурным вызовом.

Телевидению, по мнению экспертов, следует кардинально пересмотреть способы взаимодействия с молодой аудиторией: контент должен быть динамичным, ярким, лаконичным и публиковаться в цифровой среде. При этом важно не просто развлекать, но и развивать: сочетание образовательной, ценностной и культурной составляющей может стать основой эффективного и устойчивого взаимодействия. Перспективным представляется отказ от авторитарной подачи: телекоммуникации должны выстраиваться на равных, с учетом обратной связи, вовлечения и взаимодействия. Успешное привлечение молодой аудитории возможно только через содержательную трансформацию, технологическую адаптацию и культурный диалог, который должен строиться на реальных потребностях нового поколения.

В данном контексте особенно важен взгляд «изнутри», поэтому мы обратились к опросу молодежи. Исследование проводилось в онлайн-формате с 25 марта по 1 апреля 2025 г. В нем приняли участие 112 респондентов в возрасте от 18 до 24 лет, в основном студенты бакалавриата и магистратуры.

Согласно полученным данным, 46,4% молодых людей смотрят телевизор реже одного раза в неделю (Рис. 1).

Как часто вы смотрите телевизор?

112 ответов

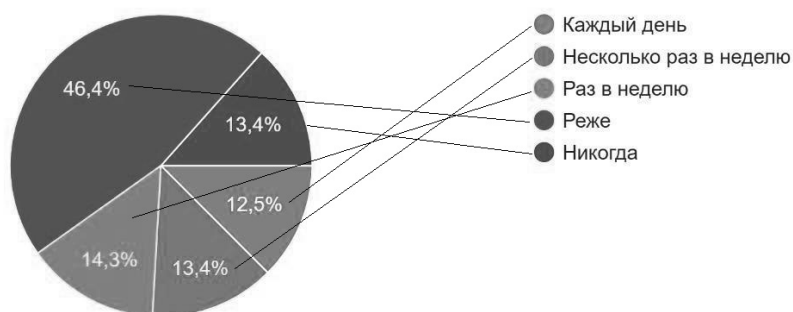

Рис. 1. Частота телепросмотра

Наиболее популярными типами передач оказались сериалы (66,1%), развлекатель-

ные шоу (56,3%) и новости (38,4%).

Какой тип программ вы смотрите чаще всего?

112 ответов

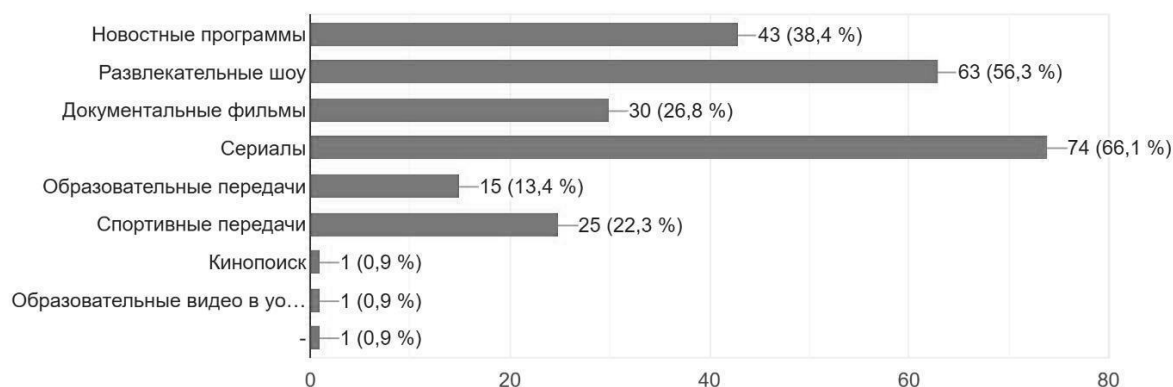

Рис. 2. Предпочитаемые типы телепрограмм

При этом 41,1% опрошенных считают, что телевидение влияет на их мировоззрение, а 3,6% — что влияет сильно (Рис. 3). Даже при нерегулярном просмотре оно способно оказывать заметное воздействие, а если учесть, что молодежь активно смо-

трит сериалы и шоу в сети и почти весь популярный онлайн-контент построен по принципу телевизионного (что подчеркивает участник экспертного опроса Е. С. Луковкин), его эффективность не вызывает сомнений.

Как вы считаете, телевидение влияет на ваше мировоззрение?

112 ответов

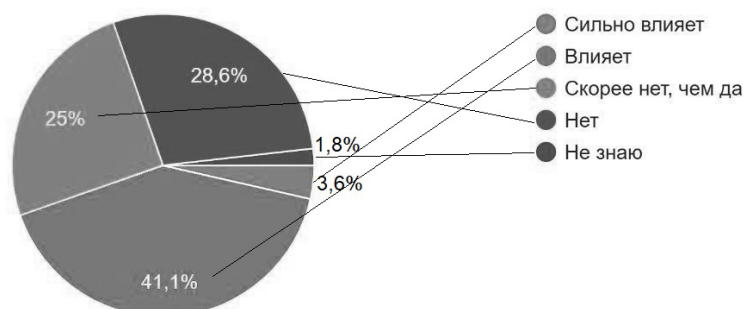

Рис. 3. Воздействие телевидения на молодежь

Наибольшее влияние телевидение оказывает в области социальных вопросов (46,4%),

политических взглядов (41,1%), а также моды и стиля (34,8%) (Рис. 4).

В каких аспектах телевидение влияет на ваше мировоззрение?

112 ответов

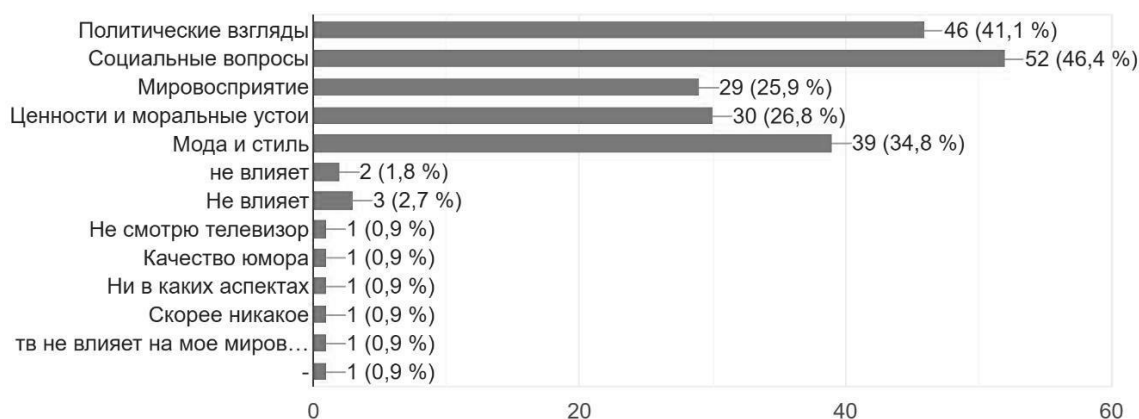

Рис. 4. Основные аспекты влияния телевидения на мировоззрение

Почти 90% опрошенных уверены, что телевидение способствует формированию стереотипов (Рис. 5).

Считаете ли вы, что телевидение способствует формированию стереотипов?

112 ответов

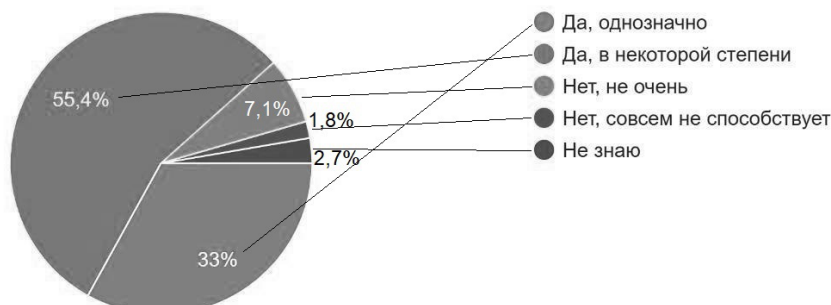

Рис. 5. Телевидение как фактор формирования стереотипов

Критическое восприятие информации из телевизора считают важным или очень важным более 65% респондентов (Рис. 6), что говорит об осознании его манипулятивного потенциала.

Как вы думаете, насколько важно критически воспринимать информацию из телевизора?

112 ответов

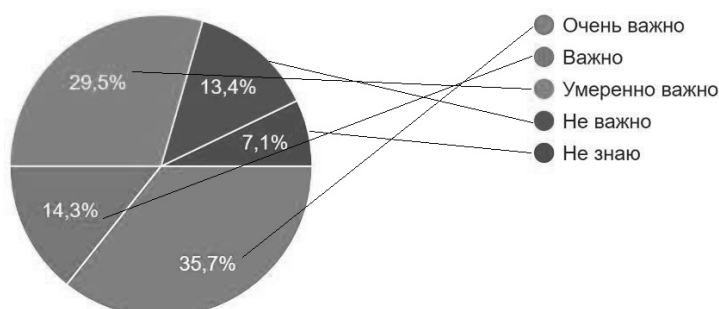

Рис. 6. Необходимость критической оценки контента

Финальный вопрос анкеты — «Какие перемены, на ваш взгляд, могут помочь современному телевидению стать более популярным и полезным для молодежи?» — предполагал развернутые ответы. Прочитируем наиболее содержательные из них: «Включение в эфир программ, способствующих интеллектуальному и культурному развитию молодежи», «Для начала узнать, чем молодежь на самом деле интересуется с помощью опросов в соцсетях, и уже отталкиваясь от этого, показывать на экранах, что на самом деле интересно молодежи, а не то, что, по мнению кого-то там, должно быть интересно. Думаю, еще можно добавить больше интерактива, прямых трансляций. Интересно было бы посмотреть, как какая-нибудь известная личность делится впечатлениями от фильма или сериала, параллельно отвечая на вопросы зрителей», «Исключить стереотипы, снизить количество пропаганды и не выдавать желаемое за действительное», «Прозрачная, правдивая политическая информация, а не навязывание стереотипных мнений и взглядов в развлекательных/образовательных программах».

Иными словами, в качестве путей модернизации телевидения респонденты предложили:

Снижение доли пропаганды и упрощенных образов, отказ от навязывания шаблонных мнений.

Интеграцию современных интерактивных форматов, прямых эфиров и возможностей обратной связи.

Честный, актуальный и интересный для молодежи контент, сформированный с учетом ее реальных интересов.

Опираясь на результаты опроса, можно составить обобщенный портрет молодого зрителя, который смотрит телевизор не чаще раза в неделю, отдавая предпочтение сериалам, развлекательным шоу и новостям. Он признает влияние телевидения на свое социальное, политическое и культурное мировоззрение и способен критически оценивать информацию с экрана. При этом линейное телевидение становится для него, скорее, «афишей»: заинтересовавшись контентом, потребитель находит и смотрит его в сети [6, 65].

Таким образом, современное телевидение обладает большим потенциалом воздействия на мо-

лодежь. В условиях цифровизации ему важно модернизировать форматы, каналы дистрибуции и коммуникационные стратегии, развивать сотрудничество с образовательными организациями, учреждениями культуры и институтами гражданского общества, в том числе с молодежными движениями. Только при наличии комплексного подхода телевидение может стать эффективным инструментом воспитания, социализации и формирования мировоззренческих ценностей молодого поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чуранов Е. Статистика интернета и соцсетей на 2025 год — цифры и тренды в мире и в России / Е. Чуранов. — Режим доступа: https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2025-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f#6 (дата обращения: 26.06.2025).
2. Наумов А. О. Телеканал RT как актер «мягкой силы» Российской Федерации / А. О. Наумов, Д. В. Демин, Е. В. Яценко, Е. С. Седова // Клио. — 2025. — № 3 (219). — С. 193—200/
3. Дугин Е. Я. Модели взаимодействия телевидения с аудиторией: между новыми и традиционными медиа / Е. Я. Дугин // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2017. — № 5. — С. 72—83.
4. Князева А. А. Освещение актуальных социальных проблем в реалити-шоу на телеканале «Ю» (на примере программ «Беременная в 16» и «Селянка-Горожанка») / А. А. Князева // Медиасреда. — 2024. — № 1. — С. 80—84.
5. Беломоина Е. С. Специфика культурологического знания о медиакультуре / Е. С. Беломоина // Актуальные проблемы художественно-эстетического и нравственного воспитания и образования детей и молодежи: традиции и новаторство: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского. — 2020. — С. 235—238.
6. Мурзина О. В. Онлайн-кинотеатры как новые медиа / О. В. Мурзина, А. А. Грабельников, А. Ю. Цицинов // Литера. — 2023. — № 6. — С. 61—68.

Ульяновский государственный университет
Онупrienko K. A., кандидат филологических наук, доцент
E-mail: simbushka94@mail.ru

Ulyanovsk State University
Onuprienko K. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
E-mail: simbushka94@mail.ru

О РОЛИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОГО ТОПОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

С. А. Попов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 июля 2025 г.

Аннотация: автор продолжает серию научных статей, посвященных деятельности региональных СМК Воронежской области по освещению на своих страницах топонимической и лингвокраеведческой тематики. Данная работа направлена на выявление роли местных СМИ в репрезентации топонимического пространства региона и исследовании их вклада в процесс формирования региональной идентичности. Подчеркивается важность изучения процессов транслирования местной топонимической культуры и сохранения историко-географического наследия региона через средства массовой коммуникации. Исследование позволяет выявить механизмы и формы, посредством которых формируются устойчивые образы и представление о родном крае среди местного населения. Автор приходит к выводу, что региональные СМК могут стать также и одним из источников научных топонимических исследований родного края.

Ключевые слова: Воронежская область, региональные СМИ, журналистика, регионалистика, региональная идентичность, топонимическое пространство, топонимы, ойконимы, лингвистическое краеведение.

Abstract: the author concludes a series of articles dedicated to the activities of district newspapers in Voronezh region regarding their coverage of topographic and linguistic local studies on their pages. This work aims at identifying the role of regional media outlets in representing the region's toponymic space and exploring their contribution to the process of forming regional identity. The importance of studying processes related to transmitting local toponymic culture and preserving historical-geographical heritage through mass communication channels is emphasized. The research reveals mechanisms and forms by which stable images and perceptions about one's native land are formed among the local population. The author comes to the conclusion that regional media can also serve as one of the sources for scientific toponymic research of the homeland.

Keywords: Voronezh Region, regional media, journalism, regional studies, regional identity, toponymic space, toponyms, oikonyms, linguistic local studies.

Вопрос формирования региональной идентичности остается актуальным в условиях глобализации и усиления информационного воздействия извне. Средства массовой коммуникации (далее — СМК) играют ключевую роль в передаче историко-культурного опыта и закреплении ценностей, присущих конкретной территории. Особенную значимость приобретает отражение местных топонимов — географических названий, выражающих своеобразие и особенности той или иной местности. Именно поэтому важно изучить способы и методы, применяемые СМК для презентации и популяризации местной топонимической среды.

Как отмечает А. Э. Геворкян, «массовая коммуникация — это система взаимосвязей, позволяющая получить практически одновременный доступ к социально значимым сообщениям большому чис-

лу людей, независимо от места расположения, положения, социального статуса (например, СМИ, интернет). Такая коммуникация развивается на основе использования технических средств размножения и передачи сообщения. Как правило, массовые коммуникации осуществляются специализированными организациями (издательства, агентства, редакции, студии)» [1, 9].

Важность исследования заключается также в понимании влияния СМК на развитие гражданской активности и социокультурной адаптации жителей региона. Освещенность пространственных символов помогает формировать гордость за свою малую родину, усиливает интерес к ее прошлому и настоящему, стимулирует уважение к местным обычаям и традициям.

Цель данной работы состоит в том, чтобы определить специфику функционирования средств массовой коммуникации Воронежской области в про-

цессе формирования и поддержания региональной идентичности через призму отображения топонимического пространства.

К вопросам освещения местного топонимического пространства в региональных изданиях относятся журналистские исследования происхождения существующих местных наименований населенных пунктов (ойконимов) либо прежних вариантов названий (при условии переименования), а также материалы о поселениях, прекративших свое существование на исследуемой территории, информация о текущих и исторических наименованиях улиц и отдельных территорий, имена лиц, чьей памятью увековечены названия сел, поселков, хуторов, деревень, городов, улиц, проспектов, площадей, переулков, парков и прочих объектов городской среды. Не менее значимы и публикации местных мифологических сюжетов и преданий, связанных с происхождением тех или иных географических названий.

Согласно данным сайта Роскомнадзора, в настоящее время на территории Воронежской области действуют 99 зарегистрированных СМИ, из них 81 печатное издание (газеты и журналы, в т.ч. 34 районные газеты и социальный выпуск одной из них) и 18 электронных изданий (радиоканалы и телеканалы), прекращена деятельность 54 зарегистрированных СМИ (35 печатных и 19 электронных) [2]. Сегодня в свободном доступе с печатными версиями районных и государственных областных газет можно ознакомиться в отделе краеведения Воронежской областной универсальной научной библиотеки им. И. С. Никитина, с их электронными версиями начиная с января 2021 года — на сайте библиотеки в разделе «Электронная библиотека» [3].

Ранее мы отмечали: «Проведя мониторинг районных газет Воронежской области за последние пять лет, мы обнаружили множество лингвокраеведческих публикаций, посвященных истории, диалектам, происхождению названий не только существующих, но и исчезнувших населенных пунктов региона. Часто в указанных материалах содержится много информации, порой эксклюзивной, которая будет весьма полезна для ученого-топонимиста. В данном случае региональное топонимическое пространство выступает в роли материала для журналистов районных газет, и авторы их публикаций вносят значительный вклад в исследование и сохранение культурно-исторической информации о родном крае для потомков» [4, 268].

Воронежская область обладает собственной уникальной идентичностью, основанной на сочетании природно-географической среды, исторического прошлого и сложившихся культурных традиций. Одним из ключевых элементов такой идентичности являются местные топонимы — названия населенных пунктов, рек, озер, прудов, ручьев, гор, лесов и иных географических объектов. Они хранят память поко-

лений, ассоциируются с важными историческими событиями и символически определяют территорию как особую среду обитания человека.

Местные жители воспринимают топонимы как маркеры территориального самоопределения и коллективной идентификации. Когда население видит, слышит и читает в средствах массовой коммуникации о своем населенном пункте, реке или улице, оно ощущает принадлежность к этому месту, укрепляет чувство единства с ним.

Именно поэтому значительное внимание уделяется вопросам локализации — процессу наполнения смыслом и содержанием пространства вокруг себя. Репрезентация топонимов становится важнейшим фактором воспроизводства региональной идентичности.

Главным каналом передачи и воспроизведения значений топонимов становятся средства массовой коммуникации. Газеты, журналы, телевидение и радио, информационные агентства, интернет-порталы, телеграм-каналы формируют особый тип общественного сознания, связанного с восприятием территории, на которой живет человек.

Наиболее распространенным способом репрезентации топонимов является использование устоявшихся географических названий в новостных сообщениях, очерках, рекламных объявлениях и аналитических материалах. Часто журналисты обращаются к местным легендам и преданиям, связанным с определенными объектами, создавая дополнительные ассоциации и образные конструкции.

Кроме того, некоторые СМИ организуют специальные рубрики и разделы, посвященные краеведению и сохранению историко-культурного наследия региона. Такие проекты позволяют глубже раскрыть историю конкретных населенных пунктов, привлечь внимание широкой аудитории к проблемам охраны природного и культурного наследия.

Проанализированный топонимический материал, опубликованный в СМИ Воронежской области за последние семь лет, позволил нам разделить его на несколько общих тематических блоков: ойконимия (названия населенных пунктов), урбанонимия (названия внутригородских объектов), микротопонимия (названия мелких географических объектов), исчезнувшие населенные пункты и их названия.

Например, в газете «Аннинские вести» преподаватель филологического факультета ВГУ Дарья Гальцова рассказала землякам, откуда взялись названия улиц ее родного села Старый Курлак [5, 5].

В бобровской районной газете «Звезда» 9 и 16 февраля 2021 г. в рубрике «По страницам истории» опубликованы статьи Елены Ледневой «На каких улицах жили бобровцы до революции», в которых приведены сведения о прежних названиях современных улиц райцентра, дана их этимология, перечислены расположенные на них исторические здания. В частности, до 1917 г. в Боброве были ули-

цы *Большая Воронежская* (современная ул. Кирова), *Большая Московская* (ул. 22 января), *Дугиновская* (ул. Пугачёвская), *Игорецкая*, *Романовский бульвар*, *Садовая* (ул. Авдеева), *Солдатско-Ротная* (ул. Краснофлотская), *Прогульно-Дворянская* (ул. Алексеевская) и др.

Районные СМИ также играют важную роль в сохранении памяти об исчезнувших населенных пунктах, вместе с которыми ушли и их названия. Информация об этих хуторах, деревнях, поселках, селах через страницы «районки» передается последующим поколениям земляков зачастую во многом благодаря энтузиазму местных краеведов, школьных учителей, журналистов.

Например, редакция таловской районной газеты «Заря» 25 октября 2019 г. публикацией «Некоролевская судьба Корольского» открыла на своих страницах рубрику «Исчезнувшие с карты», в которой журналисты стали «рассказывать о поселках, которые когда-то существовали, в них жили и трудились люди, кипела общественная жизнь. А потом по разным причинам они исчезли с карты района. Но самое главное — еще живы люди, для которых эти поселки — их малая родина» [6, 5].

Петропавловская районная газета «Родное Придонье» в январе 2020 г. открыла новую рубрику «Здесь был хутор», в которой публикуются материалы о забытых и заброшенных хуторах и деревнях района. В дебютном материале о хуторе Мандровка раскрыта этимология ойконима, приведены сведения из начальной истории хутора: «Старожилы утверждали, что название хутору дал крестьянин по фамилии Мандровский, который перебрался в это место вместе с семьей из села Журавка Богучарского района. Было это в 1865 г. В том же году в хуторе было отстроено 12 хат-лозюнок, где проживало 46 мужчин и 47 женщин. Через 20 лет в Мандровке уже проживало 686 человек в 132 домах» [7, 8].

В годы юбилеев Великой Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. многие районные газеты опубликовали иллюстрированные материалы о земляках-героях, в честь которых были названы улицы местных населенных пунктов.

Воронежская газета «МОЁ!» открыла новую рубрику «Город героев», посвященную героям, воинским соединениям и событиям Великой Отечественной войны, в честь которых названы улицы областного центра [8].

Руководитель АНО ГИ «Мой Богучар» Иван Шевцов совместно с заместителем руководителя МКУ «Управление культуры» Богучарского муниципального района Екатериной Улевой при финансовой поддержке администрации района с 2017 г. организовал съемки нескольких документальных фильмов из цикла «Герои улиц города Богучар», посвященных Героям Советского Союза, в честь которых названы улицы районного центра.

К 75-летию освобождения Воронежа от немецко-фашистских захватчиков РИА «Воронеж» еженедельно с марта 2015 г. по апрель 2017 г. успешно реализовывало просветительский проект «Воронеж. Улицы победителей». Корреспондент портала Елена Миннибаева вместе с известным воронежским историком Владимиром Размустовым рассказали о героях Великой Отечественной войны, имена которых получили улицы, проспекты и переулки областного центра, об их подвигах и людях, которые лично были знакомы с воинами-защитниками. Всего было опубликовано 84 материала.

В Воронеже и области особое внимание уделяется популярным проектам, таким как туристические маршруты по местам жизни знаменитых писателей и поэтов, обзорные экскурсии по улицам города с изучением архитектурных памятников, проведение фестивалей и мероприятий, приуроченных к годовщинам основания отдельных поселков и деревень.

Помимо традиционных каналов массмедиа, широкое распространение получили онлайн-ресурсы и социальные сети, позволяющие оперативно распространять информацию о событиях, происходящих в районе, включая данные о топонимах и особенностях местного колорита.

Однако качество подобной информации порой вызывает сомнения. Недостаточная глубина проработки материала, отсутствие профессиональных знаний и навыков журналистов ведут к упрощенному, фрагментарному освещению важнейших аспектов географии и истории региона. Подобная ситуация снижает эффективность формируемого образа региона и негативно сказывается на восприятии его идентичности.

Также отмечается недостаток систематизированности подачи информации о топонимическом пространстве. Большинство СМИ публикуют отдельные разрозненные сведения, редко предлагая целостную картину, позволяющую полноценно оценить всю глубину местного контекста.

Современные изменения в медиаиндустрии создают новые возможности для улучшения процесса репрезентации топонимического пространства. Активизация цифровой инфраструктуры, появление новых платформ и технологий открывают пути для реализации интерактивных проектов, направленных на привлечение внимания к проблемам сохранности историко-культурного наследия.

Перспективным направлением представляется создание специализированных порталов и цифровых карт, включающих исторические карты, архивные фотографии, тексты документов и комментарии специалистов. Подобные ресурсы позволят значительно расширить доступ к знаниям о местном топонимическом пространстве и создать условия для активного вовлечения общественности в дело сохранения историко-культурного наследия региона.

Вместе с тем существует необходимость повышения уровня профессионализма сотрудников СМИ, работающих над материалами, затрагивающими аспекты местной топонимии. Важно стимулировать развитие методологических подходов, обеспечивающих качественное освещение соответствующих вопросов.

Итак, проведенное исследование показало, что средства массовой коммуникации Воронежской области играют значительную роль в формировании и поддержке региональной идентичности путем освещения местного топонимического пространства. Однако существуют значительные недостатки в качестве и глубине подобного освещения, препятствующие полноценному раскрытию историко-культурного потенциала региона.

Дальнейшие шаги должны включать разработку эффективных стратегий сотрудничества между государственными структурами, научным сообществом и журналистскими кругами. Необходимо повысить уровень профессиональной подготовки кадров, разработать методики оценки эффективности репрезентации топонимов в СМИ, внедрить инновационные технологии, повышающие доступность и привлекательность информации о месте проживания.

Создание условий для полноценного освоения и адекватного понимания местной топонимической среды позволит укрепить региональный патриотизм, активизировать общественную активность и способствовать дальнейшему социально-экономическому развитию региона.

Воронежский государственный университет

*Попов С. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна
E-mail: spo@bk.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев С. Откуда взялись названия улиц села Старый Курлак: Географию своей малой родины исследовала студентка Дарья Гальцова / С. Афанасьев // Аннинские вести. — 2020. — 22 сент. — С. 5.
2. Геворкян А. Э. Понятие, сущность и функции массовой коммуникации / А. Э. Геворкян // Теория и практика общественного развития. — 2005. — № 3. — С. 8—11.
3. Город героев. Мощные штурмовики Витрука. — Режим доступа: <https://moe-online.ru/pro/pomnim/article/363> (дата обращения: 17.06.2025).
4. Нужная И. Некоролевская судьба Корольского / И. Нужная // Заря. — 2019. — 25 окт. — С. 5.
5. Перечень наименований зарегистрированных СМИ: Сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзора). — Режим доступа: <https://rkn.gov.ru/activity/mass-media/for-founders/media/> (дата обращения: 17.06.2025).
6. Периодические издания (районные). — Режим доступа: <https://el.vrnlib.ru/category/periodicheskie-izdaniya-rajonnye/> (дата обращения: 07.07.2025).
7. Попов С. А. Региональная топонимия как материал для работы журналистов районных средств массовой информации / С. А. Попов // Неофилология. — 2023. — Т. 9. — № 2. — С. 266—273. — Режим доступа: <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-266-273> (дата обращения: 07.07.2025).
8. Попова Л. В Мандровке — полувековая тишина: 46 лет назад исчез с лица земли хутор с необычным названием / Л. В. Попова // Родное Придонье. — 2020. 24 янв. — С. 8—9.

Voronezh State University

*Popov S. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the
Public Relations, Advertising and Design Department
E-mail: spo@bk.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО НАРРАТИВА: МЕДИАЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ПРИЗМЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Е. С. Радионцева

Омский государственный технический университет

Поступила в редакцию 24 июня 2025 г.

Аннотация: возможности медиаэстетики в современных реалиях предопределены технологическими параметрами коммуникативной системы. Цель исследования — выявить технологические приемы, наиболее частотные в медиаиндустрии при разработке повествовательных историй. Эмпирической базой стали медиатексты победителей конкурса «Инфоповод года» российской системы мониторинга СМИ и соцмедиа «Медиалогия» с 2020 по 2025 гг. — всего 150 мультимедийных нарративов, отраженных в 79 798 сообщениях разных типологических сегментов СМИ.

Ключевые слова: медиаэстетика, мультимедийный нарратив, PR-практика, медиаэстетический компонент.

Abstract: the possibilities of media aesthetics in modern realities are predetermined by the technological parameters of the communication system. The purpose of the study is to identify the technological techniques most frequently used in the PR industry in developing narrative stories. The empirical base was the media texts of the winners of the “Info-reason of the Year” competition of the Russian media and social media monitoring system “Medialogy” from 2020 to 2025 — a total of 150 PR campaigns reflected in 79,798 messages from different typological media segments.

Keywords: media aesthetics, multimedia narrative, PR practice, media aesthetic component.

Введение. Формирование личности сегодня во многом определяется воздействием digital-среды, в пространстве которой человек проводит все больше времени. Согласно данным компании Datareportal, We Are Social и Meltwater, среднесуточное время россиян в онлайн за 2024 г. возросло на 18 минут и составило 8 часов 38 минут¹. В эпоху повсеместной цифровизации медиакоммуникационная среда становится сферой удовлетворения эстетических потребностей, являющихся «<...> основой, на которой построена эстетическая культура личности и общества» [1, 117].

Медиаэстетика, формирующая чувственно-образное восприятие мира, в современном коммуникационном пространстве детерминирована технологической средой. «Медиаэстетика <...> направляет внимание на сущностные черты восприятия, предопределяемые технологически <...>» [2, 15]. Речь идет, если пользоваться словами Ф. Гваттари, о «новой эстетической парадигме» [3], где эстетическое перестает существовать в отдельном пространстве искусства.

¹ Digital 2025: ключевые данные из нового отчета DataReportal. — URL: <https://www.byd.me/ru/blog/2025/03/digital-2025-key-data-datareportal> (дата обращения: 2.06.2025).

Обзор литературы. Актуальность обращения к эстетике медиакоммуникаций обусловлена тем, что «предмет эстетики исторически и содержательно подвижен, изменчив... На каждом новом этапе культурного развития обнаруживается неполнота сложившихся представлений об эстетическом отношении человека к миру и к самому себе, поэтому людям приходилось вновь и вновь осмысливать и пересматривать вопрос о предмете чувственно-эмоционального мира» [4, 7—8].

В научном дискурсе вопросы медиаэстетики стали обсуждаться с 1930-х годов, когда Вальтер Беньямин (1892—1940), немецкий философ, эстетик, стоявший у истоков изучения массмедиа, подготовил статью «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» [5]. Интерес к теме прослеживается в трудах Томаса Митчелла (род. в 1942 г.), американского теоретика медиа, в работе «Art and the Public Sphere» (1993), а позже в исследовании Льва Мановича (род. в 1960 г.) «Теории софт-культуры» [6].

Среди значимых актуальных отечественных работ по медиаэстетике — коллективные монографии «Эстетика журналистики» [7] и «Медиаэстетический компонент современной коммуникации» [2].

Активный интерес к вопросам медиаэстетики обозначился с 2018 г.: с этого периода в российских научных библиотеках увеличилось количество пу-

бликаций, посвященных медиаэстетическому компоненту. При поисковом запросе «медиаэстетика» на elibrary.ru перечень источников составил 200 позиций (дата обращения: 20.12.2024), однако, как показал контент-анализ, исключающий погрешность автоматизированного ресурса, строго релевантными оказались 95 текстов. За этот период было защищено два диссертационных исследования, непосредственно связанных с темой медиаэстетики [8—9].

В настоящем исследовании под медиаэстетикой понимается направление современной эстетики в сфере коммуникационной среды. Медиаэстетика направлена на изучение эстетического содержания коммуникационных ресурсов современности и рассматривается как инструмент аналитического подхода к коммуникации, направленный на выявление смыслов интеракций человека и медиума.

На формирование эстетических основ в медиакоммуникационной среде большое влияние оказывает PR-практика, в частности деятельность специалистов по связям с общественностью. «Мир PR-практики рисует прототип, показывая, какой могла бы быть окружающая среда в абстрактном идеальном мире. Он <...> позволяет <...> погрузиться в эстетическую среду. <...> В этом смысле PR-практика выполняет важную социальную миссию, намечая перспективы общественного развития» [10, 27].

Информационные потоки современности наполняются во многом благодаря деятельности PR-сообщества. «Региональная журналистика на 80% — журналистика пресс-релизов», — отмечает главный редактор газеты «Амурская правда» Е. Павлова [11, 18]. Тиражирование инфоповода — маркер интереса профессионального журналистского сообщества к нарративу, предопределяющий его медийный вес.

«Работа журналиста никогда не сводилась к обыденному информированию аудитории «о вещах прелюбопытнейших и занимательных»... И если обернуться к нашим исконным традициям, то вспомнится, прежде всего, *Слово журналиста*, обращенное к людям и указывающее в жизни на все то, <...> что следует сообща поправить, о чем необходимо еще и еще раз подумать», — пишет В. А. Сидоров [12, 18]. И в этом смысле PR-практика — это вклад медиаобщества в развитие общественных ценностей.

Описание материала и методов исследования. Эмпирической базой исследования послужили мультимедийные нарративы — победители конкурса «Инфоповод года» системы мониторинга СМИ и соцмедиа «Медиалогия», оставившие наибольший след в медиакоммуникационном пространстве.

«Инфоповод года» — ежегодный исследовательский проект «Медиалогии» по оценке значимых PR-кейсов на основе данных системы по анализу СМИ.

В базе нашего анализа — проекты с 2020 г. по настоящий момент; это ровно 150 PR-кампаний, пред-

ставленных в 79 787 медиатекстах разных типологических сегментов СМИ. Количество основано на данных, зафиксированных системой «Медиалогия» с 2021 г. по 2025 г. Следует добавить, что материалы «Инфоповод года-2020» и их PR-кампании учитывались в исследовании, а вот их количественное отражение в СМИ не представлено в базе анализа в полном объеме, поскольку на сайте «Медиалогии» о них нет окончательных данных, а значит, не представляется возможным сформировать верифицируемую выборку.

В 2024 г. на репрезентацию одного мультимедийного нарратива пришлось в среднем 851 публикация, в 2023 г. — 355 публикаций, в 2022 г. — 334, в 2021 г. — 818 и т.д. Количественные показатели видятся верифицируемыми, однако ценность работы PR-сообщества заключается, прежде всего, в их эстетической природе.

Путь к выбору адекватных аналитических инструментов в рамках данного исследования связан с подходами, разработанными и применяемыми современными авторами в рамках анализа медиаэстетического поля. Методами исследования послужили контент-анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, моделирование, методы интроспекции и проспекции, а также абдуктивный подход, позволяющий выделять технологические доминанты при создании нарратива.

Представление результатов. Репрезентация PR-нарративов: объект медиаэстетики. На противостояние эстетической и семантической природы текста обратил внимание в 1960-х гг. французский физик, философ, психолог, специалист по теории информации А. Моль (1920—1992). Он одним из первых разграничил прагматическую природу текста, читаемую в журналистских сообщениях, и обозначил ее как семантическую, противопоставив эстетической, направленной на формирование эмоций и впечатлений [13]. Эстетическая информация, согласно А. Молю, не вызывает принуждения к действиям, но способна повлиять на психологическое, в первую очередь, эмоциональное состояние реципиента [13, 200].

Эстетическое восприятие объединяет в себе чувственный и эмоциональный способы отражения действительности. «<...> сообщения, содержащие чисто семантическую или чисто эстетическую информацию, — это всего лишь предельные случаи, диалектические полюсы. Каждое реальное сообщение всегда содержит сильно перемешанные части того и другого» [13, 206].

Репрезентация мультимедийного нарратива имеет двусоставную природу: это собственно мультимедийный нарратив, непосредственно воспринимаемый реципиентом, и его отражение в медиасистеме. На практике оба компонента неотделимы друг от друга, однако в исследовании мы искусствен-

но разграничим эти категории.

В понятийно-категориальном аппарате медиакommunikационной практики форма реализации мультимедийного нарратива коррелирует с понятием сложный коммуникационный продукт и соотносится со специальными мероприятиями, ивентами, перформансами и т.д. «Нарратив представляет собой сложное явление, <...> рассматривается как жанр, стратегия общения, конкретные практики передачи информации и способ восприятия реальности» [14, 91]. В научный оборот понятия было введено Ц. Тодоровым в 1968 г., после чего стало широко использоваться в работах европейских исследователей — Ж. Женнета [15], П. Рикёра [16], В. Шмида [17] и др. Теорию нарратива предопределило изучение текстов художественной литературы, основанное на идеях немецких (К. Фридэмана [18]) и отечественных литературоведов: М. М. Бахтина [19; 20], В. Я. Проппа [21], Б. В. Томашевского [22], Б. А. Успенского [23]. Сегодня концепция нарратива привлекает внимание литературоведов, историков, философов, психологов, искусствоведов, политологов, культурологов, специалистов в области юриспруденции и, конечно, исследователей медиакommunikационной среды.

Понятие «мультимедийный нарратив» позволяет объединить разновидности коммуникационных продуктов, разных по техническим, технологическим, структурным, аксиологическим, семиотическим и прочим параметрам. Оно аккумулирует всевозможные формы реализации PR-проектов — событийные и процессные, офлайн-вые и цифровые, простые и сложные.

Традиционно к базовым элементам нарратива относятся событийность; наличие структуры повествования; нарратора, отождествляемого в нашем случае с PR-субъектом; позиции, предопределяющей отношение к высказыванию, и диэгенеза — повествуемого мира, обладающего временной и пространственной организацией. Именно эти параметры, с опорой на осмысление вопроса о технологической концепции нарратива, предопределяют логику нашего исследования. Понятие «мультимедийный нарратив» предполагает акцент на повествовательном элементе сообщения с фокусом на его смысловую категорию. Это позволит нам выявить технологические решения, формирующие медиаэстетическое поле коммуникационной практики.

Репрезентация мультимедийного нарратива в СМИ часто сводится к жанру расширенной заметки с добавлением иллюстративного материала. В нашем случае жанр формируется на основе адаптации пресс-релиза, подготовленного PR-субъектом, под концепцию конкретного медиа. Экономия производственных усилий со стороны редакции, наблюдаемая в однообразии текстовых форм, порождает феномен, когда об эстетическом поле, сформированном

на основе категорий оригинальности и креативности, в медиа говорят шаблонными фразами. В этом видится эффект цифровизации процесса передачи контента — в шаблонности тиражирования смыслов оригинального медиапродукта.

Традиционно объектами отображения в журналистике считаются события, процессы, ситуации и личности. В базе нашего анализа объекты коррелируют с иными категориями.

Основу мультимедийных нарративов формируют объекты и процессы реального мира. Строительство «Парящего моста» компании «Донстрой», вошедшего в Книгу рекордов (инфоповод-2024; количество сообщений — 267); воссоздание легендарной вывески омского магазина «Радость» (инфоповод-2024; количество сообщений — 128); создание конструктора по мотивам русских сказок (инфоповод-2023; количество сообщений — 67). Медийный вес категории не превышает 1000 медиатекстов/инфоповод. Объект основан на эстетической природе, однако смысл его интеракций не детерминирован цифровыми коммуникационными решениями. Категория входит в поле медиаэстетики, формирует его периферийное пространство.

Не формирует ядро медиаэстетических решений и другая категория объектов отображения, связанная с публикацией итогов массовых опросов населения. «Телевизор и холодильник вошли в топ ценной техники для россиян», выяснила компания «Росгосстрах» (инфоповод-2024: количество сообщения — 3373); «Россияне будут дарить близким на Новый год духи, мебель и технику», рассказала организация «АльфаСтрахование» (инфоповод-2024, количество сообщений — 3515) — эти и подобные объекты отображения свидетельствуют о том, что медиа интересны мнения и настроения людей. Это подтверждает медийный вес материалов, как правило, превышающий 1000 сообщений/инфоповод. Личность с ее ценностями и пристрастиями продолжает оставаться в фокусе внимания журнализма. Субъектами этого категориального поля выступают предприятия финансового сектора. Сегодня массовые опросы проводятся с помощью разных цифровых инструментов. Среди наиболее популярных, часто упоминаемых практиками в блогах и специализированных пабликах, — *Google Forms*, *Яндекс.Взгляд*, *Survey Monkey*, *Anketolog*, *Simpoll* и т.д. Использование специальных цифровых платформ для подготовки сообщений не детерминирует объект отображения как обусловленный технологическими параметрами, что позволяет сказать: категория не входит в ядро медиаэстетического поля.

Ядро медиаэстетики в призме осмысления мультимедийного нарратива PR-практики формируют объекты виртуального мира. Эта категория не составляет количественную основу объектов нарративов, не формирует значительный медийный вес,

однако закладывает фундамент медиаэстетического поля PR-практики. Детерминированность технологическими решениями позволяет вовлекать аудиторию в проект, вызывать у нее эмоции и впечатления. «Видеоэкскурсии по архитектуре на примере известных зданий Москвы» от социальной площадки «Одноклассники» (инфоповод-2023; количество сообщений — 68); «Семейная игра о безопасности в Интернете» от сервиса объявлений «Авито» (инфоповод-2023; количество сообщений — 89); «Впервые в России IT-компания начала набор сотрудников для работы в метавселенной» от предприятия Napoleon IT (инфоповод-2022; количество сообщений — 51); «Нейросеть написала музыку по фотографиям и геоданным российских городов» от Platforma (инфоповод-2022, количество сообщений — 48). Объекты виртуального мира создаются по преимуществу компаниями IT-индустрии и телекоммуникационного сектора экономики. Именно эта категория станет объектом нашего пристального внимания, поскольку она в полной мере позволяет раскрыть технологические решения, применяемые практиками для создания мультимедийных нарративов и вовлечения личности в медиаэстетическое пространство.

Репрезентация нарратива: технологический аспект. Выбор объекта отображения предопределяет специфику технологического решения мультимедийного нарратива. Технология репрезентации объектов коррелирует с условными этапами развития Всемирной паутины, которые характеризуются разными подходами к созданию и использованию онлайн-контента и сервисов, — web-технологией.

Web 1.0 является ретронимом понятия, которое относится к статусу WWW и любому стилю дизайна веб-сайта, используемому перед появлением термина Web 2.0. Характеризуется тем, что сайты были статичными, с простым текстом и изображениями, пользователи могли только просматривать информацию. Взаимодействие с аудиторией было минимальным. В нашей базе анализа нарративов, коррелирующих с технологиями web 1.0 не представлено.

В исследовании зафиксированы мультимедийные нарративы, созданные на основе технологии web 2.0. Понятие было введено в 1999 г.; подразумевает сеть интерактивных веб-сайтов и платформ, на которых контент создают пользователи, а не администраторы или собственники ресурса. Типичные представители этой эпохи — социальные сети YouTube, TikTok, ВКонтакте, Телеграм и др. Их общая черта — фокус на пользовательском контенте и социальное взаимодействие.

Яркий пример решения нарратива этого технологического ряда — трибьют-альбом соцмедиа «ВКонтакте» «Я – голос ваш», созданный в память об Анне Ахматовой (инфоповод-2021, количество сообщений — 134). Другие примеры — «Компания Sunlight запустила проект «Первая платформа зна-

комств» (инфоповод-2023, количество сообщений — 112); «Одноклассники» реализовали на своей платформе видеоэкскурсии по архитектуре на примере известных знаний Москвы» (инфоповод-2023, количество сообщений — 68).

Подобный и аналогичные проекты пользователи социальной платформы могут оценить, комментировать. Технологии позволяют делиться контентом, делать рекомендации, вовлекать в процесс общения сообщество. Интеракция обращена к разным тематическим пластам (прежде всего к культурному полю), направлена на взаимодействие аудитории.

К технологии web 3.0 медиаспециалисты обращаются системно, она предоставляет серию возможностей для создания нарратива и погружения реципиента в цифровое пространство.

Концепция web 3.0 была сформулирована в 2007 г. американским интернет-предпринимателем Джейсоном Калаканисом. В эволюционном развитии интернета он увидел некую социокультурную платформу, которая будет использоваться профессионалами для создания интересного, полезного и качественного контента [24]. Появление web 3.0 стало драйвером для развития новых технологий в медиакоммуникационной среде, что привело к образованию частных технологических решений: AR-технологии; VR-технологии; MR-реальности, связанной со стилистикой оформления кампании в формате «computer game»; интерактивной трехмерной среды, метавселенных.

В 2022 г. на конкурсе «Медиалогии» победителями стали сразу три компании, представившие свои проекты в метавселенных. Компания-застройщик ГК ФСК в конце 2022 г. впервые провела пресс-конференцию в новом формате — в метавселенной Spacial (инфоповод года-2022; количество сообщений — 62), «М.Видео» первым в России открыл шоурум в метавселенной (инфоповод-2022, количество сообщений — 48); Napoleon IT впервые в России начал набор сотрудников для работы в метавселенной (инфоповод-2022, количество сообщений — 51). Как правило, точкой входа в метавселенные являются VR-технологии.

С помощью AR-технологии или технологии дополненной реальности был реализован проект Башкирской содовой компании: на выставке ПМЭФ-2022 предприятие продемонстрировало стенд с говорящей упаковкой соды (инфоповод-2022, количество сообщений — 99).

Форма репрезентации подобных проектов позволяет продемонстрировать высокотехнологичность компании, показать новаторство в сфере коммуникации, транслировать приверженность технологическим трендам, открытость новациям, готовность войти в поле эксперимента. По сути это свидетельствует о новом типе мышления компании, в который органично вписывается эстетика творческого под-

хода. Именно это, в сочетании с эмоцией удивления и опорой на эстетические потребности, делает проекты успешными и эффективными.

Интеракции, обусловленные технологическими решениями, вызывают у реципиентов разные эмоции — от удивления, формируемого открытым сюжетом, до радости и удовольствия, при удачном завершении интеракции, или разочарования и негодования — в случае не очень удачной. Трехмерная

визуализация позволяет создавать более реалистичные и глубокие визуальные сцены, охватывать широкий диапазон информации.

Технология web 3.0 позволяет вовлечь и погрузить реципиентов в искусственно созданную среду. Это укрепляет медиаэстетический фундамент, делая медиа субъектом формирования эстетической платформы общества (см. рис. 1).

Рис. 1 — Технологическая платформа создания мультимедийных нарративов

Отдельное направление в этом технологическом ряду связано с использованием искусственного интеллекта при создании нарратива. Так, компания «Роквул» подготовила и реализовала проект «Дизайнеры с помощью Midjotney показали российские города через 30 лет» (инфоповод-2023, количество сообщений — 53), «Яндекс» показал, что нейросеть научилась читать старинные рукописи (инфоповод-2023, количество сообщений — 145).

Интеракция медиума с подобными проектами не предполагает технической детерминированности, что ставит объекты в периферийный уровень. Медиаэстетический аспект прослеживается на этапе подготовки проекта, однако в связи с тем, что количество подобных нарративов растет, мы не могли не обратить внимания на этот аспект.

Последующие уровни развития web-технологий — web 4.0 и web 5.0 — предполагают

более глубокое погружение реципиента в пространство Сети. Сегодня эти технологии, как пишут открытые источники, находятся в стадии разработки, но пока отсутствует четкое понимание, что они повлекут за собой. Источники изобилуют информацией о том, что последующие эпохи web-технологий станут временем торжества эмоционального интеллекта, известного как «телепатическая и эмоциональная сеть». Это свидетельствует о том, что медиаэстетический потенциал будет усиливаться, открывая для реципиента новые грани, возможности и перспективы.

Выводы. Медиаэстетический аспект современного мультимедийного нарратива предопределен технологическими параметрами. Медиаэстетика рассматривает коммуникацию как процесс взаимодействия человека с информацией в условиях определенного технологического сеттинга, который

создает особую атмосферу и погружает реципиента в происходящее.

Эмпирической базой исследования стали мультимедийные нарративы, представляемые системой мониторинга СМИ и соцмедиа «Медиалогия» при проведении ежегодного конкурса «Инфоповод года» с 2020 г. по 2025 г. — всего 150 PR-кампаний.

Для обнаружения технологической платформы нарратива были выявлены основные категории объектов отображения: часть из них формирует периферию медиаэстетического поля, а часть составляет ядро; последние и стали объектом нашего исследования. Анализу подверглись нарративы, объекты которых детерминированы технологическими параметрами, а интеракция обусловлена технологической средой.

В современном медиакommunikationном пространстве нарративы, формирующие ядро медиаэстетического поля, создаются по преимуществу на основе технологий web 2.0, web 3.0. В них прослеживается потенциал, связанный с образованием эмоций, вовлечения в искусственно создаваемую среду.

Дальнейшее развитие web-технологий, как сегодня пишут открытые специализированные ресурсы, будут связаны с усилением погружения в искусственно созданную среду, а это значит, что медиаэстетический потенциал будет расти, усиливаться и все больше охватывать медийное полотно современности.

Новые технологические реалии позволяют открывать медиапрактике новые эстетические возможности, иначе взглянуть на мир и его потенциал; увидеть новые эстетические ценности в труде, поведении, науке, технике; в своем настоящем и будущем. Технологии, взятые на вооружение медиасообществом, способствуют формированию новой эстетической парадигмы, в которой есть место не только красоте, но и смелости, отваге, раскованности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коротких Л. В. Содержание и структура эстетической потребности личности / Л. В. Коротких // Культура. Духовность. Общество. — 2013. — № 7. — С. 117—121.
2. Медиаэстетический компонент современной коммуникации. — Челябинск, 2020.
3. Guattari F. Chaosmosis: an Erthico-Aesthetic Paradigm / trans. P. Bains, J. Pefanis. Sydney: Power Publications, 1995. — P. 100—105.
4. Климов В. П. Эстетика. Краткий курс: учебное пособие / В. П. Климов, Е. А. Фоминых. Екатеринбург, 2021.

5. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сб. статей. — М., 2012. — С. 190—235.

6. Манович Л. Теории софт-культуры / Л. Манович. — Нижний Новгород, 2017.

7. Эстетика журналистики. — СПб., 2018.

8. Симакова С. И. Инфографика в журналистике: медиаэстетический код. Дисс. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук / С. И. Симакова. — Екатеринбург, 2021.

9. Медведева А. Р. Медиаэстетические функции интерфейса в культурно-просветительской журналистике. Дисс. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук / А. Р. Медведева. — Екатеринбург, 2021.

10. Радионцева Е. С. Хронотопические доминанты медиа-пространства BANI-мира / Е. С. Радионцева // Коммунология. — 2025. — Т. 13. — № 1. — С. 25—38.

11. Павлова Е. Люди, оставшиеся в региональной журналистике, — герои / Е. Павлова // Журналистика и медиарынок. — 2024. — № 7—8. — С. 18—21.

12. Сидоров В. А. Аксиология журналистики: учебное пособие / В. А. Сидоров. — СПб., 2016.

13. Моль А. А. Теория информации и эстетическое восприятие / А. А. Моль. — М., 1966.

14. Ханова А. А. Особенности темпоральности в исторических нарративах о Великом шелковом пути / А. А. Ханова // Коммуникативные исследования. — 2025. — Т. 12. — № 1. — С. 90—105.

15. Fiction and Diction / G. Genette. — Cornell University Press, 1993.

16. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / П. Рикёр. — М.-СПб., 1998.

17. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. — М., 2003.

18. Friedemann K. Die Rolle des Erzählers in der Epik / K. Friedemann. — Berlin, 1965.

19. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М., 1979.

20. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975. — С. 234—407.

21. Пропп В. Морфология сказки / В. Пропп. — Л., 1928.

22. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: учеб. Пособие / Б. В. Томашевский. — М., 1999.

23. Успенский Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. — М., 1970.

24. Решетникова М. Без владельцев и цензуры: каким будет интернет эпохи Web3 / М. Решетникова // РБК-тренды. — 2022. — Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/629070a99a79470ec4b4db673> (дата обращения: 24.06.2025).

Омский государственный технический университет
Радионцева Е. С., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций
E-mail: rakaty@yandex.ru

Omsk State Technical University
Radontseva E. S., Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Communications
E-mail: rakaty@yandex.ru

КИБЕРСПОРТ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЫ

А. А. Сергеев

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 8 июля 2025 г.

Аннотация: в статье рассматривается феномен киберспорта и его воздействие на культурные практики и медийные тренды, выделяются ключевые направления, по которым происходит взаимодействие киберспорта на современную медиакультуру: киберспорт меняет представления о спорте, медиа, рекламе, популярной музыке и видеонарративе.

Ключевые слова: киберспорт, медиакультура, медиа

Abstract: this article explores the phenomenon of esports and its influence on cultural practices and media trends, the study identifies key areas through which esports interacts with contemporary media culture: it reshapes the understanding of sports, media, advertising, popular music, and visual storytelling.

Keywords: esports, media culture, media

Киберспорт, или профессиональные соревнования по видеоиграм, за последние десятилетия трансформировался из нишевого увлечения в глобальное явление, оказывающее значительное влияние на культуру и медийные тренды. Е. Л. Яковлева отмечает: «Именно игра как феномен культуры представляет собой первую форму организации жизни, закрепленную в обществе на уровне всеобщих прототипов социального поведения и действия» [1].

Согласно исследованию *Mediascope*, около 10% россиян в возрасте 12—64 лет интересуются киберспортом, что свидетельствует о его растущей популярности [2]. Эта цифра подчеркивает, что киберспорт уже нельзя считать уделом лишь геймерских энтузиастов: он становится частью повседневной жизни и внимания массовой аудитории.

Растущий интерес к киберспорту объясняется не только зрелищностью компьютерных игр, но и значимыми социальными факторами: молодёжная аудитория, привыкшая к цифровым медиа и быстрому темпу развития технологий, с готовностью поддерживает инновационные форматы соревнований. В результате киберспорт развивается в ускоренном темпе, превращаясь в индустрию с собственными лигами, клубами, многомиллионными призовыми фондами и глобальными рекламными контрактами. Это отражается в широкой дискуссии о том, как компьютерные соревнования вписываются в современную спортивную и медийную экосистему.

Сложившаяся ситуация поднимает ряд вопросов, требующих научного осмысления: какие именно аспекты культуры затрагивает киберспорт, какова его роль в формировании новых медийных трендов,

какие социокультурные и экономические эффекты он порождает. В данной статье предпринята попытка рассмотреть эти вопросы комплексно, опираясь на последние отечественные и зарубежные исследования, а также на статистические данные о росте популярности киберспорта.

Развитие киберспорта и его влияние на медиакультуру. Киберспорт охватывает широкий спектр дисциплин, включая стратегии в реальном времени, шутеры от первого лица, MOBA (Multiplayer Online Battle Arena) и мобильные игры. Согласно исследованию ASO World, в 2023 г. глобальная аудитория киберспорта достигла 574 млн. человек, из которых 283 млн. являются основными энтузиастами [3]. Этот рост привел к тому, что киберспорт все глубже интегрируется в современную массовую культуру, наравне с традиционными видами спорта и развлечений.

Важным вектором влияния киберспорта на культуру стала его связь с медиа, музыкой, кино и даже литературой. Музыкальные исполнители сотрудничают с организаторами киберспортивных соревнований, создавая музыкальные треки для официальных турниров; режиссеры снимают документальные фильмы и художественные ленты о профессиональных игроках; в литературе все чаще встречаются сюжеты, связанные с виртуальными турнирами и геймерской субкультурой. Таким образом, киберспорт становится не просто нишевым хобби, а синтетическим феноменом, формирующим новую культурную реальность.

В зарубежной науке киберспорт как объект исследования сформировался еще в начале 2000-х гг. Одним из ключевых авторов считается Т. Л. Тейлор. Ее книга *Raising the Stakes: E-sports and the Professionalization of Computer Gaming* [4] анализи-

рует организационные и культурные аспекты профессиональных соревнований по компьютерным играм. Автор подчеркивает, что киберспорт постепенно принимает черты институционализированного спорта: формируется система лиг, клубов, тренерства, а взаимоотношения внутри сообщества становятся все более формализованными.

Другой значимый вклад внес Т. Шольц в работе *eSports is Business: Management in the World of Competitive Gaming* [5]. Шольц детально рассматривает экономические и управленческие аспекты киберспорта, уделяя особое внимание брендингу, маркетингу, франшизной модели лиг и корпоративной культуре, которая формируется вокруг киберспорта.

Исследование К. Юнассон и Й. Тиборг *Electronic Sport and Its Impact on Future Sport* [6] посвящено прогнозированию того, как киберспорт может трансформировать представления о спорте в целом. Авторы отмечают высокую динамику состязаний, их кросс-культурность и технологическую гибкость, которые могут повлиять на развитие традиционного спортивного сектора.

В России киберспорт стал официально признанным видом спорта в 2016 г. Это способствовало активизации научных исследований, которые стремятся осмыслить феномен киберспорта с точки зрения права, культурологии и спортивного менеджмента. Так в работе Д. В. Василенко «Киберспорт как новый социокультурный феномен» [7] анализируется влияние киберспорта на молодежную культуру, а также подчеркивается появление новых форм досуга и взаимодействия в молодежной среде. Также необходимо отметить исследование Ф. Г. Газизова «Положительное влияние киберспорта на молодежь и его роль в формировании личности» [8]. Автор утверждает, что киберспорт способствует развитию социальных навыков и когнитивных способностей у молодежи, тем самым оказывая положительное влияние на личностное развитие.

Основные направления влияния киберспорта на культуру и медийные тренды. Одним из важнейших последствий роста киберспорта стало переосмысление понятия спорта. Соревнования по видеоиграм перенимают многие атрибуты традиционных видов спорта: систему лиг, систему тренеров и аналитиков, болельщиков и комментаторов. При этом конкурентная борьба происходит в виртуальном пространстве, что логично ставит вопрос: насколько физическая активность является определяющей чертой спорта? Киберспорт открывает путь к расширенному пониманию спортивной деятельности, делая ее доступной широкой аудитории, в том числе людям с ограниченными физическими возможностями.

Стриминговые и социальные платформы оказались ключевыми для развития киберспорта. Они предоставляют возможность прямых трансляций,

где зрители могут в реальном времени наблюдать за игроками, общаться через чаты и поддерживать любимые команды донатами.

Огромные аудитории, которые привлекают киберспортивные турниры, привлекают и крупный бизнес. Спонсорами киберспорта становятся не только IT-компании, но и автопроизводители, банки, букмекерские конторы, энергетические напитки и даже государственные структуры. Формируются модели франшизных лиг и долгосрочных партнерств, в которых команды привязываются к городам. Это в свою очередь влияет на облик трансляций, вставки рекламы и способы продвижения брендов на глобальном рынке.

Киберспорт дает рождение новым формам коллективного досуга и развивает фанатские сообщества, аналогичные болельщикам традиционных видов спорта. Появляются киберспортивные бары и кафе, где фанаты могут совместно смотреть матчи, а также стадионы, специально оборудованные для киберспортивных мероприятий. В то же время формируется специфическая субкультура геймеров, со своими мемами, сленгом, идолами и ритуалами.

Примечательно, что киберспорт может стать площадкой для социальной интеграции, когда, например, люди с ограниченными возможностями могут участвовать в турнирах или становиться профессиональными стримерами — так киберспорт расширяет понятие спортивного сообщества.

Роль киберспорта в процессе формирования медиатрендов. Современные медийные тренды тесно связаны с цифровой трансформацией и появлением новых платформ. Киберспорт усиливает эту тенденцию и формирует собственные направления развития. Популярность стриминговых платформ и аналогичных сервисов трансформировала модель потребления медийного контента. Благодаря интерактивным трансляциям болельщики могут не только смотреть матчи, но и напрямую взаимодействовать с игроками и комментаторами. Отличным примером является главный турнир года в Dota 2 — The International. До недавнего времени это был турнир с рекордным призовым фондом (часть которых формируется за счет краудфандинговой системы Battle Pass). Его успех отражает глобальный масштаб киберспорта и формирует высокие стандарты организации соревнований.

Компании-организаторы крупных турниров по League of Legends, Dota 2 и другим играм активно приглашают известных исполнителей для создания официальных саундтреков или выступлений на церемониях открытия финалов. Например, группа Imagine Dragons записала песню Warriors для Чемпионата мира по League of Legends, а позднее в партнерстве с Riot Games появился трек Enemy (саундтрек к сериалу Arcane). Также с League of Legends сотрудничали Lil Nas X и Against The Current. Эти примеры

показывают, как киберспорт выходит за пределы игрового сообщества и становится частью глобальной музыкальной сцены.

Снимаются документальные фильмы и художественные картины, посвященные профессиональным игрокам и их пути к успеху. Один из наиболее известных примеров — *Free to Play* (2014) от компании Valve, показывающий историю трех киберспортсменов в Dota 2 и дающий зрителям представление о внутренней «кухне» киберспорта: тренировках, психологической напряженности, командной работе. В Южной Корее существуют круглосуточные каналы, транслирующие киберспортивные матчи и реалити-шоу, посвященные тренировкам ведущих игроков.

В литературе все чаще встречаются сюжеты, связанные с виртуальными турнирами. Роман «Первому игроку приготовиться» Эрнеста Клайна — пример того, как автор создает глобальный виртуальный мир, где конкуренция между игроками выходит на первый план и становится движущей силой сюжета. Такие книги не только отражают возросший интерес к тематике киберспорта, но и формируют новое отношение к «цифровому герою» и его месту в современной культуре.

Киберспортивные организации и игроки активно ведут аккаунты в социальных сетях. Они публикуют хайлайты матчей, анонсы и закулисные материалы. Это не только способствует росту популярности киберспорта, но и влияет на формирование образцов поведения среди молодежи.

В Китае, Индии, в странах Юго-Восточной Азии мобильный киберспорт стал доминирующим трендом, что привело к созданию специализированных турниров и контента, адаптированного под мобильные платформы [9]. Такой формат позволяет вовлекать миллионы новых игроков, у которых нет возможности или желания играть на стационарных компьютерах.

Киберспортивные события все чаще появляются в программе крупных телеканалов или на сайтах спортивных изданий, что способствует их легитимизации и расширению аудитории за счет тех, кто ранее слабо интересовался компьютерными играми. Студии кинопроизводства выпускают документальные фильмы о киберспортсменах, а музыкальные исполнители создают клипы по мотивам популярных игр. Это усиливает кросс-медийное влияние киберспорта.

Заключение. Киберспорт оказывает все более заметное воздействие на формирование культурных норм и медийных трендов, являясь одним из наиболее быстрорастущих сегментов индустрии развлечений. Данные социологических исследований подтверждают, что миллионы людей вовлекаются в киберспортивное движение, будь то в качестве зрителей, игроков, тренеров, менеджеров или даже инвесторов.

В современной медиакультуре киберспорт выполняет сразу несколько ключевых функций:

Коммуникационная функция выражается в создании новых каналов взаимодействия: фанатские сообщества, стриминговые платформы и соцсети становятся пространствами активного обмена мнениями и формируют горизонтальные формы общения между участниками цифрового пространства.

Просветительская функция проявляется через образовательные форматы — аналитические трансляции, обучающие стримы, документальные фильмы о киберспорте. Они способствуют развитию цифровой грамотности, критического мышления и понимания современных медийных процессов.

Социализирующая функция реализуется через вовлечение людей с разным социальным и физическим статусом в единое киберспортивное пространство. Участие в соревнованиях, организация трансляций и ведение блогов становятся доступными практически каждому, формируя инклюзивную цифровую среду.

Креативно-производственная функция заключается в стимулировании развития смежных медиаиндустрий: дизайн, анимация, музыка, видеопродакшн и маркетинг получают новый импульс за счет задач киберспортивных проектов.

Экономическая функция выражается в генерации новых моделей монетизации, рекламных стратегий и франшизных форматов, которые находят применение не только в киберспорте, но и в более широком контексте цифровой экономики.

Социальные аспекты охватывают как риски (зависимость от игр, правовое регулирование киберспортивных ставок), так и положительные стороны (инклюзивность, развитие когнитивных и социальных навыков, глобальное сообщество).

В перспективе дальнейших исследований представляется важным комплексный анализ правовых, экономических и культурных последствий роста киберспорта, а также разработка механизмов его интеграции в образовательную и социальную сферы. Этот феномен продолжает эволюционировать, оказывая все более сильное влияние на облик современной культуры и медиа, и, по всей видимости, будет играть еще большую роль в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковлева Е. Л. Игра уникальный феномен культуры / Е. Л. Яковлева // Вестник ОГУ. — 2010. — № 7 (113). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/igra-unikalnyy-fenomen-kultury> (дата обращения: 14.03.2025).
2. Mediascope. Аудитория киберспорта в России — исследование Mediascope. — Режим доступа: <https://mediascope.net/news/1492649> (дата обращения: 10.01.2025).
3. Отчет о мировом рынке киберспорта. ASO World. Global eSports Market Report (2023). — Режим досту-

на: <https://asoworld.com/blog/global-esports-market-report-2023/> (дата обращения: 10.01.2025).

4. Тейлор Т. Л. *Raising the Stakes: E-Sports and the Professionalization of Computer Gaming*. Cambridge / Т. Л. Тейлор. — MA: MIT Press, 2012.

5. Шольц Т. М. *eSports is Business: Management in the World of Competitive Gaming* / Т. М. Шольц. — Cham: Palgrave Macmillan, 2019.

6. Йонассон К. Электронный спорт и его влияние на будущее спорта / К. Йонассон, Й. Тиборг // *Sport in Society*. — 2010. — Т. 13. — № 2. — С. 287—299.

7. Василенко Д. В. Киберспорт как новый социокуль-

турный феномен / Д. В. Василенко, Т. В. Панова // *Физическая культура, спорт и молодежная политика в условиях глобальных вызовов*. — Екатеринбург, 2023. — С. 541—546.

8. Газизов Ф. Г. Положительное влияние киберспорта на молодежь и его роль в формировании личности / Ф. Г. Газизов, О. В. Илюшин, И. М. Хисамиев, П. О. Илюшина // *Экономика и управление: проблемы, решения*. — 2024. — № 9. — Т. 8. — С. 137—141.

9. Как мобильный киберспорт стал трендом. Trends. RBC. — Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6793380a9a7947a41489ec07> (дата обращения: 10.01.2025).

Московский педагогический государственный университет

Сергеев Александр Алексеевич, аспирант Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования
E-mail: lolmaltor@mail.ru

Moscow Pedagogical State University
Sergeev Alex A., Postgraduate Student of Institute of Journalism, Communications and Media Education
E-mail: lolmaltor@mail.ru

ЛОКУСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА

В. А. Сидоров

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 14 июля 2025 г.

Аннотация: в статье¹ рассматриваются ключевые аспекты формирования медиадискурса по вопросам исторической памяти и ее актуализации в общественном сознании. Проблема изучается на примере публицистической деятельности писателя Захара Прилепина на медиаплатформе Dzen. Основное русло вопросов предпринятого исследования — как и кем формируются локусы исторической памяти, насколько процесс носит искусственный характер — предопределило методологию исследования. Основным методом изучения стал редуцированный интент-анализ, в котором послы писателя принимаются за ценностные интенции — константы, не подлежащие дальнейшей исследовательской проработке, а изучаются, прежде всего, реакции аудитории на эти смыслы и методы писательской публицистики. В объективном сложении действий субъектов — актора и его аудитории — в социуме осуществляется конструирование его исторической памяти на основе актуализации прошлого. Субъекты процесса, генерируя локусы исторической памяти, образуют в цифровом пространстве социума медиадискурс.

Ключевые слова: историческая память, медиапамять, ценности, медиадискурс, медиаплатформа.

Abstract: the article examines key aspects of the formation of media discourse on issues of historical memory and its actualization in public consciousness. The problem is studied using the example of the journalistic activity of the writer Zakhar Prilepin on the Dzen media platform. The main focus of the questions of the undertaken research — how and by whom the loci of historical memory are formed, to what extent the process is artificial — predetermined the methodology of the research. The main method of study became reduced intent analysis, in which the writer's messages are taken as value intentions — constant, not subject to further research study, and what is studied is, first of all, the audience's reactions to these meanings and methods of writerly journalism. In the objective combination of the actions of subjects — the actor and his audience — in society, the construction of its historical memory is carried out on the basis of the actualization of the past. The subjects of the process, generating loci of historical memory, form a media discourse in the digital space of society.

Keywords: historical memory, media memory, values, media discourse, media platform.

Введение. В настоящее время все большее внимание уделяется преобразованиям представлений человека об окружающей его действительности, которая интенсивно медиатизируется, что означает не столько ее обширное отражение в мире массовой информации, сколько новое состояние действительности. В пределах системной теории Людвиг фон Берталанфи понимается, что медийная среда, аккумулируя всю полноту информации о природе и обществе, образует новое качество по формуле « $n + 1$ », в которой сумма отображенной информации растет за счет обретения ею в медиасфере нового качества. Образуется новая субстанция жизнедеятельности человека, которую в свое время предвидел К. Маркс,

вводя в философский оборот представление о «второй природе» (Umwelt) как следствия жизнедеятельности человека. В нынешних условиях «цифровой революции» мы будем понимать «вторую природу» в более широкой трактовке — в качестве «второй реальности» или медиасоциума. Реалистичность нового образования непосредственно сказалась на медийном функционировании социально значимых фактов и явлений. Одним из них стал феномен исторической памяти.

Исследователи исторической памяти обнаружили, что в медиасреде наших дней она обрела способность к определенным превращениям. Так, Д. С. Артамонов и С. В. Тихонова утверждают, что «произошедшая медиатизация общества привела к созданию особого механизма хранения, преобразования и трансляции информации». Что позволило ученым в качестве цифровой системы хранения определить **медиапамять**, которая выступает как «разнообразные формы репрезентации истории в пространстве

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24—28—00577, <https://rscf.ru/project/24—28—00577/>

повседневности, расширяет практики представления прошлого и коммеморации... подвергает историческое знание определенной селекции, включая в повестку дня актуальную информацию о прошлом и подвергая забвению то, в чем нет общественной потребности» [1, 65—66]. В свете сказанного понятно, почему репрезентации истории находятся в зависимости от такого объективного фактора, каким выступает «органическая связь между культурой и коммуникацией... А культура человечества — колоссальный пример автокоммуникации» [2, 163]. Также учтем, что в современных реалиях функционирования Интернета, по М. Кастельсу, образовался исторически новый коммуникативный феномен — «массовая самокоммуникация» [3, 101—102].

Медиапамять находит свое воплощение во «второй реальности», которая обладает особым человеческим смыслом и рассматривается во множестве медийных «аспектов пространственно-временных представлений, их роли, места в человеческой жизни и деятельности», а также «внутреннего времени общественной жизни» [4, 387]. Статус события в пространстве-времени «второй реальности» определен исторически, становясь фундаментом социального пространства разума — прошлого и настоящего. Исторический опыт совмещает в себе совокупности и факты состоявшегося и тем самым продлевается в будущее. «В концепции культурной памяти зафиксирована неперенная топологичность наших воспоминаний и самого пространства памяти» [5, 174]. Оболочка процесса — медийная среда. Медиа и память трансформируют друг друга, а само их взаимодействие происходит на базе культуры. Локус исторической памяти формируется субъектами действия — акторами медиа, организующими то или иное актуальное для общественного сознания пространство памяти, несущее в себе черты сходства с общественно-политической ситуацией современности. В самом факте образования локуса исторической памяти проявляется генеративная функция медиапамяти. Это значит, что акторами медиа создается новый ландшафт минувшего, своей новой значимостью побуждающий аудиторию к общественно-политическому дискурсу.

Прошлое не может полностью объяснить настоящее, но есть относительно недалекая фаза в потоке времени, которая, как пишет Л. П. Репина, «захватывает» текущее настоящее и характеризуется «высоким коэффициентом “современности”». Исследователь согласна с тезисом М. Блока о том, что «граница между современным и несовременным во все не определяется хронологией. Она определяется событиями. Важнейшая характеристика времени — событийность, наполненность событиями, которые совершаются в конкретном пространстве социальных взаимодействий и символических практик» [6, 36]. Вместе с тем образование цифрового простран-

ства привело к явлению всеобщей медиатизации — не только всего, что сегодня окружает человека, но и того, что окружало когда-то, потому что современное сознание индивида и общественное сознание в целом непосредственно зависят от понимания прошлого. Наблюдается одновременное присутствие в медиасоциуме информации разных эпох. Образуется невиданная совокупность разноименных данных, отчего «любой способ творить и каждый вариант существования отныне имеет право на то, чтобы быть» [7, 121—122]. Функционирование цифрового медиасоциума не подразумевает тождественности субъекта из реальности и его подобия — субъекта из медиасоциума. При этом, как можно предположить, субъект медиасоциума все более меняет свою сущность и становится медиасубъектом.

Формирование исторической памяти — одно из тех явлений, на базе которых в сетевом мире образуются неклассические социальные общности. Диапазон переживания исторических событий значителен — от совместной ностальгии по фактам «осовремененной истории» до попыток заново интерпретировать исторические события, от серьезных дискуссий в комментариях до обсуждения псевдоисторических теорий-мемов. Сетевые новообразования предоставляют входящим в них индивидам и сообществам не только технические возможности для тиражирования контента, но и закрепляют их особый эмоциональный контекст, характеризующий коммуникативные действия субъектов Сети. Контент образуется текстами акторов медиа и комментариями пользователей. Единицы контента собирают ситуативную аудиторию по его интерпретации. В этом аспекте уместно вспомнить представление о «дисперсной аудитории» Герберта Малекке: каждое сообщение собирает аудиторию — мгновенную, летучую и тут же распадающуюся, чтобы в иных очертаниях, ином составе возникнуть вокруг новой и только что народившейся единицы контента. Образование дисперсной аудитории и ее ситуативный характер обусловлены интересами пользователей, занятых совместным потреблением контента, но разрозненных в пространстве. Таким образом:

- в медийной среде постоянно организуется дискурс, формирующий историческую память;
- индивид интерпретирует историю и ее факты через ценности и смыслы, актуализированные в этом дискурсе.

Актуализация медиапамяти выглядит обостренной, когда соответствует процессам «консолидации социума... Согласие по поводу памяти прошлого — центральный, ключевой момент формирования идентичности» [8, 132]. Достижение согласия всегда обусловлено построениями нового понимания истории и разрушениями прежнего. Поэтому процесс непременно происходит в медийной среде как обра-

щенной ко всем стратам общества. Так формируется коммуникативная память, в ней прошлое сворачивается в символические фигуры, и культурному воспоминанию присуще нечто сакральное [9, 52—55].

Авторы фундаментального труда, посвященного вопросу управления прошлым, а также соответствующему значению массмедиа, вводят в научный оборот представление о «состоявшейся политической истории», углубляя его отсылкой к работам исследователей, которые считают именно историков «ответственными за отбор и интерпретацию фактов, достойных увековечивания, а также за создание мифов — идейных конструктов понимания». Эти авторы подчеркивают значение современных медиа, без них обесмысливается любая деятельность, направленная на формирование того или иного содержания исторической памяти [10, 11—13]. В современной России дискурс исторической памяти сосредоточен на страницах определенного прошлого, где проявляются актуальные разноименные оценки, которые, в свою очередь, обусловлены представлениями акторов медиа о будущем страны. Наибольшее ожесточение в таком идейном противостоянии вызывает история Великой Отечественной войны.

Возможно, именно этот тезис более других приближает нас к пониманию генезиса исторической памяти в общественном сознании: подобная обширному тектоническому сдвигу общенародная трагедия войны 1941—45 гг., с одной стороны, и триумф в 1945 г. народа-победителя, с другой, безусловно являются источником социальной, исторической и культурной памяти. Так это было и есть, начиная с первых же послевоенных лет, когда еще не значились объективные предпосылки для дифференциации исторической памяти по каким-либо основаниям: в своем зарождении, ценностно-политическом осмыслении и общенародном восприятии память была монолитной. Но образование «второй реальности» наших дней побуждает вернуться к вопросу о генезисе исторической памяти — само по себе выделение феномена медиапамяти уже указывает на вероятность несовпадения генезиса исторической памяти в еще немедиатизированном обществе и в нынешнем медиасоциуме как автономном социальном образовании.

Известный ученый Е. М. Бабосов характеризует историческую память как сложно структурированную систему передаваемых из поколения в поколение исторических фактов и тенденций, которые субъективно преломляются в мироощущениях и рефлексиях индивидов и социальных общностей в вопросах прошлого, касающихся достижений народа, национального угнетения, социальной несправедливости и борьбы за национальное и социальное освобождение [11, 13—14]. В этом ключе следует отметить, что историческая память открывается культурным кодом, представленном в виде

уникального ключа к духовной жизни социума. Часто код обозначается конкретной исторической датой. В связи с чем понятно, почему такие даты, как 9 или 8 мая 1945 года, выступают ключом к разным граням памяти народов, разным — российской или западной — интерпретациям исторических фактов. И эти коды не столько сосуществуют рядом, сколько открывают разные культурные и политические сущности. Культурные коды поддерживают устойчивость представлений о прошлом, и это прошлое во всей полноте его проявления «шлифуется» в культурной жизни общества до превращения в образ/символ минувшего. В этом смысле культурные коды являются непосредственным порождением исторической памяти. Тем самым опровергается односторонний взгляд на историческую память в качестве конструкта, формируемого только по замыслу идеологов. Конструирование прошлого, конечно, возможно, потому что оно, по словам К. Ясперса, «содержится в нашей памяти лишь отрывками» [12, 141], то есть доступно произволу акторов. Вместе с тем человек был и есть заинтересован в подлинности воспринимаемого им минувшего, поскольку «видение настоящего в такой же степени зависит от восприятия прошлого, как от прогнозирования будущего. Наши мысли о будущем влияют на то, как мы видим прошлое и настоящее» [12, 155]. Прошлое нельзя видеть вообще, внимание к нему всегда локализовано. Таким образом, историческая память актуализируется ситуацией времени и фокусируется в сознании общества на локальных участках, закрепляемых современными медиа.

Методология и методы исследования. В исследовании рассматриваются истоки медиапамяти под влиянием деятельности актора — субъекта процесса, черпающего вдохновение в общественном сознании или конструирующего облик исторической памяти по заранее определенному плану. В любом случае за ним деятельностьное начало в оформлении феномена при его переходе из состояния латентной неопределенности в активную фазу. Мотивация актора активации в своем предельном выражении отвечает задачам актуализации смыслов культурно-исторического опыта, при этом активированная медиапамять позволяет ему и его аудитории ответить на вызовы времени.

Эмпирической базой настоящего исследования стала размещаемая в Сети публицистика писателя и общественного деятеля Захара Прилепина. Изучаемый период — 2022 г. по время окончания исследования в июне 2025 г. — соотносится со специальной военной операцией, радикально поменявшей культурный и медийный ландшафт России и мира. В медиасоциуме обострились ценностные конфликты по вопросам отношения к прошлому и проектируемому будущему. Тексты Захара Прилепина, его организующее коммуницирование на разных меди-

апплатформах притягивают множество пользователей Сети, значительную по численности и широте социального охвата аудиторию: один только подкаст «Уроки русского» на медиаплатформе Dzen собрал вокруг себя 524,5 тыс. подписчиков.

Работа публициста на этой медиаплатформе показательна, поскольку раскрывает основные аспекты его обращения к феномену исторической памяти: в позиции автора неизменно актуализация прошлого, побуждающая аудиторию к откликам, которые, в свою очередь, вызывают «отклики на отклики». Так возникает/организуется дискурс, формируется матрица образования ценностных смыслов, влияющих на интерпретацию прошлого в дискурсивных сообществах медиасоциума. В матрице можно видеть начало перехода исторической памяти из состояния неопределенности в состояние медиапамяти. Решающее условие образования последней — символическая репрезентация исторического прошлого в медиасреде настоящего.

В соответствии с главной задачей всего исследовательского проекта — построение модели исторической памяти в цифровом дискурсе современного медиасоциума и механизмов ее формирования — в этой статье определяется значимость активного публицистического начала в медийной презентации исторической памяти во взаимодействии с аудиторией публициста. Публицист в интернет-пространстве создает смысловые реперы — начала исторической памяти в разном ее содержании. Дисперсные аудитории образуют ситуативно возникающие дискурсы по поводу трактовки прошлого актором. Практика построения исторической памяти в медиасоциуме подразумевает, во-первых, пропаганду исторических знаний и нравственных ценностей общества, во-вторых, мотивированную интенцию публициста, которая не исключает (и не может исключить) социальную потребность в актуализируемой медиапамяти.

Таким образом, задачи исследования предопределяют методологию анализа интенций актора, заложенных им в эпизоды формации исторической памяти в медийной среде, тем самым очерчивается локус активируемого актором прошлого. Алгоритм исследования включает в себя выявление уровней рефлексивности медиадискурса на заложенные в медиатексте интенции. Учитываются как дисперсность дискурса, так и устойчивая приверженность его участников к выражаемой в сетевой среде общественно-политической позиции Захара Прилепина. В нашем исследовании методика интент-анализа редуцирована до фиксации и анализа фактов восприятия аудиторией ценностно-смысловых интенций медийного актора в образуемом им локусе исторической памяти.

В произведениях Захара Прилепина, размещаемых на медиаплатформе Dzen, выделяется мотива-

ция к актуализации памяти о прошлом. Учитывая целевую направленность анализа, которая в целом соотносится с военно-политической ситуацией современности в связи с проведением специальной военной операции, в разработку отбираем только те факты публицистики, что непосредственно затрагивают вопросы государственности, патриотизма, подвига во имя Родины, ее защиты. В этом отношении показателен подкаст на НТВ «Уроки русского» как часть медиаплатформы Dzen, 125 выпусков которого по датам выхода в эфир (на момент исследования) соответствуют временным рамкам проведения СВО и тем самым составляют генеральную совокупность исследуемого материала на первом этапе его определения.

Второй этап — выборка (24 выпуска подкаста). Критерий отбора — наличие в текстах открыто формулируемого положения о справедливости проведения СВО в качестве продолжения традиционной политики России на укрепление своей независимости и величия. При этом отметим, что и в других выпусках исследуемого подкаста эта идея также прослеживается, но только в латентной форме, поэтому главным критерием проведения второго этапа анализа генеральной совокупности является наличие открытой позиции автора.

Третий этап — непосредственное составление выборки — в нашем исследовании связан с выделением тех «Уроков русского», в которых создаваемые в них локусы исторической памяти приобретают символическое значение. Мы рассматриваем такие единицы выборки в качестве образуемых медиаактором ценностно-смысловых реперов, от которых следует начинать отсчет в восприятии аудиторией Захара Прилепина актуализируемых фактов минувшего. Таких реперов — 6. Однако, прежде чем представить основные результаты их анализа, сделаем важное примечание. Мы ни в коем случае не пытаемся полумиллионную аудиторию «Уроков русского» (медиаплатформа Dzen) отождествить со всем цифровым социумом: это только его часть, объединенная в дискурсе общественно-политической позицией автора подкаста. Несомненно, немало его сторонников и среди тех, кто к этому дискурсу по тем или иным причинам не подключен, но анализ этого предположения не входит в задачи настоящего исследования. Плюс к тому отметим, что в дискурсе по локусам медиапамяти Захара Прилепина также принимают участие и оппоненты идей, высказываемых писателем в «Уроках русского».

Структура анализа составлена тремя блоками. В первом блоке тезисно выделены главные смысловые интенции публициста, в дальнейшем они не подвергаются какому-либо анализу, а воспринимаются в качестве констант в данном случае образуемого медийного поля. Во втором блоке фиксируются факты согласия/несогласия с утверждениями автора, а так-

же, что важно, все случаи, когда участники дискурса воспринимают и развивают ценностно-смысловые интенции автора подкаста. В третьем блоке аккумулируются все отклики на сказанное писателем. Некоторые из них не только эмоциональны, но и в определенной мере рациональны. Как правило, на них, в свою очередь, также откликаются, и так образуется «ветвистая» схема медиадискурса. Но в данном случае мы не стали принимать в расчет эту схему, а образуемые на «ветвях» суждения включили в общее русло рассматриваемых комментариев.

Результаты исследования и их обсуждение

Урок № 173, 15.04.2022: *Спецоперация во славу прошлого и во имя будущего*².

Позиция автора: «Россия не живет одним днем. Россия живет во все времена сразу. Пора возвращать Украине — Украину, России — Россию, историю — правде».

Реакция аудитории: откликов нет. И это при том, что предшествующие выпуски передачи всегда пользовались успехом. Объясняется тремя факторами. Во-первых, автор не учел важнейшее правило пропаганды — в рассуждениях нельзя идти в лобовую атаку; когда звучат только лозунги, но нет анализа действительности, реакция не последует. Во-вторых, в апреле 2022 г. ни писателем, ни его аудиторией еще не был приобретен социальный опыт жизни в условиях новой военно-политической реальности. В-третьих, обращение писателя к фактам исторической памяти носило общий характер и не актуализировало те или иные пласты памяти потенциальных участников медиадискурса — не формировался новый ландшафт памяти в переходе из состояния латентной неопределенности в активную фазу.

Урок № 186, 16.09.2022: *Киев атакует Сталинград*³.

Позиция автора: «Россию надо любить и спасать».

Реакция аудитории: 31 комментарий, в том числе 7 комментариев содержательно развивают основную интенцию автора. Среди 29 эмоциональных откликов — «Выразил мои чувства», «Мы с Вами». В данном случае конструктивным начатый медиадискурс назвать нельзя. Обращение автора к исторической памяти — «Вместе со Сталинградом они [украинцы] отказываются от всех воинских побед, что были совершены их и нашими общими дедами за много веков» — по-прежнему носит общий характер и не вызывает желательной эмоциональной поддержки.

Урок, № 190, 14.10.2022: *Вставай, страна огромная*⁴.

² https://www.ntv.ru/peredacha/Uroki_russkogo/m65587/o695006

³ <https://dzen.ru/video/watch/6324be164b05c43bc23962c1?sid=421543987183574307>

⁴ <https://dzen.ru/video/watch/634a4bbe2d62ce6b7f448657?sid=421543987183574307>

Позиция автора: «Быть со своим народом и дать отпор врагу силой своего оружия, как сказали 23 июня 41-го года деятели советской культуры».

Реакция аудитории: в целом 81 комментарий, при этом 39 комментариев не только подхватывают настрой автора подкаста, но и развивают его в направлении критического осмысления происходящего в стране. В 28 случаях внимание акцентировано на ключевых, в представлениях участников дискурса, тезисах современности: «Кто предал страну, кто давно не патриот», «Сегодня нет патриотизма в душах деятелей культуры», комментаторы также отрицают нейтралитет в годы великих испытаний и уверены, что «в истории было одно, а нынче — другое». Последнее как симптом недоверия к исторической памяти, декларированной в СМИ. Особое внимание следует уделить еще 11 комментариям, в которых говорится, что «в годы Великой Отечественной артисты пели для своего сражающегося народа, а сегодня этого нет», предлагается «организовать фронтовые агитбригады», но главное — в комментариях артикулирован запрос на формирование идеологии общества.

Урок № 212, 14.04.2023: *Да, СМЕРШ*⁵.

Позиция автора: СМЕРШ — «самая эффективная контрразведка всех времен и народов»; следует соображать противостоять «жутким байкам из кипящего демократического медийного котла», то есть выступить против искажений исторической памяти. Наиболее важными оказались следующие утверждения писателя: «кто внутри страны ведет антироссийскую пропаганду, с ужасом выговаривает — СМЕРШ», а также «в острой военно-политической ситуации времени СМЕРШ следует возродить».

Реакция аудитории: последний тезис ожидаемо получил максимальное число мотивированных откликов, в которых чаще всего — в 47 случаях из 49 — идея поддерживается. И только в двух комментариях содержится критика, но не самого предложения, лишь его осуществимости: «Зачем СМЕРШ, если есть ФСБ?» и «Наша верхушка не даст возродить СМЕРШ».

Урок № 215, 08.05.2023: *9 Мая: день, когда изгоняют бесов*⁶.

Позиция автора: «Это наш Праздник. С Победой! Без нас весь мир был бы другим — страшным. Современные нацисты на Украине — продолжатели прежних исполнителей гитлеровских планов. Настоящая русская интеллигенция умела признавать свои заблуждения».

Реакция аудитории: на отдельные идеи, выраженные автором, откликов нет. Они поддержаны в целом через выражение благодарности автору под-

⁵ <https://dzen.ru/video/watch/643987a01e68e06728c4a746?sid=18622380568389761>

⁶ <https://dzen.ru/video/watch/64591df7624753759e2aae50?sid=18622380568389761>

каста. 97 комментариев и ответы на них можно обозначить одним словом «Спасибо!» 1 комментарий содержит в себе крайне резкий выпад в сторону автора и еще более резкий выпад против праздника Великой Победы.

Урок № 291, 20.06.2025: 22 июня: день, когда молчать нельзя⁷.

Позиция автора: «Я несу в себе кровь победителей. Долг — вспомнить о погибших вслух, рассказать, как они воевали, как побеждали, как умирали! Там, где молчат, исчезает память. Мы сражаемся за правду о Великой Отечественной войне».

Реакция аудитории: 26 комментариев с полной поддержкой автора подкаста; 8 комментариев с уточнениями и поправками; 7 — содержат в себе откровенное неприятие позиции писателя, на эти комментарии фиксируются 25 ответов, контрастирующих с мыслями оппонентов; аудиторией отдельно замечен тезис автора о долге памяти — 12 откликов, из которых 4 содержат в себе напоминание о зверствах нацистов и актуализацию в виде утверждения опасности предательства в современной России; тезис «Мы — победители» подхвачен в 24 комментариях, однако в трех из них выражено откровенное неприятие позиции Захара Прилепина.

В итоге следует сказать, что выпуск «Урок № 291» наиболее точно вышел на выражение идей исторической памяти, положив начало медиадискурсу: конструктивная роль актора вступила в резонанс с социальным запросом.

Заключение. Анализ «Уроков русского» Захара Прилепина показал, что аудитория размещенного на медиаплатформе Dzen подкаста как-либо реагирует на те или иные идейные послы актора только в случае, если они затрагивают ее интересы, с одной стороны, с другой — если выражены в утверждениях, не лишенных конкретизации. Пример с «Уроком № 173» показал, что одного лишь профессионального умения говорить перед видеокамерой недостаточно, надо говорить о социально насущном. В дальнейшем автор, безусловно, реагирует на ставшими известными ему реакции аудитории и понимает, что нужный медиадискурс в Сети так и не начинается, поэтому ищет точки сближения с полумиллионной аудиторией. Сближения начинаются исключительно при нахождении автором локусов исторической памяти, где факты прошлого конкретизируются и за счет этого становятся доступными для сопоставления с современностью. Так случилось, когда аудитории были представлены Уроки № 212 и № 291.

В целом «Уроки» образуют особый топос исторической памяти: каждое выступление Захара Прилепина затрагивает чувствительные струны его аудитории, так как касается памяти о Великой От-

ечественной войне. Тем не менее при этом не происходит актуализация сказанного, потому что зритель воспринимает его как нечто само собой разумеющееся. Для достижения цели требуется сосредоточить внимание аудитории на фактах, которые должны ассоциироваться с настоящим, требуется локализация исторической памяти. В «Уроках русского» локусы памяти образуют исторические явления и факты, держащие потенциал раскрытия в наши дни. Таково, например, обращение к истории СМЕРШ. Более чувствительной для аудитории стала тема поведения части культурной элиты России в период проведения СВО на фоне обрисованной писателем картины патриотизма советских деятелей культуры — композиторов, писателей, артистов — в годы Великой Отечественной войны. Сопоставление не в пользу наших современников. Таким образом, точно найденные локусы исторической памяти начинали генерировать медиадискурсы, имеющие шансы к развитию на других цифровых платформах.

Результаты исследования показывают, что медийный актор не может быть абсолютным лидером формирования исторической памяти. Оставаясь субъектом процесса (а без него нет начала генерации исторической памяти), он непроизвольно берет на себя роль триггера. В объективном сложении действий субъектов — актора и его аудитории — в социуме осуществляется конструирование исторической памяти на основе актуализации прошлого. При этом актор и его аудитория, генерируя локусы исторической памяти, образуют заметный в цифровом пространстве социума медиадискурс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов Д. С. Историческая эпистемология в условиях цифрового поворота / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Философская аналитика цифровой эпохи: сб. научных трудов. — СПб., 2020. — С. 55—71.
2. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Ю. М. Лотман. Семиосфера. — СПб., 2000. — С. 149—390.
3. Кастельс М. Власть коммуникации / М. Кастельс. — М., 2017.
4. Фролов И. Т. Пространство и время / И. Т. Фролов // Введение в философию. — М., 2007. — С. 379—392.
5. Артамошкина Л. Е. Топос, ландшафт, биография: концепция культурной памяти / Л. Е. Артамошкина // Вестник Костром. гос. ун-та. — 2013. — Т. 19. — № 2. — С. 174—178.
6. Репина Л. П. Память о событиях в измерениях пространства и времени / Л. П. Репина // Известия Саратов. ун-та. Сер. История. Международные отношения. — 2020. — Т. 20. — Вып. 1. — С. 34—40.
7. Шаповалов И. С. Философские проблемы современного искусства в эпоху Постгуманизма / И. С. Шаповалов // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Философия. — 2022. — № 4 (46). — С. 115—122.
8. Тульчинский Г. Л. Соотношение исторической

⁷ <https://dzen.ru/video/watch/68567832c0a11067fd6360b?sid=18622380568389761>

и культурной памяти: практики забвения / Г. Л. Тульчинский // Социально-политические науки. — 2016. — № 4. — С. 131—151.

9. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. — М., 2004.

10. Николайчук И. А. Управление прошлым. Массмедиа, мифотворчество, идентичность / И. А. Николайчук,

М. М. Янгляева, Т. С. Якова. — М., 2020.

11. Бабосов Е. М. Роль этнонациональной идентичности в формировании исторической памяти и консолидации белорусского общества / Е. М. Бабосов // Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества. — Минск, 2019. — С. 10—14.

12. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // К. Ясперс. Смысл и назначение истории. — М., 1994. — С. 28—287.

*Санкт-Петербургский государственный университет.
Сидоров В. А., профессор кафедры теории журналистики
и массовых коммуникаций
E-mail: vsidorov47@gmail.com*

*St. Petersburg State University
Sidorov V. A., Professor of the Journalism Theory and Mass
Communications Department
E-mail: vsidorov47@gmail.com*

НЕЙРОСЕТИ В СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОНФЛИКТАХ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

А. Е. Сумин

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 15 июля 2025 г.

Аннотация: в статье проводится комплексный анализ трансформации информационных конфликтов под влиянием нейросетевых технологий и искусственного интеллекта (ИИ) на региональном и федеральном уровнях. Эмпирической базой исследования послужила Рязанская область — репрезентативный регион, где в период с 2018 по 2025 г. наблюдалась активная апробация нейросетевых технологий в информационном пространстве. Выбор локации обусловлен не только типичностью происходящих процессов для российской провинции, но и уникальным исследовательским доступом автора, имеющего 20-летний профессиональный опыт работы в региональных СМИ, политических коммуникациях и PR-консалтинге. Это позволило собрать эксклюзивный массив данных, включая экспертные интервью и кейсы, не отраженные в открытых источниках.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, информационные войны, цифровая манипуляция, кибербуллинг, политический PR, социальные сети.

Abstract: the article provides a comprehensive analysis of the transformation of information conflicts under the influence of neural network technologies and artificial intelligence (AI) at regional and federal levels. The empirical basis of the study is the Ryazan Oblast — a representative region where active testing of neural network technologies in the information space was observed between 2018 and 2025. The choice of location is justified not only by the typicality of the ongoing processes for Russian provinces but also by the author's unique research access, backed by 20 years of professional experience in regional media, political communications, and PR consulting. This allowed for the collection of an exclusive dataset, including expert interviews and case studies not reflected in open sources.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, information warfare, digital manipulation, cyberbullying, political PR, social.

Введение. Современные медиаконфликты претерпели качественные изменения в связи с активным внедрением нейросетевых технологий, что создает принципиально новые вызовы для гражданского общества, органов государственной власти, системы информационной безопасности и института репутации СМИ в целом [1]. На заре новой цифровой эпохи, в 2007 году, А. И. Столетов спрогнозировал развитие нейросетей в области креатива и медиа [2]. Большой интерес в контексте изучения возможностей ИИ в системе современных медиакоммуникаций представляют исследования Е. А. Зверевой и Н. Д. Мальцева, А. М. Шестериной. [3; 4].

Если еще 5 лет назад применение ИИ в информационном противоборстве носило эпизодический характер, то к 2025 г. мы наблюдаем его системную интеграцию во все ключевые процессы: от политических кампаний до повседневных социальных взаимодействий. В данной статье рассматриваются различные практики использования ИИ в политическом мониторинге, организованном кибербуллинге, манипуляции общественным мнением через медиа-

платформы, а также в формировании виртуальных урбанистических проектов.

Нейросети в политическом PR: от мониторинга до цифрового досье. Первые системные случаи применения нейросетей в информационных конфликтах на региональном уровне были зафиксированы исследователями в 2018—2019 гг. В этот период в предвыборных кампаниях различных уровней начали активно использоваться платформы визуальной аналитики типа FindFace и их клоны-аналоги (такие как FindSearch4), позволявшие идентифицировать участников массовых мероприятий, организованных политическими конкурентами.

Как объяснил в интервью заместитель руководителя избирательного штаба одной из партий (44 года, опыт работы в политическом консалтинге с 2005 г.): «Для нашей команды в предвыборный период было критически важно оперативно идентифицировать личный состав агитаторов наших оппонентов. Нам необходимо было не просто установить активистов их предвыборной «сетки», но и выявить среди них ключевых ЛОМов (лидеров общественного мнения), оценить степень их влияния в различных социальных группах избирательного округа. Раньше данная

работа требовала колоссальных временных затрат: наш фотограф делал сотни снимков участников митингов, мы вручную сопоставляли их с открытыми источниками, привлекали осведомителей. С появлением сервиса FindFace процесс сократился с нескольких дней до часов: мы загружали фотографии, и система автоматически находила совпадения в соцсетях. Это дало нам не только оперативные данные, но и возможность формировать комплексные цифровые доось с анализом перекрестных связей, геолокаций, круга общения всех интересующих персоналий».

Технология также революционизировала процесс сопровождения политических турне: загружая официальные фотографии из СМИ и соцсетей в нейросетевые платформы, пиарщики могли мгновенно получать исчерпывающие данные о составе делегаций, что кардинально упрощало установление неформальных контактов и ведение переговоров. Как отмечают эксперты, к 2022 г. подобные практики стали стандартом работы не только в федеральных, но и в региональных избирательных штабах.

Нейросети в кибербуллинге и мошенничестве: эскалация цифровых угроз. Эксперты АНО «Центр защиты детей от интернет-угроз» в ходе исследования подчеркивали, что если до 2020 г. случаи кибербуллинга с применением технологий ИИ фиксировались единично и носили скорее экспериментальный характер, то к 2025 г. наблюдается устойчивая тенденция к росту подобных инцидентов. Современные нейросетевые инструменты используются злоумышленниками в трех основных направлениях:

- **deepfake-атаки** — создание поддельных видео и аудиоматериалов с целью шантажа, дискредитации или манипуляции. Особую опасность представляют случаи, когда такие технологии применяются против подростков в школьных конфликтах;
- **генерация фейковых профилей** для организованной травли — нейросети позволяют создавать правдоподобные цифровые личности с историей активности, что затрудняет их идентификацию;
- **мошеннические схемы** нового поколения — от имитации голоса близких родственников до фишинговых кампаний с персонализированным контентом.

«Мы столкнулись с принципиально новым вызовом, — отмечает старший аналитик АНО (стаж сотрудничества с организацией с 2019 г.). — Если раньше подростковый буллинг ограничивался грубыми оскорблениями в комментариях или созданием унижительных мемов, то сейчас нейросети позволяют генерировать «компромат» исключительной убедительности: поддельные переписки, фальшивые фото, видео с якобы компрометирующими действиями. Многие подростки, сталкиваясь с этим, не могут отличить фейк от реальности, что, как отмечают

эксперты, может приводить к тяжелым психологическим последствиям».

Особую озабоченность специалистов вызывает доступность подобных технологий: инструменты для создания deepfake или генерации контента находятся в открытом доступе и не требуют специальных технических знаний.

Генерация искусственного негативного контента. Как продемонстрировали результаты исследования, к 2022 г. в Рязанской области сформировался сложный механизм воздействия на общественное мнение и институты государственного управления посредством цифровых платформ с применением нейросетей [5]. Данная технология включала несколько взаимосвязанных этапов, направленных на системное влияние на информационное пространство.

Скоординированные сети, состоящие из 100—150 верифицированных аккаунтов, осуществляли массовую публикацию эмоционально насыщенных сообщений в крупнейших региональных сообществах (таких как «Типичная Рязань», «Подслушано в Рязани» и аналогичных). Основной фокус тематики постов был направлен на критику качества услуг организаций-конкурентов в сфере ЖКХ, например: «Управляющая компания XXX систематически игнорирует обращения жителей Железнодорожного района относительно уборки снега с тротуаров. На что расходуются наши платежи? Какие меры будут приняты в отношении зарвавшихся коммунальщиков?»

Подобные формулировки, сочетавшие фактическую основу с эмоциональной подачей, были ориентированы на формирование устойчивого негативного информационного фона.

Алгоритмы мониторинговой платформы фиксировали резкий рост упоминаний проблемной темы, что приводило к увеличению индекса критичности. Данные в автоматическом режиме передавались в Центр управления регионом (ЦУР), где вопрос включался в повестку оперативных совещаний с участием губернатора и профильных министерств.

На основании формализованных отчетов системы «Медialogия» принимались кадровые решения в отношении организаций, упомянутых в публикациях. Это позволяло инициаторам кампании не только минимизировать ответственность за собственные управленческие недочеты, но и перераспределить ее на конкурентов.

Генерация будущего: ИИ как инструмент урбанистического проектирования и социального программирования. Особый интерес представляет кейс, реализованный в 2025 г. в Рязанской области: telegram-проект «ТПР — Твоя прекрасная Рязань» [6]. О деталях проекта рассказал его автор: «Я занимаю должность начальника отдела по внешним коммуникациям и работе со СМИ в одной из крупных организаций (опыт работы в медиа с 2007 г.). У нас появилась идея создать принципиально новый тип

медиапроекта, где при помощи нейросети ChatGPT3 генерируется визуальный контент, демонстрирующий «идеальное» благоустройство города — как альтернатива текущему состоянию. По сути, это проект по созданию «желаемого образа будущего» в максимально практической плоскости. Мы не просто показываем футуристические концепты, а демонстрируем, как могли бы выглядеть конкретные рязанские улицы и дворы, если бы их привели в порядок по современным стандартам. Самое интересное, что контент, создаваемый якобы для ироничного ТГ-канала, начал восприниматься всерьез.

Есть и социальный аспект — мы сознательно включаем в проект провокационные образы. Один из самых популярных постов показывает алкоголиков, которые обычно лежат на остановке в центре Рязани. Нейросеть «переосмыслила» эту сцену: те же люди, но аккуратно одетые, причесанные, сидящие на чистой современной остановке с цветами в руках. Подпись гласит: «В прекрасной Рязани даже маргиналы выглядят прилично». Это, конечно, ирония, но она заставляет задуматься — может, дело не столько в людях, сколько в окружающей среде?»

Этот кейс демонстрирует зарождение принципиально нового феномена, когда инструменты ИИ начинают выполнять не только представительские, но и проектные функции, формируя восприятие будущего и непосредственно влияя на процессы градостроительного планирования. По мнению экспертов, к 2030 г. подобные практики могут стать стандартом в муниципальном управлении.

Заключение. Проведенное исследование позволяет констатировать, что нейросетевые технологии и ИИ превратились в мощный инструмент современного информационного противоборства, создавая принципиально новые вызовы и угрозы, как, например:

- автоматизация цифровых атак — от политического мониторинга до организованного кибербуллинга;
- институционализация манипулятивных практик через интеграцию ботоферм в системы государственного управления;
- генерация альтернативных реальностей, влияющих не только на общественное мнение, но и на материальное пространство городов.

В качестве мер ответного реагирования на эти новые вызовы предлагается:

- развитие законодательной базы (запрет на использование ИИ для создания deepfake без маркировки, уголовная ответственность за доказанные факты нейросетевого буллинга);
- создание экспертных центров по мониторингу нейросетевых угроз при ведущих профильных университетах; развитие университетских медиапроектов по этой направленности;
- программы цифровой грамотности с акцентом на распознавание синтетического контента;
- этические стандарты для разработчиков ИИ-решений в сфере медиа и информационных технологий [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Тулупов В. В. Репутация СМИ и доверие к журналистике / В. В. Тулупов // Социально-гуманитарные знания. — 2019. — № 8. — С. 48—51.
2. Столетов А. И. О креативных возможностях искусственного интеллекта / А. И. Столетов // Искусственный интеллект: философия, методология, инновации. — 2007. — С. 171—173.
3. Зверева Е. А. Освещение нейросетевых и иммерсивных технологий в СМИ Тамбовской и Воронежских областей / Е. А. Зверева, Д. М. Мальцев // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2025. — № 1 (55). — С. 6—16.
4. Шестерина А. М. «Искусственный интеллект»: ассоциативное поле студентов-журналистов / А. М. Шестерина // Вопросы теории и практики журналистики. — 2024. — № 2. — С. 358—372.
5. Сумин А. Е. Информационные ботофермы и «фабрики троллей»: технология манипуляции общественным сознанием (на примере региональных практик Рязанской области) / А. Е. Сумин // Журналистика в эпоху цифровых трансформаций: ценности и практики. — Тамбов, 2025, <https://elibrary.tsutmb.ru/dl/docs/elib2016.pdf> (дата обращения: 15.07.25).
6. ТПР — Твоя прекрасная Рязань. — Режим доступа: t.me/s/tpr6 (дата обращения: 15.07.25).
7. Квартников П. В. Критерии классификации и ключевые факторы развития современных СМИ образовательных организаций высшего образования Российской Федерации / П. В. Квартников // Вестник Академии медиаиндустрии. — 2023. — № 2 (34). — С. 125—150.

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Сумин А. Е., аспирант

E-mail: info@sumin.media

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Sumin A. E., Postgraduate Student

E-mail: info@sumin.media

ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ФОТООБЪЕДИНЕНИЯ ВОРОНЕЖА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Е. А. Чаплыгина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 августа 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются фрагменты истории воронежской фотографии второй половины двадцатого столетия в свете становления и развития детской и юношеской светописы, даются обобщенные характеристики развития детских внешкольных учреждений в СССР, рассматривается деятельность ведущих детских и юношеских фотографических объединений города этого периода, их преподавателей.

Ключевые слова: история, фотография, досуг, фотокружок, фотоклуб, персоналии.

Abstract: the article examines the main aspects of the history of Voronezh photography in the second half of the twentieth century in the light of the formation and development of children's and youth photography in Voronezh, summarizes the characteristics of the development of children's extracurricular institutions in the USSR, examines the activities of the leading children's and youth photographic associations of the city of this period, their teachers

Keywords: history, photography, leisure, photo club, photo club, personalities.

В довоенный период в СССР фотоаппарат в частном пользовании был довольно большой редкостью — так, в 1937 г. в стране на 500 жителей производился всего один фотоаппарат. Ситуация принципиально начала меняться по окончании Великой Отечественной войны. Во-первых, советскими солдатами и офицерами в большом количестве были завезены из Европы трофейные фотоаппараты, а, во-вторых, согласно статистике, только в период с 1957 г. по 1959 г. советской промышленностью было выпущено от 1 000 000 до 1 200 000 фотоаппаратов. Таким образом, производство фотокамер на душу населения выросло с середины 1930-х гг. в два с половиной раза.

Обилие и разнообразие рынка фотопродукции соответственно потребовали активного просветительского сопровождения. 7 марта 1967 г. было принято Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями». Позитивные изменения, наступившие в жизни советского общества с момента принятия этого легендарного Постановления, очень способствовали этому просвещению в целом и развитию фотолубительства в частности.

Поскольку у детей оставалась шестидневка в школах, то взрослые члены семьи могли выделять время друг для друга, для домашних дел, а также для творчества. Появилось дополнитель-

ное время на собственный культурный досуг, и очень большую роль в этом контексте сыграла фотография. Ее уникальное свойство документировать «момент» — счастья или отчаяния, гордости или грусти, решимости, победы или покоя — фотолубители возвели в новое творческое качество, а лучшие фотографы-преподаватели щедро делились знаниями об искусстве светописы с подрастающим поколением — от малышей-первоклассников до подростков-старшеклассников — в специально для них создающихся детских фотокружках и фотостудиях.

Важно отметить, что общая история создания и развития детских внешкольных учреждений в СССР охватывает несколько этапов:

1-й этап, 1918—1939 гг. — становление основных видов государственных внешкольных учреждений;

2-й этап, 1939—1960 гг. — разработка нормативно-правовой базы системы внешкольных учреждений;

3-й этап, 1960—1984 гг. — значительный количественный рост детских внешкольных учреждений, начало поиска новых направлений развития. Этот третий этап стал периодом наивысшего развития внешкольных учреждений, являющихся важной частью социума;

4-й этап, 1984—1992 гг. — формирование предпосылок к трансформации внешкольных учреждений в учреждения дополнительного образования [1].

В связи с этим рассмотрим состояние детских и юношеских фотобъединений в период их появления в г. Воронеже, развития, а также довольно болез-

ненной их трансформации в перестроечные и постперестроечные времена.

По сохранившимся в архиве Муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования «Дворец творчества детей и молодежи» сведениям, в 1936 г. здесь был образован отдел науки и техники, в который входил ряд лабораторий: «Радиотехнический кабинет», «Авиамодельная лаборатория», «Энергетическая лаборатория с демонстрационным залом», «Фотолаборатория», «Кабинет географии и геологии», «Кабинет зоологии», «Большая механическая мастерская». До начала Великой Отечественной войны отделом руководили Иван Андреевич Буриков (1936—1939 гг.) и Григорий Иванович Головин (1939—1941 гг.). Из воспоминаний Г. И. Головина: «Работать во Дворце мне пришлось с 1939 года до августа 1941 г., где я заведовал отделом науки и техники. В свое время было выпущено и изготовлено немало различных фотоплакатов, технических листов и других материалов, относящихся к деятельности Дворца, его лабораторий и кружков. К сожалению, все это осталось в Воронеже и погибло в результате преступных злодеяний гитлеровских разбойников».

В 1955 г. в техническом отделе Дворца был организован непосредственно фотокружок, руководителем которого стал С. С. Пензин. С 1962 г. руководителем технического отдела был назначен В. Ф. Мишин. С декабря 1972 г. и на протяжении многих лет отделом руководил и преподавал там же Алексей Алексеевич Страхов. С октября 1971 г. по октябрь 2001 г. фотокружком руководил Геннадий Алексеевич Копылов. Занятия проводились 2—3 раза в неделю, в группах по 12—15 человек.

Помимо Дворца пионеров и школьников, а также клубов и Домов культуры Воронежа в период 1960—1992 гг. (3—4 этапы) многие крупные предприятия города имели свои фотокружки, в том числе и детские. К сожалению, чтобы восстановить информацию о них, сегодня приходится опираться лишь на немногочисленные живые или зафиксированные в печати воспоминания тех, кто имел к ним непосредственное отношение, поскольку подавляющее большинство предприятий просто прекратило свое существование.

Короткой, но яркой была судьба фотокружка завода «Электросигнал», одного из крупнейших воронежских предприятий того периода. В 1983 г. фотографу завода Александру Олеговичу Куликовскому руководством профкома было поручено на общественных началах организовать фотокружок при детском клубе на улице Варейкиса, который курировал завод. Основным условием для оплаты работы преподавателя кружка (0,5 ставки) был набор группы из 20 школьников. Увлеченный и харизматичный Куликовский довольно быстро набрал еще две группы ребят, что составило 1,5 ставки и дало

возможность зачисления ему педагогического стажа. Занятия проходили три раза в неделю: два будних дня по вечерам и обязательный загородный пленэр в воскресенье. Об интенсивности и продуктивности занятий этого фотокружка свидетельствовал тот факт, что первую выставку своих работ кружковцы провели уже на третьей неделе от начала занятий в кружке. Здесь были представлены не просто первые фотографии ребят, это был их первый опыт сознательного и творческого наблюдения за окружающей действительностью. К сожалению, через два года фотокружок прекратил свое существование из-за неразрешимых разногласий между преподавателем и некомпетентным, но облеченным властью руководством детского клуба.

Долгожителем и одним из самых известных среди детских фотообъединений того времени был фотокружок детской технической станции Воронежского завода радиодеталей. Он находился по адресу, знакомому не одному поколению фотолюбителей: ул. Урицкого, д. 66. Параллельно с заводской любительской киностудией там в 1974 г. разместился и фотокружок — очень сильное в методическом и творческом плане объединение детской кружковой фотографии. Это было детище Анатолия Юнисовича Раджабли, его первого директора, воронежского инженера, увлеченного кинолюбителя и фотографа. Наряду с изучением технических азов фотографии (фотографировать, проявлять пленку, составлять самостоятельно фиксажи и проявители), кружковцев здесь учили фотографическому творчеству. Ребята выходили на пленэры, отправляли свои работы в легендарный журнал «Советское фото», участвовали в конкурсах самого разного ранга и географии, делали отчетные выставки. В начале 1990-х гг. фотокружок перешел в ведение Коминтерновского районного отдела народного образования, а впоследствии стал филиалом Центра дополнительного образования «Созвездие», благодаря чему это детское фотообъединение избежало печальной участи других кружков, его полного исчезновения. В 1993 г. преподаватели фотографии, профессиональные фотографы Андрей Иванович Пауков и присоединившийся к нему чуть позднее Виталий Игоревич Грасс, реанимировали работу фотокружка и вернули былой авторитет знаменитому среди подрастающего поколения фотолюбителей адресу Урицкого, 66 [2].

Еще одно детское фотообъединение Воронежа оставило яркий след и память о себе — детский фотоклуб «Кадр». Инициатором его создания был все тот же Анатолий Раджабли. Клуб был образован в 1981 г. при полном финансировании ПАТП № 4. Находился он в Советском районе города, на улице Комарова, где на первом этаже дома № 11 были специально объединены и оборудованы отдельным входом две квартиры. Клуб находился на полном обеспечении профсоюза предприятия: текущее фи-

нансирование, штат преподавателей, материальная база и помещение. Стоит отметить, что в помещении клуба находились административный и методический кабинет, преподавательская, большая комната для занятий, лаборатория для проявки пленок и вестибюль, который иногда использовался как студия. Преподавали в клубе профессиональные фотографы Андрей Пауков, Александр Лепендин и Ирина Гаврилова. В «Кадре» занимались ребята всех возрастных групп из окрестных школ (была даже группа дошкольников и учеников начальных классов). Материал этим ребятам преподавали в форме игры: малыши сами делали фотографии и простейшие композиции. Фотографии дети осваивали с большим удовольствием. Хотя помещение и педсостав фотоклуба были и небольшими, но бывали наборы в клуб до 120 человек. Школьники не только осваивали технические азы фотографирования и основы фотопозиции и фотографических жанров, но и участвовали в конкурсах, показывая свои достижения широкой публике. В начале 1990-х гг. в связи с общей экономической обстановкой в стране детский фото клуб «Кадр» прекратил свое существование [3].

Заметим, что фотокружок детской технической станции Воронежского радиозавода (в дальнейшем фотостудия ЦДО «Созвездие») и фото клуб «Кадр» объединяли два человека — А. Раджабли и А. Пауков.

Анатолий Юнисович Раджабли был прекрасным организатором. Благодаря его творческой энергии, административному и предпринимательскому таланту в Воронеже второй половины двадцатого столетия существовали два замечательных детских коллектива, где фотокружок, как вид внешкольной работы с детьми, был не только формой организации их позитивного досуга, но и средством воспитания детей, формирования и становления у них средствами творческой фотографии системы общечеловеческих ценностей. Роль преподавателя фотографии, педагога в этом деле трудно переоценить.

Андрей Иванович Пауков — педагог, профессиональный фотограф, член Союза фотохудожников России. Родился в 1958 г. в Воронеже в семье железнодорожников. С детства имел разносторонние увлечения — радиоконструирование, шахматы, театр, литература, кинематограф, фотография. Будучи подростком, активно занимался в кино- и фотокружках той самой детской технической станции Воронежского радиозавода, и не просто занимался, а до призыва в армию и после возвращения там же, в фотокружке, преподавал и руководил им. В 1979 г.

поступил на филологический факультет ВГУ. С 1980 г. по 1981 г. работал старшим научным сотрудником областного научно-методического Центра народного творчества и культурно-просветительной работы, курировал работу самодеятельных фото- и кинообъединений Воронежской области. С 1981 г. по 1986 г. преподавал фотографию в детском фото клубе «Кадр» Советского района. С 1987 г. по 1989 г. работал фотографом в Воронежском областном краеведческом музее, а затем, с 1989 г. по 1992 г. — в проектно автотранспортном бюро. В 1993 г. создал молодежную фотостудию «Дебют» при Центре дополнительного образования «Созвездие». Автор персональных выставок фотографии: «Светлана Каширина в фотографиях Андрея Паукова» (Воронеж, 1995 г. и кинофестиваль «Кинотавр» в г. Сочи, 1996), Vika и «Край света» (2011). Работал в жюри целого ряда фотоконкурсов различного статуса и географии. Участник многих коллективных выставок в Воронеже и за его пределами. Член Союза фотохудожников России (2005) [4].

Опыт этих энтузиастов своего дела лишний раз подтверждал, что внешкольная работа с детьми в советский период перестает быть делом только общечеловечности, она становится важным направлением государственной социальной политики, а это в свою очередь способствовало активному поэтапному развитию и индивидуального фототворчества. В постсоветский период фотокружок еще несет в себе этот позитивный заряд. В Воронеже в это время детских фотокружков было мало, эффективность же и даже их жизнеспособность зависела не только от условий финансирования, но и во многом от личности и силы характера человека, который брался за это непростое дело фотографического воспитания детей и подростков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нарский И. В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство / И. В. Нарский. — Челябинск, 2008.
2. Чаплыгина Е. А. Современная история воронежской фотографии в объединениях и лицах / Е. А. Чаплыгина // Медиакоммуникации в современном мире Ч. II. — Воронеж, 2023.
3. Вязовой М. П. Мастерские светописы / М. П. Вязовой // Воронежская неделя, 22 января 2014 г.
4. Воронежская историко-культурная энциклопедия. — Воронеж, 2009.

*Воронежский государственный университет
Чаплыгина Е. А., преподаватель кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна
E-mail: fotosoyuz@yandex.ru*

*Voronezh State University
Chaplygina E. A., Lecturer of the Department of Public Relations, Advertising and Design
E-mail: fotosoyuz@yandex.ru*

О ЯЗЫКОВОЙ СТРАТЕГИИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА

Чэнь Сюе

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 1 августа 2025 г.

Аннотация: основная цель данного исследования заключается в анализе языковых стратегий Python, а также в изучении связи между языковыми стратегиями фильма и эмоциональной реакцией зрителей, повышением их культурной уверенности.

Ключевые слова: документальный фильм, культурная идентичность Китая, ДК «От «КИТАЯ» к Китаю», четыре уверенности, Python, языковая стратегия.

Abstract: the main goal of this study is to analyze the language strategies of Python, as well as to explore the relationship between the film's language strategies and the emotional response of the audience, and to increase their cultural confidence.

Keywords: documentary film, cultural identity of China, Documentary "From 'China' to China," four certainties, Python, language strategy.

Введение. Прогрессивные деятели литературы и искусства неизбежно учитывают социальное влияние своих произведений, руководствуясь интересами народа, государства и партии [1]. В китайской документалистике это выражается через синхронизацию с эпохой и отражение национальной судьбы, особенно в фильмах о государственном управлении КПК. Данная парадигма реализуется через пропаганду «четырёх уверенностей»¹ (уверенность в пути, теории, системе и культуре), которые структурируют два основных типа документальных фильмов: о государственном управлении КПК и мирном развитии Китая. Ярким примером служит фильм «От «КИТАЯ» к Китаю» (оригинальное название — «从「中国」到中国»), где новаторски интерпретируется уверенность в избранном пути через сопоставление исторических и современных нарративов.

Документальный фильм CCTV «От «КИТАЯ» к Китаю» демонстрирует инновационный подход к репрезентации идеологических концептов через кос-

венные нарративные стратегии, избегая прямого дидактизма в пользу эмоционально-эмпирического воздействия.

С помощью Python мы написали соответствующий код и преобразовали содержание всех 5 серий документального фильма («В поисках «КИТАЯ»» «寻找「中国」», «Снова вижу глупого старика, передвигающего горы. Часть 1» «又见愚公 (上)», «Снова вижу глупого старика, передвигающего горы. Часть 2» «又见愚公 (下)», «В Китае есть единомышленники» «中国有知音», «Старый друг» «似是故人来») в текстовую версию². Затем мы импортировали полученный текст субтитров в программу Antconc для качественного анализа текста. Анализ преследовал две основные цели:

1. Выявить ключевые слова пяти серий документального фильма и проанализировать частоту их использования. Чем чаще слово встречается в тексте субтитров, тем больше его размер в облаке локаций.

2. Провести эмоциональный анализ текста фильма с целью определения целевой аудитории и понимания реакции зрителей.

¹ «Четыре уверенности» — ключевая идеологическая концепция КПК, сформулированная в 2017 году. Она включает: 1) уверенность в социалистическом пути с китайской спецификой; 2) веру в теорию социализма, включая идеи Дэн Сяопина; 3) убежденность в преимуществах китайской политической системы; 4) признание ценности национальной культуры.

² Текст субтитров фильма «От „Китая“ к Китаю» <https://pan.baidu.com/s/16zHloL6XgR87ZykWFRvPyw?pwd=tvsc> код: tvsc

Таблица 1.

Статистическая таблица частотности слов в тексте субтитров фильма (первые 50 слов)

word	слова	count	word	слова	count
中国	китай	190	影片	фильма	22
说	говорить	80	时间	время	21

[illegible]

маркеров. Центральное место занимает концепт культурной уверенности (лексема «自信», обозначающая «уверенность в себе» — 65 упоминаний),

отражающий переход от объектного к субъектному позиционированию Китая в глобальном контексте. Национально-ориентированный нарратив доминирует с высокой частотностью лексемы «Китай» (190 случаев), образуя семантическое поле с понятиями «реформа» (44), «государство» (20) и «мир» (21), что подчеркивает рефлексию о трансформации страны и ее международной роли. Историческая преемственность раскрывается через временные маркеры («год» — 44, «эпоха» — 19). Символический код прогресса воплощается в архетипическом образе из притчи «Глупый старик» (16) и бинарной оппозиции «новый/старый» (по 18 случаев). Особое значение имеет кинодиалог с западной традицией через частые отсылки к работам Ивенса (42), Антониони (34) и Деляэ (17), позволяющий переосмыслить исторические репрезентации Китая. Эти дискурсивные стратегии формируют целостную систему наци-

ональной самоидентификации, соединяющую историческую память с современными идеологическими установками.

Как отметил профессор М. Л. Титаренко, «Кавычки в названии фильма — символ колониального дискурса. Их снятие визуализирует возвращение Китаю права самодефиниции» [2, 184]. Фильм демонстрировался на CCTV-9 для внутренней аудитории и на YouTube для китайской диаспоры. Несмотря на международный съемочный состав, отсутствие версии с субтитрами ограничило аудиторию, что позволило: 1) точно определить целевую группу (этнические китайцы), 2) исключить влияние иностранных зрителей на данные. Все серии собрали свыше 183 000 просмотров с исключительно высоким соотношением лайков (20:1) и активной зрительской вовлеченностью, что является выдающимся показателем для документального жанра.

Таблица 2.

Аналитика YouTube-канала «CCTV纪录»: показатели просмотров и взаимодействия фильма «От «КИТАЯ» к Китаю» [3]

Серия	Просмотры (10 тыс.)	Лайки	Дизлайки	Соотношение лайков/дизлайков	Комментарии
«В поисках "КИТАЯ"» 寻找«中国»	113	1198	54	35,3	170
«Снова вижу глупого старика, передвигающего горы. Часть 1» 又见愚公移山(上集)	2,7	269	5	46,0	20
«Снова вижу глупого старика, передвигающего горы. Часть 2» 又见愚公移山(下集)	1,6	179	4	43,0	26
«В Китае есть единомышленники» 中国有知音	1,6	159	3	53,0	10
«Старый друг» 似是故人来	1,9	164	8	20,5	25
	18,3	1784	50	35,7	251

Анализ зрительских комментариев продемонстрировал 6 основных оценочных категорий: чувство национальной гордости за достижения страны (42%), осознание современной культурной идентичности (23%), признание вклада иностранных специалистов (15%), эмоциональная реакция на масштаб исторических изменений (11%), важность объективного исторического восприятия (7%) и критика отсутствия международной версии (2%). Статистический анализ 450 тематических комментариев выявил высокую степень консенсуса — 78% сообщений содержат повторяющиеся ключевые маркеры («гордость», «перемены», «уверенность»), что сви-

детельствует о формировании единого оценочного дискурса. Полученные данные позволяют сделать вывод о высокой эффективности фильма в формировании патриотического дискурса среди целевой аудитории при сохраняющемся дефиците репрезентации для международных зрителей. Ниже приведена таблица статистики³ содержания комментариев, встречающихся три и более раз.

³ Комментарии зрителей. Режим доступа: <https://m.youtube.com/watch?v=i873bwjlrY> (Дата обращения: 06.19.2025 г.)

Таблица 3.
Статистический разбор комментариев зрителей

Ключевые слова в комментариях	Количество комментариев	Процент
«加油中国» (вперёд, Китай), «祖国强大» (могучая родина), «爱中国» (люблю Китай), «祝福祖国» (благословение родине)	11	8,4%
«感恩» (благодарность), «珍惜» (ценить)	5	3,8%
«自信» (уверенность в себе), «包容» (терпимость)	8	6,1%
«感谢国际友人» (спасибо иностранным друзьям)	19	14,5%
«恍如隔世» (как будто другая эпоха), «沧海桑田» (грандиозные перемены), «如梦般» (как во сне), «奇迹» (чудо)	16	12,2%
«感动» (тронуло), «流泪» (плачу), «热泪盈眶» (со слезами на глазах)	9	6,9%
«加上英语字幕» (добавьте английские субтитры)	5	3,8%
«真实» (правдиво)	7	5,3%
«回忆» (воспоминания), «怀念» (ностальгия)	6	4,6%
«有意思» (интересно), «好看» (отлично), «好作品» (хорошая работа)	8	6,1%
«央视进步» (прогресс CCTV)	3	2,3%
«祝福» («благословения» от иностранных зрителей на английском)	4	3,1%

Результаты исследования показывают, что языковые стратегии фильма напрямую связаны с темами культурной уверенности и эмоциональной реакции зрителей:

1. Лексика фильма формирует культурную уверенность посредством прямых концептов, таких как «自信» (уверенность в себе). В фильме слово «自信» (использовано 65 раз) занимает 3-е место по частоте. В комментариях 6,1% зрителей явно упоминают «自信» (уверенность в себе), «包容» (терпимость). Фильм намеренно ставит акцент на тему уверенности, что напрямую транслируется в сознание зрителей и вызывает рефлексию («мы стали увереннее»).

2. Национальная идентичность представлена такими словами, как «中国» (Китай), «改革» (реформа), «国家» (государство). В фильме слово «中国» (Китай) используется 190 раз, «改革» (реформа) используется 44 раза, «国家» (государство) — 20 раз, «世界» (мир) — 21 раз, «奇迹» чудо — 16 раз. В комментариях 8,4% процента пользователей пишут: «加油中国» (вперёд, Китай), «祖国强大» (могучая родина), «爱中国» (люблю Китай). Частое упоминание Китая в связке с достижениями («реформа») и глобальным статусом («мир») вызывает у аудитории патристическую гордость и ощущение национальной силы.

3. Историческая преемственность в фильме отражена использованием слов «年» (год) — 44 раза, «父亲» (отец) — 52 раза, «爷爷» (дедушка) — 19 раз, «当年» (в то время) — 19 раз, «愚公移山» (глупый старик, передвигающий горы) — 16 раз. В комментариях 12,2% пользователей отмечают «恍如隔世» (как будто другая эпоха), «沧海桑田» (грандиозные перемены). Показ связи поколений («отец», «дедушка»)

и символов стойкости («глупый старик») создаёт нарратив преемственности: «Наш путь был труден, но мы достигли чуда».

Слова в фильме также влияют на эмоции зрителей и вызывают у них отклик. Эмоциональными триггерами в фильме служат слова «生活» (жизнь) — 37 раз, «父亲» (отец) — 52 раз, «孩子» (дети) — 25 раз, «精神» (душа) — 16 раз. В комментариях 6,9% пользователей пишут «感动» (тронуло), «流泪» (плачу), 4,6% пользователей — «回忆» (воспоминания), «怀念» (ностальгия). Фокус на повседневности и семейных ценностях вызывает глубокую самоидентификацию и ностальгию, трансформируя историю страны в эмоциональный опыт зрителя.

В фильме также четко выражен контраст между «老» (старым) и «新» (новым). Слова «старый» и «новый» употреблены равное количество раз — 18. Реакция пользователей на контраст эпох в комментариях проявляется такими эпитетами, как «如梦般» (как во сне), «奇迹» (чудо). Фильм визуализирует прогресс через противопоставление, что вызывает у зрителей изумление от масштаба перемен. Международный контекст данного фильма заключается в использовании имён западных режиссёров, таких как Ивэнс (42 раза), Антониони (34 раза). В комментариях 14,5% пользователей благодарят их за участие: «感谢国际友人» (спасибо иностранным друзьям). Упоминание иностранцев, снимавших Китай в прошлом, подчёркивает открытость страны и вызывает у зрителей желание признать их вклад, укрепляя образ «уверенного, но благодарного» Китая.

Ключевые механизмы влияния: 1. Повторение как инструмент убеждения: частотность ключевых

слов («уверенность в себе», «Китай») буквально «встраивает» концепты в сознание зрителя. 2. Персонализация истории: семейная лексика («отец», «дети», «дом») превращает политические нарративы в личные переживания, усиливая эмоциональный отклик. 3. Контрастная рамка: противопоставление прошлого («западный взгляд», «бедность») и настоящего («китайский взгляд», «прогресс») создаёт эффект «чуда», подпитывая гордость. 4. Глобальный диалог: упоминание иностранных имён легитимизирует китайскую точку зрения через признание их исторической роли, что смягчает националистический посыл.

Выводы. Культурная уверенность формируется тремя ключевыми способами: 1) прямым повторением концепта («уверенность в себе»), 2) демонстрацией достижений («реформа», «чудо»), 3) акцентом на исторической преемственности («отец», «глу-

пый старик»). Эмоциональный эффект достигается через: 1) персонификацию истории («семья», «повседневность»), 2) контраст эпох (бинарная оппозиция «новый/старый»), 3) признание иностранного вклада без утраты национальной субъектности. Зрительские реакции (патриотизм, ностальгия и др.) становятся прямым результатом этих языковых и нарративных приемов, превращая аудиторию в соучастников национального нарратива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дэн Сяопин. Текущая ситуация и задачи. — Пекин, 1983.
2. Экономика Китая вступает в XXI век. — М., 2004.
3. Показатели просмотров и взаимодействия документального фильма «От «Китая» к Китаю». Режим доступа: <https://m.youtube.com/watch?v=i873bwjlrY> (дата обращения: 28.12.2024 г.)

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Чэнь Сюе, аспирант факультета журналистики
E-mail: chenxue2020@yandex.ru

Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Chen Xue, Postgraduate Student of Faculty of Journalism
E-mail: chenxue2020@yandex.ru

МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Е. В. Шашкова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Поступила в редакцию 11 августа 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности медицинского дискурса, представленного на отечественном ТВ. На примере программы «На приеме у главного врача» с Марьяной Лысенко (телеканал ОТР) выявляется тематическое, жанровое, типологическое и функциональное своеобразие телевизионных медицинских проектов.

Ключевые слова: медицинский дискурс, телевизионная журналистика, проблемы здравоохранения, гуманитарная повестка СМИ.

Abstract: the article examines the features of medical discourse presented on Russian TV. Using the example of the program «At the Chief Doctor's Appointment» with Maryana Lysenko (TV channel OTR), the article identifies the thematic, genre, typological, and functional diversity of television medical projects.

Keywords: medical discourse, television journalism, health care issues, humanitarian agenda of the media.

Российские СМИ оживленно влились в пропагандистскую работу по продвижению концепции новой модели здравоохранения, во главу угла которой поставлена задача повышения индивидуальной ответственности человека за свое здоровье [1, 15]. Об этом свидетельствует анализ контента СМИ [2, 493]. Данные обстоятельства обуславливают необходимость научного осмысления участия СМИ как инструмента публичности в освещении и в решении проблем здравоохранения.

Характерные признаки медийного медицинского дискурса следующие: синтетический характер: сочетание характерных черт медийного и медицинского типов дискурса; участники медийного медицинского дискурса — ведущий телевизионного проекта о здоровье (журналист или специалист), эксперты, приглашенные врачи и пациенты, массовая аудитория (телезрители); объемность тематического поля медийного медицинского дискурса (в рамках телевизионного эфира могут освещаться и обсуждаться различные проблемы, связанные со здоровьем; признак институциональности (беседы в анализируемом телевизионном медицинском проекте разворачиваются исключительно в рамках медицинской тематики); направленность на формирование социального мнения через трансляцию воздействующей информации из области медицины и здоровья; отражение взглядов и ценностных ориентаций представителей медицинской профессии; выделение в рамках медийного медицинского дискурса целого ряда речевых жанров (например, комментариев и пр.); ведущий в качестве модератора беседы, от вопросов которого зависит сюжетное развитие телевизионного проекта.

Первые образцы отечественных телевизионных проектов, посвященные вопросам здоровья, относятся к 1960 гг. [4, 8]. Первопроходцем в данной сфере стала программа «Здоровье», выполнявшая важную функцию — ликбез среди населения в вопросах сохранения здоровья, повышение элементарной медицинской и гигиенической грамотности. Звездный час передачи наступил с приходом Юлии Белянчиковой (кандидат медицинских наук, заслуженный врач РСФСР). В 1984 г. на отечественном телевидении выходила передача «Встречи с академиком Н. Амосовым», известным советским ученым, кардиохирургом, пропагандировавший ЗОЖ. В каждом выпуске «Встреч» он рассказывал телезрителям о тренировке сердечно-сосудистой системы и здоровом питании, о коэффициенте «количества здоровья» и режиме ограничений и нагрузок, о комплексе «1000 движений» и контроле калорийности питания. В самом конце 1980-х гг. выходила передача «Институт человека», каждый новый выпуск которой рассказывал о непосредственной связи здоровья и человеческих эмоций, а на изломе советской эпохи на ТВ появились псевдомедицинские телевизионные проекты, представленные А. Чумаком, А. Кашпировским, предлагавшими лечение даже сложных болезней через заряженную перед телевизионным экраном банку с водой. Эти эксперименты прекратил Минздрав, запретивший массовые нетрадиционные практики, не входящие в официально утвержденный перечень.

Далее представим типологию современных отечественных телевизионных медицинских проектов, обозначив их форматное и содержательное своеобразие.

Ток-шоу о здоровье: тип проекта, для которого характерна ориентация на простую зрительскую аудиторию, интересующуюся здоровьем и профилак-

тикой заболеваний; команда профессионалов в студии вместе с присутствующей публикой обсуждает «горячие» медицинские темы, отвечает на вопросы, дает профессиональные советы («О самом главном», «Россия 1»).

Передачи об альтернативной медицине: телевизионные проекты, посвященные традициям народной медицины и альтернативным способам поддержания здоровья («Доброго здоровья» с Ангелиной Вовк и Геннадием Малаховым, Первый канал).

Узконаправленные передачи о здоровье: проекты, направленные на освещение вопросов отдельных направлений медицины («Правила движения», «Россия 1»).

Реалити-шоу о здоровом образе жизни и здоровьесбережении: проекты, главными героями которых выступают люди, стесняющиеся каких-либо недостатков своего тела и страдающие от хронических болезней, пытающиеся вместе с командой проекта преодолеть себя; их истории стимулируют зрительскую аудиторию внимательнее относиться к своему здоровью («Я стесняюсь своего тела. Россия», «Ю»).

Утреннее или дневное медицинское шоу: проект, содержащий элемент потребительской журналистики (например, утилитарные рекомендации («Живи сейчас», «Матч ТВ»).

Телевизионная медицинская консультация: проект, участником которого может стать любой телезритель, у которого есть вопрос к врачу; для этого необходимо лишь связаться с программой («Твой Домашний доктор», «Домашний»).

Исторический медицинский телевизионный проект: программа о болезнях человечества и о месте этих болезней в истории цивилизации («История болезни», ТВЦ).

Медицинские телевизионные проекты, посвященные детскому здоровью: программы-путеводители для родителей в мире вопросов, касающихся детского здоровья («Доктор Бессмертный», «Пятница!»).

Практико-ориентированные медицинские телевизионные проекты: программы, в которых специалисты из разных областей знаний и прикладной медицины дают практические советы по профилактике и лечению самых распространенных заболеваний («Минздрав предупреждает», ТВЦ).

Шоу о спорте и здоровом образе жизни: проекты, предлагающие полезные советы в области правильного питания и здорового образа жизни («Агенты 003», ТНТ).

Шоу о современной медицине и новых технологиях: проекты, посвященные вопросам современной медицины, новым открытиям в науке и современным технологиям («О здоровье: Понарошку и серьезно», «ТВ-3»).

Медицинское телевизионное шоу-расследование: проект, раскрывающий мифы и ложные представления в области человеческого здоровья («Медицин-

ские тайны», НТВ).

Игровое медицинское телевизионное шоу: проект соединяющий просветительский (медицинский) и развлекательный контент («Доктора против интернета», Первый канал).

В ходе проведенного мониторинга и контент-анализа отечественных медицинских телевизионных проектов мы выявили самые частотные темы.

Медицина в широком смысле (здравоохранение, лечение заболеваний и пр.). Данная тема актуальна, так как «имеет выходы» на проблемы экологии, социального благополучия, демографические проблемы и пр.

Освещение отдельных заболеваний (их нозологии), их диагностика и лечение — тема, востребованность которой объясняется необходимостью просветительской работы среди населения (знание симптомов, прохождение диспансеризации, учет специалистов и пр.).

Тема предупреждения, профилактики заболеваний и диспансеризации актуальна в СМИ уже несколько лет, с момента введения обязательной диспансеризации (особенно для работающей категории граждан) для преждевременного выявления проблем со здоровьем.

ЗОЖ как инструмент достижения общественного здоровья: тема-тренд (вегетарианство, занятия фитнесом, йогой, переход на правильное питание и пр.). Дополнительные ракурсы темы — спорт, отказ от зависимостей, санаторно-курортное лечение.

Детское здоровье: тема актуализировалась в связи с тем, что основные показатели детского здоровья год от года снижаются. Проблемы инвалидов, людей с ОВЗ стоят в медийном пространстве среди прочих острых социально значимых тем (трудоустройство людей с инвалидностью, программа «Доступная среда» и пр.).

Активное долголетие — еще одна тема, связанная с серьезными изменениями, произошедшими в политике, экономике и социальной сфере государства (пенсионная реформа).

Профилактика зависимостей (употребление табака, наркотических средств) — проблемно-тематический блок, являющийся бичом российского общества, связанный с психологическими аспектами общественного здоровья, актуализировавшийся после масштабной антитабачной кампании.

В качестве эмпирического материала для исследования мы выбрали проект телеканала ОТР «На приеме у главного врача» с Марьяной Лысенко, выходящий в эфир с 20 сентября 2022 г. и посвященный диагностике и профилактике заболеваний, высокотехнологичным методам лечения, оказанию первой помощи и здоровому образу жизни (<https://otr-online.ru/programmy/na-prieme-u-glavnogo-vracha/?ysclid=me6upxkznt657189351>, дата обращения: 01.08.2025). Хронологический период

исследования — 2022—2025 гг. Всего было проанализировано: за 2022 г. 13 выпусков, за 2023 г. — 38, за 2024 г. — 32, за 2025 г. — 28.

«Думайте о себе, заботьтесь о своем здоровье, а мы — мы всегда рядом!» — девиз передачи. Ведущая Марьяна Лысенко — главный врач больницы № 52, Герой Труда России. Соповедущие: С. Симбирцев, врач анестезиолог-реаниматолог; А. Калмыков, врач анестезиолог-реаниматолог. Гостями в студии становятся ведущие медицинские специалисты. Так, 26 ноября 2023 г. вышел выпуск, посвященный теме «Остеоартрит», в котором одним из экспертов выступил заведующий отделением эндопротезирования № 2, профессор, д-р мед. наук Н. В. Загородный.

У зрителей из любого региона России есть возможность позвонить в студию программы, чтобы пообщаться с доктором. Особенность донесения информации до аудитории состоит в том, что ведущая и специалисты ориентируются на обычного человека, не разбирающегося в тонкостях медицины. В одном из выпусков («Диспансеризация») ведущая, обращаясь к эксперту, делает оговорку: «Давайте начнем с азов. Андрей Александрович, что такое диспансеризация, что такое диспансерный осмотр и чем, собственно говоря, он отличается от обычного визита к врачу?»

Отметим важный момент. Выпуски передачи строятся по схеме «от теории к практике»: «Итак, от организационных моментов перейдем к практическим. Сегодня, сейчас, требуется заполнение некой анкеты для начала прохождения диспансеризации. Очень многие наши пациенты, да и, собственно, здоровые граждане относятся к этому процессу как к формализму, ненужному формализму. Вот для чего такой паспорт здоровья нужен?» (выпуск от 4 февраля 2024 г.).

Все выпуски программы можно классифицировать по доминирующей для обсуждения теме: отдельные заболевания: профилактика, предотвращение, помощь («Диабет», «Подагра», «Рак легких»); симптоматика заболеваний («Головные боли», «Боли в спине», «Что нужно знать о туберкулезе»); здоровье отдельных органов человеческого организма («Здоровье позвоночника», «Здоровье голоса», «Проблемы носового дыхания»); женское и мужское здоровье («Деликатные вопросы проктологии», «Менопауза»); вакцинация («Вопросы вакцинации», «Прививки взрослым»); сезонные заболевания («Сезонные инфекции»); вопросы питания и правильное питание («Еда для здоровья», «Расстройство пищевого поведения», «Лишний вес и переедание. Как с этим бороться?»); трансплантация и донорство; зависимости («Зависимое поведение»); стресс и связанные с ним болезни и пр.

Исследование показало, что жанровая палитра телевизионного проекта о здоровье весьма разнообразна, и в случае с генеральной темой — здоро-

вьебережением — это особенно важно, так как для раскрытия разных аспектов темы необходимы различные методы аргументации, прямое воздействие на развитие активности основной части аудитории.

Один из главных жанров — беседа, представленная в виде разговора специалистов, обсуждающих то или иное заболевание и делающих определенный вывод из данного разговора, который и должен отразиться в сознании пациента — зрителя программы. Иногда беседа перерастает в дискуссию. Особенно это видно на примере постоянной рубрики «Консилиум». В выпуске, посвященном остеопорозу, ведущая собрала круглый стол врачей, за которыми они обсуждали проблемы остеопороза, факторы риска, пользу физических упражнений, государственные программы по профилактике остеопороза (выпуск от 23 апреля 2023 г.).

Следующий по частотности жанр — интервью, представленное разговором М. Лысенко со специалистом. Это информационное интервью, нацеленное на получение общественно важной информации от специалиста. В выпуске от 5 марта 2023 г., посвященном женскому здоровью, предложено интервью с главным гинекологом департамента здравоохранения Москвы, канд. мед. наук В. В. Коренной.

Жанр рекомендации представлен в виде консультации врача (рубрика «Первая помощь»), но и в тематических сюжетах рекомендации всегда присутствуют. В выпуске, посвященном вирусным инфекциям, представлены рекомендации врачей по снижению риска заболеваемости данными инфекциями. Среди его жанровых модификаций — полезный совет; инструкция (правила прохождения диспансеризации) (выпуск от 29 января 2023 г.).

Еще один частотный жанр — комментарий (обычно это комментарий того или иного специалиста по определенному вопросу. Выпуск, посвященный эпидемии коронавируса, содержит следующие материалы в жанре комментария: комментарий заведующей терапевтического отделения больницы о прививках против гриппа, осложнениях у непривитых людей; комментарий заведующей терапевтического отделения больницы о том, как протекает коронавирус у людей (на 2023 г.) и пр.

Репортаж — один из востребованных жанров, встречающихся в проекте о здоровье. Обычно появляется в передаче в тот момент, когда важно отразить все обстоятельства, предшествующие возникновению проблем со здоровьем. Задача данного жанра в медицинском проекте — дать аудитории возможность увидеть описываемое событие глазами очевидца. Выпуск от 2 апреля 2023 г., в этом выпуске зритель может увидеть обычную школу, в которой обучают детей с аутизмом. Выделенные жанры вполне отражают возникающие инфоповоды и актуальную тематику отрасли.

Анализируемый медицинский телевизионный проект выполняет целый ряд функций. Назовем их.

Информационная: освещение важнейших событий в области здравоохранения (рубрика «Новости медицины»).

Информационную функцию поддерживает *просветительская*, направленная на развенчание различных мифов, складывающихся в сознании населения вокруг тех или иных заболеваний (выпуск от 15 января 2023 г., посвященный заболеваниям, связанным с переизбытком или недостаточностью йода в организме человека).

Образовательная: исследуемый проект направлен на популяризацию идеи здоровьесбережения для широкой аудитории (выпуск от 16 апреля 2023 г., посвященный травмам).

Адаптивная: проявляется в ключевой теме каждого выпуска, связанной с актуальными проблемами здоровья человека (выпуск от 30 апреля 2023 г. о планировании беременности и репродуктивном здоровье).

Коммуникативная: проект выступает в качестве своеобразной диалоговой площадки между врачом и пациентом, между представителями врачебного сообщества, которые стремятся перейти от монолога к диалогу с аудиторией.

Консультативная: донесение до аудитории полезных советов и рекомендаций со стороны врача (выпуск от 15 января 2023 г., посвященный бессоннице).

Мотивационная функция, заключающаяся в призыве к населению (через зрительскую аудиторию) быть внимательными к своему здоровью.

Таким образом, современные медиа, выполняя перечисленные выше функции, способны повысить интерес населения к проблемам поддержания высокого уровня своего здоровья. СМИ должны быть не только «зеркалом», отражающим реальность, «тревожной кнопкой», но и участником становления социальной реальности с помощью своего специфического инструментария. Развитие медицинской журналистики во многом обусловлено как историческим развитием отечественной медицины, в том числе ее дифференциацией и трансформацией концептуальных основ, так и осознанием ее социальной значимости, способствовавшим развитию основ массового медицинского просвещения.

На сегодняшний день практически каждый телеканал предлагает разные варианты медицинских проектов (от реалити-шоу до документалистики). Тема-

тический спектр их очень широк: от нетрадиционной медицины до самых современных трендов. Увеличились запросы на медицинскую информацию и в новых, цифровых медиа. Проблемы здоровья и здравоохранения занимают важное место в повестке дня не только общероссийских, но и региональных СМИ.

Эмпирическим материалом послужили выпуски передачи «На приеме у главного врача» с Марьяной Лысенко. Данный телевизионный проект очень близок модели советской телепередачи «Здоровье» с Ю. Белянчиковой. Ведущая — профессиональный врач со стажем и опытом работы с пациентами. Материал доносится до аудитории понятным, но квалифицированным языком. Комментарии в программе представлены специалистами отрасли.

Необходимо отметить, что телевизионные медицинские проекты о здоровье не должны сводиться лишь к организации медицинской помощи. Необходим комплексный подход, включающий эффективную пропаганду здорового образа жизни, физической культуры, мер гигиенического воспитания и пр. Телевидение по-прежнему является популярнейшим (2-е место) ресурсом передачи информации о здоровье и здоровом образе жизни, который необходимо использовать не только для реализации информационной функции, но и просветительской, мотивационной, пропагандистской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаповалова О. А. Средства массовой информации как механизм формирования ценностного отношения населения к своему здоровью: теоретико-методологические основы анализа / О. А. Шаповалова // Социология медицины. — 2008. — № 2. — С. 15—19.
2. Паутов И. Продвижение здорового образа жизни как инструмент реализации государственной политики в сфере охраны здоровья в современной России / И. Паутов, Н. Паутова // Журнал исследований социальной политики. — 2014. — № 4. — С. 493—504.
3. Жура В. В. Взаимодействие картин мира врача и пациента в ходе медицинской коммуникации и способы их экспликации / В. В. Жура // Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине. — Самара, 2012. — С. 54—65.
4. Воскобойникова А. П. Медицинская журналистика России: история и современность / А. П. Воскобойникова // Журналистика, массовые коммуникации и медиа: взгляд молодых исследователей. Материалы научно-практической конференции аспирантов и студентов, 10—17 апр. 2019. — Белгород, 2019. — С. 8—11.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Шашкова Е. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиалингвистики

E-mail: shashkova-lenochka@list.ru

Omsk State University named after F. M. Dostoevsky
Shashkova E. V., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Journalism and Media Linguistics Department
E-mail: shashkova-lenochka@list.ru

ОБРАЗ КОМПАРТИИ КИТАЯ (КПК) В РОССИЙСКИХ СМИ: НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

Шэнь Инь, Д. Л. Стровский

Институт международных отношений Сычуаньского университета

Поступила в редакцию 12 сентября 2025 г.

Аннотация: Китай занимает особое место в содержании российских федеральных медиа, что объясняется как длительным историческим опытом взаимодействия Москвы и Пекина, так и развитием сегодняшней международной ситуации. В условиях возросшей политической конфронтации России с западным миром взгляды и действия официального Пекина оказываются намного более приемлемыми для Москвы, чем политика США и европейских государств. Компартия Китая (КПК) пользуется особым вниманием отмеченных СМИ, поскольку определяет ключевые ориентиры своего государства по всем направлениям его деятельности. Какие содержательные подходы используют российские печатные СМИ при освещении этой темы? Ответ на этот вопрос является ключевым в рамках данной статьи. Точкой отсчета стал год празднования столетия КПК (2021), вместе с тем авторы рассматривают более объемный эмпирический материал, связанный с самыми последними годами деятельности партии.

Ключевые слова: имидж государства, Коммунистическая партия Китая, российско-китайские отношения, российские СМИ.

Abstract: China occupies a special place in the content of Russian federal media, which is being explained by long historical cooperation between Moscow and Beijing, as well as by the development of the current international situation. In the context of Russia's current confrontation with the Western world, the views and actions of official Beijing turn out to be much more acceptable to Russia than the policies of the United States and European states. The Russian media pay special attention to the Chinese Communist Party (CPC) being responsible for key guidelines of its state. What approaches are used by the Russian print media in covering this topic? This question looks pivotal for the proposed article which envisages the CPC centennial celebration (2021) and its activity in later years.

Key words: image of the state, the Chinese Communist Party, Russian-Chinese relations, Russian mass media

Введение. Имидж политической партии — это комплексное явление, определяемое как несистемным, впечатлением о себе, сформированным в сознании больших общественных групп и индивидов, так и всесторонней оценкой содержательных качеств этого субъекта [1, 245]. Следовательно, понятие «имидж политического субъекта» выглядит более объемным явлением, чем просто образ, создаваемый в первую очередь визуальными характеристиками [2, 28—31]. В индивидуальном и общественном сознании имидж, который также может рассматриваться как отражение действительности в сознании индивида или аудитории [3, 180], формируется посредством личных наблюдений и на основе информационно-аналитических источников, определяющих наши представления об окружающем мире.

Наиболее действенными применительно к таким источникам являются СМИ, что определяется регулярностью их воздействия на аудиторию и многообразием форм донесения этой информации. На это еще в 1940-х гг. указывал Г. Лассуэлл

[4, 37—51]. Сегодня эта роль возросла еще больше, с учетом усложнившейся социально-политической реальности, возросшего числа СМИ и многообразие социальных и политических интересов, представленных в них. Серьезным вызовом для журналистов становится освещение в медиа различных аспектов международной жизни, с учетом их частой несхожести с повседневными реалиями своих стран [5, 180—206].

Все это влияет на освещение «темы Китая» в современных российских СМИ, которая является по-настоящему востребованной, что определяется во многом особенностями современной международной обстановки. В условиях резко возросшей конфликтности между Россией и коллективным Западом Китай остается для РФ не только важнейшим стратегическим партнером, инициируя обсуждение широкого круга внешнеполитических вопросов [6]. В последние годы интенсивность контактов между двумя странами значительно возросла, что определяется не только территориальной близостью двух государств (общая граница между ними составляет свыше 4 тыс. км.), но и совместным участием в меж-

дународных организациях, таких, как БРИКС, ШОС и др. [7, 9—12]. Введение западными странами анти-российских экономических санкций также повысило интерес к Китаю в России [8].

Деятельность Компартии Китая (КПК) является наиболее важным аспектом этой темы. Это определяется ключевой ролью, которую данная партия играет в жизни современного Китая [9, 92—95]. КПК является главным субъектом социально-политических и культурных отношений в Китае, что далеко не всегда в полной мере происходит с политическими партиями в других странах. Более того, ни в одном современном государстве правящая партия не выглядит столь весомым фактором общественной жизни, как в Поднебесной. Это определяется не только длительной историей ее существования (с 1921 г.), но в первую очередь тем влиянием, которое власть традиционно оказывает на мировоззрение китайцев. Многие объясняется и численностью КПК: к началу 2023 г. она насчитывала свыше 4,9 млн. низовых партийных организаций, а общее число китайских коммунистов превысило 98 млн. человек [10, 61].

Формирование политической монополии КПК на общество — это реальность, ставшая возможной на основе уникальных для этой страны духовных традиций, специфичности экономического уклада, сохранившего свою преемственность, несмотря на современную модернизацию страны, и ряда других факторов. Существование этой монополии было предопределено не только волей людей, создавших КПК, но и надеждами на будущее со стороны огромного числа китайцев, заинтересованных в развитии новой страны — после столетий ее колониального прошлого, политической разобщенности и многовековой социально-экономической отсталости. Именно «человеческий фактор» стал основой отмеченной политической трансформации [11].

Можно по-разному относиться к КПК, тем более что сама партия в разные периоды меняла свою тактику и стратегию [12, 43—46]. Временами она становилась непримиримой и даже жестокой по отношению к своему народу (например в периоды «Большого скачка» и Культурной революции), в то время, как на других исторических этапах партия стремилась снизить уровень социально-политической разобщенности в обществе (в частности, в годы проведения экономических реформ, начавшихся с 1978 г. по инициативе тогдашнего руководителя страны Дэн Сяопина). Вместе с тем никакой иной субъект (актор) политических отношений не стал в этой стране столь влиятельным как КПК. Опыт партии оказался поистине масштабным, с учетом территориальных размеров страны и численности китайского населения, и поэтому уникальным по сравнению с политическим опытом в других странах. Тем самым любой разговор о Китае

в годы его новейшей истории неотрывен от разговора о КПК, что диктует соответствующую «повестку дня» не только для самой Поднебесной, но и всего зарубежья]13[.

Именно это определяет наше внимание к деятельности КПК, исследуемой в этой статье на базе информации из российских печатных СМИ. Основная научная проблема, вынесенная на обсуждение, формулируется так: может ли партийная тематика в современных условиях стать привлекательной и востребованной для массовой аудитории? В рамках предпринятого научного анализа мы ставим перед собой два ключевых вопроса: 1) насколько имидж китайской компартии востребован отечественной читательской аудиторией? 2) к каким содержательным приемам прибегают журналисты для позиционирования образа КПК?

Большинство предшествующих исследований, изучавших опыт КПК, акцентировало внимание исключительно на исторических и политических реалиях, в то время как информационные подходы к освещению деятельности партии оставались вне академического интереса. Восприятие деятельности КПК в российских СМИ, таким образом, становится новым в ходе изучения «темы Китая».

Теоретическая основа статьи. Научные публикации, положенные в основу данного исследования, могут быть разделены на несколько групп. Это, во-первых, академические работы, в которых анализировался социокультурный образ Китая — как в своем историческом развитии, так и сегодняшний. Их авторами стали российские исследователи]14; 15; 16[и китайские]17; 18; 19; 20]. Во-вторых, особый интерес приобрели работы, связанные с изучением опыта создания и развития КПК и международных связей, в которые вовлечена эта страна] 21; 22; 23; 24; 25, 26; 27[.

Предметом отдельного рассмотрения стали научные труды британского исследователя Д. Маквейла, посвященные роли массовой информации в ходе общественной эволюции, позволившие обозначить место национальных СМИ в глобальном информационном пространстве [28]. Отдельного рассмотрения удостоились исследования, рассматривающие образ Китая в современной зарубежной и, в частности, российской, прессе]29; 30; 31]. Все это позволило всесторонне подойти к теме, обозначенной в рамках данной статьи.

Эмпирическая основа статьи. Исследование построено на изучении публикаций, представленных в Интернет-версиях трех российских периодических изданий — «Российской газеты» (далее «РГ»), «Коммерсанта» и «Аргументов и фактов» (далее «АиФ»). К названным СМИ проявляется устойчивое внимание со стороны различных слоев российской аудитории. Отмеченные газеты входят в 100 наиболее востребованных в России. По данным рейтинга рус-

скоязычных Интернет-СМИ 2020 г., они заняли 6, 13 и 11 места [32], а также отмечены в первой десятке наиболее влиятельных российских СМИ за сентябрь 2024 г. (3, 2 и 8 места соответственно) [33].

Однако наше внимание к этим печатным СМИ определено не только формальными показателями, но и их типологическим своеобразием. Первые два являются качественными, рассчитанными в первую очередь на людей образованных и способных к принятию решений, в то время как основной интерес «АиФ» сосредоточен вокруг массовой аудитории [34]. Это определяет уровень аргументации существующей информации.

Ключевым вопросом, выдвинутым на обсуждение, является следующий: как нынешние условия возросшей внешнеполитической конфликтности, в которых напрямую вовлечена Россия, влияют на содержание ее СМИ применительно к восприятию КПК? Наша гипотеза сводится к тому, что, как и во всех иных содержательных трендах, в ходе освещения «темы Китая» российские медиа подтверждают свою зависимость от российской власти.

Более предметно отмеченные выше издания исследованы с 1 января по 17 сентября 2021 г. Это время было связано с подготовкой и празднованием 100-летия КПК в Китае. Вместе с тем для усиления доказательной базы поиск эмпирического материала временами выходит за рамки отмеченного времени. Он велся по ряду ключевых понятий: «КПК», «политическая стратегия современного Китая» и «российско-китайские отношения». Они выглядят ключевыми для понимания роли компартии Китая в современной обстановке. Вместе с тем два последних понятия исследовались только в связке с темой КПК. Особое внимание заслужили аналитические публикации, где отмеченные выше понятия накладывались друг на друга, создавая основу для всестороннего понимания роли КПК в современных условиях. Более предметно изучено 117 публикаций (70 в «РГ», 25 в «Коммерсанте» и 22 в «АиФе»), что является репрезентативным для проведения заявленного исследования. Подзаголовки нашей статьи акцентируют внимание на ключевых содержательных составляющих нашей темы, представленных в российской прессе.

Празднование 100-летия КПК. Юбилей КПК, отмеченный в июле 2021 г., российская пресса использовала в качестве информационного повода для разговора о социально-политических достижениях Китая.

За исследованный период в отмеченных СМИ зафиксировано в общей сложности 17 публикаций, где упоминалась «тема юбилея» (седьмая часть общего числа). Проблемные аспекты, связанные с деятельностью КПК в преддверии юбилея, отсутствовали. Такой подход соответствовал стремлению самой Поднебесной показать себя исключительно с лучшей

стороны, о чем свидетельствовала мощная пропагандистская кампания КПК в своих СМИ и научных изданиях [35]. Это также соответствовало желанию российской власти видеть в Китае надежного партнера и единомышленника. «Позитивный образ Китая в глазах россиян и России в глазах жителей Китая является необходимым условием для плодотворного сотрудничества двух стран во всех сферах», — отмечалось в одном из китайских исследований [36, 62]. К 100-летию КПК были приурочены ряд исследовательских работ, появившихся как в России [37; 38; 39], так и в англоязычных научных публикациях [29; 40]. Тональность публикаций, связанных с юбилеем КПК, совпала с общим политическим трендом, представленном в России и Китае.

Образ Поднебесной и КПК создавался посредством многих способов воздействия. Заметную роль сыграли совместные выставки промышленных товаров, открытие культурных и языковых центров России в Пекине и Китая в Москве, проведение фестивалей изобразительного искусства и кино и т.д. Вместе с тем отдельный вклад в понимание Россией и Китаем друг друга вносили массмедиа этих стран. На протяжении многих предшествующих лет российские СМИ федерального и регионального уровней были нацелены на распространение разнообразной информации о Поднебесной. Это стало возможным благодаря тем позитивным социально-политическим и экономическим отношениям, которые после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. стали складываться между двумя странами. В итоге обращение к теме 100-летия КПК было продиктовано общей логикой восприятия Китая в российских СМИ.

Рассказывая о торжестве, проходившем в центре Пекина, на площади Тяньаньмэнь, собравшем 70 тысяч чел., «АиФ» сообщал о торжественном параде военной техники [41]. А «РГ» отмечала, что накануне юбилея в столице КНР открылся музей КПК, рядом с которым установили монументальную скульптуру, отображающую многонациональный состав современного Китая. Тогда же «РГ» упомянула и о разговоре между российским президентом В. В. Путиным, и Председателем КНР Си Цзиньпином, приуроченном к 20-летию подписания российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве [42]. Таким образом, юбилей КПК воспринимался российскими СМИ как факт особой политической важности.

Отталкиваясь от события, российские СМИ часто прибегали к обобщениям. «За прошедшие 100 лет китайский народ смог отстоять независимость своей нации <...>, выбрать социализм как основной общественный строй, запустить <...> политику реформ, открытости и социалистической модернизации. Страна продолжает совершенствовать социалистический строй с китайской спецификой и вести модернизацию системы государственного управления», — писала

«РГ» [43]. В свою очередь, «АиФ» ссылался на высказывание самого председателя КПК Си Цзиньпина о том, что «мы активно изучаем и заимствуем все полезные достижения человеческой цивилизации», но при этом «не приемлем никаких поучений от всяких самонадеянных умников» [44]. Очевидно, что эти слова воспринимались российскими журналистами как отражение самостоятельной позиции современной КПК.

Российская пресса отмечала, что сегодняшний Китай пытается соединить у себя, казалось бы, несовместимое: всесторонний политический контроль и свободу предпринимательства. Все это стало возможным на основе востребованности идей модернизации и одновременно сохранения традиционных ценностей. Это «помогло Китаю найти путь развития, который соответствовал бы его внутренней обстановке, и за 30 лет стать второй по величине экономикой мира», — заключала «РГ» [15].

Вместе с тем важную роль, по мнению российской периодики, сыграла продуманность текущей китайской политики. Еще на XX съезде КПК в 2020 г. Си Цзиньпин говорил о важности опоры на китайское общество [45]. Смысл этого сводится к реализации иной, по сравнению с западной, модели цивилизационного развития, способной упрочить социальное равенство между людьми. Это оказалось возможным на основе претворения в жизнь постулатов КПК [46, 133—141]. «Самая масштабная политическая сила мира, — итожил «Коммерсантъ» уже в дни празднования 100-летия КПК, — воплощает в жизнь альтернативную западному либерализму концепцию “человечества с единой судьбой”» [47].

Такой подход всегда выглядел привлекательным для российского руководства. Этим объясняется позитивная тональность многих публикаций, увидевших свет в юбилейный для КПК год. Именно КПК, отмечал «Коммерсантъ», обеспечила влияние Китая в современном мире и успехи китайского социализма [48]. В связи с этим «АиФ» ссылался на выступление Председателя КПК Си Цзиньпина, отмечавшего, что в ходе своей истории Китай одержал победу над «эпохой унижений» [49].

По поводу деятельности КПК российская пресса активно публиковала не только журналистские комментарии, но и читательские мнения. Так, в «РГ» увидели свет отклики граждан из стран бывшего СССР, проживающих в Китае, — по поводу того, что удалось сделать КПК в последние годы. Один из них, Нурислам Аширматов из Кыргызстана, гендиректор Гуанчжоуской информационно-технической компании «Тантора», отмечал: «Я вижу, как меняется жизнь людей вокруг меня, как <...> Коммунистическая партия Китая служит народу Китайской Народной Республики, а также всему миру» [50]. Можно по-разному относиться к столь пафосным высказываниям, однако они, с одной стороны, отражают настроения китай-

ского общества, прошедшего за короткий срок путь от полнейшей отсталости до современного уровня технологического развития, а с другой иллюстрируют одобрение в России проводимой китайской политики, по поводу которой не отмечалось никаких недостатков.

Экономическая стратегия Китая. Через призму восприятия КПК в год ее 100-летнего юбилея российская пресса воспринимала и экономический курс современного Китая. На протяжении многих лет СМИ пристально наблюдали за его развитием. Еще десять лет назад, в июне 2014 г., «АиФ» отмечал, что Китай уверенно развивает свой промышленный потенциал. Страна выбрала правильный вектор масштабной трансформации, дав возможность говорить о китайском экономическом чуде [51].

Российские СМИ неоднократно подчеркивали, что за всем этим стоит взвешенное планирование китайской экономики и нежелание руководства этой страны полагаться только на рыночные отношения [52]. Проводя реформы, руководство КПК, правда, признавало существование экономических проблем [53]. Вместе с тем замедление темпов промышленного развития своей страны оно воспринимало как естественный процесс, сопутствующий фундаментальной перестройке. Этот подход позволял китайской экономике оставаться «одной из самых быстрорастущих» в мире [54]. По объему валового продукта она прочно обосновалась на втором мире после экономики США, а за последние четверть века валовой внутренний продукт КНР увеличился в 15 раз [55].

Схожее восприятие китайского экономического развития в российской прессе имело место и в последующие годы, в частности, во время пандемии COVID-19. СМИ видели в сложившейся ситуации исключительные возможности для развития Китая. Именно к этому свелось содержание статьи экономиста С. Глазьева, появившейся в «РГ» под громким заголовком: «Созданная КПК система управления социально-экономическим развитием является образцом для всего мира». В ней отмечалось, что на основе идеологически выверенного подхода «китайским коммунистам удалось преодолеть “конец истории”, с которым некоторые мыслители связывали распад СССР и надеялись на распад мировой социалистической системы». Все это побудило механизмы рынка работать в интересах общества [56].

Отвечая на вопрос, какие результаты дала эта работа, «Коммерсантъ» указывал, что Народный банк Китая в период коронавируса стремился поддерживать курс юаня, обеспечивая тем самым приток иностранного капитала и стабильность золотовалютных резервов [57]. При этом Китай стал единственной страной с по-настоящему крупной экономикой, продемонстрировавшей в 2020 г. рост ВВП на 2,3%, что оказалось выше, чем во многих европейских странах. Эксперт Института Дальнего Востока РАН В. Е. Пе-

тровский упоминал, в связи с этим, что приоритетом развития Китая становится использование высоких технологий, обеспечивающих поступление иностранных инвестиций [14].

За приведенными суждениями заметно стремление российских СМИ обозначить официальную позицию российского руководства, воспринимавшего Китай как пример для подражания. Вместе с тем большинству публикаций не хватало проблемного восприятия действительности.

Позже, уже по итогам 2021 г., российская пресса вновь подчеркивала, что, несмотря на текущие проблемы, китайская экономика сохранила свою привлекательность. «Китай, уже многие годы обеспечивающий до 30% глобального экономического роста, останется одним из локомотивов мирового развития и в наступившем году» [58].

Правда, «Коммерсантъ» и «АиФ» высказали сомнения по поводу благополучной экономической перспективы Китая. Утверждалось, в частности, что после уже упомянутой пандемии темпы роста основных промышленных показателей замедлились [59]. «Коммерсантъ» считал, что достичь прежний темпы экономического роста страны КПК вряд ли по силам. Наибольшее опасение вызывали медленные показатели развития сектора недвижимости. В 2024 г. рост китайской экономики прогнозировался на 4,6%, однако не исключалась возможность роста лишь на 2,9% [60]. Вместе с тем проблемность восприятия российскими СМИ экономической ситуации в Китае не влияли на их отношение к КПК.

В своих оценках российские СМИ и сегодня подходят к восприятию Китая, не только исходя из его экономических показателей, но и с учетом всей социально-политической обстановки в этой стране. При этом пресса неоднократно подчеркивала, что позитивные результаты стали возможными не только за счет продуманных управленческих решений, но и на основе понимания со стороны КПК нужд обычных людей.

Еще в ноябре 2019 г. «АиФ» сообщал о том, что в Китае госслужащих обязывают ночевать в домах крестьян, чтобы лучше осознать их нужды. В результате, оказавшись ближе к народу, китайские партабработники начинают улучшать его жизнь. Следом «АиФ» отмечал: если в 1988 г. 88% китайцев жили за чертой бедности, обеспечивая себя лишь на два долл. США в день, то сейчас уровень бедности присутствует лишь 0,7% населения КНР. А вскоре ожидается, что КНР окончательно ликвидирует бедность [61]. В свою очередь, «Коммерсантъ» воспринимал ее преодоление как важнейшую тенденцию в области национальной экономики [62]. Новой целью, писала «РГ», станет всесторонняя модернизация Китая, которая, по стратегическому плану КПК, должна завершиться к 2035 г. В итоге к середине нынешнего века Китай превратится в процветающую, цивилизо-

ванную, гармоничную и красивую страну [42]. Обосновывая этот тезис, «РГ» ссылалась на мнения западных экспертов. Так, корреспондент The New York Times Томас Фридман, отмечал, что Китай добился успеха благодаря усердному труду, экономии и разумному инвестированию. «Если американцы не осознают причину, по которой Китай избежал бедности и стал страной со средним уровнем дохода >...>, то Соединенным Штатам суждено отстать» [63].

В такой постановке вопроса вновь нельзя не усмотреть пропагандистскую наступательность российских СМИ. Продолжая тему сближения КПК с народом, они обращали внимание на ее ответственность в решении текущих задач и стремление построить общество высокого достатка [64]. Развитие этой темы находило место в заголовках газет: «Секрет успехов Компартии Китая — искреннее служение своему народу», «Человек превыше всего — важный принцип управления страной» и т.д. При этом «РГ» подчеркивала, что все четырнадцать пятилетних планов Китая, принятых с момента создания КНР, «ставили народ в центр национального развития» [65]. Очевидно, что все эти высказывания определялись исключительно позицией российского руководства.

Таким образом, общая тональность публикаций отчетливо подтверждала их приверженность стратегическим интересам как российской власти, так и КПК.

Окончание в следующем номере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сяофэн Чж. 张晓峰, Хуньянь С. 赵鸿燕. Исследование политической коммуникации: теория, носители, формы и символы 政治传播研究: 理论、载体、形态、符号. Пекин 北京, 2011 (на китайском яз.).
2. Simons G. Mass Media and Modern Warfare. Farnham: Ashgate, 2010 (на англ. яз.).
3. Сидорская И. В. Об употреблении терминов «образ» и «имидж» в русскоязычных исследованиях. Проблемы медиарепрезентации территорий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2021. — № 3. — С. 173—197.
4. Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society, pp. 37—51 (in) L. Bryson (ed.) The Communication of Ideas. New York, 1948 (на англ. яз.).
5. Thussu D. K. International Communication: Continuity and Change / 2nd ed. London. New York, 2000 (на англ. яз.).
6. Коростиков М. Век с препятствиями. Что нужно преодолеть Китаю для достижения «первой столетней цели» / М. Коростиков // Коммерсантъ, 2017. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3434430> (дата обращения: 19.11.2024).
7. Малышев Д. В. ШОС и БРИКС в условиях становления многополярного мирового порядка / Д. В. Малышев // Вестник Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. — 2024. — № 2. — С. 9—31.
8. Горбунов В. А. Образ Китая в российских СМИ

(на примере материалов газеты «АиФ», передачи «Вечер встречи с Соловьёвым») / В. А. Горбунов // Старт в науке: IX Международный конкурс научно-исследовательских и творческих работ учащихся, 2024. — Режим доступа: <https://school-science.ru/9/8/43680> (дата обращения: 5.01.2025).

9. Макаров В. М., Лю Е. Оценка эффективности инвестирования в человеческий капитал предприятий Китая на этапе перехода к «экономике знаний» / В. М. Макаров, Е. Лю // *п-Есопому*. — 2023. — № 16 (3). — С. 92—106.

10. Чжао Т. Национальный имидж КНР в России на современном этапе / Т. Чжао // *Южно-Российский журнал социальных наук*. — 2019. — Т. 20. — № 2. — С. 60—69.

11. Лю Я. 刘杨, Лю Я. 刘雅芬: 《邓小平推动马克思主义中国化时代化的理论贡献及当代启示》, 载《党政干部论坛》, 2024年第10期, 第27—31页。[Теоретический вклад Дэн Сяопина в продвижение марксизма с китайским характером и его современные уроки / Я. Лю // Форум партийных и правительственных кадров. — 2024. — № 10. — С. 27—31 (на китайском яз.)]

12. Вэньдун Л. КПК как центральная сила, которая ведет народ к изменению Китая / Л. Вэньдун // *Россия и АТР*. — 2021. — № 2. — С. 43—46. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kpk-kak-tsentralnaya-sila-kotoraya-vedyot-narod-k-izmeneniyu-kitaya> (дата обращения: 28.06.2024).

13. Цзэминь Ц. О партийном строительстве 1991. Решение ЦК КПК по основным достижениям и историческому опыту столетней борьбы партии. (Принято 6-м пленумом ЦК КПК 19-го созыва 11 ноября 2021 года). — Режим доступа: https://russian.news.cn/202111/16/c_1310314781.htm (дата обращения: 28.06.2024).

14. Лукин А. В. Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе / А. В. Лукин // *Российское китаеведение*. — 2023. — № 1 (2). — С. 71—99.

15. Магдалинская Ю. В. Мировое сообщество изучает опыт Китая в области сокращения бедности / Ю. В. Магдалинская // Интернет-портал «Российской газеты». 2021. — Режим доступа: <https://rg.ru/2021/03/26/mirovoe-soobshchestvo-izuchaet-opyt-kitaia-v-oblasti-sokrashcheniia-bednosti.html> (дата обращения: 28.06.2024).

16. Смирнов Д. А., Степанова Е. Н. Большой Китай: региональные политические проблемы / Д. А. Смирнов, Е. Н. Степанова. — М., 2023.

17. Лю Хун 刘宏, Чэнь Сици 陈思琪: 《中国国家形象的他者阐释——以俄罗斯媒体北京冬奥会报道为例》, 载《中国俄语教学》, 2023年第3期, 第10—20页。[Лю Хун, Чэнь Сици: Интерпретация образа Китая со стороны других: на примере освещения российскими СМИ зимних Олимпийских игр в Пекине / Хун Лю, Сици Чэнь // Китайское преподавание русского языка. — 2023. — № 3. — С. 10—20 (на китайском яз.)].

18. Цай Вэньчэн 蔡文成, Ма Юнчжао 马永钊: 《从“布尔什维克化”到“中国化”: 新民主主义革命时期中国共产党党建目标的转变与现实启示》, 载《马克思主义理论学科

研究》, 2024年第8期, 第94—103页。[От «большевизации» до «китаизации»: изменение целей партийного строительства Коммунистической партии Китая в период новой демократической революции и практические выводы / Вэньчэн Цай, Юнчжао Ма // Исследования в области марксистской теории. — 2024. — № 8. — С. 94—103]. (на китайском яз.)]

19. Чжао Цинсы 赵庆寺, Люй Вэйсун 吕伟松: 《新时代中国共产党形象的海外认知与话语建构以〈纽约时报〉相关报道为例》, 载《思想政治课研究》, 2021年第3期, 第27—41页。[Зарубежное восприятие и конструкция дискурса образа Коммунистической партии Китая в эпоху нового времени: на примере материалов газеты The New York Times / Цинсы Чжао, Вэйсун Люй // Исследования курса идеологии и политики. — 2021. — № 3. — С. 27—41]. (на китайском яз.)]

20. Чэнь Минмин 陈明明, Ли Сун 李松: 《当代中国党政体制的沿革: 路径与逻辑》, 载《统一战线学研究》, 2020年第6期, 第1—17页。[Эволюция партийно-государственной системы Китая в современности: пути и логика / Минмин Чэнь, Сун Ли // Исследования единого фронта. — 2020. — № 6. — С. 1—17] (на китайском яз.)]

21. Верченко А. Л. Культурная дипломатия как одна из основ российско-китайских двусторонних отношений / А. Л. Верченко // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. — 2023. — Т. 28. — № 28. — С. 256—271.

22. Виноградов А. В. Круглый стол «100-летие КПК, проведенный 28 апр. 2021 г. (обзор) / А. В. Виноградов // *Проблемы Дальнего Востока*. — 2021. — № 3. — С. 13—33.

23. Мельников И. И. Выдающийся опыт КПК — достояние всего мира / И. И. Мельников // *Проблемы Дальнего Востока*. — 2021. — № 3. — С. 7—13.

24. Михеев В. В., Луконин С. А. Второе столетие Коммунистической партии Китая и новая bipolarность / В. В. Михеев, С. А. Луконин // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2021. — Т. 65 (7). — С. 25—33.

25. Сотникова И. Н. Предыстория Первого съезда Коммунистической партии Китая / И. Н. Сотникова // *Проблемы Дальнего Востока*. — 2020. — № 6. — С. 139—154.

26. Лю Ян 刘杨, Лю Яфэнь 刘雅芬: 《邓小平推动马克思主义中国化时代化的理论贡献及当代启示》, 载《党政干部论坛》, 2024年第10期, 第27—31页。[Теоретический вклад Дэн Сяопина в продвижение марксизма с китайским характером и его современные уроки / Ян Лю, Яфэнь Лю // Форум партийных и правительственных кадров. — 2024. — № 10. — С. 27—31] (на китайском яз.)]

27. Ханьхуэй Чж. 张汉晖. История и народ сделали выбор в пользу Коммунистической партии Китая 历史和人民选择了中国共产党 / Ханьхуэй Чж. // Министерство иностранных дел КНР 中华人民共和国外交部, 2023. — Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/dszsljt_673036/t1866539.shtml (дата обращения: 28.06.2024) (на китайском яз.)]

28. McQuail, D. *McQuail's Mass Communication Theory*. 5 ed. London, New Delhi: Sage, 2000; Он же: *Journalism and Society*. London, 2013 (на англ. яз.)]

29. Gore L. (ed.) *The Chinese Communist Party in Transformation: The Crisis of Identity and Possibility for*

Renewal, East Asian Institute, National University of Singapore. New Jersey: World scientific, Ser. EAI Series in East Asia, 2021 (на англ. яз.).

30. Чжао Цинсы 赵庆寺, Люй Вэйсун 吕伟松: 《新时代中国共产党形象的海外认知与话语建构以《纽约时报》相关报道为例》·载《思想政治课研究》·2021年第3期·第27—41页. [Зарубежное восприятие и конструкция дискурса образа Коммунистической партии Китая в эпоху нового времени: на примере материалов газеты The New York Times / Чжао Цинсы, Люй Вэйсун // Исследования курса идеологии и политики. — 2021. — № 3. — С. 27—41]. (на китайском яз.).

31. Ян Фан 杨帆: 《中国共产党海外形象的镜像认知与理性构建基于《费加罗报》(2017—2021)的样态分析》·载《山东行政学院学报》·2023年第1期·第62—70页. [Отражённое восприятие и рациональное построение международного образа Коммунистической партии Китая: анализ данных из Le Figaro (2017—2021) / Ян Фан // Вестник Шаньдунской академии управления. — 2023. — № 1. — С. 62—70] (на китайском яз.).

32. Рейтинг самых популярных и посещаемых новостных ресурсов и журналов в Рунете // «Selection» — информационный ресурс. — Режим доступа: <https://infoselection.ru/infokatalog/novosti-smi/smi/item/249—20-samykh-poseshchaemykh-novostnykh-resursov-runeta> (дата обращения: 28.11.2024).

33. Рейтинги российских СМИ: ТОП-10 российских СМИ. 2024. — Режим доступа: <https://www.mlg.ru/ratings/media/> (дата обращения: 28.11.2024).

34. О нас // Интернет-портал газеты «Аргументы и факты», 2022. — Режим доступа: <https://aif.ru/event/about> (дата обращения 19.11.2024).

35. Чжан Ханьхуэй Мы вступили в новую эпоху. В истории дружбы двух стран непременно будет написана следующая вдохновляющая глава / Ханьхуэй Чжан // Интернет-портал «Российской газеты», 2021. — Режим доступа: <https://rg.ru/2021/02/25/v-istorii-druzhby-rossii-i-kitaia-nepremenno-budet-napisana-sleduiushchaia-vdohnovliaiushchaia-glava.html> (дата обращения: 28.06.2024).

36. Чжао Тяньтянь Национальный имидж КНР в России на современном этапе / Тяньтянь Чжао // Южно-Российский журнал социальных наук. — 2019. — Т. 20. — № 2. — С. 61.

37. Виноградов А. В. Круглый стол «100-летие КПК, проведенный 28 апр. 2021 г. (обзор) А. В. Виноградов // Проблемы Дальнего Востока. — 2021. — № 3. — С. 13—33.

38. Мельников И. И. Выдающийся опыт КПК — достояние всего мира / И. И. Мельников // Проблемы Дальнего Востока. — 2021. — № 3. — С. 7—13.

39. Михеев В. В., Луконин С. А. Второе столетие Коммунистической партии Китая и новая биполярность / В. В. Михеев, С. А. Луконин // Мировая экономика и международные отношения. — 2021. — Т. 65 (7). С. 25—33.

40. Clifford, P. G. The China Paradox: At the Front Line of Economic Transformation. 2nd ed. Berlin, Boston, 2022.

41. Масштабные празднования столетнего юбилея Компартии Китая // Интернет-портал газеты «Аргументы и факты», 2021. — Режим доступа: https://aif.ru/politics/gallery/masshtabnye-prazdnovaniya-stoletnego-yubileya_

kompartii_kitaya (дата обращения: 28.06.2024).

42. Си Цзиньпин назвал четыре великих успеха, достигнутых Компартией // Интернет-портал «Российской газеты», 2021. — Режим доступа: <https://rg.ru/2021/07/02/si-czinpin-nazval-chetyre-velikih-uspeha-dostignutyh-kompartiej.html> (дата обращения: 28.06.2024).

43. Маринин В. Н. На центральном месте — народ Коммунистическая партия Китая успешно продвигается по пути развития прав человека / В. Н. Маринин // Интернет-портал «Российской газеты», 2021. — Режим доступа: <https://rg.ru/2021/06/30/kommunisticheskaia-partiia-kitaia-sozdaet-ravnye-usloviia-dlia-kazhdogo-grazhdanina.html> (дата обращения: 28.06.2024).

44. Городов П. «Поработители разобьют себе голову». Как в Китае отметили юбилей КПК? / П. Городов // Интернет-портал «Российской газеты», 2021. — Режим доступа: https://aif.ru/politics/world/porabotiteli_razobyut_sebe_golovu_kak_v_kitae_otmetili_yubiley_kpk (дата обращения 6.01.2025).

45. Щепин К. Какие возможности для России несет экономическое развитие Китая / К. Щепин // Российская газета, 2021. — Режим доступа: <https://rg.ru/2021/03/11/kakie-vozmozhnosti-dlia-rossii-neset-ekonomicheskoe-razvitiie-kitaia.html> (дата обращения: 19.11.2024).

46. Цаголов Г. Н. Великая китайская конвергенция: (о новой книге Э. П. Пивоваровой «Социализм с китайской спецификой») / Г. Н. Цаголов // Вопросы экономики. — 2011, — № 11. — С. 133—141.

47. Строкань С. В. Планы партии — планы Китая / Г. Н. Цаголов // Коммерсантъ, 2021. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4879917> (дата обращения: 19.11.2024).

48. Человек превыше всего — важный принцип управления страной // Интернет-портал «Российской газеты», 2021. — Режим доступа: <https://rg.ru/2021/01/08/chelovek-prevyshe-vsego-vazhnyj-princip-upravleniia-stranoj.html> (дата обращения: 28.06.2024).

49. Поработители разобьют себе голову. Как в Китае отметили юбилей КПК? // Интернет-портал газеты «Аргументы и факты», 2021. — Режим доступа: https://aif.ru/politics/world/porabotiteli_razobyut_sebe_golovu_kak_v_kitae_otmetili_yubiley_kpk (дата обращения: 28.06.2024).

50. Успехи, достигнутые Китаем под руководством КПК, глазами иностранцев // Интернет-портал «Российской газеты», 2021. — Режим доступа: <https://rg.ru/2021/07/01/uspehi-dostignutyie-kitaem-pod-rukovodstv-om-kpk-glazami-inostrancev.html> (дата обращения: 28.06.2024).

51. Сидорчик А. Бремя решения. Как Китай выбирал будущее на площади Тяньаньмэнь / А. Сидорчик // Аргументы и факты, 2014. — Режим доступа: https://aif.ru/society/history/bremya_resheniya_kak_kitay_vybiral_budushee_na_ploschadi_tyananmen (дата обращения: 19.11.2024).

52. Иноземцев В. Борьба амбиций: как за 30 лет Китай догнал и перегнал Россию / В. Иноземцев // РБК, 2017. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/21/02/2017/58abf4239a7947ffded4e0c5> (дата обращения: 19.11.2024).

53. Коростиков М. Век с препятствиями. Что нужно преодолеть Китаю для достижения «первой столетней цели» / М. Коростиков // Коммерсантъ, 2017. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3434430> (дата обращения: 19.11.2024).

54. Зубков И. Рост ВВП Китая в 2016 году снизился до минимума за 26 лет / И. Зубков // Российская газета, 2017. — Режим доступа: <https://rg.ru/2017/01/20/gost-vvp-kitaia-v-2016-godu-snizilsia-do-minimuma-za-26-let.html> (дата обращения: 19.11.2024).

55. ВВП Китая по годам: 1980—2024 // Finance, 2024. — Режим доступа: <http://global-finances.ru/vvp-kitaya-pogodam/> (дата обращения 5.01.2025).

56. Глазьев С. Ю. Созданная КПК система управления социально-экономическим развитием является образцом для всего мира / С. Ю. Глазьев // Интернет-портал «Российской газеты», 2021. — Режим доступа: <https://rg.ru/2021/07/23/sozdana-kpk-sistema-upravleniia-socialno-ekonomicheskim-razvitiem-iavliaetsia-obrazcom-dlia-vsego-mira.html> (дата обращения: 28.06.2024).

57. Лосев А. В. Китайское искусство биржевой войны. Изучаем экономический опыт Поднебесной / А. В. Лосев // Интернет-портал газеты «Коммерсантъ», 2021. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4946143?query> (дата обращения: 28.06.2024).

58. Щепин К. Какие возможности для России несет экономическое развитие Китая / К. Щепин // Российская газета, 2021. — Режим доступа: <https://rg.ru/2021/03/11/kakie-vozmozhnosti-dlia-rossii-neset-ekonomicheskoe-razvitie-kitaia.html> (дата обращения: 19.11.2024).

59. Макеев А. Названы новые факторы риска для глобальной экономики / А. Макеев // Аргументы и факты,

2023. — Режим доступа: https://aif.ru/money/economy/nazvany_novye_faktory_riska_dlya_globalnoy_ekonomiki (дата обращения: 19.11.2024).

60. Nikkei: экономика Китая замедлится в 2024 году // Коммерсантъ, 2023. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6427573> (дата обращения: 19.11.2024).

61. Зотов Г. Чиновников — в пещеры. Власти Китая дают рецепт победы над бедностью, Аргументы и факты, 2019. — Режим доступа: https://aif.ru/politics/world/derevnya_peshchernyh_chinovnikov_recept_pobedy_nad_bednostyu (дата обращения: 19.11.2024).

62. Строкань С. В. Китаю грозят устроить настоящий QUAD США создают «азиатское НАТО» для сдерживания Пекина Китае / С. В. Строкань // Интернет-портал газеты «Коммерсантъ», 2021. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4682987?query=%D0%BA%D0%BF%D0%BA> (дата обращения: 28.06.2024).

63. Рост Китая — это не чудо, а результат сложных реформ // Российская газета, 2021. — Режим доступа: <https://rg.ru/2021/04/24/kitaj-sohraniaet-vazhnuu-rol-v-mirovom-razviti.html> (дата обращения: 19.11.2024).

64. Щепин К. Китай-2024: Рост экономики будет выше, чем в прошлом году / К. Щепин // Российская газета, 2024. — Режим доступа: <https://rg.ru/2024/01/24/razvitie-s-optimizmom.html> (дата обращения: 19.11.2024).

65. Маринин В. Н. На центральном месте — народ Коммунистическая партия Китая успешно продвигается по пути развития прав человека / В. Н. Маринин // Интернет-портал «Российской газеты», 2021. — Режим доступа: <https://rg.ru/2021/06/30/kommunisticheskaia-partiia-kitaia-sozdaet-ravnye-usloviia-dlia-kazhdogo-grazhdanina.html> (дата обращения: 28.06.2024).

Институт международных отношений, Сычуаньский университет (Чэнду, Китай)

Шэнь Инь, доктор политологии, доцент

E-mail: yingzich@126.com

Стровский Д. Л., доктор политических наук, профессор,

E-mail: dmitry.strovsky@gmail.com

Institute of International Relations, Sichuan University (Chengdu, China)

Shen Yin, Doctor of Political Science, Associate Professor

E-mail: yingzich@126.com

Strovsky Dmitry L., Doctor of Political Science, Professor

E-mail: dmitry.strovsky@gmail.com

«КОММУНИКАЦИОННЫЕ НАУКИ»: ЗА И ПРОТИВ

В. В. Тулупов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 ноября 2025 г.

Аннотация: статья посвящена итогам расширенного заседания исполкома Координационного совета при ОП РФ по коммуникационной индустрии по вопросу о включении в номенклатуру научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, группы научных специальностей «Коммуникационные науки», а также итогам общего собрания действительных членов Академии наук региональной печати России.

Ключевые слова: коммуникационные науки, область и отрасль науки, научная специальность, медиа, медиакommunikация, журналистика.

Abstract: The article is devoted to the results of the extended meeting of the Executive Committee of the Coordination Council for the Communication Industry under the Public Chamber of the Russian Federation on the issue of including the group of scientific specialties "Communication Sciences" in the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded, as well as the results of the general meeting of the full members of the Academy of Sciences of the Regional Press of Russia.

Keywords: communication sciences, field and branch of science, scientific specialty, media, media communications, journalism.

В Общественной палате Российской Федерации состоялось расширенное заседание исполкома Координационного совета при ОП РФ по коммуникационной индустрии по вопросу о включении в номенклатуру научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, группы научных специальностей «Коммуникационные науки». В нем приняли участие представители Общественной палаты РФ, Государственной Думы РФ, Минобрнауки РФ, ВАК, экспертных советов ВАК, научно-образовательного сообщества, общественных объединений. Рассматривалось обоснование означенного нововведения, подготовленное Ассоциацией преподавателей связей с общественностью (АПСО), в частности, паспорта трех научных специальностей: «Теория, история и методология коммуникации», «Коммуникация в отраслях экономики и социально-культурной сфере» и «Коммуникация в политике, государственном управлении и международных отношениях».

В совещании принимали участие в основном те, кто выступал за нововведения, хотя нашлись и оппоненты АПСО. Кроме автора данной статьи, это были представители экспертных советов ВАК: экономист В. С. Осипов (МГУ), юрист Е. Ю. (МГЮА), социолог О. В. Аксенова (ИС РАН) и некоторые другие участники. В результате было решено создать группу экспертов, которые организуют более широкое обсуждение вопроса в научно-образовательных сообществах. Мнение же преподавателей и исследователей журналистики было оформлено в виде заклю-

чения АН РПР по поводу обсуждаемого обоснования АПСО, подписанного докторами наук, профессорами, представляющих 18 ведущих университетов из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Грозного, Екатеринбурга, Ижевска, Казани, Краснодар, Майкопа, Севастополя, Симферополя, Ставрополя, Тольятти, Томска и Орла: «В представленном для обсуждения обосновании Ассоциацией преподавателей по связям с общественностью (АПСО) введения в номенклатуру научных специальностей "Коммуникационные науки" говорится, что "значительные достижения отечественной практики массовых коммуникаций и коммуникационных технологий, проблематика развития коммуникационных индустрий остаются вне всестороннего научного обобщения в рамках своего профильного — коммуникационного — научного измерения. Не находят должного углубленного научного анализа как позитивные, так и негативные тенденции, складывающиеся в этой сфере. Высшая школа лишена возможности привлечения преподавателей высшей квалификации (кандидатов и докторов наук) непосредственно по специальностям, по которым осуществляется подготовка специалистов"».

Думается, это не так и даже совсем не так. В настоящее время функционирует достаточно логичная система, перед введением которой также было много дискуссий, и в результате которых в 2021 г. появился приказ Минобрнауки России № 118 от 25.02.2021 г. о введении научной специальности 5.9.9 Медиакommunikации и журналистика, заменившей собой прежнюю 10.01.10 Журналистика. Были определены область науки (5. Социальные и гуманитарные науки),

группа научных специальностей (5.9. Филология), отрасли науки, по которой присуждаются ученые степени (филологические, философские, социологические, политические). То есть ничто и никто сегодня не мешает *“заниматься углубленным научным анализом”* в рамках научной специальности 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика. Диссоветы работают, ученые звания присваиваются. И утверждения, что *“в рассматриваемой области имеет место серьезное отставание от мировой практики”*, что сдерживается *“развитие фундаментальных и прикладных исследований в этом направлении”*, сказывающееся негативно на социальной практике и затрудняющее полноценную подготовку кадров высшей квалификации в этой области, требует по меньшей мере серьезного доказательства с конкретными аргументами и фактами. Авторы обоснования АПСО сами же пишут: *“Если в 2000—2005 гг. в международных научных журналах публиковалось ежегодно менее 10 статей российских авторов по направлению “Коммуникации”, то в 2019—2025 гг. опубликовано уже порядка 350—400 работ”*. Вывод: публикационную активность на основе междисциплинарного подхода необходимо приветствовать, и это ли не доказательство успешного развития существующего подхода? Авторы инициативы явно не учли или намеренно обошли вниманием, например, перспективы использования возможностей специальности “Медиакоммуникации и журналистика” в отраслях “Социологические науки” и “Политические науки”, поскольку все предлагаемое ими полностью соответствует паспорту специальности 5.9.9. в этой части.

В подкрепление изложенных доводов добавим, что отечественная коммуникационная наука и связанное с нею образование имеют истоком зарубежные теории, которые далеко не полностью гармонируют с российским опытом и приоритетами в исследовательской практике, более того — наши современные специалисты вряд ли могут похвастать порождением оригинальных концепций. Неслучайно авторы обоснования апеллируют к международным (вестернизированным) документам, в которых, кстати, употребляется понятие *Media and communication*, разделяющее понятия, тогда как у нас сначала в околонучной публицистике, а затем уже на официальном уровне закрепилось слитное наименование *медиакоммуникации*, тавтологичное по сути и искусственное по происхождению. И именно с внедрения этого квазитермина и его активного продвижения началось наступление на исследование и преподавание журналистики как влиятельного социального института и сферы профессиональной деятельности.

Итак, беда в другом — в том, что журналистика как важнейший социальный институт, как особая духовно-практическая деятельность подвергается постоянным атакам, а теория журналистики — далее воспользуемся цитатой из обоснования АПСО —

действительно *“растворяется в предметном поле других наук”*. И, видимо, неслучайно в паспортах научных специальностей “Теория, история и методология коммуникации”, “Коммуникация в отраслях экономики и социально-культурной сфере” и “Коммуникация в политике, государственном управлении и международных отношениях” нет даже слова “журналистика”, что, на наш взгляд, как исторически, так и методологически неверно.

В обосновании АПСО неслучайно говорится и о контрольных цифрах приема, которые *“распределяются по результатам публичного конкурса и устанавливаются организацией, осуществляющей образовательную деятельность, по группам научных специальностей и (или) научным специальностям для обучения по программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)”*. Но нерациональное дробление ресурсов вряд ли даст положительные результаты. Если говорить о факультетах журналистики, где действуют диссоветы, то появление нового семейства коммуникационных наук прибавит головной боли в связи с поиском поддержки социологов, философов, политологов, которые должны будут войти в новые диссертационные советы. Бюджетных мест не прибавится, а убавиться они очень даже могут: ведь скажут, что надо будет “делиться с братьями по коммуникационным наукам”.

На профильных факультетах университетов (журналистики и т.п.) уже сегодня наблюдается вавилонское смешение языков, поскольку в аудитории приходят преподаватели с различной базовой подготовкой и практическим опытом, в том числе менеджеры, рекламисты, PR-специалисты и др. Это разноязычие не способствует целостности учебной программы в восприятии учащихся. Дополнительное разведение педагогов по разным научным специальностям, несомненно, усугубит имеющиеся трудности с взаимопониманием».

При обсуждении проблемы действительные члены АН РПР сошлись на том, что коммуникативистика — молодая наука, зародившаяся и базирующаяся на обобщении опыта западного мира. Отечественные ученые пока не привнесли в данную науку серьезного вклада, введя новые понятия или обобщив отечественный опыт, либо отметив специфические национальные черты. Да и сама практика коммуникативистики в нашей стране еще не наработала базы, достаточной для теоретических заключений. Следовательно, выделение молодой, незрелой науки, ориентирующейся пока преимущественно на зарубежный опыт, преждевременно. Особенно эта поспешность выглядит странно с точки зрения создания специальностей и диссоветов. Для специальностей однозначно не хватит кадров, а для подготовки аспирантов — руководителей. Это становится совершенно ясно, если учесть современные требования ВАК. Выделяя новое направление как отдельное, можно оказаться в заложниках поспешно-

го решения и хаотично закрывать затем потребности в научных кадрах. За счет переквалификации или перетягивания представителей тех специальностей, которые представлены в данный момент в перечне научных направлений?..

Отечественная теория журналистики складывалась на протяжении всего прошлого века, опираясь на мощный историко-филологический ствол. При этом представители московской, ленинградской, свердловской, ростовской, воронежской и других научно-образовательных школ развивали различные направления: историческое, социологическое, психологическое, профессионально-творческое, типологическое, экономическое и др. Вот лишь некоторые имена тех, кто внес существенный вклад в отечественное журналистское знание, кто стоял у его истоков: А. Ф. Бережной, В. Г. Березина, Г. А. Гуковский, С. М. Гуревич, В. Е. Евгеньев-Максимов, Б. И. Есин, А. В. Западов, Я. Н. Засурский, В. Д. Пельт, Е. И. Пронин, Е. П. Прохоров, В. В. Ученкова, М. В. Шкондин. Труды этих и других ученых отличало сочетание фундаментальных и прикладных подходов, и наличие научных направлений, о которых упоминалось выше, как раз отвечает принципу системности, взятому на вооружение учеными, развивающими российскую теорию журналистики [1]. Более того, в настоящее время теория журналистики реально имеет междисциплинарный характер (история журналистики [2]; функциональный стиль массовой коммуникации [3]; поэтика публицистики [4]; психология журналистики [5]; социология журналистики [6]; типология СМИ [7]; медиадизайн [8]; медиаэкономика [9] и др.).

В условиях же, когда нет общепризнанных отечественных научных исследований и столь же фундаментальных учебников, прошедших самую строгую научную экспертизу, в условиях, когда нет достаточного количества вузов, где шла бы подготовка по коммуникативистике, нет анализа опыта работы выпускников, контрольного среза их знаний и приносимой ими пользы, открывать аспирантуру и диссоветы — это не просто преждевременно, а даже вредно. Подготовка специалистов успешно осуществляется в рамках филологии, социологии, философии и политологии, которые обеспечивают серьезную методологическую базу научным исследованиям любого уровня и одновременно позволяют аккумулировать практический опыт, в том числе отечественный, который со временем способствует становлению и национальной коммуникативистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тулупов В. В. Журналистское знание: предметно-

объектное поле и структура / В. В. Тулупов // Вопросы журналистики. Научный журнал. — Томск, 2017. — № 1. — С. 35—46.

2. Ахмадулин Е. В. История отечественной журналистики XX века / Е. В. Ахмадулин, Р. П. Овсепян. — Ростов-на-Дону, 2008; Есин Б. И. История русской журналистики (1703—1917) / Б. И. Есин. — Москва, 2000; История русской журналистики XVIII—XIX веков / Под ред. Л. П. Громовой. — Санкт-Петербург, 2003; История русской журналистики XVIII—XIX веков / Под ред. А. В. Западова. — Санкт-Петербург, 1973.

3. Кривенко Б. В. Язык массовой коммуникации: лексико-семантический аспект / Б. В. Кривенко. — Воронеж, 1993; Язык массовой и межличностной коммуникации. — Москва, 2007.

4. Пельт В. Д. Дифференциация жанров газетной публицистики / В. Д. Пельт. — Москва, 1984; Социальная практика и журналистский текст. — Москва, 1992; Стюфляева М. И. Поэтика публицистики / М. И. Стюфляева. — Воронеж, 1975; Стюфляева М. И. Образные ресурсы публицистики / М. И. Стюфляева. — Москва, 1982; Третьичный А. А. Жанры периодической печати / А. А. Третьичный. — Москва, 2000.

5. Богомолова Н. Н. Социальная психология массовой коммуникации / Н. Н. Богомолова. — Москва, 2008; Олешко В. Ф. Психология журналистики / В. Ф. Олешко. — Санкт-Петербург, 2006; Пронина Е. Е. Психология журналистского творчества / Е. Е. Пронина. — Москва, 2003.

6. Фомичева И. Д. Социология СМИ / И. Д. Фомичева. — Москва, 2007; Социология журналистики / Под ред. С. Г. Корконосенко. — Москва, 2004; Социология журналистики / Под ред. Е. П. Прохорова. — Москва, 1981.

7. Акопов А. И. Некоторые вопросы журналистики: история, теория, практика / А. И. Акопов. — Ростов-на-Дону, 2002; Система средств массовой информации России / Под ред. Я. Н. Засурского. — Москва, 2001; Шкондин М. В. Основы организации системы печати в СССР / М. В. Шкондин. — Москва, 1979; Шкондин М. В. Система средств массовой информации и пропаганды в СССР / М. В. Шкондин. — Москва, 1986.

8. Волкова В. В. Специфика медиадизайна / В. В. Волкова // Вестник МГУ. — 2014. — № 4. — С. 5—21; Галкин С. И. Техника и технология СМИ: художественное конструирование газеты и журнала / С. И. Галкин. — Москва, 2005; Киселев А. П. История оформления русской газеты (1702—1917 гг.) / А. П. Киселев. — Москва, 1990; Тулупов В. В. Газета: маркетинг, дизайн, реклама / В. В. Тулупов. — Воронеж, 2001.

9. Иваницкий В. Л. Модернизация журналистики: методологический этюд / В. Л. Иваницкий. — Москва, 2010; Основы медиабизнеса / Под ред. Е. Л. Вартаковой. — Москва, 2009; Тулупов В. В. Дизайн и реклама в системе маркетинга российской газеты / В. В. Тулупов. — Воронеж, 2000.

Воронежский государственный университет
В. В. Тулупов, профессор факультета журналистики
E-mail: vlvtul@mail.ru

Voronezh State University
V. V. Tulupov, Professor of the Faculty of Journalism
E-mail: vlvtul@mail.ru

ПРАВИЛА

для авторов серии «Филология. Журналистика» научного журнала «Вестник Воронежского государственного университета»

Серия «Филология. Журналистика» журнала «Вестник ВГУ» включена в список ВАК при Минобрнауки российских рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в виде полных статей. Опубликованные статьи, а также статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Статьи проходят редакционное рецензирование и в случае положительной рецензии — научное и контрольное редактирование. В случае рекомендации статьи к опубликованию автору высылается лицензионный договор (все подписанные страницы договора сканируются и высылаются в редакцию).

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Журнал выходит **4 раза в год**

Почтовый адрес: 394068, г. Воронеж, ул. Хользунова, 40-а, уч. корп. № 6 ВГУ, факультет журналистики, к. 103, редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика».

Контактный телефон:

+7 (473) 266-17-50, 274-52-71

Контактный e-mail: tam1008@yandex.ru,

vlvtul@mail.ru

Полные статьи принимаются объемом до 10 страниц формата А4 рукописи. Текст статьи должен быть напечатан через полтора интервала на белой бумаге формата А4, с полями — 2,5 см с левой стороны, размер шрифта — 14 п. (Times New Roman Cyr). Информационная графика — черно-белая.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках [1], через

запятую дается указание на страницы — [1, 165], через точку с запятой — другая ссылка (например, [1, 5; 2, 75]).

Список литературы дается в конце статьи с обязательной нумерацией и озаглавляется **ЛИТЕРАТУРА** (прописные буквы); оформляется в соответствии с *ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись*. Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования.

Кроме ссылок на литературу в тексте могут присутствовать **сноски**.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию (e-mail редакции: vlvtul@mail.ru) текст статьи, подписанный всеми авторами, УДК, таблицы, иллюстрации и подписи к ним (бумажный экземпляр, присланный по почте, или файлы текста и иллюстраций, а также сканы каждой из страниц).

Время рассмотрения, рецензирования и опубликования статей зависит от объема редакционного портфеля, формируемого из статей, рекомендованных к печати. Поэтому редакция не отвечает на вопросы типа «Как скоро может быть опубликована статья? Сколько времени занимает рассмотрение и рецензирование статьи? В течение какого срока автор получит номер журнала со статьей после его выхода?»

Редакция не гарантирует обеспечение авторов опубликованных статей бумажным экземпляром журнала, поэтому **желательна подписка** на журнал. Подписной индекс — 51174 в объединенном каталоге «Пресса России».

Редколлегия

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК ...

(узнать в библиографическом отделе библиотеки)

ОБРАЗЫ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТАХ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Е. В. Бавыкина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 июля 2021 г.

Аннотация: целью данного исследования является представление состава языковых средств, объективирующих космическое пространство в научно-фантастических произведениях, и описание семантики этих единиц. Источниками для исследования послужили произведения русских авторов и немецких фантастов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, текст, научная фантастика, космическое пространство, прямые номинации, косвенные номинации, индивидуально-авторские номинации.

Abstract: the aim of this study is to present the composition of language means which objectify outer space in science fiction and to describe the semantics of these units. Works by Russian authors and German science fiction writers constituted the subject for study.

Keywords: cognitive linguistics, the text, science fiction, space, direct nominations, indirect nominations, individually-author's nominations.

Тексты научной фантастики¹ представляют собой практический интерес для исследователей в рамках когнитивной лингвистики как специфическая форма воплощения картины мира. Ключевым образом в текстах научной фантастики является космическое пространство [1, 5–9]. Анализируя языковые средства, объективирующие космическое пространство в научно-фантастических произведениях, можно выявить как общие, так и отличительные их признаки, связанные со спецификой национальных картин мира разных народов [2, 4–21].

ЛИТЕРАТУРА

(Список нумеруется в порядке цитирования)

После литературы указываются сведения об авторах на русском и английском языках (12 п., курсив): название университета; фамилия, инициалы; ученая степень, должность; электронный адрес.

Воронежский государственный университет
Бавыкина Е. В., преподаватель кафедры немецкой филологии

E-mail: phil27@mail.ru

Voronezh State University
Bavykina E. V., Lecturer of the German Philology Department

E-mail: phil27@mail.ru

Далее необходимо указать фамилию, инициалы автора и название статьи на английском языке (прописными буквами).

Bavikina E. V. IMAGES OF SPACE IN THE TEXTS OF SCIENCE FICTION

P. S. Рекомендуемые объемы статей (требование издателя)

2 журнальные страницы = не более 9100 знаков с пробелами

3 журнальные страницы = не более 14250 знаков с пробелами

4 журнальные страницы = не более 19500 знаков с пробелами.

P.P.S. Примеры названий ученых степеней, должностей и пр. на английском языке: Candidate/Doctor of Philology (кандидат/доктор филологических наук); Postgraduate Student (аспирант) / Lecturer (преподаватель) / Senior Lecturer (старший преподаватель) / Associate Professor (доцент) / Professor (профессор) of the Public Relations Department (кафедры связей с общественностью).

¹ Сноска